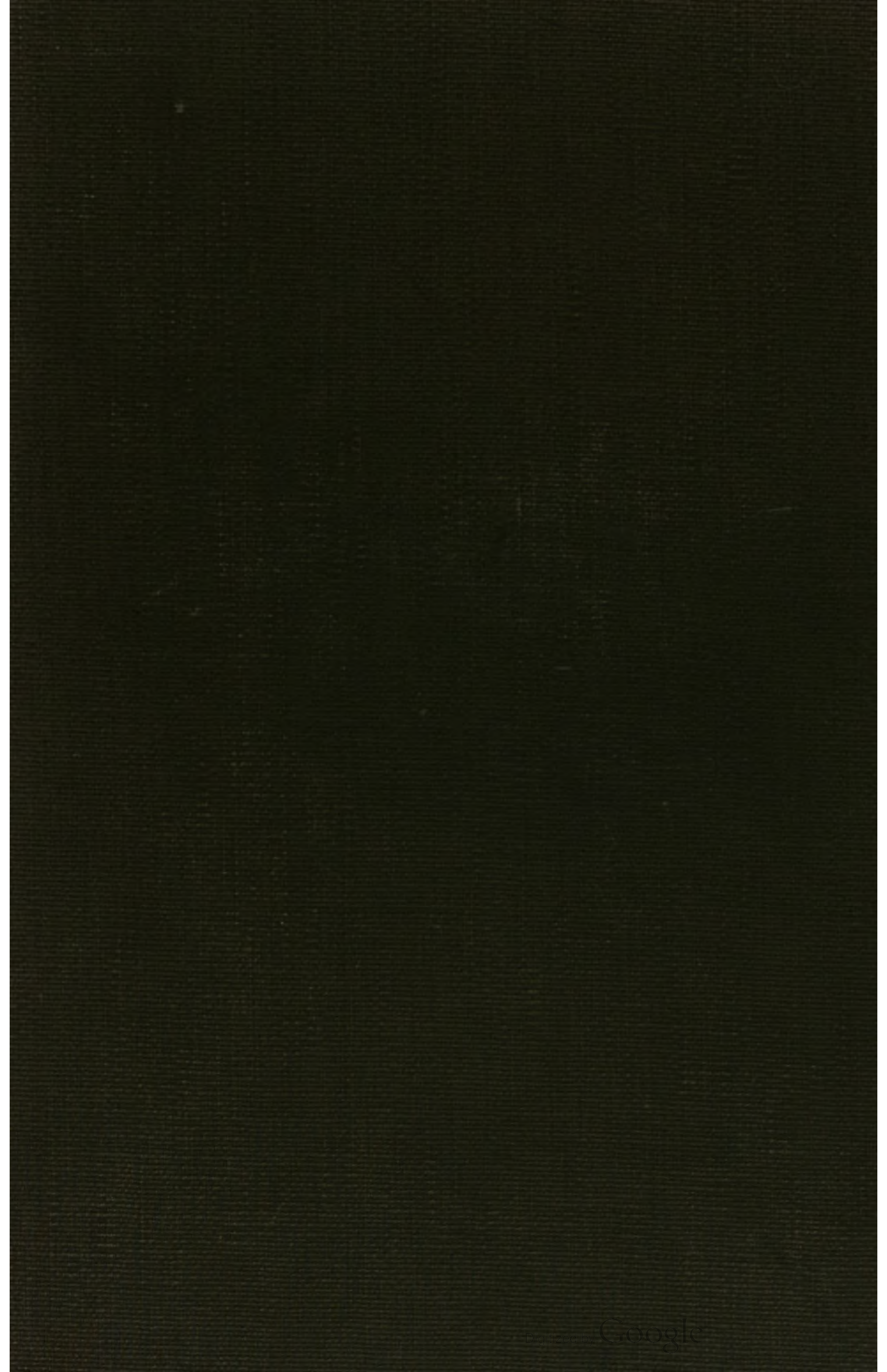
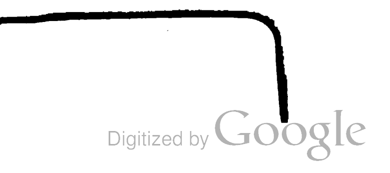

HARVARDIANA IN NOV-ANG ACADEMIA
ET
VE RI TAS
CHRISTO ECCLESIAE

ОСТАФЬЕВСКІЙ АРХИ

КНЯЗЕЙ

ВЯЗЕМСКИХЪ.

IV.

Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Турген

1837—1845.

Изданіе графа С. Д. Шереметева.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899

ОСТАФЬЕВСКІЙ АРХИВЪ

КНЯЗЕЙ

ВЯЗЕМСКИХЪ.

IV.

Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ.

1837—1845.

Изданіе графа С. Д. Шереметева.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899

2885

1837.

794.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го февраля, воскресенье, 5-й часъ утра. Псковъ.

Мы предали землѣ земное вчера на разсвѣтѣ. Я провелъ около сутокъ въ Тригорскомъ у вдовы Осиповой, гдѣ искренно оплакиваютъ поэта и человѣка въ Пушкинѣ. Милая дочь хозяйки показала мнѣ домикъ и садъ поэта. Я говорилъ съ его дворнею. Прасковья Александровна Осипова дала мнѣ записку о дѣлахъ его, о деревнѣ, и я передамъ тебѣ и на словахъ все, что отъ нея слышалъ о его имѣніи. Она все хорошо знаетъ, ибо покойникъ любилъ ее и довѣрялъ ей всѣ свои экономическія тайны. Подождите меня.

Я уже отслушалъ здѣсь въ соборѣ заутреню, въ Благовѣщенскомъ новомъ соборѣ; отслушаю тамъ и обѣдню съ архіерейскимъ служеніемъ, осмотрю древности и развалины, кои, какъ весьма немногія въ Россіи, могутъ сказать о себѣ, благодаря псковской осадѣ: „Fuimus“! Отобѣдаю у губернатора и ввечеру пущусь въ Петербургъ (ошибкою чуть не сказалъ во свояси). Въ понедѣльникъ буду пить чай въ семействѣ историка псковской осады. Обнимаю Велгурскаго и Вяземскаго, и прочихъ. Везу вамъ сырой земли, сухихъ вѣтвей—и только.. Нѣтъ, и нѣсколько неизвѣстныхъ вамъ стиховъ П[ушкина].

На оборотѣ: В. А. Жуковскому или князю Вяземскому.

795.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5-го марта 1837 г. Москва.

Иванъ Ивановичъ просилъ меня написать къ тебѣ, что въ статьѣ о Державинѣ сдѣлана ошибка, которую нужно исправить. Вмѣсто: И. А. Волковъ нужно сказать: Вельяминовъ. Исправь ее.

Все ни слова ни о тебѣ, ни отъ тебя! Вчера провелъ вечеръ у князей Четвертинскихъ, кои проводили уже своего зятька въ Петербургъ вчера же ввечеру. Вчера же былъ и 150-й обѣдъ у Кологривова. Пашкова, дочь Надины, старшая, умерла, и матери не смѣли сказать о ея болѣзни. Здѣсь некуда выѣхать. Одинъ булеваръ оживился, а я и по воскресеньямъ въ Архивѣ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

796.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го марта 1837 г. Москва.

Я пріѣхалъ сюда третьяго дня ровно черезъ 53 года спустя послѣ того, какъ въѣхалъ въ Москву въ первый разъ изъ утробы моей матери. Дорога, разумѣется, изъ Петербурга была ужасная: на колесахъ мы ѣхали по снѣгу и брали часто двойное число лошадей. Бѣловласая сосѣдка моя не оживляла бесѣды нашей: меня занимала и тревожила одна мысль о томъ, чтò наканунѣ отъѣзда ты сказалъ мнѣ. Ожидаю завтра субботней почты съ нетерпѣніемъ. Будь только на этотъ разъ аккуратенъ и обстоятеленъ въ увѣдомленіи: совѣтовать по самому дѣлу было бы уже поздно! Fais ce que dois; впрочемъ, въ томъ то и дѣло, что у насъ не отгадаешь, въ чемъ именно состоятъ наши истинныя обязанности. Исполнить ихъ легче, нежели опредѣлить, особливо когда онѣ сложныя, какъ, напримѣръ, твои, то есть...но всѣхъ не вычислить.

Первый вечеръ провелъ я дома. Вчера явился къ князю Дмитрію Володиміровичу, гдѣ видѣлъ только роутъ полицеймейстеровъ. Заѣхалъ къ Свербеевой; она мила по прежнему и о васъ (Вяземскихъ, Карамзиныхъ, Валуевыхъ и прочихъ) разспрашивала много; повыспросилъ ее о многихъ и о многомъ; старое по старому: благородныя собранія, концерты и только; проекты свадебъ. Графиня Ростопчина написала посланіе къ будущей Жихаревой. Павловъ увязъ въ свою сѣверную Коринну на Воронцовскомъ полѣ, въ домѣ тестя; пріятели рѣдко встрѣчаютъ его; не знаю, видается ли съ музами, кромѣ своей законной. Ввечеру явились ко мнѣ: Булгаковъ съ моими пакетами и съ „Дебатами", Норовъ—съ вѣстями о салонѣ Пашковыхъ. Сбирался къ княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской съ колпачкомъ княжны Маріи, который довезъ въ цѣлости, но полѣнился и отложилъ визитъ до сегодня. Теперь скачу по дѣламъ и по дѣловымъ людямъ, а между тѣмъ заготовилъ письма и посылки къ слѣдующимъ особамъ обоего пола: 1) къ графинѣ Велгурской; 2) къ эксъ-суперъ-интенденту Феслеру; 3) къ сопернику моему Веневитинову; 4) къ Татаринову; 5) къ Аделунгу; 6) къ Черняеву; 7) къ Арсеньеву; 8) къ Жуковскому; 9) къ Прянишникову, къ коему и рѣшился послать ихъ, а не черезъ тебя. Сбирался писать подробно къ салону Карамзиныхъ, Мещерскихъ и отложилъ до сегодня, но ранній выѣздъ помѣшалъ. Не могу однако жъ не донести вамъ, что въ Помераньѣ нагнала насъ княгиня Трубецкая-Четвертинская съ своимъ супругомъ, который успѣлъ два раза взбѣсить меня: первое тѣмъ, что увелъ немедленно жену въ другую комнату; второе, безпритворнымъ провозглашеніемъ въ лицо моему либеральству: „Je rosse les извощикъ de la manière la plus affreuse!" Если бы жена за стѣной не стояла, я бы отвѣчалъ этому кандидату киселевскаго управленія по своему. Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались. Въ Новгородѣ осмотрѣлъ въ главѣ соборной старинныя утвари, ризы, рукописи новгородскія и вмѣстѣ съ сею народною и церковною святынею и съ посохами и бѣлыми клобуками митрополитовъ и поддѣльную дубинку Петра I, коей онъ преобразовывалъ любимыхъ бояръ своихъ и имперію. Не она ли же приготовила намъ и вышерѣченнаго князя Трубецкого? Нѣтъ худа безъ

добра. Каналы, кормильцы Россіи, примирили меня съ дубинкою, но не съ княземъ Трубецкимъ... [1]). Въ Торжкѣ заняли меня французскія котле... [2]).

797.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го апрѣля 1837 г. [Москва].

Въ письмѣ изъ Парижа, наскоро и въ смущеніи духа писанномъ, вотъ что выписано изъ письма ко мнѣ madame Ancelot, тамъ оставленномъ: „M-me Ancelot также прислала къ вамъ письмо, которое я рѣшился распечатать и сообщаю вамъ содержаніе: благодаритъ за чай, говоритъ о смерти Жерара, которая была ускорена несправедливостію публики къ его таланту и его чувствительностію. Далѣе: „Je vois toujours Koreff et sa petite femme qui est en train de lui donner un héritier... [3]) ce dont il a l'air tout embarassé et tout singulier". Посылаетъ экземпляръ *Маріи* avec une préface, qu'on ne trouve que dans 20 exemplaires destinés pour des amis. Благодаритъ за affiches russes et françaises, que m-r d'Archiac lui a apporté de votre part... pourvu que la pièce fasse plaisir, qu'on en soit content! Oh, j'y pense beaucoup! Au reste je suis ou je serais joué dans toutes les grandes villes de l'Europe, mais je tiens plus à l'opinion de cette élégante société russe qu'à toute autre. Vous pensez que je sympathise bien à vos régrets pour la mort de m-r Pouschkine, dont j'ai connu et admiré plusieurs ouvrages. La mort, l'absence—tout cela est triste et pourtant compose la vie. P. S. Si la traduction russe de *Marie* était imprimée, je serais bien heureuse d'en avoir un exemplaire". Далѣе нейдутъ выписки.

Будешь ли ты сюда? Скажешь ли *rien que la verité* о томъ, о чемъ я почти никому не сказывалъ, хотя здѣсь многіе о главномъ уже знали, но не о содержаніи твоей старинной эпиграммы.

Я былъ на сговорѣ Рябинина съ княжной Черкасской,

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Продолженіе письма утеряно.

[3]) Точки въ подлинникѣ.

рыженькой, а съ матерью черноволосенькой гуляю ежедневно и *отношусь* къ ней на булеварѣ.

Что же ты ни слова о первомъ номерѣ „Современника"? Что изъ моихъ коммеражей будетъ напечатано?

Закрасноворотскій философъ очень оправился, хотя еще никуда не является, но духомъ опять воспрянулъ. Ему сказали о твоихъ словахъ о немъ въ письмѣ къ Давыдову, и кажется это кольнуло его истиною замѣчанія, а я еще не читалъ твоего письма.

Жилось бы и здѣсь мѣсяца два, но парижское горе съ ума нейдетъ. Тяжело! Поспѣшу туда, а ты поспѣши сюда, если въ самомъ дѣлѣ сбираешься. Хотѣлось бы на второй послѣ Ѳоминой недѣлѣ выѣхать. Въ Архивѣ ежедневно, но выборка не богата, хотя любопытно видѣть о чемъ думали, о чемъ хлопотали и какъ писали и дѣйствовали во время Вольтера и Дидеро. О послѣднемъ кое-что узналъ, такъ, какъ и о Рюльерѣ, и списалъ; жаль, что не для твоей котомки. Я иду, то-есть, читаю, ракомъ и восхожу отъ новѣйшаго къ старому, но старый песъ на сѣнѣ, Малиновскій, все еще не все выдалъ мнѣ, хотя и образумился нѣсколько. Сегодня примусь трепать папу и оставлю m-me Dubarry, Сергѣя Салтыкова, графа Чернышева, князя Дмитрія Голицына и Хотинскаго, и Шуазеля и прочихъ, и прочихъ.

798.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го апрѣля 1837 г. Москва.

Ты не послалъ ко мнѣ письма Плюшара, отъ Ѳедорова полученнаго, а я чуть-чуть не испортилъ здѣсь дѣла, заключивъ почти другое условіе съ здѣшнимъ книгопродавцемъ. Письма твоего къ Булгакову также не читалъ еще. Я здѣсь все привелъ въ порядокъ и только ожидалъ Плюшара, чтобы копіи съ примѣчаніями послать въ Петербургъ при письмѣ къ Мордвинову. Пожалуйста, не задерживай писемъ и пришли скорѣй Плюшара. У меня тысяча дѣлъ въ головѣ, и объ одномъ думать часто нѣтъ времени. И съ Малиновскимъ все еще надобно возиться, хотя онъ

и получилъ разрѣшеніе. Отошли письмецо къ Ѳедорову немедленно.

Я спѣшу кончить здѣсь дѣла и скорѣе ѣхать вь Парижъ, ибо положеніе Клары и брата очень безпокоитъ меня. Дѣло по передачѣ имѣнія я уже почти кончилъ и уже теперь почти я не Тургеневъ! Тяжело и грустно! Такого чувства я еще не имѣлъ. Уступилъ бы и другую половину дохода, одной лишившись, если бы можно было оставаться владѣльцемъ Тургенева и имѣть надежду увидѣть еще разъ родимое пепелище, но оно теперь въ письмѣ къ Стиглицу. Прости! Пожалуйста, не задерживай дѣла печатанія писемъ: на немъ основано другое, не для меня одного интересное. Потомъ издамъ Шлёцера, Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, тебя, и мало по малу всѣ покойники оживутъ въ письмахъ ко мнѣ.

Посылаю тебѣ письмо Дидеро къ женѣ о Петербургѣ и Екатеринѣ. Если напечатаешь его въ своей „Старинѣ“, то выпиши, въ видѣ предисловія, то, что я говорю объ этомъ письмѣ и объ обществѣ библіофиловъ въ Парижѣ. Это письмо мое въ числѣ оставленныхъ у васъ. Издаешь ли свой альманахъ? Гдѣ будетъ письмо изъ Веймара? Мистификація 1727 года осталась у меня. Я готовъ прислать ее тебѣ, если ты помѣстишь ее въ альманахъ. Иначе, не хочется отдирать листы отъ собранія дипломатическаго или переписывать двѣ или три страницы, кои написаны съ другими дѣлами дипломатическими.

Я все укладываю и спѣшу привести въ порядокъ то, что здѣсь остается и что беру съ собою.

799.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го апрѣля 1837 г. Москва.

Христосъ воскресе! Наконецъ получилъ я и еще письмо отъ брата. Клара была въ опасности отъ потери крови. Были признаки d'une fausse couche. Теперь, благодаря Бога, лучше, хотя она еще очень слаба, но сама писала ко мнѣ.

Изъ прилагаемой у сего записки ты увидишь, въ какомъ состоянiи теперь дѣло о памятникѣ Карамзину. Сообщаю тебѣ слѣдующiя также вѣрныя свѣдѣнiя, но прошу тебя не называть меня, ибо тогда тотчасъ бы угадали, кѣмъ они доставлены, то-есть, Аржевитиновымъ, а онъ членъ комитета о семъ памятникѣ и честнѣйшiй человѣкъ, и слѣдовательно на вѣрность сихъ свѣдѣнiй положиться можно. Другiе члены комитета о сооруженiи памятника: Языковъ, умный братъ поэта и Григорiй Васильевичъ Бестужевъ, предводитель дворянства, благородный и добрый человѣкъ (не бывшiй удѣльный директоръ). Комитетъ сей объяснялъ прежде бывшему губернатору Жиркевичу, и онъ съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ; но жаль, что не отдалъ подъ судъ канцелярiи, утаившей большую сумму при губернаторѣ Загряжскомъ (7000 р.), который, вѣроятно, съ секретаремъ дѣлился его женою и деньгами на памятникъ. Жиркевичъ взыскалъ сiи деньги сполна съ канцелярiи и потомъ поступилъ, какъ въ запискѣ значится. Но тотъ же секретарь остался, а между тѣмъ поступали и поступаютъ суммы въ канцелярiю губернатора, и зло, можетъ быть, продолжается. Слухъ носится, что теперешнiй губернаторъ, хотя человѣкъ и порядочный, также въ связи съ женою того же секретаря своего; оттого опять не даютъ надлежащаго хода этому дѣлу и защищаютъ секретаря, съ коего бывшiй послѣ Загряжскаго губернаторъ взыскалъ уже 7000 р. Комитетъ начинаетъ отчаяваться въ полученiи исправно денегъ; развѣ ожидать, что Контроль выведетъ все наружу, но между тѣмъ не будетъ памятника. Вотъ еще утрата по комитету, и также только для объясненiя тамъ, гдѣ это можетъ быть безъ вреда членамъ комитета: недавно было у нихъ засѣданiе въ комитетѣ. Одинъ изъ нихъ обратился къ г. Пересѣкину, прiѣхавшему изъ Петербурга, и предложилъ пожертвованiе. Пересѣкинъ отвѣчалъ, что готовъ дать и еще, но что онъ уже вручилъ Загряжскому въ Петербургѣ, при встрѣчѣ съ нимъ и по его предложенiю, 50 рублей ассигнацiями и подписался на какомъ-то листѣ. Справились съ дѣлами комитета и не нашли ни имени его, ни того листа и никакой суммы, особливо отъ Загряжскаго представленной. Комитетъ желалъ бы, чтобы ему позволено было публиковать въ газетахъ отчетъ. Объ этомъ пред-

ставлялъ бывшій губернаторъ Жиркевичъ, но разрѣшенія не получилъ, и неизвѣстно почему. Это бы полезно было и потому, что тогда открылось бы, кто не заплатилъ по сбору, бывшему на вашемъ петербургскомъ обѣдѣ, гдѣ пожертвовано 4500 рублей; а внесли деньги только Дмитріевъ, князь Вяземскій, Жуковскій, Пушкинъ и еще кто-то. Мнѣ пришлютъ имена и другимъ внесшимъ, но немногихъ; кажется, министры не внесли. Оттого не смѣютъ и напоминать по именамъ тѣхъ, кои не внесли, а только пили въ память безсмертнаго — „in silence", какъ говорятъ англичане, но они и вносятъ. Меня умоляютъ похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ, а мнѣ чрезъ кого же хлопотать? Попытайся ты, не выводя моего имени, дабы не угадали Аржевитинова. Загряжскій знаетъ уже, что я не скрывалъ его симбирскихъ мерзостей, да и отъ кого онѣ были скрыты? Развѣ отъ тѣхъ, кои, выкинувъ его изъ службы, дали ему 6000 рублей жалованья. Но я не даромъ говѣлъ и замолчу.

Мы съ тобой сошлись въ чувствѣ и въ мнѣніи о Подновинскомъ. И для меня, послѣ Corso, это первое народное гулянье. Я ставлю его выше mât de cocagne парижскаго и прочихъ; радуюсь, что увижу его, хотя въ послѣдній разъ. Предпочитаю и наше *умовеніе ногъ* римскому. У насъ вѣрнѣе и ближе къ тексту Евангелія дѣйствуютъ, да и нѣтъ примѣси басни, то-есть, нѣтъ тринадцатаго слетѣвшаго откуда-то ангела, а просто двѣнадцать апостоловъ. Все чинно, и дьяконъ реветъ во услышаніе всего набитаго православнаго собора, такъ что каждый знаетъ, что̀ въ каждую минуту происходитъ въ туалетѣ архіерейскомъ. Но и здѣсь, въ самомъ дѣйствіи, много еще театральнаго; напримѣръ, разговоръ Іисуса Христа съ Петромъ-апостоломъ. Впрочемъ, этотъ разговоръ — въ текстѣ. Вчера слышалъ я у княгини С. Мещерской, какъ *Казимиръ* восхищался первыми минутами благовѣста и народнымъ сборищемъ въ Кремлѣ въ полночь Свѣтлаго Воскресенія. Я самъ расчувствовался и погрузился въ какое-то религіозно-патріотическое мечтаніе, услышавъ первый гулъ ночного колокола Ивана Великаго съ товарищи. Какой-то ревъ и гулъ вмѣстѣ, и ночь, полуосвѣщенная плошками и свѣчами, вокругъ церквей бродящими. Увѣряютъ, что надобно въ эту минуту быть на Иванѣ

Великомъ и видѣть, какъ подъ нимъ и около всѣхъ церквей московскихъ кружатся огни и толпы парода и священно-служителей подъ колокольную музыку. Одна бѣда: Элимъ М[ещерскій] сбирается все это описывать. Скажи княгинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ, чтобы она вытребовала отъ княжны Марьи фразу Элима по сему случаю, и при семъ случаѣ похристосовайся за *милаго подлеца* съ милымъ семействомъ Карамзиныхъ, Мещерскихъ Вяземскихъ. Кто-то радовался надеждою; по изреченію поэта

Сталъ счастливъ—замолчалъ;

но Элимъ продолжаетъ писать по сонету на день невѣстѣ. Ею, впрочемъ, восхищаются и не женихи одни: всѣ хвалятъ за-одно, и даже дѣвицы. День разгуливается, а вчера шелъ дождь и устрашилъ подновинскихъ охотниковъ, но были и свѣтлыя минуты. Съ утренняго роута отъ князя Голицына проѣхалъ я на Воробьевы горы раздавать красныя яйца, пасху, куличи и вынутыя за мое здоровье просвиры жидятамъ и жидовкамъ, отправляемымъ па поселеніе. Они кушали предлагаемое съ аппетитомъ, и я со многими христосовался. Европейская и симбирская коммéра, а твоя мама-Еремеевна.

800.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го апрѣля 1837 г. Москва.

За то, что ты не увѣдомилъ меня, почтенный дѣдушка, о вступленіи въ свѣтъ дѣвицы Елисаветы, честь имѣю поздравить тебя съ св. Анною. Что ты умничаешь своими глазами? Наклепалъ на себя лихую болѣзнь, и съ той поры, какъ переписка съ такимъ порядочнымъ человѣкомъ, какъ я, могла бы пособить истинной твоей болячкѣ, ты пересталъ писать ко мнѣ. Прикажи хоть Павлушѣ увѣдомить меня обстоятельно о настоящемъ *положеніи* милой маменьки. Чтò княгиня Катенька Мещерская? Для чего бы не вмѣстѣ? Татариновъ увѣдомляетъ, что ты въ Москву не будешь; итакъ, прости до Парижа!

Благородное собраніе было вчера не очень многолюдно; я *относился* къ княгинѣ Черкасской, вдовушкѣ, слѣдовательно не къ будущей belle-mère Рябинина, и усадилъ ее въ чужую карету. Подъ Новинскимъ дождь не помѣшалъ мнѣ вчера проѣхаться, а сегодня начну тамъ пѣшешествовать. Въ Архивѣ не былъ только въ одно Свѣтлое Воскресенье. Читаю проказы Dubarry и смерть короля-Bien aimé ou plutôt bien détesté. Какой вѣкъ! Дипломатическія ноты о Монгольфьерѣ въ цифрахъ! Въ депешахъ—эпиграммы и мелочи тогдашней французской литературы! Графъ Румянцовъ громитъ Турецкую имперію; Репнинъ вводитъ насъ чинно и важно въ европейскую систему Тешенскимъ миромъ (Я. Булгаковъ — секретаремъ его); онъ же съ Штакельбергомъ готовитъ паденіе Польши; и между тѣмъ какъ умы и дипломатическія перья заняты баллономъ иль Турецкой войной, Панинъ ставитъ Россію на первую, по тогдашнему, чреду въ порядкѣ государствъ европейскихъ. Но вотъ въ чемъ бѣда: судя по историческимъ компендіямъ и по всѣмъ европейскимъ исторіямъ нашего времени, потомство не догадается, что Россія играла такую блистательно-важную роль въ XVIII вѣкѣ, если мы оставимъ архивъ въ рукахъ Малиновскихъ; оригинальная переписка Румянцовыхъ, Репниныхъ, Паниныхъ, Остермановъ, Потемкиныхъ, Голицыныхъ, Кантемира, коему дипломатика не мѣшала переписываться съ итальянскими поэтами и выписывать англинскія книги, эта переписка, часто мелочная, но иногда и существенно историческая, сгніетъ безъ реестровъ и въ хаосѣ архивскаго порядка. Къ ней бы приставить грамотныхъ молодыхъ людей, читавшихъ новыя книжки, и дать имъ въ образецъ Коха, Mignet, а на первый случай хотя Кудрявскаго. Трудъ можно распредѣлить не по эпохамъ, а по дворамъ, а послѣ бы одному поручить свести частныя исторіи въ одно цѣлое и назвать этого сводника исторіографомъ.

Что-то у васъ скажутъ на вчерашнее „Прибавленіе“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, подписанное: „Дм. Давыдовъ“?

801.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го апрѣля 1837 г. Москва.

Я прочелъ въ твоемъ письмѣ къ Булгакову то, что пишешь о смущеніи Карамзиныхъ при требованіи Плюшара. Все это произошло отъ того, что я долго не получалъ перваго письма его и по сію пору не успѣлъ отвѣчать ему отказомъ въ тѣхъ пунктахъ, кои онъ написалъ въ письмѣ ко мнѣ сверхъ нашего условія. Я слышалъ, что Жуковскій якобы доставилъ ему нѣсколько писемъ Карамзина для напечатанія съ моими. Это онъ можетъ сдѣлать, если цензура одобритъ, и если Жуковскій находилъ ихъ достойными печати. Вы можете отказать ему, если не желаете, или вамъ нечего дать ему; но я пошлю ему только то, что выбрано изъ моихъ и нѣсколько другихъ, у меня въ копіи находившихся, какъ писемъ, такъ и записокъ; напримѣръ, о Новиковѣ и прочее. Я выкинулъ всѣ незначущія письма и записки и оставилъ только тѣ, кои любопытны или по содержанію, или по выраженію прекрасной души или прекраснаго чувства; въ главныхъ письмахъ много историческаго о Россіи и о книгахъ иностранныхъ, кои въ то время я доставлялъ Н[иколаю] М[ихайловичу]. Если вы не хотите помогать мнѣ въ семъ сборникѣ, то по крайней мѣрѣ не мѣшайте. Я сдѣлалъ уже и объясненія и все дни черезъ два перешлю въ с.-петербургскую цензуру. Катерина Андреевна, какъ и часто случалось, и въ семъ случаѣ васъ всѣхъ благоразумнѣе: она чувствовала, какую цѣну могутъ имѣть сіи письма въ глазахъ Россіи и литераторовъ; а для меня они безцѣнны. Она и позволила, не смотря на сомнѣніе Софьи Николаевны, которая не уважаетъ того, что есть достойнаго —по литературной части и по слогу— любопытства въ этихъ письмахъ. Скажи ей за это гнѣвъ мой и прибѣгни, вмѣсто меня, къ защитѣ княгини Мещерской, мнѣ всегда покровительствовавшей. Изданіемъ, то-есть, содержаніемъ будете довольны, а употребленіемъ прибытка—еще болѣе. Не мѣшайте, а помогайте и не пугайте издателей! Я показывалъ Ивану

Ивановичу собраніе, но онъ видѣлъ и тѣ записки, кои я выкинулъ. Обѣщалъ выписку о Новиковѣ, но по сію пору не прислалъ. Скажи Софьѣ Николаевнѣ, что если она будетъ хлопотать противъ меня въ этомъ дѣлѣ и разувѣрять Катерину Андреевну, то я напечатаю всѣ ея царскосельскія записочки на розовой бумажкѣ въ Парижѣ и разошлю по всѣмъ фэшіонэбельнымъ салонамъ въ Петербургѣ.

26-го апрѣля.

Шутки въ сторону: отчего вы теперь смущаетесь тѣмъ, на что соглашались, и что вы сами отчасти провокировали. Зачѣмъ было не сказать мнѣ прежде? А теперь я заключилъ условіе, хлопоталъ и въ Петербургѣ, и здѣсь, и дѣло огласилось. Да и зачѣмъ оставлять подъ спудомъ такое сокровище? Со временемъ другіе по частямъ напечатали бы, безъ всякой пользы для кого-либо. Еще разъ: не мѣшайте! Я бы доставилъ вамъ (и хотѣлъ это сдѣлать) копіи посылаемыхъ въ цензуру писемъ, но теперь опасаюсь, что вы задержите, а я спѣшу все при себѣ кончить и ѣду недѣли черезъ три. Вчера княжна Вяземская вышла замужъ.

802.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го апрѣля 1837 г. Москва.

Перебирая корреспонденціи батюшки съ его современниками, я нашелъ между письмами Державина, довольно безграмотными, и то, гдѣ онъ благодаритъ его за стихи Жуковскаго и Родзянки и даетъ имъ, въ четырехъ стихахъ, совѣтъ не ему, а русскому Пиндару и Гомеру подражать, намекая о Херасковѣ, тогдашнемъ кураторѣ университета. Мнѣ пришло на мысль написать статейку для твоей котомки, подъ заглавіемъ: „Совѣтъ Державина Жуковскому въ 1799 году" и приложить къ ней письмо Державина къ батюшкѣ по сему случаю и другое съ четверостишіемъ къ Жуковскому и къ Родзянкѣ. Не худо бы отыскать и самыя произведенія, за кои Державинъ хвалитъ; но они въ пансіонскихъ актахъ,

а развѣ мой подмосковный архивъ или Антонскій могутъ доставить ихъ? Но я не знаю издашь ли ты „Старину и Новизну" прежде или послѣ отъѣзда своего, да и ѣдешь ли? Я рѣшился издавать васъ, живыхъ покойниковъ, въ Парижѣ, мало по малу, и записки свои или свою біографію включать въ примѣчанія къ издаваемымъ письмамъ. Иначе я и себя вспомнить не могу. Ты что-то упомянулъ Булгакову о симбирскомъ письмѣ моемъ? Мнѣ хотѣлось, въ ожиданіи памятника отъ всей Россіи, поставить ему свой, и по своему и именно въ Симбирскѣ, но съ вашими сомнѣніями и медленностями во всемъ и для всѣхъ ничего не успѣешь. Иванъ Ивановичъ, вмѣсто обѣщанной выписки о Новиковѣ, доставилъ мнѣ семь строкъ изъ своихъ записокъ.

Я обратился вспять въ чтеніи бумагъ здѣшняго Архива и вчера перелистывалъ депеши Кантемира. Какой умный и оригинальный слогъ! Какъ бы много, не только для исторіи, но и для эпистолярныхъ образцовъ, можно взять изъ него! Напримѣръ, сообщая о предположеніяхъ двора и парижской публики кто замѣнитъ кардинала Флери и упоминая о трехъ кандидатахъ и о ихъ партіяхъ, онъ говоритъ объ одномъ изъ нихъ: „За кардинала Тенсина заступаетъ женскій полъ при дворѣ и вся іезуитская ватага". Изъ донесеній другихъ министровъ русскихъ можно бы заимствовать характеристическія черты въ другомъ родѣ; напримѣръ, сужденія барича-раба князя Барятинскаго о первыхъ дѣйствіяхъ на престолѣ Лудвига XVI. Какъ-то принимала ихъ, то-есть, сужденія своихъ министровъ, *въ то время*, до французской революціи, умная и опередившая не *свой*, а *нашъ* вѣкъ Екатерина? Сначала, до указа, воспѣтаго Капнистомъ, и послы подписывались въ реляціяхъ рабами. Какъ ни говорите, а въ безсмертной Екатеринѣ было въ самомъ дѣлѣ что-то безсмертное, и Пушкинъ не даромъ любилъ ее, да и я иногда забываю, что при ней Прозоровскій жегъ „Іоанна Арндта", и что она выдержала насъ пять лѣтъ въ глуши симбирской.

Вчера ошибкой послалъ чрезъ тебя Булгакову письмо къ Татаринову. Въ немъ записка къ барону д'Андре, коей я не хотѣлъ обременять тебя, и просьба о доставленіи „Современника".

803.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Конецъ апрѣля. Москва].

Сбираюсь послать къ тебѣ, для твоей котомки, если хочешь, стихи: „A monsieur le Comte du Nord, recités à la séance de l'Académie Française, le lundi 27 mai, 1782", кои хорошо бы напечатать вмѣстѣ съ письмомъ, уже мною напечатаннымъ въ „Bulletin Historique", Вержена къ Вераку, о пребываніи Павла и Маріи въ Парижѣ. Въ стихахъ академическихъ много и о Петрѣ, и порядочно:

Il sut voir, et penser, et voyager en sage.......
Capable de tout faire, il voulut tout apprendre.

И вотъ какіе (обращаясь къ Павлу и Маріи):

Aujourd'hui ce grand homme ouvre les yeux sur vous:
Son ombre est de vos pas la compagne assidue,
Et pour voir Pétrowitz, au Louvre descendue . . .

Много комплиментовъ и русскимъ, не по нынѣшнему. О самомъ Павлѣ:

Epoux de Virtemberg et fils de Catherine . . .
Et quel pays jamais peut offrir à vos yeux
Rien de plus beau que l'une (то-есть, Виртембергская Марія) et de plus grand que l'autre (то-есть, Екатерина).

Въ числѣ valet de chambre, бывшихъ въ Парижѣ съ Павломъ, нашелъ я и Кутайсова. Теперь читаю Тешенскій миръ, Репнинымъ заключенный. Акты писаны часто рукою Я. И. Булгакова. Сколько исторіи пропадаетъ въ Архивѣ, и исторіи полезной, наставительной и для насъ почетной! Псы заѣдятъ, а совы заклюютъ, если пробудить тяжкій сонъ Екатерины, Румянцовыхъ, Потемкиныхъ et compagnie.

804.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го мая. Москва.

Посылаю тебѣ двѣ вѣдомости. Изъ одной увидишь, что Москва, гдѣ „Исторія“ начата и полунаписана, не отличилась рвеніемъ къ исторіографу. Мнѣ обѣщали доставить и копіи съ письма Обольянинова, въ коемъ онъ по своему доказываетъ, что Карамзинъ не заслужилъ памятника. Не лучше ли бы памятникъ „aere perennis“? Будетъ ли взыскана недоимка? Обними за меня милое потомство Карамзина и скажи ему и себѣ, чтобы не мѣшали, а помогли мнѣ воздвигать другой памятникъ, коего ни губернаторъ, ни

Времени полетъ не могутъ сокрушить.

Сдѣлай милость, спроси у графа Матвѣя Велгурскаго, будутъ ли отправлены три экземпляра румянцовскихъ актовъ государственныхъ, мнѣ и архивамъ парижскимъ пожалованныхъ, въ Парижъ, согласно отношенію о семъ князя Голицына къ графу Нессельроде. Дѣло это не къ спѣху, а хотя къ іюлю въ Парижѣ. Это по его части, и онъ обѣщалъ меня о семъ увѣдомить.

805.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го мая 1837 г. Москва.

Прошу васъ сказать Плюшару, что онъ напрасно ходилъ къ Карамзинымъ и Жуковскому отъ моего имени просить писемъ Карамзина; что я тогда еще и не получалъ его о семъ предложенія; да когда онъ и помѣстилъ это въ проектѣ новыхъ условій, то и тогда отвѣчалъ я ему: „C'est votre affaire“, а самъ и не брался никого просить о семъ, сказавъ однако жъ, что это

зависитъ отъ Жуковскаго и Карамзиныхъ. Симъ поступкомъ онъ навлекъ какія-то сомнѣнія въ семействѣ Карамзина и обидныя для меня предложенія, коихъ горькое для меня чувство будетъ неисцѣлимо въ сердцѣ. Я прошу васъ кончить все это дѣло и, запечатавъ мои рукописи и прочее, отправить ихъ чрезъ г. Прянишникова ко мнѣ. Не знаю, что вы успѣли сдѣлать по письму моему къ Мордвинову; но если еще не подали, то не подавайте; а если подали, то такъ и быть, ибо это дѣло не повредитъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, въ глазахъ тѣхъ, кои лучше знаютъ мои побужденія, нежели тѣ, коимъ давно бы пора знать меня. Отвѣчайте мнѣ поскорѣе.

806.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го мая 1837 г. Москва. Утро.

Сейчасъ принесли мнѣ письмо твое отъ 14-го мая. Я сердился или, лучше, огорчился и огорчаюсь еще и теперь текстуальнымъ смысломъ письма твоего и твоими словами, мнѣ переданными. Ты предлагалъ мнѣ, отъ себя или отъ Катерины Андреевны,— не знаю, выкупить письма Карамзина и угрожалъ взысканіемъ за тѣ, на кои якобы я не имѣю права, хотя я все и всѣ показывалъ вамъ и неоднократно говорилъ о своемъ намѣреніи и при васъ; съ вашего согласія началъ его приводить и въ дѣйство. Говорить въ предисловіи отъ самого себя объ употребленіи суммы—мнѣ не пришло въ голову, да казалось бы и неловко; тѣмъ болѣе, что я долго и самъ не зналъ, на какое именно употребленіе пойдутъ деньги. Въ бытность мою въ Симбирскѣ, пока я и многіе другіе благонамѣренные желали и надѣялись, что обелискъ не состоится, и что наконецъ согласятся на желаніе нашего большинства употребить весь капиталъ на учрежденіе десяти или двѣнадцати карамзинистовъ при гимназіи, гдѣ бы въ залѣ поставить и бюстъ Карамзина, я хотѣлъ присоединить мою сумму на содержаніе одного или двухъ тургенистовъ; но когда состоялся докладъ о памятникѣ, я послалъ его въ Симбирскъ, но все еще

помышлялъ объ одномъ или двухъ карамзинистахъ и объ одномъ тургенистѣ изъ сей суммы, полагая, что она будетъ значительнѣе. У меня были уже для сего въ виду и кандидаты въ Симбирскѣ; не знаю, говорилъ ли я о нихъ Екатеринѣ Андреевнѣ. Впрочемъ, это желаніе сдѣлалось послѣ не слишкомъ сильнымъ, ибо я не видѣлъ вѣрной и скорой надежды осуществить оное и думалъ уже о другомъ (о чемъ—со временемъ скажу тебѣ одному на словахъ, если мы гдѣ-либо свидимся). Ни въ какомъ однако же случаѣ и никогда не предполагалъ я обратить въ свою пользу сего капитальчика; и здѣсь, и въ Симбирскѣ многіе о семъ знали, ибо я безпрестанно писалъ о семъ туда и получалъ свѣдѣнія, что тамъ по дѣлу памятника дѣлается или не дѣлается. Чѣмъ болѣе дорожу я мнѣніемъ обо мнѣ Карамзиныхъ, тѣмъ прискорбнѣе должно было мнѣ читать въ твоемъ письмѣ все, что въ немъ написано. Теперь я съ толку сбился. Ты не отдавалъ письма Ѳедорову; Ѳедоровъ не отдавалъ письма Мордвинову, а онъ, по просьбѣ одной дамы, давно ждетъ его и обѣщаетъ немедленно все исполнить. Плюшаръ здѣсь, но сегодня ѣдетъ; не знаю, увижу ли его; во всякомъ случаѣ, въ полную собственность я не отдамъ ему писемъ и никогда не отдавалъ. Письмо мое къ нему съ условіями у Ѳедорова. Кому мнѣ было поручить изданіе? Всѣ заняты. Я отдалъ Ѳедорову матеріальную часть, корректуру и прочее, а Сербиновичъ обѣщалъ пересмотрѣть ее. Павловъ написалъ здѣсь славную статью по поводу сего изданія, а вчера прочелъ мнѣ ее; она принадлежитъ мнѣ, но гдѣ ее напечатать? Онъ бы желалъ въ „Современникѣ", если онъ выдетъ прежде (разумѣется, вторая книжка) изданія писемъ, или въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду"; а я бы лучше желалъ, чтобы она напечатана была съ письмами, подобно тому, какъ Батюшкова статья къ изданію Муравьева. Пришлю ее вамъ скоро: судите. Желалъ бы скорѣе все кончить, ибо спѣшу уѣхать; можетъ быть, поѣду и къ водамъ прежде, ибо нездоровится. Снесись съ Ѳедоровымъ, а я увѣдомлю, что скажетъ мнѣ Плюшаръ сегодня, если увижу его. Напишите подробнѣе о Поповѣ.

807.

Тургеневъ князю Вяземскому.

31-го мая 1837 г. Москва.

Я получилъ въ субботу письмо отъ Софіи Николаевны и вотъ отвѣтъ. Передай Б. М. Өедорову, чтобы ни въ какомъ случаѣ не печаталъ письма о Болотниковѣ. Впрочемъ, дѣлайте что хотите: мнѣ и тяжело, и нѣтъ времени заниматься этимъ дѣломъ. Если получу сегодня изъ Симбирска отпускную, то-есть, окончательное рѣшеніе главнаго моего деревенскаго дѣла, то выѣду дня черезъ четыре, но еще не знаю куда. Прямо ли на Варшаву я долженъ спѣшить—ожидаю изъ Петербурга. Ни тамъ, ни здѣсь письмами, издаваемыми или не издаваемыми, заниматься не буду. Здѣсь надѣюсь развязаться съ Малиновскимъ, но жалуюсь на стараго подлеца формально графу Нессельроде потому только, что не могъ встрѣтить и разругать его лично, хотя прежде и досталось ему.

Не пошлешь ли ты Осиповой выписки изъ своего письма къ Давыдову всего, что ты говоришь о вдовѣ Пушкина. Она сбирается къ Осиповой, и та хочётъ принять ее, но въ ней гнѣздится враждебное къ ней чувство за Пушкина. Не худо ее вразумить прежде, нежели Пушкина пріѣдетъ къ ней. Мнѣ самому некогда. Адресъ ея: Ея Высокородію Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Въ Псковской губерніи, въ городѣ Островѣ, въ село Тригорское.

Княгиня Трубецкая вчера родила дочь. И мать, и дитя здоровы. Я былъ ввечеру въ Петровскомъ и видѣлъ тѣхъ, кто былъ у ней. Поздравляю.

Я совсѣмъ не знаю навѣрное, проѣду ли чрезъ Петербургъ, и отъѣздъ мой отсюда зависитъ совершенно отъ симбирскаго письма.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ С.-Петербургѣ. Распечаталъ самъ.

808.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го іюня 1837 г. Тильзитъ. Полдень.

Прочти письмо къ Нефедьевой и Аржевитинову и отошли его черезъ Булгакова. Къ первой я ѣду знакомой издавна дорогой. Въ Шавлѣ, въ Таурогенѣ живалъ и голодалъ во время войны 1807 года; здѣсь также. Опишу вамъ воспоминанія прошедшаго. Но куда пересылать написанное? Кстати: будутъ ли напечатаны въ „Современникѣ" тѣ письма, кои я тебѣ оставилъ, и нужны ли новыя изъ Германіи и Парижа? Во всякомъ случаѣ, будутъ ли или не будутъ напечатаны, пожалуйста, скажи издателямъ, чтобы они доставили мнѣ оригинальный списокъ въ Парижъ на мое имя, когда въ немъ не будутъ имѣть нужды. Прошу ихъ и тебя объ этомъ убѣдительно.

Какъ интересенъ архивъ рижскій и въ какомъ порядкѣ акты и каталоги! Вотъ бы нашему поповичу-сенатору гдѣ учиться приводить въ порядокъ и сберегать историческіе документы! Я многое замѣтилъ и укажу въ письмахъ на замѣченное. Передай Булгакову дружескій поклонъ. И здѣсь я сдружился съ почтмейстеромъ: это одинъ изъ центровъ европейскихъ корреспонденцій. Обними своихъ и Карамзиныхъ, и Велгурскихъ. Въ Ригѣ я провелъ день и обѣдалъ съ Бореромъ. Онъ еще тамъ, у Петерсона. Простите! Не забывайте вашего потаскушку, который вездѣ по прежнему васъ любитъ и любить всегда будетъ, quand-même.

Пиши въ Берлинъ или въ Дрезденъ, или въ Парижъ.

Три часа.

Объѣхалъ городъ и окрестности, видѣлъ дома, гдѣ живали императоры; дачу, гдѣ Наполеонъ угощалъ королеву; издали видѣлъ деревеньку, изъ коей два раза только могла она сюда явиться предъ завоевателемъ; всходилъ на крыльцо ратуши, съ котораго меня столкнули ратсгеры, на другой день по выѣздѣ императора Александра отсюда, а наканунѣ еще честили моихъ

раненыхъ и давали имъ пріютъ и пищу. Видъ на Мемель-Нѣманъ прекрасный, особливо съ одной дачи. Иду обѣдать. Прощай!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

809.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го іюля. Царское Село.

Вотъ началась пальба рикошетами: отъ меня къ тебѣ, отъ тебя къ Нефедьевой, отъ Нефедьевой къ Аржевитинову.

Праздникъ вчера не удался: иллюминація за дождемъ была отложена, кто говоритъ до нынѣшняго вечера, кто до завтрашняго. Я смирнехонько просидѣлъ здѣсь за киссингенскою водою и очень радъ. Завтра ѣду въ городъ на чернила, то-есть, на службу. Вотъ цѣлую недѣльку погулялъ здѣсь.

Сдѣлай одолженіе, узнай, гдѣ живетъ вдова Шаховская (урожденная Щербатова, вѣдь ты ее знаешь), и вели спросить отъ меня, благополучно ли доѣхалъ до нея сынъ ея изъ Царскосельскаго лицея? Говорятъ, вышло три красненькіе: Адлербергъ, Перовскій, Кавелинъ; одна фрейлина, старшая дочь Віельгорскаго; одинъ флигель-адъютантъ—Араповъ, но не нашъ Пименъ; впрочемъ, братъ его, что почти все равно. А Пименъ, вѣроятно, ради наружности своей, опредѣлился къ намъ во внѣшнюю торговлю. А внѣшность жены его, племянницы поэта-слѣпца Козлова, очень мила. Пока прости! Мнѣ грустно было выпить сегодня послѣдній стаканъ своей воды. Ужъ нѣтъ на свѣтѣ подобной мнѣ скотины привычколюбивой. Помню, что когда-то вдругъ сдѣлалось мнѣ тяжело и грустно: ищу въ головѣ и въ сердцѣ, что можетъ быть тому причиною. Ничего не нахожу; наконецъ, что же открывается? Я тогда отослалъ извощичью карету, въ которой ѣздилъ нѣсколько мѣсяцевъ, и взялъ другую. Вотъ что лежало у меня на сердцѣ и давило его. Шутки въ сторону! Впрочемъ, у меня тутъ есть и суевѣріе: всякая перемѣна, всякій переломъ въ жизни, въ ежедневныхъ привычкахъ меня пугаетъ. Я будущаго не люблю и занимаюсь

имъ только тогда, когда оно сдѣлается настоящимъ; впрочемъ, и тутъ не очень люблю его. Всего сердцу дороже — прошедшее. Обнимаю!

810.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23/11-го іюля 1837 г. Берлинъ.

Я сбирался написать къ тебѣ большое письмо отсюда, ибо предметовъ столько, и я такъ ожилъ здѣсь душевно и мысленно, что стало бы меня на цѣлую стопу, но времени нѣтъ. Итакъ, до *киссенскаго досуга*, а между тѣмъ перешли, если получишь, копію съ письма моего къ к[нязю] А[лександру] Н[иколаевичу] къ сестрѣ моей, Александрѣ Ильинишнѣ Нефедьевой въ Москву, сказавъ, что дѣлаешь сіе по моему порученію, а Булгакову поручи списать копію съ этого письма и для Аржевитинова и переслать ему, что онъ обѣщалъ мнѣ. Въ награду же перешлю къ тебѣ съ *оказіею*, черезъ Тильзитъ, лежащіе уже теперь передо мною первый и второй номера (болѣе еще не вышло) „Fac-simile von Handschriften berühmter Männer und Frauen", всего 60 fac-simile. Они примѣчательны не только по почерку, но и по содержанію. Покажи князю А[лександру] Н[иколаевичу] письмо императора Александра; издатель не хотѣлъ объяснить, къ кому оно писано. Третья тетрадь, также для тебя, содержитъ fac-simile великихъ людей, изданныя въ семъ году въ Голландіи, на нѣмецкомъ и голландскомъ и съ текстомъ на двухъ же языкахъ. И тутъ есть любопытныя, напримѣръ Гуго-Гроція, Лафатера и прочихъ. Перваго номера не вышло. Первыхъ двухъ надѣюсь имѣть продолженіе и пересылать къ тебѣ; съ сими тетрадями будетъ и нѣмецкая книга, на сихъ дняхъ вышедшая. C'est un oeuvre posthume d'un des plus grands penseurs du siècle, Hegel, dont la philosophie s'est emparée des têtes d'ici et domine celles de presque toute l'Allemagne pensante. Ce volume contient la philosophie de l'historie, et vous l'enverrez à Moscou, à Ч[аадаевъ] par une occasion sûre. Je tacherai de vous donner une idée de cet ouvrage dont j'emporte un

exemplaire, à Kissingen et à Paris. J'ai eté déjà frappé par des éclairs de génie, qui sillonnent sur ces pages immortelles. Удастся ли передать вамъ все, что я здѣсь собралъ въ мою котомку! Хвалятъ очень Мельгунова и его книгу о нѣмецкой литературѣ, которую издаетъ нѣмецъ Кёнигъ. Я здѣсь разорился на нѣмецкія книги, а читать ихъ буду въ дорогѣ и въ Парижѣ. Глазамъ немного лучше: обѣды съ учеными bons vivants портятъ ихъ. Прости! Обними своихъ! О Пушкинѣ много говорилъ съ принцессой Августой и далъ ей выписку изъ письма Катерины Мещерской, сказавъ, чтобы не сказывала никому объ имени автора письма. Графамъ, а особливо графинѣ Велгурской—рукожатіе. Скажи ей, что Рибопьера нѣтъ; что оказій для пересылки отсюда также нѣтъ. Итакъ, книги къ ней—до другого времени.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ или гдѣ-нибудь.

811.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6/18-го октября 1837 г. Парижъ.

Милый Вяземскій, отошли эти шесть книжекъ чрезъ И. Ѳ. Прянишникова къ Булгакову, а онъ перешлетъ въ Симбирскъ, на имя Ивана Семеновича Арженитинова. Можешь приложить и эту записку.

1838.

812.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го февраля 1838 г. [Петербургъ].

Какими переворотами журнализма, доктринизма, конституціонализма или лежитимизма попалась моя статья въ „Gasette de France"? Зачѣмъ же не напечаталъ ты ее особо, и что же ты мнѣ ни слова не говоришь о томъ, какъ все это сдѣлалось? Исправлена ли ошибка „indignes sujets" вмѣсто „indigens?" Самъ ты indigne sujet и mauvais sujet. И зачѣмъ выкинули моего пріятеля Diderot? Вѣдь былъ онъ же гостемъ Екатерины? Remerciez bien, je vous prie, monsieur de Barante pour sa correction et pour l'interêt qu'il m'a témoigné. J'y suis très sensible. Здѣсь газетъ мало получаютъ et on se m'arrache: у меня у самого листокъ былъ только на полчаса въ рукахъ. Нельзя ли отпечатать особенно нѣсколько сотъ экземпляровъ, разумѣется, на мой счетъ, и мнѣ прислать экземпляровъ сто. Здѣсь немногіе знали о моей статьѣ, и мои головешки упали, какъ снѣгъ на голову. А ты все врешь, и Жуковскому не передамъ того, что говоришь о его прежней статьѣ. Онъ разсердится, а я только смѣюсь. Ты настоящій парижскій прянишникъ, abonné au „Constitutionnel", и какъ онъ сидишь вечеромъ на одной мысли и не идешь ни впередъ, ни назадъ. Политика политикою, а гдѣ нѣтъ политики тамъ глупо педантствовать и доктринерничать. Но Богъ съ тобою: надобно друзей своихъ любить съ ихъ родимыми пятнами и бородавками. Твое шестидесятистраничное письмо пе-

рецѣживается теперь сквозь рѣшета редакціи „Современника“ и цензуры и, надѣюсь, скоро явится на столъ почтеннѣйшей публики. Въ немъ много хорошаго, и если выкинуть изъ него то, что не по нашимъ желудкамъ, то всё-таки выйдетъ сытый и сдобный пирогъ. Что дѣло, то дѣло. Ты мастеръ письменно — —, что глотаешь на лету. Твое — — объяденіе, а ужъ за то не хорошо когда — —: такъ и несетъ старыми, протухшими яицами, яицами еще бабушки Леды.

Всѣ твои порученія исполнены. Да охота тебѣ посылать книги Нефедьевой: Жихаревъ ихъ подхватитъ, да и попадешь въ переплетъ. Не горюй: Ѳедосья его не умерла, а вотъ берегись чего: дочь ихъ, Мещерская, такъ хороша, что влюбишься. Я вчера видѣлъ ее на роутѣ у Разумовской и удивился, какъ такой цвѣтокъ могъ посаженъ быть — — Жихарева и взлелѣянъ въ лужѣ Жихаревой. Она въ родѣ Бобо Потоцкой, но болѣе свѣжести и сюавности. Говорятъ, что они ѣдутъ за границу, что онъ получилъ мѣсто, кажется, Швейцера и чуть ли будетъ жить не въ Парижѣ. Держись! Да впрочемъ слышно, что ты ѣдешь въ Симбирскъ. Жуковскій говоритъ, что тебя все претъ то сюда, то отсюда. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, увидимся въ Киссингенѣ. Вѣроятно, отправлюсь на одномъ изъ первыхъ пароходовъ и прямо изъ Гамбурга въ Ганау, посовѣтоваться съ Коппомъ и поклониться тѣни минувшаго, памяти дней тяжелыхъ, но и сладостныхъ, потому что тогда была еще надежда. Киссингенскія воды, которыя я пилъ здѣсь нынѣшнимъ лѣтомъ, вѣроятно были мнѣ въ пользу, потому что въ нѣкоторомъ отношеніи провожу зиму лучше прежнихъ.

Весною будетъ здѣсь общій разливъ или отливъ. Петербургъ такъ и хлынетъ за море. Можетъ быть, и графиня Эмилія поплыветъ, если мужу позволятъ встать съ якоря. Въ Парижѣ ли наша римская Mortemart? Я недавно получилъ отъ нея премилое письмо, въ которомъ объявляетъ, что къ марту будетъ она тамъ. Отчего не выкопаете вы цѣлительныхъ водъ въ Парижѣ? Или отчего я не Тулубьевъ? Или отчего не фигляръ, шарлатанъ Тургеневъ, который другихъ журитъ, а самъ понюхиваетъ табачекъ de la ferme и другимъ табакъ въ глаза пускаетъ и постукиваетъ своею табакеркою работы князя Волконскаго. Ты не только архи-

варіусъ, но ты и архиканалья, а насъ грѣшныхъ запрятываешь въ „Gazette de France“! Какими коммеражами угостить тебя?

26-го.

Утро вечера мудренѣе. Вчера былъ я у Карамзиныхъ и нашелъ тамъ Ростопчину, которая велѣла тебя поцѣловать. Она написала очень милые и очень женскіе стихи императрицѣ. Въ нихъ упоминаетъ она о лебединой походкѣ ея. Мятлевъ, недавно сюда возвратившійся, написалъ на эти стихи свои стихи отъ имени Варооломея Толстого, который, критикуя уподобленіе съ лебедемъ, тѣмъ кончаетъ:

Какъ лебедя сравнить съ царицей?
Не знаю ничего глупѣй:
Скажите жъ, можетъ ли при птицѣ
Дежурить графъ Варооломей?

Передай племянницѣ, Александринѣ Голицыной, разсужденіе дяди ея. Этотъ Мятлевъ пишетъ уморительные стихи въ подобномъ родѣ, и Жуковскій имъ наслаждается. А коммеражей анекдотическихъ нѣтъ на лицо. Одинъ и есть, да и тотъ по части брюха: ты вѣрно влюблялся въ молодую Пушкину, фрейлину, племянницу Шевичевой и которую ты, вѣроятно, встрѣчалъ у Карамзиныхъ? Эта фрейлина была въ Вознесенскѣ и оттуда взята во дворецъ. Что же оказалось по пріѣздѣ ея въ Петербургъ? Что она семимѣсячно брюхата—mais en tout bien, tout honneur—то есть, *тайно* замужемъ за меньшимъ Трубецкимъ, который за шалость сосланъ былъ изъ гвардіи въ армію. Для большей однако же достовѣрности, сказываютъ, что еще разъ ихъ здѣсь перевѣнчали. Легко понять, какой это былъ ударъ Трубецкой-матери! Она дни три послѣ того не плясала. На этой Пушкиной долженъ былъ жениться Владиміръ Соллогубъ, а потомъ молодой Давыдовъ, сынъ Себастьянши.

Жуковскій погрузился въ Англію тѣломъ и духомъ: доучивается англійскому языку, изучаетъ историческія, статистическія книги о ней и едва ли не сѣлъ на портъ-вейнъ. Англія будетъ главною цѣлью ихъ путешествія. Получилъ ли ты наши кры-

ловскія штуки? Теперь готовятъ ему медаль, и открывается подписка для учрежденія *стипендіи* подъ названіемъ *Крыловской*, дабы процентами съ собранной суммы содержать одного или нѣсколькихъ молодыхъ людей, смотря по суммѣ, въ одномъ изъ учебныхъ заведеній. Remerciez madame et monsieur Circourt pour leurs brochures. Je prépare un article sur son analyse de „Boris Godounoff", ou plutôt j'ajoute quelques observations aux siennes. Ne négligez pas la traduction de l'ouvrage de Koenig, traduction revue et corrigée, s'entend bien. Si je venais en Allemagne ce printemps, nous pourrions nous en occuper, mais il faudrait que la traduction fût déjà faite pour ce temps.

Наконецъ, зима наша, кажется, отъ насъ отстаетъ, а то совсѣмъ было загрызла насъ. О землетрясеніяхъ нашихъ говорить тебѣ нечего: на то Гречъ и Лаваль. Теперь настала пора роутовъ; блистательнѣйшіе будутъ, вѣроятно, у графини Разумовской. На дняхъ неожиданно явилась къ ней царская фамилія. Концерты также пришли въ движеніе. Оль-Буль, скрипачъ, восхищаетъ уши, души и карманы. Теперь казенная цѣна за билетъ 25 рублей: ни на что не похоже! Бываютъ и утренники, но вѣроятно, довольно холодные, у Смирновой, Ростопчиной, Бобринской. Мы и при свѣчахъ говорить не умѣемъ и пообѣдавъ, а тутъ любезничать на тощакъ и на чистоту дневного свѣта. Да и красавицы наши по большей части des belles de nuit. Еще если бы подавали сладкую водку и закуску, то нашлись бы охотники, а то приглашаютъ щелкать однимъ языкомъ. За то одни дипломаты мелкаго разбора и утренничаютъ тутъ съ дамами. Графинѣ Долли лучше, но она еще не всѣмъ доступна. Весною ѣдутъ и они. Скоро отправляется и Анна Матвѣевна Голицына (Толстая) къ дядѣ, графу Остерману въ Швейцарію или Италію. Она очень мила въ княжеской своей мантіи и брачной прическѣ. Маленькому Мещерскому, сыну Катеньки, лучше: у него одна нога была какъ-то смята при рожденіи, но опасности для будущаго нѣтъ. Письмо Лакордера о Римѣ мнѣ очень понравилось. Кто изъ нашихъ grands seigneurs, имъ упоминаемый, назвалъ Германію „l'archipel des princes"? А вотъ тебѣ каламбуръ великаго князя: „Etiquette de cour, étiquette de pharmacie c'est toujours de la drogue". На

масленицѣ какая-то маска къ нему подходитъ и говоритъ: „Je viens de parier, monseigneur, que vous me feriez sur le champ un calembour“, и при этомъ она закашлялась; онъ отвѣчалъ ей: „Vous avez gagné, vous avez la toux“ (l'atout). Нынѣшнею зимою было нѣсколько публичныхъ маскарадовъ, довольно живыхъ и затѣйливыхъ. Ростопчина и Смирнова тутъ отличались, но много было и незнакомыхъ лицъ, которыя удачно интриговали. А въ Москвѣ какая-то дама паркетъ залы собранія кровью залила, также въ маскарадѣ: c'était la nonne sanglante. Карамзины здоровы и живутъ по старому, что причиною рѣдкихъ свиданій нашихъ. И они по вечерамъ сидятъ дома кое съ кѣмъ, и мы также. Ожидаю Козловскаго. Онъ былъ уже здѣсь, но, сказываютъ, нога опять разболѣлась. Передовымъ своимъ прислалъ онъ свой портретъ, очень похожій, хотя нѣсколько и изукрашенный. Получилъ ли ты мои два письма о *Запискахъ*? Отвѣчай же скорѣе. Обнимаю за себя и за всѣхъ своихъ. Возвращаю письмо къ Рейфу, котораго здѣсь нѣтъ. Московскіе пакеты пошли съ Денисомъ Давыдовымъ. Что дѣлаетъ Веймарскій левъ? Я чаю, лиситъ. Не забывай меня при эксъ-королевѣ Везувія.

При семъ письма: Жуковскаго, княгинѣ Голицыной, Лизѣ Пашковой, въ редакцію „Archives du commerce“, картинка и обратно твое письмо, росписка и наконецъ сто губоприкладствъ къ ручкѣ Ольги прекрасной.

813.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1/13-го марта 1838 г. Парижъ.

Встрѣтилъ Баранта, идущаго въ Камеру депутатовъ слушать пренія à fonds secrets и узналъ отъ него, что послѣ-завтра ѣдетъ французскій курьеръ. Съ тѣхъ поръ какъ я отправилъ тебѣ нѣсколько волюмовъ писемъ съ брошюрами и одно письмо по почтѣ, я не принимался писать къ тебѣ и сожалѣю очень, потому что много слышалъ и видѣлъ любопытнаго, и по горячимъ слѣдамъ моего отчета хорошо бы было пробѣжать тебѣ. Теперь все остыло;

я успѣлъ на другой день талейрановскаго ораторства послать тебѣ только нѣсколько словъ о рѣчи его; теперь посылаю самую рѣчь, остывшую также отъ энтузіазма, съ коимъ слушали ее его пріятели и единомышленники. Съ тѣхъ поръ большая часть журналовъ осыпали пудроносную главу старца колкими насмѣшками и воскресили все прошедшее епископа, дипломата, оберъ-камергера, оратора. Но злѣе всѣхъ былъ „Le Courrier Français“ и „Le National“. И нѣмцы напали на того, который обиралъ ихъ во время Наполеона. Я не только начитался, но и наслушался о Талейранѣ и объ отношеніяхъ его къ Рейнгарду. О Талейранѣ разсказалъ мнѣ многое второй томъ его, эксъ-великій рефендарій Камеры пэровъ, Семонвиль; а о Рейнгардѣ—Беньо (Beugnot), бывшій три года секретаремъ его. Талейранъ презиралъ Рейнгарда; Рейнгардъ ненавидѣлъ и боялся Талейрана, который свергнулъ его съ министерскаго престола на консульство въ Гамбургъ и въ Молдавію. Кто-то сказалъ Талейрану рѣчь: „C'est la vertu qui fait l'éloge du talent!“ Прочитавъ ее на досугѣ, я самъ удивился, какъ могли „Дебаты“ съ такимъ восторгомъ говорить о такомъ незначущемъ произведеніи пера или секретаря, пріятеля Талейрана, ибо самъ онъ не пишетъ ничего. Первый экземпляръ рѣчи своей послалъ онъ къ здѣшнему архіепископу. Увѣряютъ, что съ нѣкотораго времени славный проповѣдникъ Dupanloup ежедневно навѣщаетъ Талейрана. Рѣчь Талейрана смѣнила статья Гизо о религіи въ „Revue Française“. Онъ отпечаталъ для себя нѣсколько экземпляровъ и прислалъ мнѣ только одинъ. По сію пору я не могъ еще достать другого. Пошлю тебѣ или князю Александру Николаевичу, но передайте и въ Москву. Въ салонахъ только и рѣчи объ этой статьѣ; и меня взволновала она, ибо я, по старой привычкѣ, уважаю Гизо и желалъ бы въ немъ видѣть нѣчто высшее таланта, нѣчто лучшее науки, а принужденъ былъ избрать эпиграфомъ для статьи его слова Пилата-индеферентиста par excellence: „Что есть истина?“ Онъ льститъ католицизму, потому что полагаетъ его въ силѣ, по крайней мѣрѣ во Франціи; чувствуя политическое преобладаніе католицизма надъ другими гражданскими и общественными элементами, Гизо говоритъ католицизму: „Soyons amis, Cynna!“ и сажаетъ его на престолъ, съ коего ре-

волюціи не удалось на всегда свести его. Какъ могъ президентъ-ораторъ здѣшняго Библейскаго общества сказать католицизму: „Останься тѣмъ, чѣмъ ты былъ доселѣ, не измѣняйся, не уступай ни шагу; иначе ты потеряешь свое достоинство, силу свою!“ Слѣдовательно, останься съ іезуитами, съ духовниками Лудвига XIV, съ инквизиціей, съ драгонадами и съ куклою папы въ Римѣ. Католики торжествуютъ, смѣются въ кулачокъ; но я говорю имъ: „Такой другъ хуже всякаго врага“. Посмотрите, какъ онъ холоденъ, когда вступается за *своихъ*, за репрезентантовъ чистаго протестантизма, за „Сѣятеля“, за Евангеліе, „Архивъ“ и прочее, все, что можно постигнуть однимъ разумомъ. Все, что одна наука вразумить, а одинъ талантъ можетъ выразить — все это выразилъ Гизо въ одной превосходной страницѣ; но любовникъ власти и силы холоденъ и безсиленъ, какъ равнодушіе, для того, кто не въ наружныхъ явленіяхъ церкви, но въ духѣ и въ любви ищетъ силы и вдохновенія. Всѣ сіи краснорѣчивыя страницы—пустой звонъ. Я заказалъ барону Экштейну статью противъ Гизо: здѣсь онъ одинъ можетъ обличить его; Гизо задѣлъ его, не назвавъ по имени, а намекнувъ на его манеру, на его неопредѣлительность въ сочиненіяхъ о вѣрѣ. Они другъ друга не любятъ. Присовѣтую ему взять эпиграфомъ отвѣта строку изъ Vinet: „Sur l'indifférentisme religieux“, на предпослѣдней страницѣ: „Et si vous ne pouvez être amis, soyez du moins ennemis“. Конечно, въ Апокалипсисѣ та же мысль выражена сильнѣе, но и отвратительнѣе: „Понеже ни студенъ еси, ни горячъ“ и прочее. Я бы желалъ, чтобы нашъ московскій теозофъ подслушалъ разговоры въ салонахъ Свѣчиной и другихъ о брошюрѣ Гизо. Онъ былъ бы подъ моимъ знаменами, или я подъ его. Со вчерашняго засѣданія въ Камерѣ заговорили о союзѣ, конечно не священномъ, Тьерса съ Гизо; и о рѣчи Талейрана, и о статьѣ Гизо пренія умолкаютъ. „Les fonds secrets“ все поглотили. Только еще въ такихъ салонахъ, гдѣ не одна политика владычествуетъ, шутятъ не надъ одними министрами, а и надъ авторами. Вчера провелъ я втроемъ съ Шатобріаномъ, Баланшемъ и Амперомъ у Рекамье часъ предобѣденный, и Амперъ представлялъ въ лицахъ статью Гизо, перепрыгивая съ одного мѣста на другое и обра-

щаясь то къ католицизму, то къ „Сѣятелю“ или олицетворенному протестантизму съ похвалами и слѣдовательно съ противорѣчіями. Мрачный съ нѣкотораго времени Шатобріанъ не могъ удержаться отъ смѣха. Два волюма его о Веронскомъ конгрессѣ печатаются и скоро выйдутъ, и въ одно время: здѣсь, въ Англіи па англинскомъ, а въ Германіи на нѣмецкомъ. Beugnot, одинъ изъ главныхъ членовъ компаніи, купившей у Шатобріана *всѣ* его сочиненія и *всю будущую* его дѣятельность, разсказалъ мнѣ вчера истинное положеніе этой компаніи и отношенія къ ней Шатобріана. Заплативъ ему 150000 франковъ единовременно, они обѣщали ему 12000 ежегодно, до предъявленія имъ четырехъ томовъ его записокъ о конгрессѣ Веронскомъ и о Гишпаніи, послѣ чего за четыре тома компанія обязалась платить ему уже по 24000 ежегодно; но пріятели Шатобріана, „румяные богачи“, ни франкомъ ему не пожертвовавшіе, Веракъ, Брезе и прочіе, уговорили его многое изъ четырехъ волюмовъ выкинуть по разнымъ личнымъ уваженіямъ, то опасаясь повредить карлистамъ, легитимистамъ, то инымъ и прочимъ, и изъ четырехъ волюмовъ отъ подобныхъ сокращеній вышло только два волюма, и компанія принуждена была уменьшить пенсію или возвысить ее до 18000 франковъ ежегодно, кои онъ теперь и будетъ получать до кончины своей, а послѣ его кончины жена получитъ 24000 франковъ пенсіи. Сверхъ того, за каждый представляемый Шатобріаномъ томъ компанія платитъ ему отъ 12 до 15 тысячъ франковъ, смотря по внутреннему достоинству и по толстобрюшію волюмовъ; такъ и за недавно представленные два волюма получилъ онъ 30000 франковъ. Но 14 волюмовъ записокъ его уже переданы имъ компаніи и хранятся въ двухъ спискахъ: одинъ здѣсь, другой, кажется, въ Лейпцигѣ. Сверхъ того все, что Шатобріанъ ни напишетъ, принадлежитъ компаніи, съ заплатою ему па вышесказанномъ основаніи. Сіи отношенія заставили Шатобріана сказать о самомъ себѣ: „Положеніе мое хуже римскаго невольника: только тѣло его принадлежало господину; я поработилъ и умъ свой“. Онъ не веселъ, недоволенъ этою сдѣлкою; компанія также въ убыткѣ покуда и недовольна, по крайней мѣрѣ мнимыми пріятелями Шатобріана, кои ни малѣйшей помощи ни ему, ни ей не оказали въ семъ

дѣлѣ. Теперь пожертвованный ими капиталъ не приноситъ имъ ничего, но со временемъ онъ оживится и вознаградитъ отчасти, а можетъ быть и всѣ убытки; главная надежда не на одну выручку за новыя сочиненія Шатобріана, но и за продажу разнымъ издателямъ прежнихъ его сочиненій права перепечатать, по своему формату, проданныя компаніи новыя сочиненія. Она надѣется парализировать и бельгійскую перепечатню. Но Шатобріанъ останется рабомъ слову своему и слѣдовательно компаніи: оттого и онъ грустенъ, и за него грустно. Жена Beugnot, англичанка, которую я знавалъ въ Римѣ, сказывала мнѣ, что сюда ѣдетъ шотландскій ораторъ-проповѣдникъ и писатель Chalmers собирать свѣдѣнія о конкордатахъ, съ папскимъ престоломъ заключаемыхъ, для будущаго конкордата съ Ирландіей. Ему кто-то въ Англіи сказалъ, что я свѣдущъ въ дѣлахъ сего рода, и онъ ѣдетъ прямо ко мнѣ; везетъ отъ кого-то письмо и надѣется съ моею помощью собрать свѣдѣнія о конкордатахъ польскихъ (русскихъ не бывало) и пр. Я радъ случаю пошарлатанить и познакомиться съ знаменитымъ проповѣдникомъ, коего слыхалъ и въ Эдинбургѣ, и въ дальнемъ городкѣ Шотландіи, въ Инвернесѣ.

814.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го марта. [Парижъ].

Я прочелъ недавно двѣ частицы исторіи журнала „Дебатовъ", написанной издателемъ „Моды" Нетманомъ (Nettement) въ духѣ карлизма и легитизма. Много любопытныхъ подробностей, особливо біографическихъ и литературныхъ. Книга начинается вмѣстѣ съ журналомъ эпохой революціи; потомъ, при Наполеонѣ, „Дебаты" обращаются въ „Journal de l'Empire" и съ реставраціей опять принимаютъ старое свое имя. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ политическихъ системъ (l'histoire des variatons de l'empire Gallican) измѣняются и „Дебаты". Хамелеонство оныхъ продолжается и до нашихъ временъ, но одна примѣчательная черта отличаетъ этотъ

журналъ отъ многихъ другихъ. Въ числѣ издателей были всегда, какъ для политики, такъ и для литературнаго фельетона, люди съ талантомъ: Жуффруа, рѣдкій и остроумный критикъ; Гофманъ, свѣдущъ какъ нѣмецъ, блистателенъ какъ французъ; Фелецъ, Этьенъ, нынѣ депутатъ и академикъ, прежде секретарь Морета, угаданный Наполеономъ, и журналистъ, интригами Фуше и Талейрана сверженный съ престола имперскаго журнала; наконецъ, участіе въ „Дебатахъ" Шатобріана и нашего времени редакторовъ: Сальванди, Marc-Girardin, Жаненя и прочихъ. Въ біографіи первыхъ издателей—вся исторія литературы того времени и наполеоновскіе набѣги на оную. Я забылъ одного изъ главныхъ редакторовъ „Дебатовъ", Фьеве, коему Наполеонъ далъ эту должность и послѣ, по доносамъ Фуше, лишилъ оной. Главными участниками въ изданіи и сначала, и теперь—братья Bertin.

Мы были съ княземъ Гагаринымъ въ Сорбоннѣ, на лекціи Marc-Girardin; онъ продолжаетъ разсматривать „Эмиля" Руссо о связи физическаго воспитанія съ нравственнымъ и интеллектуальнымъ; о важности перваго, особенно у древнихъ и у дикихъ народовъ, кои достигаютъ умственнаго превосходства практикою, наблюденіемъ натуры и людей. „Эмиль" привелъ его къ „Робинсону", изъ коего прочелъ онъ намъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ и разобралъ красоты этого романа; точность въ описаніяхъ: la vérité vraie ощущеній и размышленій Робинсона; одно изъ самыхъ вѣрныхъ и сходныхъ съ натурою человѣка описаній есть кораблекрушеніе и минута спасенія Робинсона; но это описаніе взято почти слово въ слово изъ Гомера. Спасеніе Улисса служило образцомъ англинскому роману. Лекція Жирарденя намъ очень понравилась; умъ за разумъ не заходилъ у него въ этой лекціи; мысли и сужденія здравыя, практически полезныя, ясныя и иногда блистательныя. Еслибы Сорбонна была поближе къ предмѣстію св. Гонорія, то чаще бы ходилъ на эту лекцію, но между мною и Сорбонною полъ-Парижа.

Сегодня встрѣтилъ опять m-lle Mars: блѣдна и бѣла, какъ привидѣніе, но все еще поступью богиня. Кто-то сказалъ о Талейранѣ въ Академіи: „M-r Talleyrand est comme m-lle Mars: il veut mourir sur la scène". Докторъ долго уговаривалъ его от-

казаться отъ чтенія академичнаго и наконецъ сказалъ ему: „Si vous allez à l'Institut, je ne reponds pas de vous!“—„Mais qui vous prie de repondre pour moi“, отвѣчалъ Талейранъ съ жаромъ. Семонвиль, коего называютъ вторымъ Талейраномъ, разсказалъ мнѣ много новыхъ о немъ анекдотовъ, но одного словца не передалъ. Семонвиль слыветъ образцовымъ эгоистомъ, подчиняющимъ всѣ дѣйствія и поступки разсчетамъ выгодъ своихъ. Кто-то, обращаясь къ Талейрану, не кстати напомнилъ ему о старости Семонвиля: „Savez-vous qu'il vieillit?“—„Pas possible“, отвѣчалъ Талейранъ: „quel intérêt peut-il avoir à vieillir?“

— — — — — — — — — — — — — — — —

Кажется, что мы сохранимъ Баранта, и я этому очень радъ. Вотъ слова Кине, за кои ему спасибо отъ имени тѣхъ, кои не любятъ *народности*: „Les temps ne sont plus divisés par des autels intolérants. L'unité de la civilisation est devenue un des dogmes du monde. Un seul Dieu présent dans chaque moment de l'histoire, rassemble en une même famille les peuples-frères, que des années rapides séparent seulement les uns des autres: ceci établi, n'est ce pas le temps de répéter avec plus de fois, que jamais, le mot du théâtre romain:

Je suis homme: rien d'humain ne me semble étranger.
(*Эпиграфъ Гердера*).

Въ этихъ строкахъ переводчика Гердера виденъ отблескъ мыслей историка человѣчества; чувствуешь тихое вѣяніе нѣмецкаго генія, олицетворившагося въ Гердерѣ и въ его веймарскихъ сомыслителяхъ и поэтахъ. „Прометей“ Кине вышелъ. Я опять спросилъ о немъ Шатобріана, а онъ опять хвалилъ въ немъ многое, и я рѣшился послать тебѣ его. Князю А[лександру] Н[иколаевичу] посылаю „L'indifférantisme religieux“ Вине, а Аржевитинову „Une maîtresse de langue“; и то и другое совѣтую и тебѣ прочесть. Ламартинша прислала мнѣ нѣсколько рѣчей мужа: „Sur la peine de mort“, „Sur la loi de la presse“, „De la jurisdiction militaire“ и прочее. Но все это берегу про себя. Онъ будетъ скоро опять говорить, объ уничтоженіи смертной казни, въ Камерѣ, и мнѣ уже обѣщали на это засѣданіе билетъ. Сегодня пошли туда многіе слушать Гизо, Тьерса

и, можетъ быть, и министровъ; но я дома начитаюсь больше, нежели тамъ услышу. Я часто вижу князя Ивана Сергѣевича Гагарина: онъ, кажется, опять сталъ тѣмъ же, какимъ я знавалъ его въ Минхенѣ, гдѣ мнѣ онъ очень нравился. Не чуждаясь свѣта, онъ заглядываетъ и въ книги и любитъ салоны Свѣчиной и ей подобныхъ. К. А. Нарышкинъ все осматриваетъ и вчера также былъ въ Камерѣ. Недавно князь Михаилъ Голицынъ давалъ [1]) молодымъ русскимъ дамамъ: княгинѣ Долгоруковой (Булгаковой), Голицыной (Кутайсовой), графинѣ Завадовской; Мещерская, за тяжеловѣсіемъ, не пріѣхала. Я поболталъ о тебѣ съ ними и жалѣлъ, что тебя не было у нашего любезнаго Лукулла. Всѣ просятъ и всѣмъ роздаю твои брошюры. Всѣ хвалятъ ее и удивляются слогу. Отнесъ Женисону, баварскому министру, четыре экземпляра: ему, королю, Шеллингу и Сѣвериной, а не Сѣверину, который не вспомнилъ обо мнѣ въ Москвѣ. Здѣсь роздалъ: Жомару, Moreau de-Jonnès, Лагранжу, Лёвъ-Веймару, коего наконецъ встрѣтилъ у Лагранжа и болталъ много; тамъ же видѣлъ и литератора Гейне: онъ умнѣе или, по крайней мѣрѣ, болтливѣе въ книжкахъ и въ стихахъ, чѣмъ на словахъ. Посылаю нѣсколько экземпляровъ въ Лондонъ, а можетъ быть и самъ свезу. Въ „Модѣ“ все еще о тебѣ ничего не вышло: ей не до насъ теперь, но вѣроятно скоро выдетъ. Въ „Revue Suisse“, коей афишку посылаю, вышла умная статья Vinet: „Sur l'étude de la littérature“ и критика на „Pensées d'Août“, но кажется критика пріятельская. St.-Beuve самъ въ Лозаннѣ, гдѣ она писана. Отошли къ Эмиліи Пушкиной свою брошюру, но отъ меня: правда ли, что князь Горчаковъ не женится? До какого рода книгъ охотница Эмилія Пушкина? Вѣроятно, до романовъ? Постараюсь попасть на ея вкусъ въ поэзіи или въ *воспитаніи*, о коемъ она мнѣ когда-то говорила, но дамская педагогія здѣсь не въ силѣ. Я сбирался послать къ тебѣ копію съ письма Georges Sand къ Мицкевичу о его поэмѣ или трагедіи, которую онъ давалъ ей просматривать и поправить въ языкѣ, но она расхвалила и совѣтовала и другихъ чуждыхъ поправокъ не принимать. Полѣнился списать письмо, а теперь уже

---

[1]) Пропущено, вѣроятно, слово: вечеръ.

и нѣтъ его здѣсь. Сбереги Сисмонди, ибо оригиналъ затерялся. Любопытное письмо читалъ къ той же Циркуръ и отъ Декандоля, но *прозябаемые* тебя не интересуютъ; ты и безъ того окруженъ ими, и самъ отъ нихъ зябнешь.

Полночь.

Я объѣхалъ три вторничныя мои вечеринки, то-есть, Моле, Гизо и Анселo. У первыхъ двухъ едва ли число посѣтителей было не равное, ибо со вчерашняго дня заговорили о соединеніи Гизо съ Тьерсомъ для составленія новаго министерства. Сегодня Монталиве, министръ внутреннихъ дѣлъ, началъ ораторствовать противъ эксъ-префекта полиціи Жиске о *тайныхъ фондахъ* и, не договоря, упалъ въ обморокъ: тѣмъ кончилось и засѣданіе Камеры. Увѣряютъ, что подагра поднялась въ желудокъ, но опасности нѣтъ. Почувствовавъ себя дурно, онъ оборотился съ трибуны къ президенту, говоря: „Je me trouve mal“, а Дюпеню послышалось: „Donnez-moi le journal“. — „Quel journal?“ спросилъ онъ его, но министръ упалъ уже въ руки товарищей. Завтра Моле будетъ отвѣчать на обвиненія и на оглашенія полицейскихъ секретовъ эксъ-полицеймейстера Жиске. Курьеръ, вѣроятно, не такъ скоро поѣдетъ, и Рейнваль позволилъ мнѣ прислать и къ нему пакетъ, а я за это обѣщалъ ему твою брошюру, которую подарилъ и Гизо, и прусскому дипломату во Флоренціи и Царьградѣ Мартенсу. У Гизо толпились депутаты и искатели фортуны. Madame Анселo мучится родами, ибо завтра даютъ въ первый разъ ея третью піесу: „Isabelle, ou les deux jours d'une femme“. Вся ея надежда на Дюплесси, коей завидуетъ и мѣшаетъ устарѣвшая m-lle Mars. Madame Ancelot пригласила насъ пріѣхать къ ней послѣ театра распить бутылку шампанскаго, если піеса удастся, и молчать о ней во весь вечеръ, если будетъ освистана. Сдержу пріятельское слово, хотя и хотѣлось бы поумничать кой о чемъ у С[вѣчиной].

Сейчасъ возвратился изъ французскаго театра и отъ Анселo. Успѣхъ „Изабеллы“ былъ довольно блистательный, благодаря прелестной игрѣ и прелестному личику m-lle Duplessy, которая оживила піесу и, сколько могла, загладила дурную игру трехъ акте-

ровъ. Есть сцены патетическія, въ коихъ она превзошла себя и заслужила рукоплесканія не одних заказныхъ хлопальщиковъ. Въ самой піесѣ, писанной хорошимъ слогомъ французскаго классицизма, не безъ невѣроятностей; есть вялыя сцены и слишкомъ длинные разговоры. Автора вызвали слабо (его или ее назвали), но актрису Дюплесси —оглушительнымъ хлопаньемъ и криками. Изъ театра пріятели явились къ авторшѣ: она съ трепетомъ ожидала насъ у камина. Я былъ вторымъ вѣстникомъ третьяго торжества ея. Оркестра не было, а мѣста онаго заняты были пріятелями театральнаго директора и авторши. Въ центрѣ партера было не безъ claqueurs. Послѣ перваго акта, въ оркестрѣ, журналистъ Брифо, издатель „Temps", поссорился съ директоромъ Водевиля, Араго, братомъ астронома, и получилъ отъ него громкую пощечину. У Брифо (не члена Института, коего новую трагедію услышимъ мы послѣ-завтра у Свѣчиной) уже разбита рука на дуэли: они сказали другъ другу: „A demain".

15/3-го марта.

Мнѣ удалось достать еще два экземпляра статьи Гизо о религіи. Пошлю одинъ князю Голицыну, другой для *васъ всѣхъ*, но съ тѣмъ, чтобы окончательно онъ пересланъ былъ въ Москву, къ философу и Свербеевой чрезъ Булгакова, а потомъ къ сестрицѣ. Онъ мнѣ нуженъ будетъ, ибо къ тому времени получу я и отвѣты, кои готовятъ здѣсь двоеженцу. Не зная, когда ѣдетъ курьеръ, я принужденъ отправить это письмо къ Баранту. Чтеніе журнала и вчерашнихъ преній въ Камерѣ депутатовъ заняло все утро. Прусскій эксъ-дипломатъ, пришедшій благодарить за твою брошюру, также заболтался со мной, ибо я долженъ былъ ему скицировать всѣхъ васъ, начиная отъ убитаго П[ушкина] до всѣхъ живыхъ и мертвыхъ, но еще живущихъ. Если князь А[лександръ] Н[иколаевичъ] самъ заговоритъ тебѣ о письмѣ моемъ къ нему, сегодня посылаемомъ, о книжкѣ Гизо, то попроси для прочтенія и спиши *для меня* копію и отошли сестрицѣ для храненія съ книжкою. Пожалуйста, исполняй мои просьбы, да не забудь о прежнихъ листахъ, у тебя оставшихся и издателямъ „Современника" отданныхъ. Обнимаю васъ.

Напомни мнѣ при свиданіи покоммеражничать съ тобою о нѣкоторыхъ здѣшнихъ *историческихъ лицахъ* мужского и женскаго пола; напримѣръ, подъ литерами Л. и Г. Письменно неловко, хотя это и не относится до политики. Пакетъ или пакеты скорѣе и вѣрнѣе, то-есть, черезъ Булгакова, отошли къ Нефедьевой.

815.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[9-го апрѣля 1838 г. Парижъ].

Посылаю для тебя и для другихъ, для храненія въ Москвѣ у сестрицы, нѣсколько экземпляровъ „D'un mot sur la conversion des rentes". Ты угадаешь автора, а можетъ и нѣтъ. Это братъ мой, написавшій эту брошюру для того, что замѣтилъ, что о remboursement худо толкуютъ и желая постановить различіе между justice и équité въ отношеніи къ conversion. Онъ послалъ *ce mot* къ главнымъ журналистамъ и говорунамъ Камеры. На другой день объ équité заговорили „Дебаты". Замѣтно, что и депутаты, говорившіе послѣ, прочли сію брошюру. Вопросъ не рѣшенъ еще, но кажется, что уменьшеніе процентовъ неизбѣжно, и я потеряю 3400 франковъ ежегоднаго дохода. Такой грѣхъ не бездѣлица! Ламартинъ говорилъ превосходно и увлекъ своимъ дѣльнымъ финансовымъ краснорѣчіемъ партизановъ и противниковъ этой операціи; но вездѣ, даже въ „Монитёрѣ", рѣчь его, импровизированная jusqu'aux chiffres près, искажена или сокращена. Онъ печатаетъ ее особо, и если до отъѣзда курьера выдетъ, то пришлю. Его слушали съ величайшимъ вниманіемъ, весьма рѣдкимъ въ Камерѣ. Ройе-Колляръ бросился обнимать его. Насмѣшники увѣряютъ, что онъ имѣетъ въ рантахъ 20000 дохода. Молва назначаетъ Ламартина министромъ духовныхъ дѣлъ: тогда, вѣроятно, увидимъ храмъ пантеизму.

Ожидаю къ понедѣльнику Шатобріана, а во вторникъ ѣдетъ курьеръ. Если возьмутъ, то пришлю и двѣ толстыя части Вильменя, но тебѣ только для прочтенія, послѣ чего отошли въ Мо-

скву, а Шатобріана возьми себѣ. Если же Шатобріанъ не выйдетъ къ отъѣзду курьера, то удержи Вильменя.

M-me Рекамье переѣхала въ Abbaye aux bois, и я рѣже вижу ее. Догановскій опять плохъ, и доктора теряютъ надежду, а было гораздо лучше. Пашковой лучше; она гуляетъ, хотя и мало выѣзжаетъ.

Министръ финансовъ и безъ того плохой ораторъ, къ тому же и въ подагрѣ. По выслушаніи его рѣчи противъ уменьшенія процентовъ, Ламартинъ сказалъ: „*Лаплазъ* повредилъ дѣлу вдвое болѣе, нежели я помогъ ему“.

С. П. Свѣчина сообщила мнѣ о помолвкѣ князя Евгенія Гагарина съ дочерью Стурдзы, семнадцатилѣтней, милой, благовоспитанной, пріятной и на первый случай съ 50000 р. дохода, а потомъ съ стапятьюдесятью и болѣе. Графиня Эдлингъ отдаетъ все племянницѣ, ибо она бездѣтна, а у брата одна дочь. Я читалъ письмо ея: какая душа и какое перо! Ни одной фразы, а вся душа ея!

Я получилъ письмо изъ Симбирска. Все ли ты переслалъ туда? Отъ Татаринова все ни слова. Перешли ему письмо поскорѣе и вытребуй отвѣтъ или заставь его написать ко мнѣ и увѣдомить о прошлой и о нынѣшней трети и объ арендѣ. Мнѣ нужны деньги въ Москвѣ теперь. Пусть онъ перешлетъ билеты туда, если получилъ или получитъ деньги, и увѣдомитъ, сколько перешлетъ. Право, досадно! Вѣдь у меня уже нѣтъ Тургенева! И фонды продавать здѣсь невыгодно теперь. Братъ самъ ѣдетъ за своими въ Лондонъ, потому что банкиръ перемѣнился и требуетъ присылки билетовъ, а пересылать ихъ дороже, нежели самому ѣхать въ Лондонъ. Здѣшніе не требуютъ поѣздки въ Лондонъ, но за то менѣе приносить будутъ процентовъ.

Какая блестящая и многочисленная толпа русскихъ была у всенощной, нерасходно съ обѣдней въ первый день праздника, и какъ мы дружно и аппетитно въ коморкѣ церковной, у посла, разгавливались въ два часа утра! Этотъ праздникъ, это пѣніе, это чувство русско-православное, во всей жизни насъ согрѣвавшее, такъ и порываютъ въ Москву! И у насъ наносили куличей и пасхи къ царскимъ дверямъ, и у насъ нянюшки и барышни барскія христосовались съ нами, но

модницы жали только руку. За обѣдней читали Евангеліе по-гречески и по-славянски, ибо съ нами и греки молились. Приведетъ ли Богъ къ Власію? Удастся ли качнуть подъ Новинскія качели? Еслибъ не укачали бурку крутыя горки, такъ бы и дунулъ на балконъ къ Аннѣ Дмитріевнѣ Нарышкиной. Здѣсь гуляли мы три дни въ Longchamps въ самые великіе дни Страстной недѣли. Кстати или на бѣду нашу, церковь русская—въ Елисейскихъ же Поляхъ, гдѣ и гулянье: прямо отъ часовъ великопостныхъ въ толпу Парижа! Блестящихъ экипажей болѣе прежняго; изъ русскихъ отличались: княгиня Багратіонъ, Тюфякинъ, который прокачивалъ Нарышкина и графа Завадовскаго четверкой, съ фальшивыми англинскими жокеями и верховыми. Здѣсь давно забыли, что въ Страстную должно молиться, а не кататься, а для насъ соблазнъ да и только. Начало или поводъ къ гулянью была также набожность; ходили на богомолье въ монастырь; привычка осталась, а на мѣстѣ монастыря—*трухмальныя* ворота.

Князь Голицынъ напоминалъ графинѣ Липона объ аутографахъ, но она теперь занята своею пенсіею, о коей скоро заговорятъ въ Камерѣ; теперь дебатируютъ о ней въ Комитетѣ. Надежда успѣха есть. Вмѣсто аутографовъ, посылаю пока записку о ея дѣлѣ, то-есть, о правахъ на вознагражденіе.

Я часто видаюсь здѣсь съ княземъ Иваномъ Гагаринымъ. Онъ попалъ въ первоклассные fashionables и имѣетъ на то полное право: богатъ, уменъ, любезенъ и любопытенъ. Здѣсь онъ опять провѣтрился и освѣжился. И въ Лондонъ не тянетъ его; но мой совѣтъ—здѣсь не заживаться, а, узнавъ Парижъ отъ Кедра до Иссопа, возвратиться на вѣчно зеленѣющій островъ и тамъ выдержать душу и умъ въ живительной атмосферѣ, напитаться ею и направить путь въ Москву; не быть однимъ изъ орудій машиниста Кудрявскаго, а русскимъ *помѣщикомъ-джентльменомъ*, но не *провинціаломъ*; выписывать изъ Лондона не машины земледѣльческія, а книги и журналы, а отсюда—мои письма. Такъ ли? Я въ новой квартирѣ и очень ею доволенъ: для меня одного двѣ уютныя комнатки; въ нихъ виды Симбирска, благодаря Жуковскому, и Тургенева съ Волги; между ними видъ Шанрозе, съ садикомъ и виноградникомъ брата и съ Сеною. Надъ ними портретъ Сашки;

полки съ книгами и рукописями; каминъ для утренняго чтенія; Въ двухъ шагахъ—булеваръ, въ десяти—Тюлерійскій садъ; недалеко кабинетъ съ журналами всего свѣта и даже съ „Сѣверной Пчелой“ и съ „Промышленностію“—Башуцкаго. Но Старая Конюшня все намъ мила!

Отдалъ еще два экземпляра твоего „Пожара“ княгинѣ Долгоруковой. Одинъ она пошлетъ отъ себя царствующей принцессѣ Баденской, другой, отъ меня, — Стефаніи. Теперь пришло мнѣ на мысль дать экземпляръ Липоншѣ. Какъ скоро пенсія назначится, пошлю ей „Дворецъ“. Съ Засѣцкимъ послалъ экземпляръ графу Гурьеву въ Неаполь. Я еще не имѣлъ духа справиться, сколько экземпляровъ продано въ трехъ книжныхъ лавкахъ, коимъ поручилъ продажу. „Пожаръ“ все еще въ окнахъ виденъ. Передъ отъѣздомъ справлюсь, сколько продано.

Я получилъ сейчасъ письмецо отъ Щербинина, изъ коего вижу, что посылка ему доставлена: спасибо! Кажется, что и Татариновъ часть моихъ порученій исполнилъ, но все предложи ему написать ко мнѣ; и если поѣдешь въ Киссингенъ, то передъ отъѣздомъ отбери письма отъ него, отъ Өедорова и Сербиновича.

Графиня Шленкуръ сказывала мнѣ, что графиня Шувалова въ Баденѣ почти безъ надежды; въ Великую субботу доктора отчаявались сохранить ее, но въ Свѣтлое воскресенье воскресла. Мужъ сбирался сюда, но не поѣдетъ, ибо страшится за жизнь ея. Въ маѣ они ожидаютъ туда Потоцкую.

22/10-го апрѣля. Воскресенье.

Рюминъ отложилъ отъѣздъ свой отъ льдовъ на морѣ, но пріѣдетъ со вторымъ пароходомъ. Съ нимъ, вѣроятно, и Вильмень, ибо послѣ завтра дай Богъ отправить и одного Шатобріана съ брошюрами.

23/11-го апрѣля.

Сейчасъ баронъ д'Экштейнъ прислалъ мнѣ отвѣтъ свой на брошюру Гизо о религіи. Я посылаю ее князю А. Н. Голицыну съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ ее тебѣ, а ты, прочитавъ, отошли въ Москву для прочтенія Ч[аадаеву], а потомъ для храненія у

сестрицы. Ради Бога, будьте аккуратны. Въ этомъ письмѣ всякая всячина, не вошедшая въ сорокастраничное. Не дашь ли „Un mot“ Канкрину? Я тебѣ послѣ пришлю еще: теперь нѣтъ мѣста.

816.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12/24-го апрѣля 1838 г. Парижъ.

По секрету. Вотъ тебѣ Шатобріанъ, но съ условіемъ: не развозить его, а развѣ показать главу объ Ал[ександрѣ] князю А[лександру] Н[иколаевичу]—и вотъ моя просьба отъ имени графа Сенъ-При, главнаго пріобрѣтателя сочиненій Шатобріана, и отъ самаго Шатобріана; они только за часъ предъ симъ прислали ко мнѣ экземпляры сей книги съ сею просьбою. Я едва успѣлъ пробѣжать главу объ А[лександрѣ]. Только ввечеру или завтра поступитъ она въ продажу, и слѣдовательно курьеръ никому не привезетъ ее. Вотъ въ чемъ дѣло: издатели напечатали in 8^0 и 12^0 (5000 экземпляровъ послѣдняго); одинъ изъ нихъ ѣздилъ нарочно въ Бельгію, чтобы предложить тамошнимъ книгопродавцамъ не перепечатывать книги, уступая имъ значительныя за сіе прибыли отреченія отъ беззаконной прибыли; но бельгійцы не согласились и отвѣчали, что немедленно перепечатаютъ. Издатели желали бы изъ Лейпцига, гдѣ уже поступятъ завтра же экземпляры въ продажу, переслать ихъ чрезъ Любекъ въ Петербургъ; но опасаются, что не пропустятъ, а рисковать издержками пересылки не хотятъ. St.-Priest, бывшій посломъ при Карлѣ X въ Гишпаніи, и Шатобріанъ просятъ меня узнать: пропуститъ ли цензура въ Петербургѣ книгу сію и узнать о семъ *скорѣе и вѣрнѣе*. Я хотѣлъ писать о семъ къ князю А[лександру] Н[иколаевичу]; но, прочитавъ объ Алек[сандрѣ], не рѣшился, ибо ему и вступиться въ такое дѣло невозможно; лучше узнать о семъ подъ рукою. Скажи мнѣ свое мнѣніе о семъ или освѣдомившись, пропустятъ ли или нѣтъ; увѣдомь *рѣшительно*, дабы я могъ объявить издателямъ. Я полагаю, что не пропустятъ *явно*, и такъ скажу издателямъ; но можно ли надѣяться, что подъ рукой посылать можно? Не думаю. Прости,

поговори съ кѣмъ нужно и можно и поскорѣе меня увѣдомь для отвѣта просителямъ.

Вижу по газетамъ, что въ маѣ, къ коронаціи, цесаревичъ будетъ въ Лондонѣ: правда ли? Куда пріѣзжать?

817.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го сентября 1838 г. Лондонъ.

Я выѣхалъ отсюда въ понедѣльникъ, на другой день послѣ тебя, въ Бирмингамъ, по желѣзной дорогѣ; прикатилъ туда къ пяти часамъ, ночевалъ тамъ; на другой день въ Ливерпуль, по желѣзной же дорогѣ; оттуда въ Честеръ, Бангоръ и Голигедъ, къ морю Ирландскому; но вдругъ погода испортилась, и въ воздухѣ стало мрачно, какъ въ моемъ сердцѣ; я ночевалъ на берегу моря, но не поѣхалъ въ Ирландію, опасаясь не столько качки морской, сколько своей грусти. Опять на Ливерпуль и Манчестеръ и желѣзной первой дорогой въ Лондонъ. Въ понедѣльникъ былъ уже здѣсь и получилъ письмо отъ брата, какое предчувствовалъ: Клара осуждена лежать безъ движенія въ комнатѣ (и она въ Шанрозе до декабря, а можетъ быть и долѣе). Она беременна: опасно движеніе, а какъ жить зимой въ холодномъ домѣ! И братъ опасается всего. Я только о ней и думалъ во всю дорогу и не могъ продолжать путь отъ сильной грусти и безпокойства. Уѣхалъ бы тотчасъ туда, но есть дѣло. Если опасность продолжится, уѣду прежде 1-го октября; если будетъ лучше, то 1-го октября: здѣсь тошно. Справлялся о тебѣ, но Киселевъ и не отвѣчалъ на записку. Бергъ ничего не знаетъ. Посылаю это письмо къ Бенкгаузену. Увѣдомь о себѣ подробнѣе и когда ожидать. Мнѣ здѣсь несносно. Закупаю книгъ и всего Кларѣ, а она осуждена на заключеніе. Бѣдный братъ! И мнѣ придется запереться на всю зиму съ ними, а зимой въ лѣтнемъ домѣ плохо! И докторъ далеко! Пиши ко мнѣ: à m-r Tourgueneff, Warwick-Street Charing-Cross, № 16. Дурново

хотѣлъ звать тебя въ Донкастеръ. Я не видалъ его. Живу въ комнатахъ брата.

На оборотѣ: M-r le prince Pierre Wiazemsky, 26 Kings-Road, Brighton.

818.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го сентября 1838 г. Лондонъ. Вечеръ.

Я пріѣхалъ сюда почти подъ такимъ же дождемъ, какъ въ Брейтонъ; только за два часа до Л[ондона] прояснилось. Я нашелъ здѣсь четыре письма: отъ брата—весьма нужное по дѣламъ. Кларѣ все также. Отъ Лансдовна изъ Дублина: зоветъ въ Бовудъ на будущую недѣлю, но я буду въ Парижѣ въ концѣ оной. Отъ Кривцова изъ Рима о рукописяхъ; изъ Лондона отъ милой miss Horner: зоветъ завтра на вечеръ. Я представлялся въ тотъ же день принцу Ольденбургскому; обѣдалъ у него, много разсуждалъ о его Юридической школѣ и познакомился съ Мальцовыми, кои о тебѣ много расспрашивали и опасаются, не сердишься ли ты за Вордингъ, если ты туда безъ нихъ пріѣхалъ. Онъ худо расчелъ время и долженъ былъ явиться къ принцу. Съ нимъ, то-есть, принцемъ, я и о книгахъ, и о людяхъ много шарлатанилъ, а онъ ссудилъ меня нѣмецкою книгою о правахъ, для его училища изданною: примѣчательна, но объ этомъ на словахъ. Сбирался на вечеръ къ Мальцовымъ, но они всѣ въ театрахъ и пр. Былъ въ City и въ Soho-Square; искалъ для тебя *туриста*, но нѣтъ ни въ одной лавкѣ. Одинъ хотѣлъ выписать, но успѣетъ ли? Если ты долго въ Лондонѣ пробудешь, то могу прислать изъ Парижа. Да не лучше ли уже тамъ всѣмъ добромъ запастись, а здѣсь сапогами, калошами „India rubber", хотя первые и очень дороги, но носки и красивы. Дурново въ день отъѣзда уѣхалъ home, домой, но куда? Графъ Строгоновъ наканунѣ и увезъ всѣ мои пакеты.

1-го октября.

Я не успѣлъ кончить письма. Вчера былъ въ Виндзорѣ съ 9-ти часовъ до 5-го. Видѣлъ королеву за шагъ отъ меня и потомъ

въ каретѣ, но Виндзоръ любопытнѣе всѣхъ живущихъ своими мертвыми и вѣчно живыми красотами природы. Непремѣнно посвяти день Виндзору и осмотри все, особливо въ церкви и во дворцѣ, и побывай въ Eton-College, за $^1/_4$ версты отъ него, гдѣ воспитывался Каннингъ и другіе. Можешь не ѣздить въ паркъ, pour voir Virginia-Waters и разныя затѣи Георга IV, о коихъ ты имѣешь уже понятіе по Брейтонскому китайскому кремлю, но виндзорская церковь съ кавалерами подвязки, но дворецъ, но картины и портреты и виды изъ дворца и съ террасы! Въ Waterloo-Room ты увидишь портреты мужей этой эпохи: Веллингтона (и вездѣ), Каннинга, Кастлере, Ливерпуля, Гарденберга, всѣхъ императоровъ и генераловъ ихъ и сподвижниковъ императора Александра: представитель казацкаго варварства Платовъ, палачъ Чернышевъ и — — Уваровъ, да два министра-иностранца, Нессельроде и Каподистрія—и только изъ русскихъ; нѣтъ ни Кутузова, ни Барклая и даже князя Волконскаго и Соломки. Едва не подслушалъ моего не патріотическаго негодованія какой-то соотечественникъ Назимовъ.

Я все сбираюсь въ четвергъ. Напиши ко мнѣ завтра или въ среду.

Mettez-moi aux pieds de m-me Léontieff. Je n'oublierai jamais son hospitalité et les moments que j'ai passé à Brighton. Удовольствіе ея бесѣды оживляется и надеждою увидѣться и въ Парижѣ и быть не одному тамъ, гдѣ такъ мало русскихъ по сердцу. Не даромъ мое влекло меня въ Брейтонъ. Поцѣлуй у ней нѣжно ручки и у miss Kügel, если она позволитъ, безъ замѣчанія, какъ на мой счетъ. Напиши съ ней въ Парижъ. Вѣроятно, Любовь Николаевна пріѣдетъ послѣ меня. Поздравляю ее и тебя со всѣми прошедшими именинницами и надѣюсь, что съ будущимъ сентябремъ, мы не сентябремъ будемъ смотрѣть другъ на друга и на нихъ, а лицомъ къ лицу. Надѣюсь увидѣть сегодня Мальцовыхъ. Получилъ ли Бенкг[аузенъ] письма, посланныя изъ Брейтона и передалъ ли Бергу мое, не знаю. Не знаешь ли ты?

J'ai déjeûné avec le prince Oldenbourg, qui est très content de mon opinion sur son école. J'ai vu Pozzo qui m'a engagé à diner démain avec le nouvel ambassadeur Clanricarde; je n'ai pas

trouvé lady Morgan, qui est allé voir son oculiste. Je ne sais, si je la reverrai. Cette lettre ne partira que ce soir, vous l'aurez demain, écrivez-moi toute suite. Benkhausen a remis nos lettres. Démain part un bâteau à vapeur pour Pétersbourg. Иду въ Ковентъ-Гарденъ смотрѣть „Гамлета“.

4 heures après midi.

J'ai été avant hier à l'élection du maire à Guild-hall; voyez cet édifice et l'intérieur de la chambre du maire.

Ecrivez à Benkhausen de vous faire inscrire avant votre arrivée au Travellers Cloub pour que vous y soyez déjà à votre arrivée à Londres; cela se fait pour tout le monde, mais seulement les mercredi, et vous pourriez venir jeudi et alors cela serait trop tard. Vous aurez une idée des cloubs de Londres, un vin fin le soir, du bon café à 6 p. la tasse et du thé excellent et tous les livres, journaux et brochures de Londres et du continent. N'oubliez pas de le faire.

Si vous vous déciderez d'aller voir, ce qui dure trop longtemps, Virginia-Water à Brighton, arrangez-vous d'avance avec le cocher pour le prix; nous avons pour deux heures 10½ et 2½ pour boire, la moitié de trop, mais la promenade dans le parc est assez insipide. Admirez les beaux arbres du voisinage et l'ensemble du haut de la tour de Windsor et laissez *le lac de la pucelle* à ceux qui ne savent pas qu'elle est ennuyeuse même dans les vers de Voltaire!

Je viens de passer par la Bond-Street. Un garçon de la rue m'arrête et me montre une fenêtre: la comtesse Zawadowsky était là et j'en viens. Elle vous engage à venir la voir, quand vous serez ici; elle est plus belle que jamais: la courtoisie anglaise, comme le bonheur, embellit. Les Malzoff vous saluent, ils vont partir mercredi ou jeudi; le prince d'Oldenbourg mercredi on jeudi pour Windsor et delà pour quelques jours chez Wellington; moi je vais *to lunch* chez lui et delà chez lady Morgan.

Браницкая умерла.

На оборотѣ: Le prince Wiazemsky, à Brighton, 26 Kings-Road.

819.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3 octobre 1838, Londres. 5 часовъ по полудни.

Письмо получилъ. Завад[овской] и Мальц[овой] передамъ все въ Парижѣ, а можетъ быть первой и здѣсь; вторая уѣзжаетъ сегодня. Курьеръ ѣдетъ въ Парижъ и оттуда немедленно пошлется въ Петербургъ: успѣешь написать письма. Князь Гагаринъ уже въ Парижѣ. Къ нему пиши. Я обѣдалъ вчера у посла: онъ между стариннымъ недругомъ Себаст[іани] и тур[ецкимъ] посломъ. Объ обѣдѣ послѣ, на словахъ. И Кланрикардъ тутъ обѣдалъ, и Макензи, отказавшій Пушкину. Послѣдній много расправшивалъ о тебѣ. Я далъ и Кланрикарду, и ему твой „Пожаръ" и отослалъ лорду Лансдовну. Сейчасъ отъ леди Морганъ; передалъ твое порученіе племянницѣ: обѣщала исполнить. Старушка въ восхищеніи отъ нашей Любови Николаевны Леонтьевой и разспрашивала много о ней, а я разсказывалъ, что сердце диктовало; мы разговорились часа два, а я и заслушался. Пѣла, а я млѣлъ, только не у окна, а у камина. Старушка готова бы и посватать. Твою брошюру уже имѣетъ; отъ тебя и отъ меня ожидаютъ русскихъ пѣсенъ. Ѣду завтра, хотя отъ брата и добрыя вѣсти: Кларѣ не хуже; виноградъ гніетъ на кустахъ: пора кушать. Пріѣзжай же: укладываюсь. Въ субботу—тамъ. Былъ въ Польской Litterary Society; и здѣсь, и для себя они — безмозглые, хотя и раздираютъ христіанское и русское сердце; и въ ихъ книжной лавкѣ былъ: Germyn-Street, 116. Зайди! Взялъ первую часть новаго журнала. Но книгопродавецъ-полякъ для себя торгуетъ.

Вчера я въ непростительномъ разсѣяніи сказалъ Киселеву, что его сестра, Милютина, умерла. Ко мнѣ писали или говорили— не помню. Не ты ли, или не Леонтьева ли? Если неправда, то напиши къ нему. Я на себя въ бѣшенствѣ, но голова моя головушка совершенно разстроилась, а Киселевъ отправилъ цѣлыя груды посылокъ моихъ. Совѣстно! Прости, милый! Пиши: Rue Duphet, № 16 и пріѣзжай скорѣе: встрѣчу съ отверстыми объя-

тіями и съ корзинами винограда. Обнимаю тебя. Расцѣлуй ручки у милой твоей поднебесной и у ея спутницы и поклонись и спутникамъ.

На оборотѣ: A prince Wiazemsky. A Brighton, 26 Kings-Road.

820.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го октября 1838 г. Парижъ.

Я пріѣхалъ сюда вчера, до завтра, съ дачи, гдѣ опять провелъ два тяжкіе дня и ночи. Клара вчера въ три часа утра снова, въ третій разъ въ теченіе менѣе двухъ лѣтъ, выкинула; страдала много, но, благодаря Бога, не долго; теперь спокойнѣе, какъ пишетъ братъ отъ восьми часовъ вечера вчерашняго. Тяжело, очень тяжело, особливо за будущее брата и Клары! Я возвращаюсь къ нимъ завтра или послѣ-завтра; при нихъ я спокойнѣе.

Здѣсь получилъ письмо твое; передалъ все Леонтьевой; Мальцовымъ передамъ сегодня; Полуехтовой также, за обѣдомъ у посла. Когда ожидать тебя? О смерти Тютчевой князь Гагаринъ зналъ отъ другихъ. Она уже не писала къ нему. Здѣсь графъ Закревскій и съ женою, Похвисневъ и прочіе. При свиданіи разскажу одно русское похожденіе, за которое можетъ еще мнѣ достаться отъ русскихъ; но — fais ce que dois. Милютина точно умерла; графъ Закревскій видѣлъ мужа и брата послѣ смерти ея въ Москвѣ, еще въ августѣ. Я не писалъ къ брату въ Лондонъ и пеняю себѣ по сіе время, что проболтался.

M-lle Bourbier ищетъ товарища или лакея, и мы ищемъ послѣдняго, но не находимъ; если найдетъ, то поѣдетъ чрезъ три дня. Справлялась о тебѣ и желала бы тебя довезти. Я посылаю съ ней письма и чашки. Отдамъ это письмо князю Гагарину; не знаю, когда и куда перешлетъ. Живи какъ можно долѣе въ Англіи: раскаешься, если безъ необходимости сократишь пребываніе. Вотъ тебѣ порученіе: въ Лондонѣ вышли четыре части, толстыя, рѣчей Брума, Brougham, съ историческими комментаріями. Цѣна онымъ 48 шиллинговъ, но во всѣхъ лавкахъ 4 или 5 шил-

линговъ сбавляютъ съ объявленной цѣны. Въ книжной лавкѣ, близъ бывшей моей квартиры (въ Warwick-Street, Charing-Cross), на улицѣ, ведущей къ Warwick-Street и называемой Cockpur-Street, два книгопродавца, почти близъ самой конторы, откуда отправляются кареты, и называемой the Britisch; у одного изъ нихъ выставленъ на окнѣ экземпляръ рѣчей Брума; онъ отдавалъ мнѣ его за 43 шиллинга, но я не успѣлъ и не хотѣлъ взять, потому что опасался обременять еще болѣе курьеровъ и попутчиковъ моими пакетами. Не можешь ли ты отправить эти четыре тома in 8⁰ съ курьерами, отдавъ ихъ Бергу или Киселеву, или самъ привезти ихъ? Если можешь, то сходи къ сему книгопродавцу и болѣе 43 шиллинговъ не давай, сказавъ, что онъ за двѣ недѣли предъ симъ отдавалъ ихъ мнѣ за эту цѣну; онъ вѣрно отдастъ, а можетъ быть и за 40 шиллипговъ; и вели увязать въ два пакета, ибо слишкомъ толстыхъ отправить нельзя. Деньги отдай, а я заплачу тебѣ здѣсь немедленно или англинскими, или французскими, какими для тебя удобнѣе.

18-го октября.

Письмо пойдетъ завтра. Полуехтова получила наконецъ письмо отъ мужа и счастлива. Онъ странствовалъ по Малороссіи; получила или получитъ и деньги. Твое порученіе объ адресѣ ей передалъ вчера у посла, гдѣ она обѣдала и тридесять языкъ русскаго нашествія на Парижъ. Посолъ просилъ меня вести Мейендорфшу. Я отговаривался, но онъ настоялъ; я согласился. За обѣдомъ она болтала много о тебѣ и наказывала мнѣ сказать тебѣ о ея дружбѣ, звать къ себѣ. Я частію шутками, частію не шутя, далъ ей почувствовать, что ты не хотѣлъ къ ней ѣхать et pour cause; добивалась, я не сказалъ, извиняясь самъ забвеніемъ. „C'est un commerage!“—„Нѣтъ“, отвѣчалъ я. Начала разсказывать, какъ она заявляла великой княгинѣ, тебя любящей, о своей любви къ тебѣ; какъ она звала ее *на тебя* и прочее; просила написать къ тебѣ объ этомъ, о ея дружбѣ и требовала разрѣшенія недоумѣнія, цитовала quatrain твой къ ней и прочее. Закревская тебѣ кланяется. Тутъ же обѣдали: Голицыны, Гагарины, Жеребцовы, племянница Толстого и прочіе. Я получилъ двѣ записки отъ брата. Положеніе Клары сносно. Не страдаетъ, а чувствуетъ

только усталость. Ожидаемъ молочной лихорадки. Съ радости я остался на сегодня обѣдать у Леонтьевой и съ нею въ „Gazza-Ladra“, въ Одеонъ. Уступилъ бы тебѣ, если бы ты здѣсь былъ.

Bourbier все еще безъ человѣка. Сбирается въ воскресенье. Графъ Матусевичъ ѣдетъ сегодня въ Петербургъ; не знаю, возьметъ ли письма? Мальцовой прочелъ твои строки; очень по сердцу была ей похвала Поццо. Она всѣмъ кружитъ здѣсь головы: вчера Гриша Гагаринъ и Jean и всѣ отъ нея въ восхищеніи. Напоминаетъ Пушкину, вдову поэта, но свѣжѣе. Очень привѣтлива и любезна и хорошо себя держитъ въ салонѣ.

Сюда пріѣхалъ Корнеліусъ, минхенскій Микель-Анджело въ живописи. Онъ сказывалъ мнѣ, что видѣлъ Жуковскаго; что цесаревичу гораздо лучше, какъ онъ ему сказывалъ; кажется, и государь, и цесаревичъ были въ его рабочей. Онъ пишетъ „Страшный судъ“ для минхенской церкви, который намъ очень нравился въ Римѣ; но Гриша Гагаринъ увѣряетъ, что дьяволы и ангелы гримасничаютъ одинаково, и что подражаніе Микель-Анджело неудачно. Возвращаюсь завтра на дачу дни на три. Мещерская (Жихарева) больна, а онъ печатаетъ свои сочиненія на будущій смѣхъ публики.

Рекрутскій наборъ съ тысячи—шесть! Тяжко и вчужѣ, то-есть, на чужбинѣ, ибо Россія никогда для сердца *чужой* не будетъ; обѣщали пять съ половины, взяли съ обѣихъ вдругъ, а теперь шесть вмѣсто пяти съ одной! E sempre bene!

M-me Ancelot справлялась о тебѣ и зоветъ на вторники. Читаешь ли о себѣ статьи въ англійскихъ журналахъ: ты замѣнилъ князя Козловскаго обѣдами у посла, да ты же и адъютантъ его императорскаго величества!

На оборотѣ: Monsieur monsieur le prince Pierre Wiazemsky, à Londres.

821.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го декабря 1838 г. Парижъ. Утро.

Сейчасъ получилъ письмо твое отъ 3-го декабря. Переговорю съ Леонтьевой и отправлюсь искать для тебя квартиры, но на долго ли? Обдумаю, какъ лучше и гдѣ, такъ какъ, вѣроятно, вы возьмете карету помѣсячно или на мѣсяцъ, но нѣтъ нужды брать квартиру въ дорогихъ hôtels. Посмотрю, не удастся ли взять ту, которую занимали кн. Шаховскія. Я слышалъ, что очень дешево и въ центрѣ всего. Подумаю и объ обѣдѣ. Чай лучше держать свой.

Я заходилъ три раза къ Мортемаръ и въ первый разъ записалъ: „De la part du prince Wiazemsky", но надежда плоха, особливо послѣ операціи; третьяго дня, увидѣвъ солому на улицѣ, не зашелъ спросить.

Письма твои въ Лондонъ отдалъ князю Гагарину, а къ дочери отправилъ съ курьеромъ въ воскресенье, приписавъ на пакетѣ, когда и какъ и съ кѣмъ (то-есть, съ пирогомъ) ты уѣхалъ.

Шаховскія уѣхали, и одной изъ дамъ подарилъ твой экземпляръ „Boréales"; возьму другой и перешлю, если возьмутъ; но онѣ, вѣрно, давно уже и въ Франкфуртѣ. Comme forme, c'est ridicule; comme principe, c'est infâme (см. примѣчаніе о Лудвига XIV словцѣ: „L'état c'est moi", d'un philosophe chrétien). Если уже проситься въ православные, то не мѣшай *hostie* въ *I love you*: c'est de l'impiété et pire que cela, c'est du mauvais goût.

Полуехтова увѣряетъ, что ѣдетъ въ среду (а сегодня четвергъ), но уѣдетъ ли—это другое дѣло. Поручу и ей искать квартиру, но съ тѣмъ, чтобы не нажить процесса, подобнаго Трубецкимъ, кои за справку о квартирѣ поплатились. Если пріѣдете до 18-го декабря, то 18-го попадешь на именинный обѣдъ къ послу, а 17-го увидишь открытіе Камеры, или снаружи или внутри оной, но билетъ трудно достать.

Леонтьевой и m-lle Kügel поклонъ передамъ. Мы все по старому видаемся и тебя не забываемъ. M-me Récamier спраши-

вала, si le prince satyrique était encore à Paris, и пригласила бы тебя на воскресное чтеніе, гдѣ уже были Лакретель, Пакье, президентъ, Гумбольдтъ, m-lle Fontanes, дочь поэта, m-me Tastu, poète, и множество иныхъ, особливо дамъ. Но чтеніе было уже прежнее; одно я пропустилъ. Вчера Custine читалъ у ней отрывки своего романа. Здѣсь еще не стало одного цвѣтка: семнадцатилѣтней Aldegonde, которую ты видалъ въ Петербургѣ;

Et rose, elle a vécu ce que...

Умирала въ памяти и безпрестанно занимаясь матерью, другими и собою въ вѣчности; просила, чтобы похоронили въ Парижѣ, въ надеждѣ, что друзья иногда принесутъ цвѣтовъ на могилу. Въ самую минуту разлуки съ міромъ умоляла мать выйти, чтобы не видать ея смерти, и скончалась тихо.

Choiseul, послѣдній обломокъ XVIII вѣка, умеръ, какъ жилъ: съ Вольтеромъ на столѣ и съ отцвѣтшей любовницей (а ему 80 лѣтъ). Не хотѣлъ причастія и велѣлъ поставить у входа бюстъ Вольтера, чтобы помѣшать священнику войти къ нему. Лобау хоронили въ воскресенье. Вотъ тебѣ черный бюллетень и за будущее.

Племянникъ Жубера читалъ мнѣ статью его, изъ отрывковъ превосходно составленную: „Sur la pudeur“. C'est un chef d'oeuvre de style, d'originalité et de profondeur métaphysique: c'est moral à force d'être beau! Peut-être imprimera-t-il cet article à la suite du volume publié, dont il est très mécontent, ou en abrégeant le volume, il y ajoutera l'article „Sur la pudeur“, qui est un développement complet d'une belle pensée.

J'ai vu „La popularité“: скучно, сухо и безъ всякаго познанія англинскихъ обычаевъ, но много хорошихъ и даже превосходныхъ стиховъ: это—„Духъ Журналовъ“ (только не Яценкинъ) въ лицахъ.

Справься, не вышла ли вторая часть жизни Нибура (историка-министра); кажется, „Leben von Niebuhr“; первую я купилъ у книгопродавца vis-à-vis твоего жилья; купи мнѣ ее и привези, написавъ цѣну на книгѣ: здѣсь заплачу. Вотъ названіе книги: „Lebensnachrichten von Niebuhr“. Въ Гамбургѣ издана первая часть, 8⁰.

4*

Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ умеръ въ Одессѣ. Я получилъ письмецо отъ Языкова изъ Ганау; хотя и радъ ему, но не очень успокоенъ. Не повидаешься ли съ нимъ? Разспроси о немъ Коппа и увѣдомь. Мицкевичевой почти лучше, но теперь она увѣряетъ, что мужъ ея сошелъ съ ума, и что она отъ него въ опасности. Доктора совѣтуютъ ему уѣхать па время: авось, это подѣйствуетъ. Онъ избранъ профессоромъ въ Лозаннѣ; требуютъ программы, а онъ ни о чемъ думать не въ силахъ и долженъ самъ за ней ухаживать, ибо нанимать дорого. St.-Beuve писалъ въ Лозанну, чтобы не требовали программы, а сами предложили ему отсрочить, ибо Мицкевичъ совѣстится. Я провожалъ Леонтьеву въ Police correctionelle для процесса, а имя мое съ Нѣмцевичемъ и княземъ Чарторижскимъ попалось во всѣ журналы. Чортъ возьми la publicité inutile! Вчера у Ансело встрѣтилъ бы ты и m-r d'Arlincourt.

Леонтьева тебѣ кланяется. Пишу на ея столѣ. Идемъ въ Hôtel Tronchet для квартиры, а я уже былъ и въ Hôtel du Danube: почти напротивъ насъ, но въ другой и свѣтлой улицѣ. Въ третьемъ этажѣ—300 франковъ, во второмъ—500; но нѣтъ обѣда, а только завтракъ, а этого не нужно: лучше свой. Ты оставилъ 40 франковъ лишнихъ у Леонтьевой.

Miss Kügel готовитъ тебѣ коммеражъ одной ея тетушки. Послалъ справиться о Мортемаръ; иду къ Полуехтовой. Сейчасъ приносятъ для Маши твоей bournous mérinos, châle blanc, doublé de bleu, съ капишономъ; c'est beau. 150 francs, garni de franges bedouines et ouaté. Пошлемъ къ Полуехтовой, если ѣдетъ.

На оборотѣ: Allemagne. Monsieur le prince Wiazemsky. A Francfort sur Mein, à l'Hôtel de Russie.

822.

Тургеневъ князю Вяземскому.

13/1-го декабря 1838 г. Парижъ. Утро.

Сію минуту получилъ письмо твое отъ 10-го. Квартиръ я и твой наемникъ нашелъ много, и близко, и не дорого; то-есть, à peu près въ 500 francs par mois; но не вездѣ есть и столъ, а надобно

брать изъ трактировъ въ большей части. Отъ Tronchet и я отказался; во-первыхъ потому, что 600 francs, а 500 другая, а во-вторыхъ и потому, что домъ новый и, можетъ быть, сырой, хотя хозяйка и увѣряла меня, что сухъ и тепелъ. О столѣ: Полуехтова беретъ хорошій и дешевый откуда-то; совѣтуетъ и вамъ то же дѣлать, и я подписываю совѣтъ ея. Столъ носятъ всюду. Какъ скоро получу отъ тебя приказъ: *нанимай* — рѣшимся, хотя дамы въ дѣлѣ квартиры мнѣ не помогаютъ; а я одинъ рѣшиться опасаюсь, не зная какія другія квартирныя снадобья нужны для дамскихъ потребностей. Хорошо бы жить *сестрамъ вкупѣ*.

Жаль Сперанскаго: мы уже слышали о его опасной болѣзни, то-есть, Булгаковъ писалъ ко мнѣ о немъ и о Шишковѣ. Но что же ты ни слова о смерти дуэльной графа Самойлова? Мы не знаемъ, кто уходилъ или, лучше, уложилъ его, а знаемъ только, что за кого-то, а не за что-то. Булгаковъ пишетъ мнѣ кучу новостей и для тебя. Въ Москвѣ всѣ родятъ, въ Петербургѣ — женятся. Сестра Фофки, графиня Толстая, выходитъ за графа Мордвинова, и ваши Четвертинскія были уже на балѣ. Кутайсова родила, Сафонова-косая отъ стараго мужа брюхата. „Dites à Wiazemsky, что кузина родила дочь Зенеиду". Кто эта кузина?

Свадьба князя Касаткина съ Стрекаловой все еще не устроилась, ибо начинается процессъ о законности дочери князя Касаткина, не жившаго съ женой 20 лѣтъ, а ей 16. Графиня Гудовичъ родила, но пишутъ, что опасно больна въ девятый день послѣ родинъ (князю Трубецкому). Отъ Павлова получилъ письмо въ двѣнадцать страницъ—все о *дѣвѣ* Орлеанской, — — — не дѣвой Павловой. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Князь Голицынъ пишетъ ко мнѣ, чтобы я не опасался оставаться сколько хочу въ чужихъ краяхъ, по моимъ занятіямъ, и старается утѣшить меня религіей въ моей грусти, о коей заключаетъ изъ тона писемъ моихъ къ нему и къ другимъ.

Вчера я былъ на первой середѣ у Лёвъ-Веймара: много о тебѣ. Жаль, что въ умъ не пришло попросить его о билетахъ, а теперь поздно; но для будущихъ камеръ онъ тебѣ вѣрный поставщикъ. Скучно у него, но чай хорошъ. Я полагалъ найти литера-

турную братію, а нашелъ мнимую знатность и слѣдовательно скуку и карты.

О бернуфѣ твоемъ я хлопочу; вчера былъ два раза у женатаго Гагарина: не возьметъ ли? Но не засталъ его. Но вѣренъ ли онъ? О курьерахъ спрошу Лёвъ-Веймара, если увижу.

Доложи милой Мещерской, съ колѣнопреклоненіемъ моего сердца, что причина тому что я не... [1]), что я тридцатью годами старѣе и живу въ Парижѣ, а не на Михайловской площади.

Бельведерши еще не встрѣчалъ. Милая Леонтьева мила по прежнему. Въ ней что-то необыкновенно доброе, и имъ она привлекательна столько же, сколько и глазами. Посылаю ей письмо твое и пойду на совѣщаніе, а потомъ къ Полуехтовой потолковать о вашемъ общежитіи. Получилъ приглашеніе отъ m-me Ancelot на вечеръ съ m-lle Rachel. А тебя—нѣтъ, какъ нѣтъ! Рекамье опять о тебѣ спрашивала. Третьяго дня вечеръ у Свѣчиной многолюдный; невзначай собрались: Лакордеръ, Баланшъ, Брифе, Экштейнъ, скучный надоѣдало, сипофилъ Паровей, графиня Гихъ (дочь Штейна) и толпа другихъ умницъ; но всѣхъ заговорилъ Циркуръ: его монологи противъ всего, что не нравится въ томъ салонѣ, гдѣ онъ держитъ ихъ,—*холодный кипятокъ*: горячится, но не отъ сердца, а отъ ума и отъ памяти; впрочемъ, я люблю его умъ, довольно вѣрный съ вѣрными и строгій съ строгими, хотя и на всѣ руки.

Я отыскалъ въ каталогѣ туринскихъ рукописей отчетъ греческаго епископа о путешествіи греческаго патріарха Іереміи въ Россію и о поставленіи имъ Іова на патріаршество въ Москвѣ. Весь церемоніалъ описанъ и всѣ офиціальныя привѣтствія, роскошь православная и прочее, и прочее очевидцемъ-архіереемъ по-гречески и по-латыни. Переписываю оба текста.

Приписка Л. Н. Леонтьевой.

Mille remercîments de la bonne nouvelle de l'arrivée de mon frère, que j'ai eu le bonheur de revoir hier; votre lettre ne l'a devancée que de quelques heures. Nous sommes tous désolés de ce que vous nous avez

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

quitté si tôt; vous auriez pu nous donner encore quinze jours, mais nous espérons vous voir encore une fois à Paris. Miss Georges vous salue à l'anglaise—„Shakes hands with you"—et moi aussi de toute moi. Au plaisir de vous revoir. Aimée Léontieff.

J'espère expédier le bournous de m-me Walouieff par les Gagarines qui partent.

Продолженіе письма Тургенева.

Три часа.

Полуехтова сказала мнѣ, что готова съ радостью принять васъ; себя, княгиню и Надину помѣститъ въ спальнѣ или Надину и особо, въ гостиной; тебя гдѣ-то, но только не en juste-milieu entre elles; фрейлину вашу—въ столовой, за ширмами, а столъ вмѣстѣ. Если не уживетесь, то по крайней мѣрѣ отыщете или аппробуете отысканную квартиру à votre aise. Но только пріѣзжайте засвѣтло, до обѣда, чтобы ночью не пѣть ей:

Не будите меня, молоду.

Прости!

На оборотѣ: Allemagne. Monsieur le prince Pierre Wiazemsky. A Francfort sur le Mein, à l'Hôtel de Russie.

823.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го декабря 1838 г. Парижъ.

Вчера я получилъ письмо твое и вложенное доставилъ Полуехтовой. Ввечеру она сказала мнѣ, что отыскала какую-то двойную квартиру въ Rue de la paix, гдѣ два семейства могутъ удобно помѣститься; что на вашу долю придется платить 400 франковъ въ мѣсяцъ, на ея 600; что помѣщеніе удобное, и просила сегодня или завтра осмотрѣть ее; сегодня я врядъ ли успѣю, ибо все утро занято Академіей и визитами, а вечеръ у Ламартина и Свѣчиной; но завтра осмотрю и скажу свое мнѣніе Полуехтовой и ничего не рѣшу, ибо это должно рѣшиться людьми семейными. Она ожидаетъ опять какого-то письма отъ мужа и если получитъ,

то поѣдетъ или скоро, или чрезъ шесть недѣль. Такъ сказано въ каретѣ на пути къ англійскому послу. Какъ будетъ рѣшено послѣ балу—неизвѣстно. Красавицъ англійскихъ было несмѣтное число. Жаль, что не попалъ къ жиду-Лукуллу на обѣдъ! А мы отпраздновали въ церкви и на обѣдѣ пышно и сытно. Я заслушался сосѣда Жомини! Охота ему визитаться въ русскомъ мундирѣ съ французскими генералами! Всѣ отвернулись, а я слушалъ его во весь обѣдъ, не смотря, что на насъ косились. Жаль, что зиждущіе храмъ нашего государственнаго устройства не брегутъ о семъ камнѣ! 28-го декабря опять обѣдаю у посла съ Леонтьевой. Передалъ ей твою фразу, но не давалъ письма, твоими фразами запачканнаго. Наканунѣ полученія письма твоего былъ у меня князь Егоръ Гагаринъ. Я показывалъ ему bournous и спросилъ, можетъ ли вѣрно и безъ затрудненія доставить, что иначе я пошлю съ другими; онъ велѣлъ прислать къ женѣ; я послалъ, и она велѣла сказать мнѣ, что доставитъ вѣрно и въ цѣлости. Не знаю, уѣхали ли: сбирались въ тотъ же день. Леонтьева отняла съ бернуфа бараньи франжи. Бѣлье твое все перемылъ, сдѣлалъ реестръ и храню. Лёвъ-Веймаръ хотя и сказалъ мнѣ, чтобы я прислалъ къ нему на всякій случай бернуфъ, но такой коробки никакой курьеръ не приметъ, и она бы у него залежалась, а между тѣмъ и зима бы прошла. 26-го у него обѣдаю; былъ и въ прошлую среду. Посолъ спрашивалъ вчера о тебѣ: возвратишься ли? Я сказалъ что знаю.

Получаешь ли „Revue des deux mondes“? Каковы статьи о Фонтанѣ? St.-Beuve нездоровъ; сбирается приняться за St.-Martin. Ламартинъ возвратился и звалъ меня ежедневно отъ 7 до 9, а на субботы по прежнему. Чтенія Шатобріана у Рекамье возобновятся для двухъ аудиторій: одна келейная, другая многолюднѣе. Третьяго дня мы много толковали о Ламене, Ламартинѣ и прочихъ по случаю фразы аббата Жербе, издателя de „L'Université catholique“, которую я передалъ салону Рекамье; она въ предисловіи къ новому изданію его статьи: „Sur la chute de m-r de Lamennais“ и вотъ она: „La chute d'un ange“ de m-r de Lamartine est le pendant des „Affaires de Rome“ de m-r de Lamennais. En gémissant sur ces tristes défections, il ne faut pas trop s'en alarmer. La plus obscure fille

de St.-Vincent de Paul qui déserterait la foi, serait quelque chose de plus sinistre, qu'un grand talent qui tombe. Cette chute de la charité serait vraiment la chute d'un ange: quant au génie, ce n'est guères qu'un beau mortel, qui nous accoutume depuis six mille ans à ses faux pas". Съ этимъ Шатобріанъ, Кюстинъ, Рекамье не согласились: геній также имѣетъ свое высокое назначеніе. Это завлекло насъ въ характеристику Ламартина, Ламене и ихъ началъ религіозныхъ и двойной роли Ламартина—поэта и христіанина. Шатобріанъ разсказалъ намъ участіе свое въ мнѣніяхъ Ламене и объяснилъ не для всѣхъ понятное въ его такъ называемомъ отступничествѣ: онъ самъ когда-то указалъ ему на демократизмъ въ Евангеліи, коимъ Ламене съ жадностію воспользовался и упился: и кости его католицизма разсыпошася.

Недавно былъ я на вечеринкѣ литературной у графа Шувалова. Эмиль Дешанъ читалъ три первые акта „Ромео и Юліи" Шекспира, имъ переведенные; другіе два перевелъ Альфредъ Де-Виньи (нынѣ въ Англіи). Переводъ хорошъ, если бы Шекспиръ былъ французъ. Князь Мещерскій глупо восхищался всѣмъ, и здѣсь не безъ *надежды*, что его и „Сѣверное затменіе" возбудитъ такой же энтузіазмъ въ Дешанѣ; жена его, миленькая, свѣженькая, отвѣчала улыбками на сладкіе взгляды индустріальнаго Мейендорфа, который также не въ попадъ восхищался офранцуженнымъ Шекспиромъ. Завтра читаетъ, кажется, Левнозъ у Рекамье объ исторіи живописи. Сегодня Виншперъ засидѣлся у меня и помѣшалъ идти въ Академію нравственныхъ и политическихъ наукъ. Въ прошедшую субботу эксъ-министръ Пасси, избранный въ вице-Дюпеня, читалъ намъ примѣчательное разсужденіе о формахъ правленія, доказывая несостоятельность, почти невозможность республикъ для государствъ огромныхъ; причину ихъ паденія въ Римѣ, въ Европѣ вообще и предсказывая будущую участь ихъ въ Америкахъ; новые виды на прошедшее въ разныхъ частяхъ свѣта, наставительныя для будущаго въ Европѣ, гдѣ, по его мнѣнію, все клонится или и стремится къ монархизму: и этотъ новый Монтескье принадлежитъ здѣсь *теперь* къ либеральной оппозиціи!

Не забудь справиться о книгѣ Нибура, то-есть, второй части его писемъ. Первую имѣю. Брумъ опять радикальничаетъ и ду-

ритъ: написалъ письмо къ королевѣ, доказывая ей, что она не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ своемъ туалетѣ не можетъ еще имѣть своего мнѣнія. Стоитъ ли труда говорить такія истины семнадцатилѣтней конституціонной королевѣ. Смерть Самойлова не состоялась. Здѣсь уморила его Мейендорфша: она же уморила недавно принцессу Виртембергскую, и съ тѣхъ поръ ей лучше; третьяго дня убила на дуэли новаго пѣвца Mario de Candia—и сегодня онъ поетъ. Чего не собрано нынѣ въ Оперѣ! И всѣ мои, домашніе и *троншетные*, ѣдутъ, а я къ Ламартину. Бельведерша—Рахманова. Какъ же ты не узналъ Аполлоновны! Она здѣсь и хочетъ быть всюду. У нихъ служитъ твой Личарда. Съ вами ли Игнатій? Недавно былъ я въ концертѣ Беріо съ Laroche и оттуда къ Верне на чай; пили и о тебѣ вспоминали. Возвращусь и завтра: у дочери—субботы, у матери—воскресенья. M-me Lagrange (Caumont) пріѣхала, и опять понедѣльничаютъ; она уже знаетъ о тебѣ и приглашаетъ. Мужъ весь въ Камерѣ съ Ламартиномъ и въ „Revue française et etrangère" съ Циркуромъ et compagnie. Пріѣзжай къ Discussion de l'adresse: будутъ сильныя вспышки. Я поведу тихо-тлѣющуюся и еще цвѣтущую Леонтьеву, но уступлю тебѣ билетъ, если пріѣдешь.

Въ „Священныхъ гимнахъ" Туркети много поэзіи. Мицкевичевой и лучше, и нѣтъ, но сбивается на другое; бѣдность усиливаетъ бѣдствіе. Здѣсь генералъ Медемъ, глухой, съ женой, урожденной Балудж[ьянской], съ переломленной ножкой, и съ сестрой ея, Бал[уджьянской] же. Знаешь ли ты ихъ?

Третій часъ по полудни.

У Полуехтовой. Сейчасъ ходилъ смотрѣть предлагаемую квартиру, но нашелъ вашу половину взятою за минуту передъ тѣмъ; и даже еще была тамъ другая половина еще не взята, но одной половины вамъ мало: будемъ искать другой; пишу подъ диктантъ бель-серы. О m. Boildieu справлюсь, хотя и знаю; но сестра лучше устроитъ вамъ. На княгиню Zénéide трудно полагаться. Графъ Самойловъ убитъ четырьмя жидами, братьями или пріятелями увезенной имъ жидовочки въ его деревнѣ. Il a été écartelé: они были въ маскахъ и пріѣхали выручать жидовку въ полночь. Жена Самойлова въ Туринѣ.

Далѣе 28-го декабря или 1-го генваря m-me Polyektoff не можетъ ждать въ сей квартирѣ, а должна переѣхать и, слѣдовательно, и для васъ нанять вмѣстѣ (со словъ Полуехтовой).

На оборотѣ: Allemagne. A monsieur monsieur le prince Wiazemsky. A Francfort sur le Mein. Recommandé aux soins de la mission de Russie.

1839.

824.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14/2-го генваря 1839 г. Парижъ.

Поздравляю съ прошествіемъ стараго. Съ новымъ поздравлю также по прошествіи. Я получилъ по утру письмо твое отъ 11-го и немедленно отправился въ *Веймаръ*, но уже не засталъ льва; а львица еще покоилась въ объятіяхъ Орфея, avec un M., какъ говаривала наша глупая . . . [1]). Отъ него прошелъ къ Моле, но и тамъ его не было; далъ знать Полуехтовой о твоей отсрочкѣ, не сказавъ причины, согласно твоему предписанію. Веймару оставилъ записку съ прописаніемъ тебя и твоего семейства, съ домочадцами и прося, если можно, замолвить слово Моле и дать мнѣ знать о резолюціи до трехъ часовъ. Если получу—сообщу. Впрочемъ, я не вижу нужды въ visa franc. Какъ же проѣхали Мещерскіе, Рахмановы и весь здѣшній ангельскій соборъ и человѣческій сбродъ? Съ Богомъ поѣзжайте и безъ *Кипарисной аллеи* прямо въ Елисейскія поля, гдѣ русскій посолъ приметъ васъ подъ кровъ свой, изъ коего скоро переѣзжаетъ въ Hôtel Montebello. Мы ожидаемъ ежедневно курьера и послѣ комнатной или камерной суматохи отправимъ и своего, вѣроятно не прежде десяти дней. Квартира уже нанята; по крайней мѣрѣ Полуехтова

---

[1]) Одно слово не разобрано.

уже перехала; не знаю, начала ли уже и за васъ платить, à saison de 400 francs par mois; слѣдовательно, спѣши, чтобы не платить за двѣ. Я бы сказалъ о твоихъ затрудненіяхъ и послу, но ты запретилъ, а другимъ болтать не для чего. Здѣсь теперь все кипитъ, по крайней мѣрѣ политическою жизнію; бальная прекратилась на время трауромъ, по ораторы шумятъ, и чуть до рукопашнаго не дошло у Ламартина съ Тьеромъ. Первый не пускалъ крошку экс-президента на трибуну, вспомнивъ, что года за два онъ уже разъ поддѣлъ его, или не разъ, а три раза въ одно засѣданіе:

Однажды шелъ дождь трижды,

умоливъ также au nom de la loyauté пустить его въ огородъ; да и не вышелъ оттуда прежде, нежели не высказалъ часа въ три всего, что было на сердцѣ и тѣмъ парализировалъ рѣчь Ламартина, который тогда же посмѣялся, что впередъ онъ его не проведетъ или, лучше, не сведетъ съ трибуны. Я слышалъ эти пренія и этотъ шумъ и звонъ президентскаго колокола въ Камерѣ; Ламартинъ наканунѣ еще говорилъ мнѣ, что врядъ ли въ силахъ будетъ ораторствовать: у него идетъ кровь горломъ; но Моле умолилъ его заступиться за потрясенное министерство, и Ламартинъ вышелъ въ бой на двѣ крошки — Гизо и Тьера, но слоновъ по таланту, но не по великодушію и не по характеру.

Во все это время я былъ въ большомъ горѣ за Клару: она потеряла сестру-друга, 19-ти лѣтъ, и безпокоится за другую и за бѣднаго отца; съ тѣхъ поръ прошла она сквозь rage des dents, такъ что по ночамъ едва держать ее можно было. Теперь лучше, но груститъ по милой сестрѣ. Леонтьева мила по прежнему. Отъ княгини Шаховской получилъ письмо изъ Берлина. Сбираюсь сдѣлать ее твоей намѣстницей въ полученіи моихъ „огромныхъ", какъ сказалъ бы А. Н. Ол[енинъ], писемъ; но какъ-то не пишется, а было бы о чемъ; напримѣръ, отчетъ въ экзаменѣ на докторство философіи, гдѣ кандидатъ Ozanam загонялъ своихъ учителей. Въ полномъ собраніи ихъ Вильменъ, Кузенъ, Форіэль, Лакретель, Жуффруа, St.-Marc-Girardin, Patin и множество другихъ принуждены были признать его достойнымъ войти

въ свѣтлое ихъ сонмище, а тема—„Essay sur la philosophie de Dante“. Сочиненіе превосходное, отвѣты экзаменаторамъ превосходные! Я заслушался и объявилъ новому доктору, что ни въ одномъ изъ полусотни университетовъ германскихъ, англинскихъ, шотландскихъ, итальянскихъ, русскихъ и французскихъ не слыхалъ я подобнаго пренія. Сорбонна ожила бы съ такими талантами и такимъ духомъ, ибо Ozanam истый христіанинъ, хотя и католикъ. Дамъ прочесть его тему. Изъ Москвы, отъ Павловыхъ, получилъ еще кипу стиховъ Павловой, условился печатать „Анну Арвовну“ съ гравюрой статуйки de la princesse Marie, а мелкія стихи особо и великолѣпно. Здѣшніе литераторы очень хвалятъ ихъ. „Сѣверное затменіе“ не слишкомъ хвалятъ, хотя и обѣщали многіе сказать за друга словцо, другое. St.-Beuve совѣтовался со мной; я указалъ ему на „I love you“, на „L'état c'est moi“ и на русскій вонючій тулупъ, коимъ прикрыто все грѣшное тѣло автора: будь справедливъ, а онъ хочетъ только быть благодарнымъ за уваженіе къ французскому языку. „Revue française“ и „La France“ хвалили, но первая съ ограниченіями, а вторая по заказу и въ кабинетѣ Я. Толстого. St.-Beuve хочетъ включить все въ одну статью съ Туркети и пр. Но Туркети—истинный поэтъ de bonne foi, католикъ и прелестно переложилъ въ стихи всю литургію и всю службу церковную. Три тома его посылаю къ московскимъ набожнымъ пріятельницамъ. Сбираюсь позвать St.-Beuve, Marmier на прощальный обѣдъ для послѣдняго, коему король далъ крестъ, а министръ каѳедру въ Реймсѣ за его скандинавскія похожденія.

Два часа по полудни.

Вотъ что пишетъ ко мнѣ Полуехтова: „Que voulez-vous que je vous dise si non que je regrette beaucoup d'avoir un plus grand logement, mais ce n'est pas ma faute. S'ils n'arrivent pas, je payerai un mois de loyer et puis je me donnerai encore le plaisir de changer de nouveau de logement“. Для твоего оправданія я хочу объяснить ей причину отсрочки.

Такъ какъ уже три часа, а Лёве-Веймара нѣтъ еще, то я рѣшился послать письмо, а завтра напишу другое, если будетъ что

сказать вамъ. Жаль, что не все исписалъ. Нашелъ ли ты для меня вторую часть писемъ Нибура?

На обороти: Allemagne. A monsieur le prince Pierre Wiazemsky. A Francfort sur le Mein. Recommandé aux soins de la mission de Russie.

825.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15/3-го генваря 1839 г. Парижъ.

Вотъ копія съ записки, полученной мною вчера отъ Лёве-Веймара: „Je me suis hâté en rentrant de demander les passeports pour le prince Wiazemsky; le ministre était à la Chambre et on ne peut les expédier sans lui; mais je le verrai ce soir, et demain (то-есть, сегодня) j'aurai l'honneur de vous dire.....qui sera sans doute un passeport". Ожидаю его по-утру и для того нейду самъ въ Камеру, а отдалъ билетъ брату. Получивъ, отправлю сегодня же. Вчера видѣлъ я Полуехтову. Квартира нанята съ 12-го генваря, но она беретъ на себя, если не пріѣдете. Впрочемъ, уладите сами это дѣло. Если получу паспортъ отъ Моле, то ввечеру поблагодарю его и скажу ему о тебѣ. Изъ журналовъ узнаешь о результатѣ вчерашняго засѣданія Камеры, но вотъ, кажется, намѣренія министерства: во всякомъ случаѣ, даже и при малой *majorité*, подать въ отставку; король пророжируетъ Камеру и поручитъ тому же Моле составить новое министерство, но изъ другихъ лицъ, хотя изъ тѣхъ же элементовъ. Я слышалъ это отъ министеріальныхъ. Вчера ввечеру пріѣхалъ нашъ курьеръ и сегодня ожидаютъ другого, нужнаго для отправленій. Отсюда не скоро еще отправится и, вѣроятно, послѣ твоего пріѣзда.

Я сказалъ Полуехтовой о причинѣ вашего промедленія, но просилъ не говорить другимъ. Впрочемъ, ты бы могъ, кажется, взять паспортъ французскій и отдать свой, который бы здѣсь возвратилъ; или вытребовать отъ министра французскаго изъ Бадена, который никому не отказываетъ. Я очень доволенъ и обѣдами, и услужливостью Лёве-Веймара, и кипами старыхъ журналовъ, кои онъ насылаетъ мнѣ; за то старался отплатить ему и

женѣ баломъ князя Тюфякина, но подагра отлагаетъ его, и вы, вѣроятно, пріѣдете во-время.

3-й часъ по полудни.

Получилъ четыре номера „Журнала Просвѣщенія“. Оба курьера пріѣхали и ни отъ кого ни строки. По газетамъ вижу, что изданіе Пушкина уже вышло, и что начнутъ печатать другое; а я не получилъ моего экземпляра ни сочиненій его, ни одной книжки „Современника“, хотя заплатилъ за оба и давно писалъ къ Прянишникову и къ Татаринову снова заплатить за меня, если нужно, и прислать все. Пожалуйста, напиши къ издателямъ сочиненій „Современника“, чтобы прислали мои экземпляры. Если нужно, то я еще велю заплатить въ Петербургѣ. Но какъ же не совѣстно „Современнику“ печатать меня и не высылать экземпляры! Лёве-Веймаръ еще не былъ; если до трехъ часовъ не будетъ, то письмо пойдетъ завтра.

Филаретъ разсказывалъ наслѣднику, при посѣщеніи храмовъ, что святитель Іона былъ обрѣтенъ съ подъятою, какъ бы грозящею рукою (въ нашествіе французовъ), и это страшное видѣніе ужаснуло святотатцевъ у цѣлебной раки. Не за то ли они всѣхъ другихъ повыбрасали изъ ракъ? Журналъ „просвѣщенія“, находя въ этой книжкѣ *историко-политическое достоинство*, съ умиленіемъ хвалитъ ее.

16-го генваря. Утро.

Вчера ввечеру Лёве-Веймаръ заѣзжалъ ко мнѣ и оставилъ записку, что Моле не успѣлъ подписать письма: „N'a pu encore signer la lettre pour notre ministre à Francfort qui lui ordonnera de signer la visa du prince Wiazemsky, mais vous l'aurez demain“. Я оставлю это письмо брату, и онъ отправитъ его съ бумагой или съ пакетомъ, который принесутъ отъ Лёве-Веймара или отъ Моле, ибо самъ долженъ ѣхать къ художнику Рикети, который выливалъ врата для Магдалины вчетверо болѣе флорентинскихъ. За мной заѣдетъ Ламартинша, и оттого отказаться трудно было; но и братъ устроитъ это дѣло. Вчера былъ я у Моле, но не благодарилъ, ибо дѣло еще не было кончено.

Три часа по полудни; Лёве-Веймаръ еще ничего не присылалъ. Я возвратился нарочно къ отправленію на почту письма. Подожду еще до $3^3/_4$ и пошлю это письмо особо. Можетъ быть, отправятъ предписаніе Моле къ министру во Франкфуртъ прямо? Я былъ въ *литейной*. Двери и отдѣлка, и успѣхъ литья—превосходный и чудесный, и дешевый, а правительство не додаетъ 30000 франковъ, и все остановилось; оттуда, съ Ламартиншей, Циркуромъ и прочими, проѣхали мы къ Дагеру, автору панорамы, и видѣли новый способъ снятія видовъ: чудесный! Слѣдствія для искусствъ и особенно для наукъ, напримѣръ, онтомологіи, или науки о насѣкомыхъ и о физіологіи оныхъ—неисчислимы. Насмотрѣлся, наслушался, нагулялся. Вечеръ у Свѣчиной, Леонтьевой и Ансело. Пора бы и тебѣ сюда.

На оборотъ: Allemagne. Monsieur monsieur le prince Pierre Wiazemsky. A Francfort sur Mein. Recommandé aux soins de la mission russe.

826.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6/18-го генваря 1839 г. Парижъ. Утро.

Сейчасъ былъ у меня Лёве-Веймаръ. Онъ сказалъ мнѣ, что уже третій день, какъ лежитъ на столѣ Моле письмо къ *Кипарису* о виза, но что Моле не подпишетъ его прежде воскресенья, то-есть, послѣ завтра; что онъ тогда немедленно принесетъ его ко мнѣ для отправленія; но Лёве-Веймаръ полагаетъ, что ты могъ бы съ русскимъ паспортомъ доѣхать до границы, тамъ взять французскій паспортъ, а свой оставить и потомъ пріѣхать сюда; что, впрочемъ, *Кипарисъ* не долженъ былъ отказывать тебѣ въ visa. Итакъ, до послѣ завтра. Но не умудришься ли ты выѣхать и прежде? Иду къ Полуехтовой и еще припишу. Я сейчасъ отъ водосвятія: молитвы наши въ этотъ день прекрасныя, и Іоаннъ Креститель не хуже Берье иногда: „Како освѣщу свѣтильникъ свѣта! Како положу руку на Владыку міра!“ A propos Berryer: легитимисты печатаютъ 50000 экземпляровъ его рѣчи въ его пользу, съ предисловіемъ, въ коемъ скажутъ, что они раздѣляютъ

его мнѣнія, слѣдовательно мнѣніе и о конвенціи. C'est un grand progrès, qu'il leur fera faire et voilà la lumière et l'utilité qui jaillissent de ces tristes et beaux débats! M-r S. a dit hier de Berryer qu'on pouvait lui appliquer le mot de Duclos: „Il est droit et adroit“. Quant à la première définition je ne suis pas tout-à-fait de son avis. Давно бы пора генрикенквистамъ образумиться et accepter la liberté avec l'ordre, le progrès avec la stabilité du gouvernement. Но по сію пору Поццо былъ правъ, говоря о положеніи Генриха V: „Ah, s'il n'avait que des ennemis en France!“ Прости! Я еще весь растроганъ и обрызганъ крещенской водой и воспоминаніями о Тургеневѣ, гдѣ этотъ праздникъ *храмовый*.

1 часъ.

Осмотрѣлъ ваши комнаты. Полуехтова проситъ увѣдомить, когда начать топить ихъ? Теперь онѣ не топлены. Очень хороши, и для тебя потаенная лѣстница въ спальню княгини. Сегодня опять пренія о религіи. Ламартинъ вчера амбарасировалъ Моле совѣтами держаться Россіи и Австріи и нападками на Англію. Моле также могъ бы пожелать однихъ враговъ для себя. Я былъ вчера у Сальванди: пріемная еще не опустѣла. Дебаты могутъ кончиться завтра или въ понедѣльникъ. Моле останется, если перевѣсъ, хотя малый, но во всякомъ [случаѣ] измѣнится составъ министерства. Сальванди, Лапласъ, Martin du Nord отыдутъ ad patres conscriptos.

Завтра отъ Ламартина проѣду къ Marmier, въ пятый этажъ, опять пить пуншъ въ бесѣдѣ молодыхъ авторовъ и старыхъ моряковъ, съ коими плавалъ онъ по льдистому морю. Послѣ завтра онъ ѣдетъ въ Реймсъ на каѳедру, но въ мартѣ сюда возвратится и снабдитъ меня наставленіями и письмами въ Данію и Швецію, чрезъ кои я полагаю ѣхать въ Россію. Я вчера видѣлъ посла. Курьеръ прежде десяти дней отсюда не поѣдетъ.

На оборотѣ: Allemagne. Monsieur monsieur le prince Pierre Wiazemsky. A Francfort sur Mein. Recommandé aux soins de la mission russe.

827.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го генваря 1839 г. Парижъ. 2-й часъ.

Я встрѣтилъ за часъ предъ симъ Лёве-Веймара, который увѣрилъ меня, что ѣдетъ къ Моле за письмомъ и сегодня же мнѣ его доставитъ. Ожидаю. Онъ же сказалъ мнѣ, что сегодня министерство en masse подаетъ просьбу объ отставкѣ. Король приметъ ее и поручитъ коалиціи составить другое по началамъ ея; но такъ какъ сомнѣваются, чтобы это ей удалось, то вѣроятно, послѣ опять Моле же поручитъ образовать новое по началамъ стараго. Сегодня же видѣлъ пэра Франціи, который самъ слышалъ отъ того, кому вчера объявилъ Сультъ, что не войдетъ въ министерство, и вотъ à peu près слова Сульта: „J'ai fini ma carrière; la Providence a permis qu'elle soit couronnée par un succès d'un autre genre: par un ambassade et une réception en Angleterre, telle que je la voulais. ... Et vous voulez que j'expose mes cheveux blancs aux sottises, que viendront me dire tous ces mauvais drôles de la Chambre! Non, jamais, jamais, jamais! Vous voulez que je prenne une loupe pour me placer sur le baliveau des Tuilleries et voir venir les hollandais et les prussiens en Belgique! Non, jamais, jamais, jamais!“

Въ „Дебатахъ“—письмо Шатобріана къ дочери, дѣвицѣ Фонтана. Рекамье опять нездорова. Клара опять мучилась d'une dent de sagesse. Завтра St.-Beuve долженъ былъ обѣдать у насъ, но если не лучше будетъ Кларѣ—отложимъ. Курьеръ въ Петербургъ прежде недѣли не уѣдетъ.

Увѣряютъ, что въ Петербургѣ два офицера посажены въ крѣпость за то, что болтали противъ Лейхтенбергскаго, говоря, что не будутъ служить, если онъ будетъ шефомъ полка ихъ. Relata referro.

22-го генваря.

Не получилъ ли чего вчера? Если пришлютъ, то братъ отправитъ письма.

24-го генвар[illegible]

Я ожидалъ Лёве-Веймара, не дождался; вчера ввечеру былъ его вечеръ; я поѣхалъ: не принималъ никого, вѣроятно отъ паденія министерскаго. Ожидаю сегодня. Если ничего не пришлетъ, то пошлю письмо это. Полуехтова пишетъ ко мнѣ, что въ Страсбургѣ вѣрно бы выдали тебѣ паспортъ, изъ Бадена также. Отъ тебя все ни слова. Поѣзжай: пропустятъ, а въ первомъ городѣ возьмешь паспортъ. О министерствѣ знаешь: поручили Сульту, но и онъ не хочетъ, ни Моле, ни Монталиве; Тьерсъ, у коего я былъ третьяго дня, говорятъ, согласится принять Министерство иностранныхъ дѣлъ и безъ президентства; но всякое иное не иначе, какъ съ президентствомъ. Увѣряютъ, что онъ кому-то сказалъ о королѣ: „Nous le muselerons". Дипломаты и всѣ противники *львой* повторяютъ: „Тьерсъ и война—одно и то же". Я бы желалъ жить въ мирѣ съ женой его: прехорошенькая, въ родѣ, по росту и таліи, нашей Смирнушки. Князь Ливенъ умеръ въ Римѣ
12-го января
31-го декабря.

На оборотѣ: Allemagne. Le prince Pierre Wiazemsky. A Francfort sur Mein. Recommandé aux soins de la mission de Russie.

828.

Тургеневъ князю Вяземскому.

Почтовый штемпель: 21-го апрѣля 1839 г. Парижъ.

Воскресенье. 9 часовъ утра.

Сію минуту получилъ письмо твое отъ четверга, прочелъ его Леонтьевой и простился съ нею. Она ѣдетъ черезъ полчаса и, вѣроятно, застанетъ тебя еще во Франкфуртѣ; остановится въ Hôtel de Russie, но уѣдетъ недѣли на двѣ въ Висбаденъ. Грустно, очень грустно! Я совсѣмъ осиротѣлъ безъ васъ. Не съ кѣмъ отвести душу и усладить изсохшую гортань русскимъ чаемъ! Нѣжно, очень нѣжно поцѣлуй у ней руку, если Провидѣніе сведетъ еще васъ на европейской почвѣ; меня — врядъ ли: ѣду недѣли черезъ двѣ или три въ Россію. Куда, зачѣмъ — право, не знаю: вездѣ

буду одинъ и собою, и другими недоволенъ. Жуковскій и не отвѣчалъ на письмо. Опять и здѣсь, и въ Лондонѣ заговорили о пріѣздѣ туда цесаревича. Полуехтова послала княгинѣ два платья, хотя я былъ и противнаго мнѣнія.

Чтеніе было превосходное, но съ мелкимъ интересомъ. Письма сестры Шатобріана къ нему печальны, хотя душа въ ней была уныло-ангельская; послѣднее письмо огорчило Шатобріана, ибо она почитала себя ему въ тягость; онъ прискакалъ съ дачи къ ней à l'abbaye de St.-Michel, но ее уже похоронили—съ бѣдными! Не знають даже, гдѣ положенъ прахъ ея, кѣмъ, какъ? Онъ не могъ отыскать его. Я много записалъ изъ сего чтенія и сообщу тебѣ; вотъ девизъ сестры его: „Une lune dans le nuage" съ надписью: „Souvent obscurcie, jamais ternie". Вотъ одна изъ фразъ Шатобріана: „Il en est des douleurs comme des patries: chacun à la sienne". Сегодня опять чтеніе *для многихъ* о дюкѣ d'Enghien.

R[écamier] дала почувствовать Сентъ-Беву, чтобы не приходилъ, ибо Ламартины будутъ. Вѣроятно, и я не пойду, хотя и не по той причинѣ. Я самъ былъ въ аббатской церкви, говорилъ о бокалѣ и цвѣтахъ съ служкою: нельзя и негдѣ тамъ поставить, но лучше въ церкви, гдѣ похоронена она, въ ея деревнѣ, миль за 15 отсюда. Пойду въ домъ, гдѣ она жила и отдамъ для доставленія бокалъ и цвѣты, сказавъ отъ кого.

Книжки Рашель и Мюссе доставлю самъ. Я думалъ и хлопоталъ объ отдачѣ на театръ, но не удалось. Еще похлопочу à la Renaissance и посовѣтуюсь съ Рашель.

Вообрази себѣ, что первый номеръ отданныхъ мною пакетовъ въ посольство не посланъ, а въ немъ были всѣ письма. Просилъ переслать прусскаго министра; не знаю, удастся ли? Пожалуйста, отправь отданный тебѣ при случаѣ или свези. Третьяго дня получилъ письмо отъ 21-го марта стараго стиля отъ Булгакова и отъ Норова. Первый пишетъ къ тебѣ, что твой князь Трубецкой, почтамтный, наслѣдуетъ послѣ какой-то княгини Черкасской. Я ее знавалъ въ дѣтствѣ моемъ.

Князь Дмитрій Григорьевичъ Голицынъ женится на графинѣ Платовой; какой-то Глѣбовъ — на моей Меропѣ Барингъ. Описываетъ

завтракъ à 3500 personnes Зимняго дворца. Онъ получилъ всѣ мои пакеты отъ Прянишникова и твой къ какой-то дамѣ, и Прянишниковъ спрашиваетъ его, не знаетъ ли чего онъ обо мнѣ. Съ этими письмами въ третій разъ серьозно жаловался я Прянишникову на него самого о неполученіи увѣдомленія о письмахъ; и отъ сестрицы ни слова. На это писалъ я вчера къ Булгакову по почтѣ, прося его списаться съ Прянишниковымъ и спросить его: что значитъ сей вопросъ обо мнѣ, когда письма мои получены въ письмѣ къ нему, на которое нѣтъ отвѣта; просилъ его побывать и у сестрицы и отобрать отъ нея словесно, получила ли она все. Авось, добьюсь толку. Отвѣтъ пришлется уже въ Киссингенъ. И отъ Плетнева письмо нѣжное ко мнѣ отъ ноября прошедшаго года съ увѣдомленіемъ, что послали продолженіе того, что отдалъ тебѣ; а я просилъ опять прислать первый номеръ. Гдѣ же все это?

Одно письмо отъ апрѣля 1838 г. изъ Петербурга и Дрездена чрезъ Петербургъ! Одинъ князь Александръ Николаевичъ аккуратенъ. Онъ давалъ читать Жубера государю и послалъ уже экземпляръ въ Москву. Увѣдомь, куда писать къ тебѣ и когда? Гдѣ будешь? Album твой у Циркура, но онъ не надѣется добиться руки Nodier, ибо онъ всѣмъ отказываетъ, а надоѣдаламъ-дамамъ пишетъ des choses scabreuses, чтобы отучить ихъ отъ просьбы. Можетъ, онъ дастъ одно изъ своихъ писемъ. Отъ Ламартина постараюсь добиться, но и его жена часто за него пишетъ; впрочемъ, это какъ—мощи: была бы вѣра. Сентъ-Бёвъ часто у насъ. Передамъ поклонъ твой Réc[amier]. Шатобріанъ о тебѣ всегда справляется и жалѣлъ, что не былъ въ воскресенье.

Жаль Языкова! Долго ли онъ въ Ганау пробудетъ? Я бы заѣхалъ, если бы зналъ навѣрное. Моя Клара—страдалица: le tic douloureux мучитъ ее; кричитъ, валяется на полу, почти въ безпамятствѣ отъ боли. Теперь лучше, но тяжело разставаться съ больными. Сейчасъ получаю подарокъ отъ Давида: статуйку сидячаго Тика. Удивительное сходство! Жаль, что ты не навѣстилъ его рабочей: вся знаменитая современность въ лицахъ! Базилевскій здѣсь; получилъ письмо отъ графа Велгурскаго: сыну лучше. Ожидаютъ сюда отца, а мать къ сыну. Жуковскій не былъ въ Неаполѣ, ибо влюбился въ Римъ и подъ конецъ жилъ у Кривцова.

Не худо бы ему послѣ Рима и Ганновера освѣжиться въ Англіи. Нельзя не радоваться, что онъ, поэтъ, пожилъ и насладился въ Италіи; но и нельзя не огорчаться за него и за истинныя обязанности, кои лежатъ на немъ, что онъ не исполнилъ святой, не отклонимой отъ него обязанности, для коей приставили его къ наслѣднику; не его вина была бы, если бы онъ и надоѣлъ напоминаніями; не рисовать, а читать, учиться надлежало. Я сужу строго, но я все еще люблю его, какъ брата, а вы, какъ поэта-друга и баловня вашего. У него должна была быть одна мысль: заронить искры, пробуждать чувство, обращать, отвращать отъ баловъ и парадовъ и устремлять на лучшее устройство; заговаривать о важномъ, хотя бы и не слушали его, не отвѣчали ему. Россія, друзья истинные его и отечества не заглянутъ въ его альбумы, а спросятъ, что узналъ онъ и его воспитанникъ; чѣмъ прельщался онъ и что вывезъ изъ Германіи и Англіи для Россіи. Ему надлежало такъ надоѣсть великому князю и прочимъ приставникамъ, чтобы быть отослану или съ дороги, или по возвращеніи, и тогда бы онъ дорисовалъ свой album спокойною кистію и со спокойною совѣстію на досугѣ и сохранилъ бы otium cum dignitate. Вообрази себѣ, что Плетневъ, учитель языка и литературы и корреспондентъ пишетъ письмо ко мнѣ, хотя съ чувствомъ о старыхъ нашихъ сношеніяхъ, которое меня тронуло, но съ грамотностью замоскворѣцкой дамы. И онъ—наслѣдникъ журналиста Пушкина и біографъ его!

Б[улгаковъ] прислалъ мнѣ „Современную пѣсню“ Д. Давыдова. Какая подлость въ слогѣ! Но вотъ и порядочная строфа:

А глядишь: нашъ Лафайетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Впрочемъ, тутъ и *бородавки*, *мошки да букашки*, *червякъ голодный*, *почешетъ* и прочее, и прочее, и прочее.

На оборотѣ: Allemagne. Son excellence monsieur d'Oubril, ministre plénipotentiaire de s. m. i. de Russie. A Francfort sur Mein, а васъ покорнѣйше прошу доставить его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

829.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8-го іюня 1839 г. Франкфуртъ.

Жуковскій здѣсь уже третьяго дня, а вчера пріѣхалъ и великій князь. Я провелъ съ первымъ весь день у Козловскаго съ графомъ Велгурскимъ, гдѣ вчера и обѣдали; ввечеру у Убри съ великимъ княземъ, гдѣ и танцы. Я нашелъ великаго князя здороваго, подобрѣвшаго, а графъ Орловъ разсказалъ мнѣ его успѣхи въ Англіи. Они пробудутъ здѣсь еще съ недѣлю, разъѣзжая по окрестностямъ. Твои будутъ дня черезъ четыре; не знаю, дождусь ли, ибо зажился въ ожиданіи Жуковскаго. Марч[енко] получила отъ княгини письмо. Пора въ Киссингенъ, ибо желаю объѣхать скандинавскій сѣверъ; Дашковъ начерталъ мнѣ маршрутъ. Жуковскій здоровѣе прежняго. Князь Козловскій—краснобай по прежнему. Здѣсь и все его семейство, а сынъ и съ невѣстой: онъ благословилъ ихъ по своему. Вчера танцовали у Убри, а по утру Жуковскій прочелъ у нихъ твой „Самоваръ" и находитъ, что это лучшая піеса твоя, и что ты какъ-то созрѣлъ душою и слѣдовательно поэзіею. М[арченко] обѣщала мнѣ les impressions de voyage твои, но сдержитъ ли слово? Орловъ разсказалъ кое-что объ Англіи, гдѣ великій князь очень понравился. Онъ былъ и у Брума. Графиня Велгурская получаетъ письма отъ мужа; но мы знаемъ, что ему не лучше, скрываемъ отъ нея и не знаемъ, поѣдетъ ли она къ нимъ на встрѣчу въ Марсель или будетъ ожидать писемъ еще изъ Рима. Братъ графини Пушкиной и Демидовой пріѣхалъ сюда изъ Рима, гдѣ ихъ видѣлъ, но прежде писемъ отца. Сердце раздираетъ смотрѣть на мать и сестеръ, а надежда плоха. Съ Марч[енко] много и часто о тебѣ: ты любимъ въ семействѣ. Они надѣются дать еще балъ великому князю, но вѣроятно я не дождусь его. Пріемомъ великаго князя я доволенъ. Вся его свита здѣсь. Перешли это письмо и къ Булгакову: нѣтъ времени писать другого. Жаль Д. Давыдова! Онъ хлопоталъ о перевозкѣ князя Багратіона, а его и самого свезли. Я не любилъ его самохвальства и того, чѣмъ онъ хвастался, но

иногда мнѣ онъ очень нравился, и въ немъ была оригинальность, хотя не совсѣмъ безъ искусства. Онъ, кажется, готовилъ, какую-то книгу о Польской войнѣ.

Простите! Кланяйтесь всѣмъ, кто вспомнитъ на Невѣ и въ Москвѣ. Я видѣлъ панораму пожара 1812 г. въ Парижѣ. Такъ и обдало душу воспоминаніями дѣтства и университетской жизни, особливо на Моховой, которая, и съ Пашковскимъ домомъ, очень вѣрно представлена.

Я писалъ къ вамъ отсюда съ княземъ Юріемъ Трубецкимъ, но это получите вы, вѣроятно, прежде. Здѣсь Мещерскіе. Демидовы будутъ опять въ Киссингенѣ. Братъ графини Пушкиной ничего не знаетъ о ней.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

830.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17/5-го іюня 1839 г. Киссингенъ.

Завтра недѣля какъ я здѣсь. Я оставилъ во Франкфуртѣ графиню Велгурскую съ дочерьми; она не знала еще о своемъ несчастіи. Здѣсь графиня Эльмптъ получила письмо отъ княгини Репниной, которая извѣстила ее о кончинѣ бѣднаго страдальца. Я написалъ къ Жуковскому или къ Убри, чтобы приняли мѣры помѣшать графинѣ Велгурской ѣхать въ Италію или во Францію на встрѣчу сына, коего она уже не встрѣтитъ въ этомъ мірѣ. Еще не имѣю отвѣта оттуда. Ожидаю сегодня княгиню Вяземскую или письма отъ ней. Она уже писала ко мнѣ сюда и просила заготовить квартиру, но не брать еще, ибо хотѣла прежде еще совѣтоваться съ Коппомъ. Я отыскалъ двѣ квартиры, изъ четырехъ комнатъ, à 30 florins (60 р.) par semaine, но удержу ли, еще не знаю. Гости наѣзжаютъ толпами и сильнѣе прошлогодняго. Великая княгиня Марья Павловна съ супругомъ и съ милой восемнадцатилѣтней фрейлиной уже здѣсь. Мы обѣдаемъ иногда или проводимъ вечера у ней. И Сѣверинъ вчера ночью

пріѣхалъ встрѣтить великаго князя, коего сегодня ожидаемъ. Мы провели съ нимъ, въ пріятельскомъ болтаньѣ, почти весь день; обѣдали у великой княгини съ польскимъ генераломъ, графомъ Красинскимъ, коего разсказъ объ Италіи напоминаетъ Чаплица. Многіе о тебѣ здѣсь вспоминаютъ. Я живу по прежнему и знаюсь съ подобными прежнимъ; слѣдовательно, вѣроятно, и опять прослыву шпіономъ. Занимаю прежнія комнаты. Съ Жуковскимъ провелъ я нѣсколько пріятныхъ, задушевныхъ минутъ, но только минутъ; онѣ повѣяли на меня прежнимъ сердечнымъ счастіемъ, прежнею сердечною дружбою. Этому способствовалъ и его новый переводъ Греевой элегіи гекзаметрами, которую онъ продиктовалъ мнѣ и подарилъ оригиналъ руки его, на англинскомъ оригиналѣ написанный. Я почти прослезился, когда онъ сказалъ мнѣ, что такъ какъ первый посвященъ былъ брату Андрею, то второй, чрезъ сорокъ лѣтъ, хочетъ онъ посвятить мнѣ. Мы пережили многое и многихъ, но не дружбу: она неприкосновенна, по крайней мѣрѣ въ моей душѣ и, выше мнѣній и отношеній враждебныхъ свѣта, недоступна никакому постороннему вліянію. Соприкосновенія Жуковскаго съ чуждыми мнѣ и часто враждебными элементами не повредили вѣрному и постоянному чувству. Пусть другіе осуждаютъ его за то, что онъ жметъ окровавленную руку Блудова: я вижу въ этомъ одну лѣнь ума или сонъ души, а не равнодушіе; и въ отсутствіи я сердился на него за многое; встрѣча примиряетъ съ нимъ, ибо многое объясняетъ. Я люблю его и за великаго князя, въ коемъ вижу что-то доброе, сердечное, человѣческое, и меня что-то влечетъ къ нему. Я долженъ удерживать это влеченіе и буду стараться рѣже съ нимъ встрѣчаться, ибо это несовмѣстно съ моимъ положеніемъ, съ достоинствомъ оскорбленнаго во всѣхъ отношеніяхъ: гражданскихъ и семейственныхъ. Переводъ Жуковскаго гекзаметрами сначала какъ-то мнѣ не очень нравился, ибо мѣшалъ воспоминанію прежнихъ стиховъ, кои казались мнѣ почти совершенствомъ перевода; но Жуковскій самъ указалъ мнѣ на разницу въ двухъ переводахъ, и я долженъ признать въ послѣднемъ болѣе простоты, возвышенности, натуральности и, слѣдовательно, вѣрности. Les vers à retenir также удачнѣе переведены, и какъ-то этого рода чувства

лучше ложатся въ гекзаметры, чѣмъ въ прежній размѣръ, коего назвать не умѣю. Онъ скоро будетъ съ вами. Если ты намѣренъ издавать твой страннический keepsake, то выпроси у него элегію. Первый переводъ прежде всего былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ“ Карамзина. Я далъ ему „Послѣдній день“ Ребуля, но не могъ дать мелкихъ стихотвореній его, ибо нашелъ экземпляръ послѣ въ портфелѣ, да и тотъ не мой. Въ Парижѣ ихъ отыскать нельзя. Нѣтъ ли у васъ? А лежитимистъ-поэтъ и булочникъ долженъ ему понравиться.

Мы узнали о несчастіи Царскосельской желѣзной дороги и потужили искренно. Можетъ быть, я не поѣду на Берлинъ, а прямо чрезъ Ганноверъ и Гёттингенъ на Гамбургъ и оттуда въ Данію и Швецію.

Богъ знаетъ, гдѣ придется получать письма отъ своихъ дальнихъ и отъ своихъ ближнихъ! Пора бы и тебѣ откликнуться; княгиня писала, что ты уже пріѣхалъ; поздравляю съ новымъ потомствомъ.

Читалъ ли четверостишіе Жуковскаго на Сардамскую хижину Петра I? Прекрасно! Сѣверинъ запомнилъ его. Онъ писалъ къ тебѣ письмо когда-то страницъ на десять, но думаетъ, что ты не получалъ его: справлюсь здѣсь Здѣсь есть красоточки, но нѣмецкія. Веймарская фрейлина милѣе всѣхъ и одушевленнѣе, и свѣжѣе. Прежнія веймарочки также хороши и умны были, но теперь съ мужьями,

Незримыя никѣмъ, въ пустыняхъ доцвѣтаютъ.

18-го іюня.

Сегодня ожидаемъ сюда великаго князя къ обѣду. Вотъ пятистишіе Жуковскаго на Сардамскій домикъ, гдѣ плотничалъ Петръ Великій:

Надъ бѣдной хижиною сей
Несутся ангелы святые:
Великій князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія.

19-го іюня.

Вчера, въ девятомъ часу вечера, пріѣхалъ великій князь; съ нимъ графъ Орловъ, Кавелинъ, Ливенъ, Енохинъ. Жуковскій

уѣхалъ далѣе, къ Берлину, и дождется великаго князя на дорогѣ. Опи привезли мнѣ письмо отъ княгини, которая будетъ здѣсь чрезъ четыре или пять дней. Готовлю ей квартиру, но трудно найти не на солнцѣ и у водъ и дешево. Постараюсь. Сегодня отвѣчаю ей.

Графиня Велгурская уѣхала на встрѣчу къ сыну. Жуковскій писалъ къ ней, чтобы остановить ее на дорогѣ, но О[рловъ] увѣряетъ, что письмо его не найдетъ ея. Каково же одной, съ дѣтьми и въ неизвѣстности, ибо ей намекаютъ, но всего не говорятъ въ письмѣ! Вчера встрѣтили мы на крыльцѣ великаго князя. Орловъ тотчасъ сказалъ мнѣ, чтобы я не объявлялъ ему ѳ кончинѣ графа Велгурскаго, ибо онъ только намекнулъ ему объ опасности. Не знаю, скажетъ ли и сегодня. Вчера же освѣтили плошками и наши аллеи, и, провожаемые зажжеными и курящимися свѣтильниками, въ розовомъ и багровомъ заревѣ, великій князь съ великой княгиней вошли на полчаса въ залу, гдѣ всѣ были имъ представлены, и начались вальсы. Съ ихъ уходомъ и танцы кончились. Сегодня всѣ русскіе обѣдаютъ у великой княгини, которая уговорила племянника остаться съ нею до завтра, а онъ прежде предполагалъ обѣдать сегодня ужъ въ Эрфуртѣ. Сюда пріѣхалъ и Фарнгагенъ и привезъ мнѣ и о тебѣ извѣстіе. Я радъ ему, и теперь еще менѣе причинъ ѣхать на Берлинъ; условлюсь о Сенъ-Мартенѣ и прочемъ.

Письмо къ сестрицѣ перешли чрезъ Булгакова, а къ Аржевитинову можешь переслать и чрезъ Татаринова или прямо чрезъ Булгакова же.

6 часовъ вечера.

Обѣдалъ у великой княгини: пили за ея и за пріѣзжаго и отъѣзжающаго здоровье. Я сидѣлъ напротивъ die hohen Herrschaften, между Сѣверинымъ и восемнадцатилѣтней chanoinesse, demoiselle d'honneur, qui parlait de poésie et citait Byron par coeur, en captivant le mien. Je lui ai envoyé les préludes. Дай знать Павловой, что великая княгиня восхищалась ея стихами. Великій князь еще не знаетъ о кончинѣ графа Велгурскаго. У меня сидитъ Фарнгагенъ, и мы разбираемъ рукописи Сенъ-Мартеня и новыя книги, имъ и мною привезенныя, а предо мною, на балконѣ, великій князь съ дядюшкой, и я слышу разговоръ ихъ.

Великій князь въ жилетѣ шотландскаго клана: жаль, что туда не доѣхалъ! И принцъ Вильгельмъ сюда пріѣхалъ и завтра уѣзжаетъ въ Эмсъ. Его болѣзнь важная, и онъ мучится меланхолическими предчувствіями. Прости! Несу письмо къ Енохину.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ.

831.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го іюня 1839 г. Киссингенъ.

Третьяго дня послалъ я къ тебѣ письмо съ Енохинымъ, докторомъ великаго князя, въ пакетѣ на имя князя Голицына. Съ тѣхъ поръ много къ намъ наѣхало, и я не успѣваю любезничать съ нѣмочками и русскими и шарлатанить по прежнему съ учеными и пасторами; бываю у Семеновой, пью чай у графини Эльмптъ, бесѣдую съ Фарнгагеномъ, генераломъ Шарнгорстомъ, сыномъ знаменитаго, съ Тереминомъ, французско-нѣмецкимъ проповѣдникомъ въ Берлинѣ, съ Германомъ, лейпцигскимъ археологомъ, съ графинею Монжеласъ, дочерью знаменитаго Талейрана Баваріи; слушаю Пушкина и Жуковскаго, мило произносимыхъ дѣвицею Wimpfey, племянницею Сѣверина, и Фарнгагеномъ, который познакомилъ меня съ новыми для меня стихами Пушкина. Время летитъ. Иногда обѣдаю, ежедневно гуляю въ аллеяхъ съ великой княгиней и, часто забываясь, *мыслю вслухъ* съ нею; а болѣе всего читаю теперь переписку или письма Генца къ Іоанну Мюллеру. Какая прелесть! Какая жизнь въ этомъ худо оцѣненномъ австрійско-европейскомъ либералѣ! Какъ я виноватъ передъ нимъ! Какъ онъ выше многихъ, нами уважаемыхъ! Какая сила, какой огонь, какой слогъ отъ души, мысли и патріотизмъ его оживляющій! Вчера узнали мы и о томъ, что могло случиться по дорогѣ изъ Царскаго Села въ Павловскъ. Я первый изъ русскихъ прочелъ вѣсть въ нѣмецкомъ журналѣ; встрѣтилъ великую княгиню, но смолчалъ и передалъ Сѣверину, а онъ Фицтуму, который осторожно объявилъ ей о приключеніи. Не зная еще, о чемъ онъ хотѣлъ

извѣстить ее, первая мысль въ ней—было материнское чувство, спрашивая о вѣсти: „Est-ce de Londres?“ (гдѣ сынъ ея). Ее успокоили. Сегодня она два раза подзывала меня къ себѣ говорить о спасеніи, коимъ обязаны спасенные молодымъ офицерамъ, различныхъ европейскихъ и азіатскихъ поколѣній.

Я рѣшительно ѣду отсюда на Гёттингенъ, Ганноверъ и Гамбургъ и оттуда въ Данію и Швецію. Ожидаю княгиню послѣ завтра, ищу ей квартиры, но еще не нашелъ. Пріѣзжихъ гораздо болѣе прошлогодняго, и много квартиръ уже заказано.

И Рюмина, княгиня Шаховская здѣсь. Она приняла меня за князя Козловскаго и первыя пять минутъ удивлялась, что я такъ поздоровѣлъ. За то и я не узналъ ее, но теперь опять разглядѣли другъ друга. Фарнгагенъ тебѣ кланяется; мы не разстаемся, споримъ и разсуждаемъ, а онъ еще и читаетъ мнѣ наизусть Пушкина. Прости! Генералъ Анрепъ отдастъ тебѣ эти строки. Гдѣ-то получать мнѣ письма отъ тебя? Не напишешь ли въ Гамбургъ, чрезъ нашего консула? Поспѣши: черезъ двѣ недѣли отсюда выѣду.

Три часа.

Сейчасъ получилъ письмо отъ княгини: она завтра въ Ганау, а послѣ завтра здѣсь.

23-го іюня. Воскресенье.

Опоздалъ отдать письмо Анрепу. Жена его посылаетъ его съ своимъ въ Франкфуртъ. Вчера одна Didona abbandonata играла на клавесинахъ у великой княгини: прелестно! Рѣдкій талантъ! Я иду отыскивать квартиру, ибо сегодня, а не завтра, ожидаю княгиню; и если пріѣдетъ до трехъ часовъ, то припишетъ въ этомъ письмѣ. Исторія мчавшихъ государя лошадей оказалась баснею. И спутникъ твой, Кочубей, явился вчера, но безпутницъ вашихъ нѣтъ. Вчера прочелъ я половину твоего „Самовара“ Фарнгагену, другую дочту сегодня и весъ дамъ m-lle Wimpfey для прочтенія съ дядей.

Полдень.

Обѣгалъ весь городъ, а квартиры не нашелъ. Есть, да неприличныя или неудобныя. Заказалъ на первый въѣздъ комнаты въ квартирѣ. Авось, отыщу порядочную ввечеру.

Сѣверинъ получилъ отъ Мальтица Жуковскаго отвѣтъ голландскому поэту: „Gegengruss des russichen Sängers an batavische Sänger“. Вотъ un vers à retenir:

Die Axt, die er geführt, lehrt ihn den Scepter führen.

Оригинала не читалъ. Скажи Жуковскому, чтобы собралъ коекакъ мнѣ неизвѣстное.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургъ, въ Департаментъ внѣшней торговли.

832.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25/13-го іюня 1839 г. Киссингенъ.

Маркизъ de Custine, авторъ „Писемъ объ Испаніи“, „Этеля“, „Швейцарскаго пустынника“, въ коемъ онъ отчасти описалъ свою любовь къ герцогинѣ Дюрасъ тогда, когда его хотѣли женить на ея дочери, и прочаго привезетъ тебѣ отсюда это письмо и другое, отъ княгини, съ бездѣлками богемскаго хрусталя. Онъ пріятель и Шатобріана, и Рекамье, и ты его видѣлъ у ней. Рекомендуй его и князю Одоевскому и отъ моего имени, и по желанію Фарнгагена, который съ нимъ большой пріятель. Онъ знавалъ жену его, Рахель, и былъ съ ней въ перепискѣ и написалъ о ней статью въ „Revue de deux mondes“, Фарнгагеномъ перепечатанную. Онъ пишетъ свои путешествія. Если поѣдетъ въ Москву, то передай его Булгакову и Чаадаеву моимъ именемъ, и Свербеевой для чести русской красоты.

Мнѣ здѣсь теперь веселѣе, нежели бывало. Пасторовъ и красавицъ прибавилось; болтать и любезничать есть съ кѣмъ: Тереминъ, пасторъ изъ Берлина, графиня Mongelas изъ Мюнхена. Вчера праздновали мы день рожденія сына великой княгини; выписали изъ Вюрцбурга цвѣтовъ для нея и сдѣлали подписку для разбитаго камнемъ плотника „въ честь сыну, по сердцу матери.“ Это ей очень понравилось и тронуло. Я получилъ извлеченіе изъ письма изъ Симбирска. Ивашевъ, дядя мой, любимый адъютантъ

Суворова, отецъ сосланнаго, умеръ; молодой Татариновъ женится. Перешлите письмо.

Квартира невзрачная, но, право, другой, и теперь, не найдешь, но удобная и чистая; хозяйка—лучшая здѣсь прачка. Твои здоровы и веселы. Nadine не кушала почти ничего вчера у Больцано. Княгиня велѣла тебѣ сказать, что Наденька начала пить Рагоци и выпила сегодня три стакана, а она сама четыре; что я похудѣлъ и похорошѣлъ и очень авантаженъ; что сегодня мы ѣдемъ съ графиней Эльмптой въ колясках куда-то гулять и прочее. Надина возьметъ сегодня и первую ванну.

Отдай Прянишникову приложенное. Вотъ для твоей внучки отъ бабушки перчатки. Отошли теперь же къ Булгакову. Познакомь его и съ Михаиломъ Орловымъ.

833.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го іюля 1839 г. Гамбургъ.

Вчера пріѣхалъ я сюда чрезъ Гёттингенъ, гдѣ проучился пять дней у старыхъ и новыхъ учителей; чрезъ Брауншвейгъ, откуда, по желѣзной дорогѣ, ѣздилъ три дня сряду въ Вольфенбюттель, гдѣ въ библіотекѣ Лейбница и Лессинга нашелъ кучу сокровищей, даже и о Россіи, и какія! Но какой-то Иванченковъ и Строевъ уже предупредили меня, хотя не во всемъ. Я отыскалъ рукописи, до царствованія императрицы Анны относящіяся и весьма важныя, хотя отчасти извѣстныя: отвѣты ея. Я выписывалъ тамъ два послѣобѣда и одно утро и, благодаря ученому библіотекарю Шенеману, сыну бывшаго гёттингенскаго профессора, многое узналъ, замѣтилъ, но когда все сіе привести въ порядокъ? Здѣсь нашелъ письмо отъ брата и успокоился, хотя Клара опять страдала.

Сегодня ѣдетъ почта; не знаю еще, что сдѣлаю и куда поѣду. Сбираюсь въ Данію и Швецію, но коляска и глупо-неопытный камердинеръ многому помѣха. Вчера обѣгалъ Юнгферштнхъ, гдѣ все гуляетъ, пьетъ и повидимому благоденствуетъ. Пре-

краснаго пола не оберешься. Видѣлъ Штруве и Бахерахта: авось, удастся что-либо послать. Ожидалъ здѣсь отъ тебя грамотки, но нѣтъ ни на одной почтѣ, а у каждаго государства здѣсь своя. Не знаю, куда просить васъ адресовать письма, ибо самъ не знаю, куда поѣду и куда доѣду. Если путешествіе скоро надоѣстъ по незнакомому и для меня безъязычному сѣверу Скандинавіи, то и скорѣе увидимся, чѣмъ ожидалъ. Твоихъ оставилъ въ Киссингенѣ здоровыхъ, веселыхъ и любезныхъ. Уговаривали остаться, но письмо отъ брата ожидало меня въ Гамбургѣ, да и Гёттингенъ манилъ меня. Вольфенбюттель всего интереснѣе. Досадую, что такъ много рыская по Германіи, въ первый разъ былъ въ духовной отчизнѣ Реймаруса, Лейбница и Лессинга, который, по моему мнѣнію, былъ умнѣе Гёте и многихъ другихъ, и по сію пору его умомъ живущихъ; *мыслилъ вслухъ* и писалъ превосходно и опередилъ вѣкъ свой почти цѣлымъ вѣкомъ.

Пожалуйста, постарайся, чтобы меня не очень обирали на таможнѣ. Дай знать куда-нибудь, что дѣлать съ нѣкоторыми вещицами. Обнимаю тебя и еще кого заблагоразсудишь.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургъ.

834.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28/16-го іюля 1839 г. Воскресенье. Копенгагенъ.

Я добрался сюда моремъ и сухимъ путемъ изъ Гамбурга чрезъ Киль, гдѣ прослушалъ профессоровъ и просидѣлъ въ библіотекѣ за актами управленія Гольштейномъ Петра III и Павла Петровича, то-есть, Екатерины, Панина и Сальдерна и въ бесѣдѣ съ Далеманомъ, однимъ изъ семи прогнанныхъ гёттингенскихъ профессоровъ. Киль—колыбель нашего царскаго дома: вездѣ слѣды русскаго правленія; Екатерина и здѣсь была Екатериною и Панинъ—Панинымъ; но, не въ упрекъ будь имъ сказано, напрасно они сперва обмѣняли, а потомъ уступили эту прекрасную, единственную гавань, по водамъ коей я катался и любовался прелестнымъ

взморьемъ. Мы бы стояли одной ножкой въ Германіи, то-есть, въ Европѣ, и какая бы выгода для торговли и нашей образованности! Непостижимо, какъ Екатерина могла согласиться на уступку законно намъ принадлежавшаго, будучи, впрочемъ, вездѣ и всегда царства прибавительницею. И Панинъ оплошалъ! Лучше бы оставить Польшу въ покоѣ и сберечь наслѣдственное княжество съ гаванью и съ трудолюбивыми добрыми нѣмцами, кои еще въ 1814 году желали быть русскими. Я нашелъ и купилъ много книгъ и брошюръ съ разными scandale-зными анекдотцами; пріѣхалъ сюда до Вординборга моремъ и потомъ сухимъ путемъ; осмотрѣлъ уже библіотеку съ руническими памятниками и рукописями и съ *загами*, въ коихъ первое мерцаніе нашего историческаго свѣта. Былъ у графа Сенъ-При; жена его, которую мы встрѣтили на пути къ Ашафенбергу, накупила для меня датскихъ перчатокъ, кои съ Кудрявскимъ посылаю въ Парижъ и везу съ собою въ Петербургъ. Обѣдаю у St.-Priest и отказалъ для того барону Николаи, ибо онъ на дачѣ, а я ушибъ ногу и боюсь долго просидѣть у моря. Сбираюсь въ Штокгольмъ, но еще не знаю какъ. Плохо безъ языка! По сію пору онъ довелъ меня до Копенгагена, но доведетъ ли и до Штокгольма? Досадую, что избралъ сей путь въ коляскѣ и съ безъязычнымъ камердинеромъ. Я думалъ, что Штокгольмъ ближе къ Копенгагену: впередъ выучусь прежде географіи. Прочти мое [письмо] къ князю, если онъ позволитъ. Иду завтра къ Нестору-королю: онъ заводилъ школы, отпускалъ на волю крестьянъ, жилъ съ метресой, не пилъ вина, ненавидѣлъ англичанъ за разрушеніе Копенгагена и всей датской земли (чрезъ финансы); принимаетъ всѣхъ, отъ босоногаго нищаго до министра и теперь еще навѣщаетъ свою подругу подтишкомъ ежедневно, а сына своего и ея опредѣлилъ секретаремъ въ Парижъ. Торвальдсена статуи Іисуса Христа и двѣнадцати апостоловъ прелесть! Но ни его, ни поэта Эленшлегера, ни епископа Мюнстера нѣтъ въ городѣ. Досадно!

Что бѣдная Свербеева? Отъ Кошелевыхъ узналъ я о ея болѣзни и съ тѣхъ поръ о ней думаю. Видѣлъ Сѣверный музей, единственный въ своемъ родѣ. Сколько драгоцѣнностей! Видѣлъ и

барона Николаи и завтра у него обѣдаю, а послѣ завтра опять къ Сенъ-При.

29/17-го.

Иду къ королю на общую аудіенцію и перескажу о ней, когда выѣду изъ бѣлокураго царства. Напиши ко мнѣ въ Штокгольмъ или въ Або: вездѣ справлюсь. Сестру Авроры ожидаютъ сюда съ португальскимъ мужемъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

1840.

835.

Тургеневъ князю Вяземскому.

Le 9 février 1840. Moscou.

Я пріѣхалъ сюда третьяго дня къ обѣду, но нашелъ сестру опять больною; сегодня легче. Узналъ, что въ Сибири, у сосланнаго моего родственника Ивашева, скончалась милая жена, пріѣхавшая къ нему для его счастія, m-me Dentu, и оставила ему трехъ сиротъ. Ивашевъ потерялъ въ одинъ годъ отца, мать и жену и сохранилъ трехъ дѣтей въ Сибири, а сестры—въ Италіи и на Волгѣ!

Спроси у добраго солдата, положилъ ли онъ въ чемоданъ или въ портфель двѣ стеклянныя штучки (башмачекъ и прочее), и отправилъ ли онъ большой портфель мой, въ коемъ я уложилъ портреты мои и гравюры? Я не нашелъ ни портфеля, ни стеклянныхъ штучекъ. Если портфель не отправленъ, то обвернуть его въ большую старую бумагу, завязать, надписать на мое имя и прислать къ экзекутору Почтамта Сафайлову и попросить, увязавъ въ рогожу, прислать ко мнѣ; а изъ другого портфеля, поменѣе, вынуть одинъ портретъ мой и отослать отъ меня къ Бартеневу, въ Почтамтъ. Я не знаю также, гдѣ голубой картончикъ, въ коемъ портретъ мой, въ Брейтонѣ писанный, и портретъ Сашки, карандашемъ. Если остался въ Петербургѣ, то и его уложить въ большой портфель и прислать сюда. Другого же портфеля не трогать. Вотъ три письма съ посылочками.

Mettez moi à ma place, c'est-à-dire aux pieds de m-me Valouieff. Voici deux paires de pantoufles qui serviront de symbole de la cérémonie qui comme tant d'autres expriment une verité: Justes choses à Valouieff. J'ai vu hier le prince Lobanoff à la soirée de Pavloff et toutes les personnes qui représentent ici le mouvement intellectuel. Хомяковъ читалъ прекрасные стихи: пришлю.

Обними Жуковскаго, Велгурскаго и Карамзиныхъ, Мещерскихъ, Пушкино-Гончаровыхъ и прочихъ, и прочихъ. Дай знать о себѣ и о своихъ поскорѣе. Платье и прочее Путятинымъ и Сушковымъ послано съ попутчицей. Что мой дуракъ эксъ-камердинеръ?

Я ѣхалъ во всю дорогу съ Суровщиковымъ, на жену коего доносилъ; онъ важничалъ и въ грошъ меня не ставилъ: по дѣломъ вору-шпіону и мука!

836.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го февраля 1840 г. Москва.

Я отыскалъ хрустальныя штучки, но портфеля нѣтъ, а въ немъ и бѣлая бумага съ шифромъ *A. N.* Все пришлите какъ писалъ. Спасибо солдату за укладку: все доѣхало въ цѣлости. Одинъ дамскій гребень изломался и то для того, что дамы его укладывали. Александръ Муравьевъ женился въ Сибири на чьей-то дочери. Я еще не видѣлъ Екатерины Ѳедоровны. Сейчасъ ѣду къ ней. Вечеръ у Свербеевыхъ. Они хоронятъ 90-лѣтнюю дѣвицу-тетку, Свербееву. Съ княгиней Гагариной болтали цѣлое утро. Послѣ римскихъ палатъ живетъ она въ скромномъ флигелѣ, но окруженная итальянскими воспоминаніями. Мила и добра по прежнему, но жаль, что и добрѣетъ. Мы будемъ часто видѣться. Сегодня маскарадъ à 6000 personnes, въ пользу бѣдныхъ французовъ: ѣду туда. Москва не пуста, но тиха, какъ гробница: слышны одни удары нагайки казаковъ рыщущихъ полиціймейстеровъ по спинамъ встрѣшнаго и поперешнаго извозчика и обозника. Это была первая моя встрѣча. Кромѣ Свербеевыхъ, Пав-

лова, княгини Гагариной, я еще никуда не являлся. Разбираю книги и бумаги, но главныя въ деревнѣ. Можетъ быть, сберусь въ Симбирскъ, но желалъ бы кинуть на Волгу незамерзшій взглядъ и видѣть матушку-рѣку въ ея лѣтнемъ или весеннемъ разливѣ.

Съ Булгаковымъ видѣлся; внуку его лучше, но княгиня еще не принимаетъ, развѣ сегодня. Ввечеру увижусь съ графиней Зубовой, всѣхъ чарующей. Кирѣева въ деревнѣ, но дня черезъ три возвратится на всю зиму.

Прости, милый другъ! Надѣюсь, что не забудешь увѣдомить меня о своихъ ближнихъ и дальнихъ. Изъ книгъ, сюда посланныхъ, не нашелъ двухъ частей Вильменя о литературѣ XVIII столѣтія, а я сбирался здѣсь читать его.

Здѣсь слышалъ, что князья, выѣхавшіе сюда ратоборствовать, примирились. Увѣдомь меня, если узнаешь, или справься чрезъ Жуковскаго, каковъ князь Александръ Николаевичъ?

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

837.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го февраля 1840 г. Москва.

Спасибо за письмо. Портфели — не кожаные, съ бумагами, коихъ взялъ два съ собою, но картонные, большіе, для картъ и гравюръ; одинъ огромнѣе и его то прислать, ибо въ немъ портреты мои, брата и гравюры; другой, поменѣе, оставить въ ящикахъ коляски; вѣроятно, оба картонные портфели въ него положены. Объясни доброму надсмотрщику и вели отнести, запечатавъ, на почту, для доставленія ко мнѣ: Сафайлову, экзекутору. Вчера былъ у Пашковой (Долгоруковой); обѣдалъ у Муравьевой съ Кривцовой. Всѣ тебя помнятъ, слѣдовательно, и любятъ. Ежевечерно у Свербеевой и съ православными литераторами: Кирѣевскими, Хомяковымъ и прочими. Вчера возилъ французовъ на Воробьевы горы, pour le depart de la chaîne. Вдругъ слышу голосъ: „Батюшка, Александръ Ивановичъ!“ Это былъ мой эксъ-форейторъ

Никифоръ, отданный въ солдатство за пьянство, выключенный изъ жандармовъ въ армію, съ придачею 300 палокъ, вытерпѣвшій 2000 сквозь строй въ Варшавѣ за дерзость противъ начальства и нынѣ ссылаемый въ Сибирь Больно тяжко на совѣсти! За то карману легко, и вотъ какъ: безпокоясь въ 1832 году за себя въ Россіи, а за брата на чужбинѣ, я продалъ Жуковку за 60000, подмосковную съ лѣсомъ; вчера узналъ, что купившій продалъ уже лѣсу на 90000, запродалъ еще на 30000 à peu près и сохранилъ много для будущей продажи; дочь его предлагаетъ ему за остальное 100000, а онъ не уступаетъ и за 135000; слѣдовательно, имѣніе въ 230000 и болѣе продалъ я за 60 и съ нимъ пріютъ подъ Москвой, съ стариннымъ домомъ, для меня и для архива, и съ воспоминаніями о батюшкѣ, который живалъ тамъ съ матушкою и братьями. А отъ чего и отъ кого торопился? Приложи къ этому передачу Тургенева за менѣе чѣмъ половину дохода и вѣчную, неукротимую тоску по немъ—и послѣ вспомни слова свои о получаемыхъ мною окладахъ и слова Екатерины: „Sricte justice n'est pas justice, justice est equité". Была ли и справедливость? Была ли и equité?

Когда ѣдетъ Жуковскій и зачѣмъ такъ рано? Куда прямо? Удастся ли свидѣться? На свиданіе уже не поѣду, а желалъ бы встрѣтиться.

Вотъ еще встрѣча вчера: мужикъ съ четырьмя возами шатается и плачетъ на дорогѣ: „Батюшка, довези меня до Серпуховской заставы, ограбятъ злодѣи, опоили чарочкой!" Что же? Я послалъ съ нимъ камердинера и послѣ узналъ, что мошенники опоили его дурманомъ; онъ доѣхалъ съ нимъ до постоялаго двора, ему знакомаго; тамъ онъ уже лишился чувствъ, но хозяинъ прибралъ крестьянина (деревни Тарасковой, нашей знакомой Боборыкиной, спроси у Карамзиныхъ: такъ ли?). Надѣюсь, что очнется. Другого, съ четырьмя подводами, также опоили и погнали въ другую сторону. Обыкновенно мужики падаютъ на дорогѣ, а лошадей и воза уводятъ мошенники, кои слѣдятъ за ними. Этотъ спасенъ, вѣроятно: пошлю справиться. Я узналъ, что это здѣсь на рынкахъ безпрестанно случается. Такъ какъ я вчера въ тюрьмѣ подружился съ полицеймейстеромъ Мюллеромъ, то доведу это до его

свѣдѣнія. Гаазъ, коего удалили отъ званія члена Тюремнаго общества, но не могли удержать его отъ благодѣтельныхъ для ссыльныхъ посѣщеній тюрьмы, увѣрялъ меня, что Мюллеръ человѣколюбивѣе другихъ: судите о прочихъ!

Обними своихъ. Я уже и здѣсь зналъ, что Надинѣ очень хорошо, а ты ни слова въ Петербургѣ. Перецѣлуй у присутствующей и отсутствующихъ своихъ, у Карамзиныхъ и прочихъ. Гдѣ же Саша? Я былъ у княгини Мещерской. Гоголь въ большомъ затрудненіи съ сестрами. Нужно помѣстить ихъ, а онъ гордъ, и въ Россіи талантъ его дохнетъ. Добрая Свербеева хлопочетъ, но придется приняться за Муравьеву.

Пришлю завтра письмо къ брату для Валлада. На бумагѣ 210 рублей отмѣтилъ. Je vous enverrai les lettres de Circourt, de Foudras et les vers de Ronchaud.

838.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го февраля 1840 г. Москва.

Я писалъ къ тебѣ вчера, а сегодня посылаю два пакета для Валлада: одинъ съ письмомъ, весьма нужнымъ, который прошу его отправить при первой оказіи; другой—съ тетрадками или съ книжкой. Этотъ можетъ быть и отложенъ до удобнѣйшаго случая. Вотъ и записочка къ нему объ этомъ. Посылаю Баранту рѣдкую книжку о Дмитріи Самозванцѣ, на французскомъ, здѣсь перепечатанную, съ предисловіемъ, княземъ Оболенскимъ. Вотъ и тебѣ экземпляръ.

Вчера узналъ я объ отъѣздѣ одного доктора въ дальнюю Сибирь и въ разныя мѣста. Мнѣ удалось послать книгъ двадцать утѣшительныхъ и забавныхъ къ двумъ изъ сидящихъ въ сѣни смертнѣй. Роншо, Туркети, Биньянъ и лежитимистъ - хлѣбникъ Ребуль etc., etc., etc. и новое изданіе Фонтана будутъ читаны въ Сибири, вѣроятно, прежде Петербурга. И fichus парижскія.

Здѣсь очень скучно и душно. Умные люди сдѣлались православными; Чаадаевъ живетъ за Красными воротами; балы рѣдки;

многихъ *баловниковъ* не знаю. Самарина ты угадалъ: онъ еще боится звать меня на вечера свои. Одна Свербеева неизмѣнно мила и любезна со мною; къ счастью, у ней трауръ, и она домосѣдничаетъ. Сегодня обѣдаю у княгини Гагариной (Соймоновой) и на балѣ у князя Щербатова. Одно разсѣяніе — Тюремный замокъ и Архивъ, гдѣ вчера Малиновскій любезничалъ со мною и осыпалъ меня привѣтствіями и услужливыми предложеніями. Четверо уже для меня выписываютъ. Какія сокровища! Не знаю, съ чего начать: все любопытно! Какъ умна была Екатерина и какъ безграмотна! Но и король-философъ немногимъ перещеголялъ ее въ орѳографіи. Фредерикъ II не умѣлъ или не хотѣлъ писать правильно своего имени. Какъ они другъ другу ѳиміамничали! За „Наказъ“ онъ ее ставитъ выше Солоновъ и Ликурговъ; она его — выше Александра за побѣды. Но сама она называетъ свою безсмертную компиляцію просто компиляціей, большею частію изъ другихъ выписанной и ей не принадлежащей. Іосифъ II также ей подтрушиваетъ; о — — вассалѣ Понятовскомъ ужъ и говорить нечего: „падамъ до ногъ“ да и только. Скажи Баранту, что часть французской новѣйшей исторія, особливо революціи—здѣсь, въ архивѣ. И право, все бы къ чести и къ славѣ Россіи, по крайней мѣрѣ здравомыслія Екатерины. Она лучше понимала *кобланскихъ выходцевъ* и ихъ интересы; первая заговорила за нихъ и за свои царскіе интересы, но и пруссаки не устояли. Какъ тротательны собственноручныя письма также безграмотной Маріи-Антуанетты, умолявшей о спасеніи! Но братецъ и дядюшка вѣнскіе были глухи, и она обратилась чрезъ Симолина нашего къ нашей же Екатеринѣ уже поздно! Я списываю письма со всѣми ошибками: cela explique beaucoup les acteurs. Марія-Антуанетта сильно жалуется на Австрійскаго императора и еще болѣе на тѣхъ, кои окружали братьевъ короля Лудвига XVI, то есть, на эмигрантовъ. Совѣты королевы были едва ли не благоразумнѣе эмигрантскихъ; она помышляла о собственномъ спасеніи и судила безпристрастнѣе по какому-то инстинкту; они часто увлекались и местію, и честолюбіемъ. „Quand même avec des forces supérieures on pourrait entreprendre quelque chose, il faudrait encore que les princes et tous les français restassent derrière“, писала она къ

императрицѣ секретно, въ 1791 году, 3-го декабря. Она хотѣла вооруженнаго конгресса; „Un congrès armé qui retenant les princes d'un côté, en impose aux factieux de l'autre et donne aux gens modérés de tous les côtés un moyen de force et un point de réunion“. Она умоляла Екатерину уговаривать на это Пруссію, Данію, Швецію, Гишпанію, прибавляя: „*Engagé* aussi l'empereur *a* se montrer mon frère enfin“. Писала съ позволенія короля. Баронъ Бретель пользовался полною ихъ довѣренностью въ сіе время. Особенною записочкой, въ 1792 году, 1-го февраля, королева проситъ объ отправленіи изъ Парижа Симолина къ Австрійскому императору для *дезабюзированія* на счетъ ихъ императора. Симолинъ послушался и поѣхалъ въ Вѣну, но императора не стало къ его пріѣзду. Вступилъ другой на Римско-Австрійскій престолъ. Совѣты Екатерины королю и принцамъ и другимъ державамъ были благоразумные, но она и себя, и своихъ берегла и не экспозировала силъ имперіи невѣрнымъ планамъ и разсчетамъ. Она писала къ графу Румянцову собственноручно: „Il faut prêcher au baron de Breteuil et à m-r de Calonne que de hain*e* particulieres et des mes*é*ntelligences quand il y va du tout pour le tout est un vrai enfantillage*s* indignes de gens de merite et qu'ils doivent étou*f*fer *tout* rancune pour le bien comm*u*n de la patrie et convenir *a* coeur net et ouvert des moyens de la sauver faisant abstraction de *tout* autre idée. L'habil*i*té en g*e*neral ne consiste pas *a* être entier dans son opinion mais d'avoir ce liant qui ne g*a*te pas les choses. Se disputer pr*esa*ntement pour les plans du gouvernement futur c'est s'accrocher à l'ombre et laisser écha*p*er le reel“: хоть бы Талейрану! Она посылаетъ графу Румянцову два креста св. Владиміра 4-й степени и пишетъ: „Il remettra ces deux *roix* aux princes frères du Roy, afin qu'ils en revetissent les Sieurs du Ripaire et de Miandre officiers gardes du corps du Roy qui ont sauvé la vie de la Reyne la nuit du 5 au 6 octobre et qui sont à Coblence présentement“.

На разныхъ лоскуткахъ отмѣтки ея рукою: „Au lieu demandier un azile je ne serai point d*e*guerp*i* du corps de Condé“.

„Хотять сидѣть за пѣчкою, ждать, чтобъ варенныя жавренки имъ въ ротъ въ летѣли“.

„Si le Roy étoit resté au corps de Condé il n'aurait pas eu besoin d'errer de ville en ville“.

Покажи это князю Александру Николаевичу Голицыну.

Вотъ два письмеца со стихами, кои ты мнѣ прислалъ сюда. Покажи стихи великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, если вздумаешь, и съ выписками о Екатеринѣ. Я отвѣчалъ Циркуршѣ: пусть присылаетъ Фудрасъ свои басни и другой волюмъ съ чѣмъ-то. Если удастся, то поднесемъ чрезъ кого-нибудь. Онъ, кажется, лежитимистъ и, слѣдовательно, долженъ нравиться. Я часто помышляю писать и отсюда письма, въ формѣ хроники московскаго архиваріуса; но того и смотри, обмолвишься, хотя и порядочнымъ стихомъ. Боюсь и похвалить не впопадъ, напримѣръ, Екатерину. Было бы чѣмъ занять досугъ и здѣсь, и въ Парижѣ, но глаза плохи, и архивская пыль съ залежавшихся фоліантовъ, оживляя и просвѣщая умъ, темнитъ глаза. Для моихъ занятій мѣста довольно, особливо при бездѣйствіи чиновниковъ Архива, но для размѣщенія бумагъ и самоважнѣйшихъ мѣста мало. Архивъ нужно расширить и взять домъ, вмѣщающій дряхлаго Малиновскаго, подъ столбцы и фоліанты. Довольно *стража* для житья въ Архивѣ; и отъ пожара безопаснѣе при малолюдіи. Чѣмъ меньше варятъ и курятъ около архива, тѣмъ безопаснѣе: это вездѣ наблюдается. Какой-нибудь дѣятельный поваренокъ можетъ лишить Россію и Европу и Ангальтъ-Зербстъ Екатерининской славы и заслугъ дѣятельнаго Безбородки или кунктатора Панина. Мѣстоположеніе Архива выгодное: на пригоркѣ, отдѣленномъ широкимъ дворомъ отъ сосѣднихъ строеній и владычествующимъ надъ историческою и памятниками полною Москвою, надъ монастырями, гдѣ живали началоположники нашихъ архивскихъ сокровищъ и бытописаній, наши Несторы и Никоны. Кстати: обними Карамзиныхъ. Сюда ожидаютъ Андрея для конной закупки. Здѣсь расчитываютъ мой *портретъ* и расхваливаютъ *живописца*; всѣ клеплятъ на тебя: его напечаталъ Краевскій. Нельзя ли достать экземпляръ этого листка? Спасибо милому Жуковскому за статью о Козловѣ. „Мой пострѣлъ вездѣ поспѣлъ“: отпѣваетъ Пушкина и Козлова и скоро будетъ бесѣдовать на Майнѣ съ Радовицемъ и любоваться нѣмецкою стариною. Обними его, провожая, за меня. Подпишитесь

за меня на десять экземпляровъ сочиненій Козлова. Пришлю 150 рублей по первому востребованію. A propos (между нами): Гоголь здѣсь очень въ тонкомъ за сестеръ: не знаетъ, что дѣлать съ ними, и въ Москвѣ ему не пишется. Хлопочетъ о ихъ размѣщеніи по добрымъ людямъ; но жаль, что все одни и тѣ же: Муравьева, да Муравьева; а у ней и безъ того пансіонъ сиротъ. И Чаадаевъ помышляетъ удалиться въ деревню къ пьяному брату.

Сію минуту князь Оболенскій привезъ ко мнѣ съ другими брошюрами и гравюрами и портретъ Д. Фонвизина, гравированный съ славнаго портрета Скотниковымъ, но изданный или отпечатанный только въ маломъ числѣ экземпляровъ. Онъ купилъ и самую доску и уступаетъ ее за 150 р. (а можетъ быть и за 100 р.). Я вспомнилъ, что ты издаешь біографію Фонвизина и посылаю тебѣ портретъ его, а если ты намѣренъ приложить и портретъ, то подарю тебѣ и доску. Увѣдомь!

Я получилъ отъ него и славный гравированный портретъ, оригинальный, Димитрія Самозванца. По рожѣ его, съ двумя бородавками, ясно видно, что онъ былъ не русскій и, слѣдовательно, не Отрепьевъ и не истинный Димитрій, а литвинъ; слѣдовательно, воспитанный и предназначаемый на русское царство іезуитами. Портретъ выйдетъ послѣ и для другихъ.

839.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го февраля 1840 г. Москва.

Честь имѣю поздравить съ прошедшею масленицею и съ наступившею четверодесятницею; вашъ жандармъ сыщикъ провелъ послѣдній день первой во всемъ разнообразіи потасќной его жизни: утро на Воробьевыхъ горахъ и подъ Дѣвичьимъ монастыремъ; пообѣдалъ въ первый разъ у здѣшней съ отъѣзжающей кузиной; поѣхалъ на утренній балъ къ Апраксиной, гдѣ, увидѣвъ собрата твоего, дѣдушку Булгакова танцующаго, не могъ самъ ни себѣ, ни графинѣ Зубовой отказать въ двухъ кругахъ вальса опять пообѣдалъ и уѣхалъ къ вечернѣ домой; отслушалъ ее лежа

въ постели, отряхнулся, оправился и на прощальную вечеринку къ третьей кузинѣ; оттуда къ хворой Свербеевой и снова на балъ къ Апраксиной, гдѣ нашелъ тѣхъ же съ утра и новыхъ танцующихъ; красавицы или полукрасавицы: графиня Зубова, Каблукова, Оболенскія, Оникѣева (о чемъ доведено до свѣдѣнія и ея матери) да и Вадковская недурна. Увидѣлъ милый колоссъ Тимирязеву съ чувствомъ старинной пріязни; разспросилъ о васъ мужа; встрѣтилъ и поклонился отцу хозяйки, который усадилъ меня; налюбовался, утомился, напился зельтерской воды и возвратился въ Старую Конюшенную къ полночи. Письмо твое изъ Италіи читалъ, но отыщетъ твоего корреспондента развѣ Булгаковъ. Вотъ и тебѣ порученіе въ такомъ же родѣ: братъ на своемъ балѣ узналъ отъ Дежерандо (Фенелонъ нашего времени), что у него есть сынъ; что этотъ сынъ—повѣса; что этотъ повѣса былъ или и теперь еще въ Москвѣ; что Дежерандо желаетъ, чтобы я справился о немъ (по секрету) и сдѣлалъ для него по возможности. Я разспрашивалъ князя Д. В. Голицына; узналъ, что и Барантъ когда-то писалъ къ нему о сынѣ Дежерандо; что онъ бывалъ у него; что онъ *загулялся* здѣсь, былъ въ долгу, но опредѣлительнаго ничего о немъ не помнитъ и обѣщалъ отыскать его; я просилъ объ этомъ и моего новаго пріятеля Мюллера, который не вспомнилъ имени Дежерандо(что уже хорошій знакъ для него). Не можешь ли, подъ рукою, спросить у Баранта, гдѣ мнѣ отыскать сына Дежерандо? Извѣстно ли что ему о немъ, и не могу ли я быть для него на пользу и какъ? Я люблю и уважаю отца; одолженъ имъ по желанію его быть намъ полезнымъ, хотя и безуспѣшно, и желалъ бы отблагодарить ему. Я и не зналъ до сей поры, что у Дежерандо есть сынъ, кромѣ парижскаго, нынѣ судьею. Дежерандо все время и почти всѣ таланты посвящаетъ благодѣяніямъ и особенно страждущему человѣчеству и обрекъ на то же и свою племянницу; онъ—дѣятельнѣйшій членъ и президентъ одного отдѣленія Совѣта и, сбирая подаянія для глухихъ, нѣмыхъ, слѣпыхъ и зябнущихъ зимою, въ то же время читаетъ лекціи объ администраціи, секретарствуетъ во всѣхъ христіанскихъ обществахъ, рядитъ въ Совѣтѣ, судитъ въ Камерѣ перовъ и пишетъ исторію философіи, а нѣкогда, при Наполеонѣ, заслужилъ благодарность почти всей Италіи, и Пе-

руза поднесла ему прекрасную картину. Вотъ еще порученіе: Свербеевы очень просятъ тебя замолвить словечко у Сенявина, хотя чрезъ Велгурскихъ, за армянина, о коемъ прилагается при семъ записка. Ему бы хотѣлось изъ Института Лазаревыхъ поступить на службу или въ Азіатскій департаментъ, или въ училище восточное. Такіе знатоки восточныхъ языковъ—находка для нашихъ азіатскихъ правителей. Его очень хвалятъ, и похожденія его и любовь къ востоку—honny soit qui mal y pense—заслуживаютъ одобренія.

Онъ—росту двухъ аршинъ съ вершкомъ,

съ глазами Боратынской и еретикъ григорьянскагó исповѣданія. Обними за меня Жуковскаго на прощанье, да скажи ему, не можетъ ли онъ мнѣ отложить у тебя тѣ книги о Швеціи и о Скандинавіи etc. вообще, кои я отложилъ для себя въ его библіотекѣ? Я не на шутку сбираюсь заняться моими путевыми записками, особливо если отставятъ короля, нашего добраго сосѣда. У Жуковскаго—два бюста батюшки: я бы желалъ, чтобы одинъ сохранялъ онъ, другой—ты. По возвращеніи въ Петербургъ, одинъ изъ нихъ я постараюсь отправить водою въ Парижъ. Доложи Боборыкиной, что крестьянинъ ея, въ прошедшее воскресенье одурманенный, до самой полуночи кричалъ „караулъ“, рвался и бѣсился; потомъ затихъ, потомъ заснулъ, образумился и на другой день цѣлъ и здравъ отправился во свояси. Товарищъ его, коего погнали къ Таганкѣ, также выздоровѣлъ; хлѣбъ продалъ и возвратился въ деревню.

840.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го февраля 1840 г. Москва.

Я посылаю къ князю Александру Николаевичу прекрасные стихи Хомякова: „Кіевъ“ и на кончину двухъ дѣтей его малютокъ. Такъ какъ онъ отдаетъ ихъ Павлову для его кипсека, то Павловъ и запретилъ мнѣ и къ вамъ посылать, опасаясь, что копія попадетъ въ какой-нибудь толстый журналъ; но, вѣроятно, я пошлю

ихъ къ тебѣ, если успѣю списать. Можешь и отъ князя достать, но не выдавать и не издавать.

Вы уже, конечно, знаете, что Перовскій возвращается. Отъ 4-го февраля пишетъ онъ большое письмо къ Булгакову, верстъ за 150 отъ Эмской крѣпости, что морозъ и въ палаткѣ 32 градуса; что онъ, омокая перо въ чернила, каждый разъ разогрѣваетъ его на свѣчкѣ, и что уже изъ его верблюдовъ умерло 4000. Войско не унываетъ и готово идти далѣе, но онъ не хочетъ для своей славы имъ жертвовать и возвращается. Письмо его длинное, но я не читалъ его, а только видѣлъ и сообщаю со словъ Булгакова. Теперь нужно бы заготовить хорошую статью для „Аугсбургской Газеты": со всѣми справедливыми подробностями и голою истиною обезоружить, елико возможно, готовыхъ уже враговъ и насмѣшниковъ, видѣвшихъ въ насъ будущихъ завоевателей Индіи. Перовскій можетъ отвѣчать имъ какъ... (а кто не помню, хоть убей): „Я шелъ сражаться съ врагами отечества, а не съ природой". Въ девизъ ему: „In magnis et voluisse sat est."

Я только что вчера напалъ въ Архивѣ на записку Бланкеннагеля о Хивѣ и Бухаріи, хотя краткую, но довольно дѣльную. Не посылаю. Къ чему?

Здѣсь скончалась одна изъ дочерей, кажется, меньшая, Самарина. Отецъ можетъ сказать съ Хомяковымъ:

Теперь прихожу я—вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста;
Лампадки погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно: малютки (окъ) моей (ихъ) уже нѣтъ,
И сердце такъ больно сожмется.

Вчера прожилъ я цѣлый день по европейски: завтракалъ въ 11 часовъ, работалъ въ Архивѣ до четырехъ, визитничалъ до пяти и обѣдалъ въ шесть у княгини Долгоруковой. Да и какой же обѣдъ! Фазаны съ трюфелями и прочее, и вина подстать. Она велѣла тебѣ кланяться и жалѣетъ, что тебя не было съ нами. Вечеръ по обыкновенію у Свербеевыхъ.

Теперь я перебираю Потемкина, Безбородко и переписку съ ними Булгакова изъ Царяграда и Варшавы. Первое письмо

Булгакова, изъ Едикуля, тронуло меня. Онъ видѣлъ неминуемую гибель, прощался и просилъ за престарѣлаго отца и за дѣтей безъ воспитанія. Какой-то екатерининскій патріотизмъ одолѣвалъ въ немъ ужасы смерти. Провидѣніе спасло его для Варшавы и для Нѣмецкой слободы, гдѣ удалось мнѣ пображничать съ нимъ въ такъ называемой библіотекѣ, то-есть, въ погребу, съ сосѣдомъ, католическимъ ксендзомъ, коего держалъ онъ шутомъ и въ воспоминаніе о своей польской жизни и службѣ. Я наблюдаю и формы тогдашнихъ писемъ въ подписи, въ заглавіи. Указъ объ уничтоженіи раба, а можетъ быть и ода Капниста подѣйствовали, если не на духъ народный, то-есть, на массы, то на высшій классъ и на чиновниковъ; вѣроятно, и польское „падамъ до ногъ" исчезло съ республикою или съ аристократическимъ деспотизмомъ. Не худо бы справиться въ польскихъ архивахъ.

„Кіевъ" Хомякова, право, прелесть! Достаньте и Карамзинымъ прочтите.

841.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Начало марта. Москва].

Не можешь ли ты, en causant avec Barrante, справиться: было ли напечатано письмо Караччіоли къ д'Аламберу о Неккерѣ и о его финансовыхъ tours de passe-passe? Я самъ помню коечто изъ этого письма; но не знаю, было ли то, что я помню, извѣстно по одному преданію или въ книгахъ и въ брошюрахъ того времени. Напримѣръ, въ этомъ письмѣ нашелъ я отвѣтъ Караччіоли королю, когда онъ его поздравлялъ съ важнымъ мѣстомъ въ Неаполѣ: „La meilleure *place* pour moi sérait *la place Vendome*". Здѣсь и о старой французской литературѣ не у кого справиться. Одинъ Салтыковъ, но онъ дремлетъ въ Сенатѣ и въ Опекунскомъ совѣтѣ и на сенаторскихъ обѣдахъ. Въ числѣ приложеній, печатныхъ и рукописныхъ, къ депешамъ, нахожу я много любопытнаго, но не знаю, перешло ли это тогда все въ печать и въ публику, или долженъ я обогащать этимъ мою котомку?

Сколько интереснаго нашелъ я о Неккерѣ! Какъ онъ много

значилъ въ тогдашней исторіи Франціи и Европы! Какъ существенно переиначили время и людей или ихъ образъ мыслей его женевскія формы и его женевское и финансовое шарлатанство! Какъ въ его шарлатанствѣ много дѣльнаго, и какъ много шарлатанства въ дѣлахъ его! Какъ въ одно время ласкательствомъ своимъ королю, имъ упоенному, онъ былъ близокъ къ эпохѣ и къ формамъ дореволюціоннымъ, и какъ въ немъ же самомъ олицетворялась уже вся французская революція! Какъ онъ былъ близокъ къ (sécurité) безпечности народной и правительства французскаго во время оно и къ безднѣ, поглотившей и финансы, и правительство! Какъ жаль, что тогда русскіе администраторы мало знали то, что происходило во Франціи по части администраціонной; мало пользовались ошибками французскаго правительства, и что голоса, кои и тогда уже кое-гдѣ слышались во Франціи, голоса мудрыхъ и постепенныхъ исправленій, истиннаго патріотизма, заглушены были и для Франціи, и для всей Европы бурею революціи! Теперь бы, на досугѣ, собрать эти голоса, эти мнѣнія добросовѣстныя, безпристрастныя и издать ихъ къ чести ихъ авторовъ и на пользу нашу. Я имѣю въ виду не политику, а только одну администрацію; но ея попытки и безуспѣшные и пагубные пріемы произвели и тогдашнюю политику разрушительную и буреносную, но и освѣжившую, и оживотворившую Францію.

Другая любопытная и умная брошюра (въ рукописи)—„Les comment“. Была ли и она напечатана? Это сильная и дѣльная критика Неккеровыхъ операцій и вѣрная картина его шарлатанства; поучительна для тѣхъ, кои еще не подпадали подобнымъ финансовымъ операціямъ. Наши пренія о финансахъ въ Гурьево-Сперансковскую эпоху какъ-то напоминаютъ неккеризмъ, но грозу 1812 года и путешествіе нашего Неккера докончи самъ, а мнѣ пора въ Архивъ. И самъ Неккеръ впослѣдствіи сдѣлался компиляторомъ старыхъ законовъ, за кои Россія останется ему благодарною.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

842.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го марта 1840 г. Москва.

Что ты замолкъ? Ни отвѣту, ни привѣту на всѣ мои письма. Что же портфель съ портретами и съ гравюрами? Вчера провелъ я вечеръ съ А. Карамзинымъ у княгини Мещерской; тутъ были и ярославская Полторацкая, и княгиня Голицына (Ланская). Сегодня Карамзинъ ѣдетъ во свояси. Ожидаемъ и закупщика коней. Здѣсь все по прежнему тихо и скучно. Начались концерты. Въ моемъ сосѣдствѣ Кирѣева, но одна самъ-другъ; я еще не видалъ ея. Изъ Парижа—ни слова. Узналъ ли Веймара въ „Revue des deux mondes" запрещенной?

Можно ли мнѣ еще послать письмо чрезъ Валлада? Я пишу отсюда по почтѣ, но не все. Правда ли, что и князь Иванъ Гагаринъ женихается? Уѣхалъ ли Жуковскій? Поклонъ твоимъ и Карамзинымъ. Вчера былъ у Четвертинскихъ. Прости!

Я продолжаю въ архивскомъ навозѣ собирать и нанизывать перлы. Навоза мало, а перлъ много, и самыхъ драгоцѣнныхъ. Необходимо, чтобы каждое министерство прислало сюда депутата для выписки всего полезнаго по части каждаго вѣдомства, не исключая и литературнаго. Въ мнѣніяхъ Потемкина, Безбородки, Румянцова, даже въ совѣтскихъ протоколахъ и запискахъ много важныхъ указаній и какой-то государственной мудрости. Военная исторія такъ же богата здѣсь матеріалами, какъ и дипломатическая. А біографическія и характеристическія черты! Я отыскалъ въ запискѣ графа Николая Ивановича Салтыкова къ князю Зубову Козодавлева точно такимъ, какимъ самъ знавалъ его и какимъ перешелъ бы онъ въ потомство, если бы оно было у насъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

843.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го марта. [Москва].

Очень мнѣ грустно, что и ты боленъ. Булгаковъ пріѣзжалъ вчера читать мнѣ письмо твое. Третьяго дня, въ Архивѣ, я такъ застрадалъ глазомъ, а вчера и другимъ, что поѣхалъ къ больному глазному доктору Брозе: онъ велѣлъ пустить піявочную кровь за ушами и далъ лѣкарство. Лучше, но еще страдаю и пишу сквозь слезы, безустанно текущія.

Если трудно разобрать ящикъ, то конечно лучше не посылать. Но мнѣ бы очень нуженъ былъ мой портретъ, въ Брейтонѣ писанный, съ головы до ногъ, и другой—Саши, карандашевый, на почтовой бумагѣ; да гравюры (два листа) съ bas reliefs Торвальдсена въ Копенгагенѣ. Я обѣщалъ все это, и ко мнѣ пристаютъ. Ключъ у солдата, и онъ бы могъ вынуть и не посылать большого портфеля, а одинъ маленькій изъ голубого картона, въ коемъ Сашинъ и мой портреты. Глаза болятъ. Прости! Дай Богъ тебѣ лучше! Будешь ли ты сюда и когда?

Отправь чрезъ Валлада письмо въ Парижъ или съ нашимъ курьеромъ; оно очень нужное, и въ немъ документъ съ отпускной для графини Самойловой. Слышу, что она въ Парижѣ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

844.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го марта. [Москва].

Я все боленъ; два раза пускалъ кровь; сейчасъ приставилъ мазь Брюкнера за уши. Взялъ для тебя отъ Орловой прилагаемую книжку. Поблагодари ее. Писать болѣе не могу. Просижу еще съ недѣлю дома. Досадно! Каковъ ты?

Вѣрно, Лермонтовъ дрался съ Бар[антомъ] за кн.? [1]) Скажи великому князю Михаилу Павловичу, что protegé его Richard, путешествовавшій по Россіи и описывавшій и его, и все въ ней, на дняхъ былъ у Троицы съ моими книжками; звонилъ тамъ во всѣ колокола, возвратился сюда, а третьяго дня умеръ; завтра его хоронятъ и книги мои съ нимъ и все, что написалъ и узналъ о Россіи, но что много поѣхало и въ чужіе краи. Меня навѣщаютъ дамы, и ввечеру раутъ.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

845.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го марта. [Москва].

Получилъ твое 11-е марта. О Фонвизинѣ кое-что нашелъ и для тебя отмѣтилъ, то-есть, его отношенія можно угадать. Я прежде тебя объ этомъ для тебя думалъ. О Панинѣ у меня много: характеристика его въ инструкціи Вержена Вераку; это въ Петербургѣ, а въ Парижѣ—оригиналъ. Достану тебѣ; но много о немъ въ депешахъ, о чемъ я и въ моихъ письмахъ къ князю Голицыну говорю. Разрѣшаю приложить и прошу. Мнѣ никто этого запретить не можетъ.

Пришли „С.-Петербургскія Вѣдомости“ обо мнѣ, а то я не буду знать заслугъ моихъ. Я посылаю кое-что любопытное сегодня князю Александру Николаевичу. Поздравляю съ хорошимъ извѣстіемъ изъ Бадена. Спасибо за это. Тимирязевъ уѣхалъ. Глазамъ лучше, но и Брюкнера пластырь уже за ушами.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

846.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го марта 1840 г. Москва.

Ты меня надоумилъ писать чрезъ Баранта, и вотъ исполненіе. Ежели онъ не ѣдетъ, то опять отправь отъ моего имени къ

[1]) Въ подлинникѣ фамилія старательно вымарана.

Валладу, для отправленія съ первою оказіей. Письмо очень нужное.

Спасибо, что познакомилъ меня съ моими заслугами. Посылаю рапортъ Уварова въ чужіе своясы, дабы знали на чужбинѣ, чѣмъ я тамъ и здѣсь занятъ, и что я не шпіонъ, а соглядатай историческій. Жаль, что о новѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ по новѣйшей исторіи ничего не упомянуто! Надобно мнѣ, чтобы знали въ Парижѣ что и гдѣ и *какъ* я пріобрѣлъ. Постараюсь, чтобы представили меня въ настоящемъ видѣ.

Я еще не выѣзжаю; глазамъ лучше, но слабы очень. Завтра надѣюсь выѣхать въ Архивъ и къ Свербеевымъ, кои ежедневно почти навѣщаютъ меня съ прочею братіею. Выкладываю для нихъ на столѣ ежедневно новыя штуки изъ исторической котомки, новыя и старыя книги любопытныя, переписку сорока лѣтъ, „Débats“ и „Allgemeine Zeitung“, гдѣ много любопытнаго и не для всѣхъ открытаго. Итальянская, полуофиціальная брошюра объ Уніи очень любопытна: она отвѣтъ на нашу; нуженъ бы былъ и отвѣтъ на отвѣтъ. Но полно: въ глазахъ Малиновскаго рябины. Здѣсь проѣхалъ недавно курьеръ Перовскаго къ государю. Картона еще не получилъ; не привезутъ ли сегодня? Почта еще не пришла; 2 часа.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

Приписка А. Я. Булгакова.

Здорово, душа моя! Сегодня некогда писать къ тебѣ.

847.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го марта 1840 г. Москва.

Письмо брата отъ 14-го марта новаго стиля очень значительно. Отвѣчая на мои запросы о фондахъ, онъ намекаетъ о состояніи Франціи и въ первый разъ признаетъ, что „вѣтеръ дуетъ въ одну сторону“ и что власть и вліяніе короля не только потрясено, но разрушено со времени отказа дотаціи и министерства

Тьерса: не личность Тьерса важна, а обстоятельства, его произведшія; онъ назначенъ вопреки *la volonté*, доселѣ *immuable*, и самъ назначилъ своихъ товарищей, а доселѣ порядокъ вещей держался однимъ королемъ. Это мысль главная, имъ выведенная. Сообщу письмо на досугѣ. Намъ, капиталистамъ, предстоитъ передряга въ общей передрягѣ. Правда, что братъ прибавляетъ, что это обрушится не на насъ, полуотжившихъ, но на дѣтяхъ; но мнѣ кажется, что эта надежда или опасеніе только за дѣтей не совсѣмъ основательна, и опасенія брата за настоящее противорѣчатъ этой надеждѣ.

Глазамъ лучше, но очень слабы. Заказалъ шесть паръ очковъ. Бернаръ вымѣрилъ съ точностью глаза мои и слѣпоту оныхъ. Дни два уже выѣзжаю, хотя не всюду. Спасибо за картонъ, но портрета моего въ немъ нѣтъ. Пришли или привези два или три; они всѣ въ большомъ картонѣ. Булгаковъ желаетъ имѣть его и тебя проситъ. Жаль милой Гогенлоге!

Если встрѣтишь поэта Лабенскаго, то скажи ему, что порученіе его исполнено, то-есть, передано Сентъ-Бёву, но что еще не имѣю отвѣта отъ него самого. Будутъ ли еще зимніе курьеры въ Парижъ? Уѣхалъ ли Барантъ? Здѣсь слышно было, что Жуковскій годъ пробудетъ въ Дармштадтѣ для обученія невѣсты русской грамотѣ, а можетъ быть и закону. Правда ли? Это несогласно съ его письмомъ къ Елагиной, гдѣ онъ обѣщаетъ въ августѣ непремѣнно возвратиться. Четвертинскихъ давно не видѣлъ за болѣзнію. Поѣду сегодня справиться; пріискали ли они тебѣ квартиру? Чѣмъ кончилась участь Лермонтова?

Докторъ, исключительно дѣтскими болѣзнями занимающійся, сказалъ брату, что Сашка—lymphatique; что ей нужны морскія ванны и вредна всякая мучная пища (farineuse). Она сама открыла боль въ желудкѣ и сказала брату. Очень это меня безпокоитъ; уговариваю брата ѣхать опять къ морю, которое и Кларѣ помогло, и отказаться мѣсяца на два отъ своего Шанрозе. Послѣ завтра стукнетъ мнѣ . . . . [1]) лѣтъ.

Я намѣренъ, съ первымъ осушеніемъ улицъ и дорогъ, обры-

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

скать Москву съ ея монастырями и церковногражданскими древностями, а потомъ и окрестности: Пестушевъ, Воскресенскій, Троицу и прочія. Поклонись старику-служивому, моему дядькѣ. Рекомендую дядькѣ мою коляску и прошу провѣтривать ее.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому [1]). Въ С.-Петербургѣ.

848.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го марта 1840 г. Москва.

Очень жалѣю, что пропустилъ оказію Баранта и Этьена; письмо почти готово, но не кончено. Пришлю послѣ.

О Фонвизинѣ именно ничего нѣтъ въ Архивѣ, но попадались бумаги, вѣроятно имъ писанныя, и какая-то бумага, помнится, о его производствѣ. Пересмотрю кипы того времени и давно бы просмотрѣлъ, но глаза мѣшали и мѣшаютъ; бываю въ Архивѣ для надзора за писцами; читать не могу, а только оглавленія пробѣгаю и указываю, что выписывать. Надобно переписать изъ бумагъ, данныхъ государю, кои теперь, вѣроятно, у князя Александра Николаевича (а были у графа Нессельроде), изъ инструкціи Вержена Вераку то, что первый говоритъ о графѣ Панинѣ, и изъ послѣдняго то, что онъ говоритъ по случаю отставки графа Панина. Фонвизинъ дастъ тебѣ случай сказать нѣсколько словъ о графѣ Панинѣ. Я, вѣроятно, скоро получу здѣсь эти два тома, просмотрѣнные графомъ Нессельроде. Князь Александръ Николаевичъ обѣщалъ доставить. Вчера купилъ восемь паръ очковъ, но еще не привыкъ къ нимъ, да и не велятъ еще много читать и писать: послѣднее легче.

Вчера былъ у Четвертинскихъ. Княгини не было дома. Дочь (Трубецкая) уговариваетъ ее ѣхать по другому дѣлу недѣли на двѣ, въ концѣ апрѣля, въ Петербургъ съ нею, а она сама оттуда въ Италію въ маѣ. Спрашивалъ о твоей квартирѣ. Думаютъ, что домъ пустой у Лодомирскихъ, и что тамъ и тебѣ мѣсто бу-

---

Приписка А. Я. Булгакова.

[1]) Коему съ маленькимъ письмомъ посылаю маленькій поцѣлуй.

детъ съ княземъ Өедоромъ Гагаринымъ. Переговорю съ княгиней. Лебуръ давно здѣсь; заѣду къ нему за портретомъ. „Revue des deux mondes“ теперь права, и ты съ нею: наши письма разъѣхались, а поютъ одно. Письмо брата говоритъ то же.

Жаль бѣдной Бахерахтши! Въ Гамбургѣ она не уживется, а Петербургъ надолго не для нея.

Выписку изъ письма Жуковскаго изъ Модлина получилъ. Третьяго дня былъ въ Историческомъ обществѣ. Погодинъ читалъ разсужденіе о древней Россіи: какъ она сложилась и послѣ разломилась, чтобы опять сложиться; въ его новомъ взглядѣ есть что-то дѣльное, но нашъ Michelet пишетъ хуже французскаго: не позволено о Россіи писать почти не по русски и, говоря объ элементахъ политическихъ, коими уставилась, опредѣлилась судьба великаго или, по крайней мѣрѣ, огромнаго государства-отечества, употреблять выраженія площадныя, сравненія, недостойныя возвышенности предмета, и профессору передъ публикой являться въ шлафрокѣ салоннаго разговора. Гёте и запросто всегда выходилъ въ сюртукѣ къ своимъ посѣтителямъ. Чертковъ читалъ описаніе болгаро-славенской рукописи въ Ватиканѣ, давно мною описанной въ путевыхъ запискахъ; онъ срисовалъ только любопытныя виньеты о Россіи, а рукописи не списалъ; въ одной изъ сихъ виньетовъ виденъ русскій, крещаемый въ Днѣпрѣ; по положенію его видно, что его морозъ по кожѣ подираетъ, и онъ бы выпрянулъ изъ живой купели, если бы не боялся стоящихъ на берегу душеспасителей.

Поутру въ Архивѣ видѣлъ я другую рѣдкость, нашу Magna charta объ избраніи на царство Михаила Өедоровича, съ 21 рисунками Кремля и всѣхъ его соборовъ, внутри и снаружи. Костюмы, обряды, народъ, духовенство, бояре, дворъ—все тутъ живо и вѣрно изображено. Кремль—какъ онъ былъ до жертвоприношенія народамъ и дурному вкусу. Всѣ сіи хартіи тлѣютъ, но это сокровище единственное, должно сохранить непремѣнно. Скотниковъ здѣсь берется за 300 рублей выгравировать каждый рисунокъ. Я буду просить нужной суммы у государя на изданіе текста и рисунковъ. У Муханова видѣлъ какую-то космографію, по коей Михаилъ Өедоровичъ учился географіи и всякой всячинѣ,

или энциклопедіи того времени. По листамъ и виньеткамъ отмѣчено по-русски содержаніе и значеніе оныхъ для объясненія державному ученику. Эти объясненія очень забавны. Книга принадлежала Морозову; сохранена прекрасно. Здѣсь я чѣмъ больше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ нахожу, но куда дѣваться съ ними? И часть своего архива разобралъ; всего увезти нельзя, а пятидесятишестилѣтнему старцу трудно возвращаться снова на родину, для него съ каждымъ годомъ пустѣющую. Какъ меня ни кормятъ здѣсь русской стариною, а я все въ лѣсъ смотрю, а изъ лѣсу опять позываетъ на родимую сторону. Волею и неволею я принадлежу Россіи, ея исторіи, ея внутренней жизни, ея коммеражамъ, ея порокамъ и бѣдствіямъ, ея славѣ и доблести. Я весь русскій, но... Не могу продолжать письма. Поклонись Карамзинымъ. Послалъ ли я записку объ армянинѣ-учителѣ къ тебѣ?

На обороть: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

Приписка А. Я. Булгакова.

У бѣднаго барона Розена былъ ударъ паралича, лишившій его рукъ, ногъ и памяти. Вчера боялись, что не проживетъ до утра, но я сегодня не знаю ничего объ немъ. Обнимаю.

849.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го марта 1840 г. Москва.

Пожалуйста, отошли письмо съ Барантомъ, а если уже уѣхалъ, то по прежнему, отъ моего имени, пошли къ Валладу. Мнѣ неловко послать его по почтѣ. Можетъ быть, и у насъ отправится скоро курьеръ.

Глазамъ моимъ опять похуже. Сегодня званъ на обѣдъ, который члены новаго клуба даютъ старшинамъ, то-есть, все-таки князю Д[митрію] Вл[адиміровичу]. Авось, поѣду.

Напоминаю сегодня, чтобы мнѣ выслали изъ Петербурга первые два волюма моихъ рукописей, гдѣ о графѣ Панинѣ, для про-

смотрѣнія мнѣнія графа Нессельроде, который обѣщалъ его доставить. Ожидаемъ тебя сюда, но когда?

Президентъ, сенаторъ Озеровъ, является въ новый клубъ, изъ чиновниковъ и даже полицейскихъ составленный. Всѣ встаютъ. Онъ не хочетъ болѣе ѣздить. Передъ президентомъ Монтескье не стыдно было бы встать.

Скажи мнѣ что-пибудь о Валуевыхъ? Что Лиза? Гдѣ они будутъ лѣтомъ? Перлюстрируетъ ли берлинскій философъ нѣмецкія вѣдомости или еще не возвратился?

Я нашелъ въ Архивѣ длинное оригинальное письмо Ломоносова къ Миллеру, но не могъ прочесть еще. Если увижу, что оно любопытно и неизвѣстно, то не прислать ли для твоей котомки, сказавъ нѣсколько словъ о его отношеніяхъ къ Миллеру и Шлецеру.

Можетъ быть, я и не пошлю сегодня письма въ Парижъ, а въ понедѣльникъ. Глазамъ трудно кончить его, хотя и очень нужное.

На оборотѣ: Князю П. А. Вяземскому.

Приписка А. Я. Булгакова.

У меня шалитъ опять глазъ. Благодарю за письмо отъ 25-го. Мы его всѣ читали вчера у Ольги, то-есть, я читалъ, а прочіе слушали, какъ апостола чтеніе. J'ai dit que voilà le Thiers consolidé, а Тургеневъ на это: „Жаль, что я не въ Парижѣ, что ты не написалъ это туда. Я бы выдалъ за свое“. Буду писать тебѣ въ понедѣльникъ. Мацневъ одобряетъ все, что пишетъ княгиня, и на все соглашается. Ужъ подлинно озадачилъ ты и ухо меломана, и желудокъ объѣдалы своими двумя афишками. Обнимаю! Больно глазамъ.

30-го марта.

850.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го апрѣля. [Москва].

Отошли повѣрнѣе къ Валладу. Правда ли, что ты сюда уже не будешь? Картонъ съ Дегуромъ получилъ, но моихъ потретовъ гра-

вированныхъ въ немъ не было. Вчера показывалъ обжорѣ Соймонову menu графа Салтыкова и пѣвицѣ-дочери афишку концерта. Третьяго дня во весь столъ бесѣдовалъ съ Ермоловымъ въ новомъ благородномъ клубѣ, прозванномъ клубомъ святого Станислава, по роду кавалеровъ, тамъ красующихся: въ томъ числѣ и я.

851.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го апрѣля (слѣдовательно, не обманъ) 1840 г. Архивъ. [Москва].

Я отыскалъ здѣсь черновой переводъ Дениса Фонвизина и съ его подписью, какъ переводчика французскаго сочиненія: „Сокращеніе о вольности французскаго дворянства и третьяго чина. Переводилъ переводчикъ Д. Фонвизинъ“. Дѣлаютъ для тебя выписку и перепишутъ заключеніе бумаги, листовъ въ шесть, все его рукой; но кажется, судя по содержанію и по времени, не Сіэса („Sur le tiers-état“); въ заключеніи о Россіи. Если что найду еще—пришлю. Извѣстно ли тебѣ о семъ переводѣ его? Не знаю, доберемся ли, кто авторъ сочиненія? Булгаковъ и меня, и весь городъ взбудоражилъ вчера записками объ убійствѣ Тьерса и пр. Я въ Архивѣ получилъ его записку; далъ прочесть другому, ибо самъ не могъ, и архивскіе юноши разнесли по всему городу мнимую трагедію о мнимомъ Кесарѣ Тьерсѣ и о Брутѣ Одильонъ Баро и компаніи. Послѣ и Россети, и Эскалонъ пріѣзжали ко мнѣ съ тою же вѣстью, коей вѣрили, а я показалъ имъ записку Булгакова и разочаровалъ ихъ, но городъ вѣритъ и повираетъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

852.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го апрѣля 1840 г. Москва.

Записку по дѣлу Кольцова вчера списалъ у Свербеевой, а она отдастъ князю Оболенскому и чрезъ него или другихъ

Озерову, а я чрезъ сына—князю Лобанову, оберъ-прокурору сего департамента. За повытчиками надобно ѣхать въ клубъ святого Станислава: передамъ другимъ. Попрошу и сенатора Салтыкова, если отъ него зависитъ.

Вчера не успѣлъ послать выписки изъ Фонвизина. Писецъ съ трудомъ разбираетъ руку его, а я и совсѣмъ не разберу, за глазами.

Письмо Ломоносова къ Миллеру, архиваріусу-историку, на четырехъ страницахъ, очень любопытно, ибо онъ оцѣниваетъ въ немъ многихъ нѣмецкихъ ученыхъ, весьма впослѣдствіи знаменитыхъ, и опредѣляетъ, въ чемъ именно ихъ достоинства и годность для Академіи нашей. Если оно не напечатано нигдѣ, то для тебя была бы это находка, если ты издаешь *кипсекъ*, и я дарю тебѣ это чужое добро, „ибо вся ми предана" въ Архивѣ. Я справлюсь у Орловой, нѣтъ ли его въ бумагахъ Ломоносова, а въ Академіи русской можно справиться чрезъ Ѳедорова: онъ все прочелъ о Ломоносовѣ и пишетъ его біографію для дѣтей. Мнѣ списали письмо Ломоносова точно, по оригиналу, кое-гдѣ подъ титлами.

На сихъ дняхъ пошлю къ князю А[лександру] Н[иколаевичу], для представленія государю, проектъ о напечатаніи и выгравированіи книги (въ лицахъ), содержащей описаніе:

1) о избраніи на престолъ царя Михаила Ѳедоровича;

2) коронованіе его и помазаніе мѵромъ;

3) встрѣтеніе возвратившагося изъ польскаго плѣна его, государева родителя Филарета Никитича;

4) посвященіе его, митрополита, въ россійкіе патріархи. На 52 листахъ, съ 21 раскрашенными рисунками. Предлагаю Скотникова граверомъ оныхъ, а князя Оболенскаго издателемъ всего.

Перепиши для себя бумагу Фонвизина, а мою возврати: она нужна въ коллекціи. Увѣдомь, дастаточно ли выписано. Многія слова не разобрали въ рукописи Фонвизина. Возврати ее. Не знаю также года, когда писана, ибо въ папкѣ не означено.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Приписка А. Я. Булгакова.

Мнѣ ставятъ мушку за ухо. On prêche la lumière à la jeunesse, apparemment que je suis vieux, puisqu'on me recommande les ténèbres et l'obscurité. Скучно безъ разсвѣта!

853.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го апрѣля 1840 г. Москва.

Посылаю тебѣ выписку изъ той секретной рукописи, которая была у меня въ Петербургѣ, о графѣ Панинѣ. Она опредѣляетъ его отношенія къ императрицѣ и къ Россіи и означаетъ тогдашнее направленіе его политическихъ мнѣній. Теперь не могу пробѣжать всей рукописи, но все, что встрѣчу въ ней относительно характеристики графа Панина, пришлю тебѣ. Въ другихъ депешахъ, кои теперь въ Петербургѣ, еще болѣе о немъ, особливо въ донесеніяхъ въ Вержену и въ его инструкціи Вераку, гдѣ онъ указываетъ посланнику на значительнѣйшихъ мужей въ Россіи и дѣлаетъ ихъ портреты, а потомъ тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ удаленіи Панина отъ министерства; всѣ ахнули и, казалось, вопили: „На кого ты насъ, батюшка, покинулъ!" Ты найдешь о немъ примѣчательную характеристику и въ нѣмецкой книгѣ: „Dohm's Materialien zur Geschichte seiner Zeit", гдѣ напечатано то, что Герцбергъ, кажется, написалъ на французскомъ о государственныхъ мужахъ въ Россіи для принца Гейнриха, передъ пріѣздомъ его въ Россію. Эта піеса о петербургскихъ корифеяхъ того времени a eu du retentissement en Europe. Врядъ ли тамъ не сказано нѣсколько строкъ и о Фонвизинѣ, ибо авторъ упоминаетъ о секретаряхъ и дѣльцахъ Панина. Я помню, что о Бакуниныхъ точно говорится, а они были товарищами Фонвизина. Эта книга у меня была; она in 8^{0}, въ четырехъ частяхъ, и французская статья, кажется, въ третьей. Справься черезъ Востокова въ музеѣ Румянцова или у Аделунга, твоего сосѣда; онъ, вѣрно, достанетъ тебѣ ее на время. Если въ моихъ книгахъ, въ Университетѣ, отыщу, то сообщу. Если бы о самомъ Панинѣ, in extenso, нужно было писать, то у меня много бумагъ, имъ самимъ писан-

ныхъ, гдѣ онъ излагаетъ для Екатерины свою политическую систему и отношенія европейскихъ державъ къ Россіи. Бумаги черновыя имъ писаны и приложены къ дѣламъ. И слогъ его любопытенъ: это—Безбородко своего времени, но не секретарь, а министръ.

Моя котомка обогащается. Право, затѣять бы русскій „Portofolio"! Чему мѣшаютъ выписки, подобныя нынѣ сообщаемой? Могутъ даже иныя и подбавлять воды на нашу мельницу, особливо если старое palpitera de l'intérêt du moment! Вчера посланную выписку возврати, списавъ копію.

Выписка изъ депеши французскаго министра въ Россіи, monsieur Bérenger, отъ 6-го августа 1762 г. къ версальскому двору:

„L'influence de m-r Panine dans les affaires n'est point douteuse: il est le moteur principal de la machine; les autres ministres ne doivent être considerés que comme des ressorts secondaires, dont il dirige l'action, et aux quels il distribue plus ou moins de force, selon le degré d'analogie que leur affection et leurs idées ont avec les siennes."

„Or, monseigneur, cet homme, qui tient ainsi le gouvernail de la Russie, en a la plus haute opinion. Il s'imagine, que cet empire se suffit à lui même et qu'il n'a nul besoin des puissances étrangères; on m'assure, qu'il a persuadé à l'impératrice, que jusqu'à présent les alliances de la Russie lui ont fait un tort considérable, et que les alliés ne se sont servis d'elle que „comme le singe de la pate du chat" c'est son expression; en sorte que cette puissance ne pourrait rien faire de plus préjudiciable à ses intérêts, que de s'obstiner à s'en rendre la dupe pour obtenir une considération, qui lui est due et qu'elle augmentera sans leur secours, que cependant puisque le système politique actuel de l'Europe semble imposer à chaque puissance la nécessité d'avoir un allié considérable, le plus vil et le plus naturel pour la Russie est l'Angleterre; et qu'elle n'en doit point chercher d'autres; que les anglais seuls peuvent exporter les denrées de l'empire, donner l'écoulement à toutes les productions, y introduire les commodités et les objets d'agrément dont il faudra prohiber ou diminuer l'entrée en raison des progrès des arts en Russie, ou les interdire même absolument par des lois somptuaires; qu'enfin les liaisons de commerce avec l'Angleterre sont

les seuls vraiment avantageuses pour ce pays, et que ces deux couronnes par une alliances directe et solide doivent se communiquer réciproquement une considération et une influence prépondérante en Europe.“

“Telle est, monseigneur, la doctrine de ce législateur moscovite, et, si j'en crois certains rapports, elle est très agréable à l'impératrice. Pourquoi les dissimulerais-je à votre grandeur? Je suis tenté de soupçonner que plusieurs personnes et moi d'après elles, nous nous sommes trompés sur le compte de l'impératrice. Nous croyons, que le goût que cette princesse avait manifesté dans le commencement pour les anglais, avait changé. Peut-être n'a-t-elle fait que suspendre pendant quelque temps l'expression de ses sentiments pour eux?..“

(Bérenger). St.-Pétersbourg, 3 septembre 1762.

„Si nous tournons nos regards sur les personnages qui donnent le mouvement à cette monstrueuse machine, nous verrons à côté de Catherine II: Panine, Bestucheff, Keyserling et Teplow; le reste ne mérite pas d'être compté“.

Выписываю объ одномъ Панинѣ:

„Panine est en quelque sorte la créature de Bestucheff et son disciple; il est bon d'observer qu'il a été grand partisan de la reine de Suède, et qu'il serait très possible, qu'il profita de la situation actuelle pour lui donner des preuves de la fidélité de son zèle. L'on ne saurait le veiller de trop près“.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.

Приписка А. Я. Булгакова.

У меня мушка за ухомъ: щиплетъ, а глазу все не лучше.

854.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5-го апрѣля 1840 г. Москва.

Ты, братъ, поддѣлъ насъ: вчера князь Сергѣй Мещерскій пилъ съ нами чай у княгини Софьи Сергѣевны и сказалъ, что обѣдалъ

съ тобою въ воскресенье у Карамзиныхъ; что ты и не сбираешься сюда и, слѣдовательно, до свиданія не въ матушкѣ Москвѣ, а на матушкѣ или мачихѣ, на Невѣ-рѣкѣ.

Вотъ тебѣ собственноручное сенаторское обѣщаніе хлопотать по дѣлу твоего protegé. Князь Александръ Оболенскій ищетъ случая дѣлать угодное своей племянницѣ. Сегодня ввечеру буду просить Лжедмитріева. Онъ обѣщалъ мнѣ дать прочесть записки дяди и возвратить мои къ нему письма, если отыщутся. Здѣсь свалка въ залѣ Благороднаго собранія для покупки и продажи вещей въ пользу бѣдныхъ. Вчера было до двухъ тысячъ; сегодня сбираюсь туда съ моими парижскими лептами. Графиня Зубова одна изъ сидѣлицъ въ лавкахъ. Какъ же не разориться?

Если встрѣтишь вѣрнаго камердинера, который бы могъ ѣхать со мною въ концѣ мая изъ Петербурга въ чужіе краи, то увѣдомь меня, но до моего пріѣзда ничего не обѣщай. Онъ долженъ быть честенъ, умѣть брить или выучиться брить, укладывать, ухаживать за мною и за коляскою въ дорогѣ; рѣдко, очень рѣдко случится ему выѣзжать за каретой, и то въ крайней необходимости; будемъ жить на водахъ, и вѣроятно въ Киссингенѣ; поѣдемъ чрез Германію или въ Италію, что не такъ вѣроятно, или въ Парижъ, что всего вѣроятнѣе, а изъ Италіи въ Парижъ, гдѣ квартира и столъ у брата. Прости!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

Приписка А. Я. Булгакова.

Обнимаю тебя, а глазъ все болитъ у меня.

855.

Тургеневъ князю Вяземскому

8-го апрѣля 1840 г. Москва.

Дѣло вотъ какъ было: баронъ д'Андре, помнится, на вечеринкѣ у Гогенлоге, спрашиваетъ меня, правда ли, что Лермонтовъ въ извѣстной строфѣ своей бранитъ французовъ вообще или

только одного убійцу Пушкина, что Барантъ желалъ бы знать отъ меня правду. Я отвѣчалъ, что не помню, а справлюсь; на другой же день встрѣтилъ я Лермонтова и на третій получилъ отъ него копію со строфы; черезъ день или два, кажется, на вечеринкѣ или на балѣ уже у самого Баранта, я хотѣлъ показать эту строфу Андре; но онъ прежде самъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что дѣло уже сдѣлано, что Барантъ позвалъ на балъ Лермонтова, убѣдившись, что онъ не думалъ поносить французскую націю. Слѣдовательно, я не ввозилъ Лермонтова къ Баранту, не успѣлъ даже и оправдать его и былъ вызванъ къ одной справкѣ, къ изъявленію моего мнѣнія самимъ Барантомъ чрезъ барона д'Андре. Voici la verité, toute la verité et rien que la verité. Прошу тебя и себя и другихъ переувѣрить, если, паче чаянія, вы думаете иначе. Предъ истиною благоговѣющій и говѣющій Тургеневъ.

Вчера приглашенъ былъ на крестины младенца Ольги къ красавицѣ Кирѣевой. Государя заступалъ князь Д. В. Голицынъ; свидѣтелями были всѣ предержащія власти: комендантъ, Гельфрейхъ, Олсуфьевъ и азъ многогрѣшный съ прочими особами; дамы: графиня Гудовичъ, княгиня Гагарина, княгиня Щербатова, княгиня Голицына; мать отца была вопріемницею. Тосты пили за отсутствующаго воспріемника и за его лейтенанта. Красавица-мать принимала и угощала какъ встрепанная: и слѣда нѣтъ истощенія послѣ девяти дней или лучше въ девятый день. Прелестна, свѣжа, мила, жива, любезна! Дунувъ и плюнувъ на дьявола и вся дѣла его, князь Голицынъ съ гостями поскакалъ на доброе дѣло—въ концертъ въ пользу заточенныхъ должниковъ, въ два дня образовавшійся къ подкрѣпленію базара, кончившагося вчера лотереею. Вотъ тебѣ отрывокъ изъ московской хроники, и вотъ выписка изъ третьей или первой седмицы кіевскаго или чигиринскаго Златоуста-Иннокентія, на сихъ дняхъ вышедшей:

„Въ Ветхомъ Завѣтѣ говорено: „Грѣхи твоя милостынями и неправды твоя щедротами убогимъ искупи" (Дан. 4. 24). Посему, намъ, ищущимъ теперь прощенія и милости у Господа, всего приличнѣе являться къ Нему за симъ по оказаніи милости ближнимъ нашимъ. Нужно ли въ семъ отношеніи какое-либо вразум-

леніе отъ насъ? Если нужно, то мы скажемъ властелину, въ рукахъ коего участь многихъ тысячъ подобныхъ ему людей: „Дай если не свободу, то хотя ослабу тѣмъ, кои служебными отношеніями къ тебѣ видимо стѣсняются въ развитіи данныхъ имъ отъ Бога способностей и силъ, даже въ исполненіи обязанностей своихъ къ Богу и ближнимъ"! Евангельскому богачу скажемъ: „Раздери рукописаніе долга, коимъ связанъ предъ тобою бѣдный отецъ многочисленнаго семейства, посѣти темницу" и т. п. (стр. 70-я „Первой седмицы Великаго поста". Кіевъ. 1840: „Слово на утрени 3-е въ понедѣльникъ 1-я недѣли Великаго поста"). Опасаюсь за христіанскаго оратора петербургскихъ, кои въ отношеніи къ нему иногда забывали святое правило: „Духа не угашайте". Зовутъ къ заутрени-вечернѣ-обѣднѣ. Прощай!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

856.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го апрѣля 1840 г. Москва. Страстная или Великая пятница.

Честь имѣю васъ и себя поздравить съ причащеніемъ св. таинствъ. Я вытребовалъ изъ университетской библіотеки экземпляръ проданнаго мною Дома: „Denkwürdigkeiten meiner Zeit oder Beiträge zur Geschichte vom letzten Viertel des achtzehnten und vom Anfang des neunzehnten Jahrhunderts, 1778 bis 1806". Von Christian Wilhelm von Dohm. Во второй части, въ прибавленіяхъ, отъ страницы XXI до XXXIX, находится: „Mémoire remis à s. a. r. monseigneur le prince de Prusse (Гейнрихъ) le 25 août 1780 à Narva lors de son voyage à la Cour de Russie". О Фонвизинѣ не упоминаетъ, но вотъ что сказано о графѣ Панинѣ на страницахъ XXIV и XXV: „S. m. i. (то-есть Екатерина II) ayant, à ce que tout le monde assure, une grande jalousie contre son auguste fils et peut-être autant contre m-me la grande-duchesse, une des choses les plus difficiles sera de conserver un juste milieu pour plaire à s. m. l'imperatrice et de conserver l'amitié déjà établie entre l. l. l. a. a. a. i. i. et r. C'est là l'ou-

vrage de la haute sagesse de s. a. r. et si quelque chose pourra encore contribuer à augmenter l'amitié et l'attachement de l. l. a. a. i. i. ce seront les assurances que monseigneur le prince voudra bien donner souvent à madame la grande-duchesse de l'attachement pour les princes de Wurtemberg ses frères et l'estime et la confiance sans bornes qu'il témoignera à m-r le comte de Panin". (Дружба великаго князя Павла Петровича основалась съ прусскимъ принцемъ во время вояжа его въ Берлинъ съ графомъ Румянцовымъ, фельдмаршаломъ, который данъ былъ ему какъ бы въ дядьки императрицею, хотя по возвращеніи она подозрѣвала его, и не безъ причины, въ замыслахъ противъ нея и въ пользу сына-наслѣдника и наказала его почетнымъ арестомъ въ Петербургѣ недѣли на двѣ).

„Ce ministre mérite sans contredit les plus grands égards comme un des premiers hommes d'état, comme premier ministre de Russie et outre qu'il inspire naturellement la confiance; il a encore des droits personnels à celle du prince royal de Prusse, étant, pour ainsi dire, celui qui a donné à la maison de Brandenbourg l'alliance de la Russie qu'il a constamment soutenu et qu'il n'abandonnera point. Son âge et ses mérites peuvent autoriser s. a. r. à lui témoigner des égards particuliers; en lui demandant des instructions et des éclaircissemens sur le système politique, en lui témoignant des sentimens d'estime et d'attachement pour monseigneur le grand-duc et pour le prince Repnin (князь Николай Васильевичъ), qui sont les deux personnes auxquels il est le plus attaché; en allant de tems en tems diner, jouer et souper chez lui, en se trouvant sans cérémonie dans son cabinet, monseigneur le prince se le conciliera aisément. Il est bon, généreux, débonnaire et se prévenant d'ailleurs aisément en faveur de nouvelles connaissances il s'attachera facilement à un prince dans lequel il reconnoîtra des qualités excellentes. Il aime encore tous les plaisirs, sur-tout les chevaux, les spectacles etc., il haït le prince Potemkin et il pardonne difficilement à ceux qui recherchent ce favori. C'est un point même sur lequel il est soupçonneux."

Прочія особы, коихъ характеристика сдѣлана послѣ Екатерины въ сей инструкціи, суть: князь Потемкинъ, Остерманъ,

Бецкой, графъ Иванъ Чернышевъ, фельдмаршалъ князь Голицынъ, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ и братъ его оберъ-échanson, графъ Брюсъ, жена его, урожденная графиня Румянцова, двѣ племянницы Потемкина, Энгельгардтъ, Ланской (фаворитъ), графъ Строгоновъ (Ал. Серг.); оберъ-маршалы: Орловъ и князь Барятинскій; камергеры: князь Михаилъ Долгоруковъ, князь Ал. Куракинъ, графъ Николай Румянцовъ, графъ Александръ Воронцовъ, братъ его Семенъ, о коемъ слѣдующее: „Outre qu'il est ami intime du prince Orlof et de ses frères, il est encore l'ami du conseiller d'état actuel Backunin, le premier et le plus habile commis du comte Panin". Далѣе: „Le s-r Besborodkow, le secrétaire privé de l'impératrice qui jouit le plus de sa confiance, est dépendant du s-r Bacounin et l'ami du comte Simon".

Вотъ все, что о графѣ Панинѣ и его приверженцахъ. О Фонвизинѣ ни слова. Сожалѣю. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Портреты Дома довольно вѣрны и любопытны. Я когда-то давалъ читать эту записку князю Александру Николаевичу. Вотъ источникъ: можетъ быть, и для біографіи Фонвизина что-нибудь да вспомнитъ, хотя онъ и не его времени.

Третьяго дня и вчера былъ я на муровареніи; теперь ѣду (8 часовъ утра) на умываніе мощей, а потомъ на академическую проповѣдь въ Заиконоспасскій монастырь, а со временемъ напишу параллель моего времяпровожденія въ Парижѣ и въ Москвѣ на Страстной недѣлѣ. У насъ потеплѣе, и Подновинское должно быть блистательно. Мы перестали и ожидать тебя. Христосъ Воскресе!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

Приписка А. Я. Булгакова.

Христосъ Воскресе! А я все вожусь со своими глазами. Тоска беретъ. Обнимаю!

857.

Тургеневъ князю Вяземскому.

13-го апрѣля 1840 г. Москва.

Ей-ей, не укралъ Морошкина, хотя и очень свербѣлось. Ты отдавалъ ее читать П. А. Валуеву и послѣ еще кому-то. Я не могъ достать ее въ Петербургѣ; иначе бы оттуда отправилъ къ брату. Здѣсь едва могъ самъ Морошкинъ отыскать экземпляръ для меня, и я отсюда чрезъ тебя и послалъ экземпляръ брату; другой укралъ у Павлова, но вѣроятно возвращу или выпрошу и себѣ оставлю; а для тебя буду просить у Голохвастова, но и въ Университетѣ нѣтъ ужъ болѣе. Постараюсь.

Купца нельзя допустить въ Архивъ; однако жъ переписать постараюсь вполнѣ; возврати копію, а я пришлю полную.

О Панинѣ третьяго дня послалъ. Дамъ прочесть письма его и политическія мнѣнія. Теперь читаю оригинальныя письма Кобургскаго принца къ Суворову: цѣлый волюмъ. Онъ у ногъ его. Вся переписка Итальянской войны также предо мною и весь Суворовъ. Шестеро переписываютъ и не успѣваютъ, а вотъ и говѣнье, и праздники. Напиши къ Жуковскому, что если не буду ожидать здѣсь Аржевитинова, съ коимъ хочу ѣхать въ августѣ, то уѣду въ маѣ, глазъ ради нашихъ. Но уже къ нему не являюсь нарочно; развѣ по дорогѣ. А то и такъ подумали, что я ухаживаю не за нимъ, а за великимъ княземъ. Не прощу себѣ, что пропустилъ для нихъ двѣ коронаціи. Пріѣзжай же поглазѣть на Подновинское: и солнце для тебя показалось. Вчера было умовеніе мощей въ соборахъ, проповѣдь въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Кузнецкій мостъ въ движеніи; у конфетчика моднаго, какъ у парижскихъ, приставленъ ко входу инвалидъ, но толпы нѣтъ:

Ужъ какъ вы ни садитесь,
А въ парижане не годитесь.

Правда ли, что одинъ изъ министровъ принялъ слабительное; вдругъ — приглашеніе къ . . . . [1]), и онъ послалъ за док-

[1]) Точки въ подлинникѣ.

торомъ совѣтоваться, какъ бы умолить или вытолкать слабительное, чтобы явиться, куда приглашали.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

858.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го іюня. [Москва].

Жаль короля! Сорокъ три года державной жизни и въ какую эпоху! Обезоружилъ Наполеона и Штрауса! Остался другомъ Россіи quand même! Новаго порядка вещей въ Пруссіи не будетъ, но старый нѣсколько измѣнится. Поспѣшу туда. 11-го, во вторникъ, надѣюсь выѣхать отсюда; съ недѣлю пробуду съ вами—и опять въ лѣсъ. Скажи великому князю, что везу ему архивскій гостинецъ. Вотъ и другой: третьяго дня гулялъ я съ петербургской красавицей Штеричъ въ Петровскомъ. Къ ней *относился* какой-то красавчикъ. „Кто это?“ спросилъ я ее. „М-г Плохой“, отвѣчала она. „Смотрите же, не оплошайте“, примолвилъ я.

Вчера, на Прѣсненскихъ прудахъ, каталъ я на лодкѣ кн. Четвертинскихъ и Давыдову. Знаешь ли, что съ середины пруда видъ на Дѣвичій монастырь прелестный и совершенно венеціанскій, когда подъѣзжаешь къ Венеціи съ твердой земли. Дѣвичье поле исчезаетъ; видны однѣ башни наравнѣ съ водою и надъ водою; я бы заглядѣлся, если бы княгиня Четвертинская не запрыскала меня водою. Сегодня обѣдаю съ Мятлевымъ у Брогліо; онъ и здѣсь повсюду съ „Курдюковой“ рыщетъ и москворѣцкими стихами всѣмъ въ уши свищетъ.

Свербеева въ деревнѣ, и я осиротѣлъ. Пріѣдетъ наканунѣ моего отъѣзда на минуту проститься; спрашивала о тебѣ.

О неурожаѣ у васъ говорятъ; здѣсь давно дѣйствуютъ и тужатъ. Сердце Россіи, Москва, чувствовала прежде и страдала, нежели голова Петербурга о ней думала. На гуляньѣ въ Марьиной рощѣ я такъ забылъ горе Россіи—голодъ, что загулялся почти до полуночи, заглядывалъ во всѣ шатры, слышалъ два хора рус-

скихъ и три цыганскихъ, но не первоклассныхъ; любовался *народностію*, но только не Уваровскою и, возвращаясь съ первымъ, по моему мнѣнію, знатокомъ русской старины Ивановымъ, узналъ, что онъ нашелъ въ Разрядномъ и въ Отчинномъ архивахъ четырехъ Тургеневыхъ-аристократовъ, положившихъ голову за святую Русь при Отрепьевѣ, Разинѣ и пр. Сколько исторіи въ этомъ чердакѣ сенатскомъ, который называютъ архивомъ! До свиданія. Береги себя и поцѣлуй ручки у маменьки и Лизаньки.

Я видѣлъ письмо княгини Щербатовой (Горсткиной), гдѣ много тебѣ и мнѣ.

859.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го августа / 20-го іюля 1840 г. Берлинъ.

Усталъ отъ писемъ къ князю Голицыну и въ Москву. Получилъ два отъ князя А[лександра] Н[иколаевича] и ни слова отъ тебя. Прожилъ здѣсь двѣ недѣли на лекціяхъ, на вечеринкахъ профессорскихъ, на кладбищахъ; разорился на книги, на желѣзныя ожерелья; облеталъ окрестности: Потсдамъ, Sans-Souci; видѣлъ тамъ Гумбольдта, короля; съ первымъ уладилъ дѣло о рукописяхъ и сегодня ввечеру сбираюсь чрезъ Потсдамъ же, гдѣ опять Гумбольдта увижу (онъ безпрерывно при королѣ, и публика этимъ очень довольна), и потомъ въ Галле, гдѣ поучусь два дня—и въ Веймаръ или Вильгельмсталь къ великой княгинѣ, гдѣ и прусская принцесса Августа; тамъ дни три—и въ Киссингенъ на четыре недѣли; хотя Шёнлейнъ предпочиталъ Маріенбадъ, но согласился и на Киссингенъ (Юнгкенъ—въ Баденъ-Баденѣ, Грефе—въ могилѣ). Изъ Киссингена въ Баденъ, къ твоимъ и только для твоихъ. Тамъ узнаю о тебѣ, но авось и прежде, отъ тебя самого. Обними нѣжно своихъ петербургскихъ или царскосельскихъ. Скажи См[ирновой], что я ею не такъ былъ доволенъ на возвратномъ пути изъ Москвы, какъ прежде; что, не смотря на это, думаю и молюсь о ней часто и сердечно. Прости! Совѣтовалъ бы прочесть мое письмо въ Москву, но тебя не забавляютъ мои университет-

скія похожденія. Пріобрѣтите для Департамента книгу о торговлѣ, въ двухъ частяхъ (имя напишу послѣ), написанную по задачѣ Парижской академіи des sciences politiques, но Дюпенемъ тамъ не одобренную (онъ искалъ Гамбурга въ Средиземномъ морѣ). Много хорошаго въ теоріи нѣмца и соотвѣтствующаго нынѣшнему состоянію торговой и политической системы Европы, слѣдовательно, со временемъ и Россіи. Прости!

Получилъ письмо отъ княгини Гагариной изъ Москвы, и сердце разнѣжилось тоскою по ней.

Я опять нашелъ много *русскаго* здѣсь, то-есть, старины, а изъ Копенгагена обѣщаютъ два волюма à 500 pages каждый. Et puis qu'en faire?

Здѣсь ожидаютъ большихъ, хотя и постепенныхъ, перемѣнъ отъ короля. Всѣ имъ довольны. Отецъ умеръ во-время: его любить и помнить будутъ; но чувствуютъ, что пора было оживить державную дѣятельность. Пріятель мой Эйхгорнъ будетъ министромъ просвѣщенія здѣсь, но не Уваровымъ: онъ человѣкъ рѣдкихъ качествъ души и ума просвѣщеннаго und ein Bürgerlicher, не аристократическаго происхожденія; назначеніе его посему болѣе нравится публикѣ, ибо она опасалась, что король будетъ аристократизировать на престолѣ. Обѣщаютъ перемѣны въ одеждѣ военной, даже въ театрахъ, кои дорого становились отъ разныхъ прихотей, а внутреннимъ достоинствомъ упали. Я видѣлъ и слышалъ „Фауста", „Götz-Berlichingen", „Torquato Tasso"—Гёте и „Натана Мудраго"—Лессинга. „Фаустъ" произвелъ во мнѣ тяжкое ощущеніе. Нѣтъ, я бы не написалъ его! То-есть, не написалъ бы, если бы и имѣлъ геній Гёте, оставаясь при моемъ страхѣ Божіемъ и любви къ добрымъ людямъ, коимъ должно сберегать Бога христіанства и коихъ должно оберегать отъ дьявола и всѣхъ дѣлъ его, то-есть, отъ генія Гёте въ „Фаустѣ". Прости, спѣшу. Обниму твоихъ прежде тебя. Благослови меня, мой милый другъ! Спасибо тебѣ за Петербургъ и за все прежнее. Поблагодари ветерана своего за укладку и за всѣ его хлопоты. Малиновскій получилъ повелѣніе и впредь допускать меня въ Архивъ.

О Жуковскомъ ничего не знаю. Писалъ къ нему съ фельдъегеремъ, съ дороги, но видно онъ не получилъ.

Прошу Θедора Ивановича Прянишникова прочесть сіе письмо и меня не забывать и отослать немедленно князю Вяземскому. Тургеневъ.

860.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го августа/іюля 1840 г. Веймаръ.

Я посылаю письмо на двадцати восьми страницахъ, а можетъ быть и болѣе; прочти его, если не соскучишь, но, ради Бога, отправь немедленно чрезъ Булгакова къ сестрицѣ, коей пишу, такъ, какъ и къ князю А[лександру] Н[иколаевичу] и особо. Если и онъ пожелаетъ прочесть длинное письмо, то дай, но съ возвратомъ; я не писалъ журнала, ибо въ письмѣ все; не взыщите, что такъ наскоро писано. Ѣду съ графиней Эдлингъ въ Іену, къ старушкѣ Фольцогенъ, другу Шиллера и Гумбольдтовъ. Возвращусь сюда и, по отъѣздѣ императрицы, еще побываю у великой княгини— и въ Киссингенъ и въ Баденъ. Эдлингъ сказывала мнѣ добрыя вѣсти о Надинѣ. Какъ она мила, умна, добра, интересна! Всѣхъ и все знавала въ Парижѣ; послѣ потолкуемъ. Навезла книгъ, наслушалась Шатобріана и Рекамье, которую свела съ императрицею въ Эмсѣ; онѣ встрѣтились нарочно на улицѣ. Государыня разсказала ей все, что о ней знаетъ.

Демидовъ точно женится на дочери эксъ-короля В[естфальскаго]. Кронъ-принцъ Баварскій—на дочери графа Гессенскаго, губернатора въ Копенгагенѣ. Здѣшній—вѣроятно, на голландской кузинѣ, дочери Анны Павловны, но это не вѣрно.

Прости! Обнимаю васъ всѣхъ. Голова полна читаннымъ и слышаннымъ, а сердце—нетерпѣніемъ въ Баденъ и въ Парижъ. Хотѣлъ послать отсюда чай и посылку, но не съ кѣмъ. Ларошфуко не имѣетъ оказіи. Довезу самъ.

Нельзя ли тебѣ справиться, отослана ли хоть часть моихъ пакетовъ въ Парижъ изъ канцеляріи графа Нессельроде. Вели спросить тамъ у Лахмана: онъ взялъ все на себя. Да поторопи при случаѣ, чтобы Сербиновичъ, Θедоровъ и Булгаковъ, коему кланяйся, все скорѣе высылали въ Парижъ. Скажи Бул-

гакову, что не пишу потому, что позволяю и ему прочесть письмо мое и немедленно отправить къ сестрицѣ, а особое къ ней тотчасъ же. Прости, милый! Великая княгиня разспрашивала меня о Карамзиныхъ; спрашивала и о тебѣ, и о княгинѣ, и о Наденькѣ. Кланяйся Смирновымъ.

861.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Le 17 d'août 1840. Kissingen. [№ 1].

Enfin me voilà ici! J'espérais trouver une lettre de vous, mais vous n'y avez pas pensé. Je viens d'apprendre qu'il y a une occasion pour Baden et je m'empresse de vous envoyer le thé, que le prince Wiazemsky m'a remis. Il y a quatre jours j'ai remis à m-r Masloff, un agronome de Moscou, un paquet avec un gros livre pour vous. Il m'a promis de le remettre à Oubril, qui vous l'enverra.

Je commence ma cure ce matin. Je n'ai trouvé ici, en fait de compatriotes, que le prince Мещерскій et son épouse (Гудовичъ); il venait d'écrire à Wiazemsky une longue lettre. Faites-moi l'amitié de me donner toute suite de ses nouvelles, car depuis mon départ je n'ai rien reçu de personne, excepté le prince Alexandre Golitzine, qui m'écrit souvent, mais avant tout parlez-moi de la princesse votre fille et de vous-même, de vos projéts etc.

Je me propose de venir passer quelques jours avec vous après Kissingen; vous trouverai-je à Baden? Toutefois si la petite de mon frère, qu'on est allé baigner dans la mer, ne me donne pas trop d'inquiétude!

Je suis fâché de n'avoir pas vu Paul à Pétersbourg: je suis parti avant son arrivée, mais il est parti de vous avec les Мещерскіе à Hombourg et cela m'a rassuré.

On m'a beaucoup questionné sur vous à Weymar, où j'ai passé 10 jours à courir de Weymar à Belvédère et à Jena, mais je n'ai pas vu l'impératrice: ce jour-là j'ai passé à Jena. Quelles sont vos connaissances, vos occupations? Que comptez-vous faire?

J'ai tant de choses à faire à Paris, que je ne sais pas comment y suffire? Je suis devenu absolument un commis-vayageur pour l'histoire et autres marchandises littéraires, que je colporte avec moi. J'ai trouvé à Gotha un gros volume de lettres inédites de Voltaire et un autre de Frédéric le Grand et personne ne veut s'en charger. Je veux les faire imprimer à Paris ou trouver au moins un éditeur. Ecrivez cela à Wiazemsky. Il a eu un gros paquet de mes lettres de Berlin et de Weymar, mais depuis je n'ai pas eu d'occasion. Je lui écrirai d'ici. Avez-vous des livres? Je n'ai que des allemandes à vous offrir, mais de Paris ce sera autre chose!

Tous les vôtres à Pétersbourg et à Moscou se marient. On parle ici d'un mariage de Léon Gagarine, qui est devenu moscovite, avec l'une des Martinoff, qui est charmante, et le couple ira à merveille, pour quelques semaines au moins. Adieu: je suis pressé d'aller boire le premier coup à votre santé et à la mienne. Mettez-moi aux pieds de la princesse Nadine et croyez à toute mon amitié. Embrassez Wiazemsky. Ne fut-ce qu'in litteris, car sans cela je ne vous aurais pas donné une commission de si mauvais genre. Нѣтъ ли у васъ князя Михаила Голицына? Графиня Чернышева завтра уѣзжаетъ.

Pour vous seule: toutes les femmes de chambre de l'impératrice parlaient à Weymar d'un mariage de Joukoffsky avec m-lle Reutern (il est maintenant dans la famille); on doit avoir vu une lettre de lui là-dessus à l'empereur chez l'impératrice. En savez-vous quelque chose? Elle a 17 ans.

На оборотѣ: A madame madame la princesse Wiazemsky, à Baden-Baden. При семъ посылка.

862.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[17-го августа. Киссингенъ]. № 2.

J'ai oublié de vous parler du docteur Junghen, fameux oculiste de Berlin et mon médecin. Veuillez avoir la bonté de lui dire, que je suis à Kissingen pour la quatrième fois, que les eaux

m'avaient fait du bien, mais que cet hiver à Moscou j'ai eu un mal aux yeux plus que jamais. J'ai appliqué des sangsues et un emplâtre et c'est passé, mais la faiblesse est restée. Je lis à l'aide des lunettes, j'ai souvent quelque chose qui m'empêche de bien voir. Schönlein à Berlin m'avait recommandé Marienbad, mais il a consenti à Kissingen, pourvu-que je prenne la veille au soir un ver du Pandour. Est-ce bien faire? Ecrivez-moi, jusqu'à quelle époque Junghen restera à Baden et où pourrai-je le trouver après. Pardon! Je suis pressé.

На оборотѣ: Madame madame la princesse Wiazemsky.

863.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской

Le 25 d'août 1840. Kissingen.

Je vous ai écris deux lettres il y a juste huit jours, par Mikouline, et je vous ai envoyé deux livres de thé. Je vous ai prié de me repondre le plutôt possible,—et pas un mot depuis. Je crains que le porteur des lettres ne soit encore sur la grande route. Veuillez m'écrire sans délai et me dire, si Junghen, le docteur, est encore à Baden et s'il compte y rester longtemps. C'est lui, qui, il y a quatre ans, m'a envoyé ici. Je voudrais bien le consulter à Baden, mais j'ai encore trois semaines à rester ici et puis j'ai décidé d'aller sur le Rhin pour l'arrivée de la grande duchesse et pour voir Joukoffsky, s'il sera visible pour moi. On m'a dit que vous partiez pour Nice, c'est pour cela que je ne viens pas à Baden, car je n'ai rien à y faire sans vous. Je crains même que vous ne soyez déjà parti et que c'est la raison de votre silence. Adieu!

На оборотѣ: Madame madame la princesse Wiazemsky, à Baden-Baden.

864.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Le 1 septembre 1840. Kissingen.

Enfin j'ai reçu, il y a quelques jours, votre lettre du 25 août, mais elle m'a rempli de tristesse, car vous êtes triste vous-même

et il vous est impossible de cacher ce qui remue votre âme. Je voudrai bien savoir Wiazemsky auprès de vous, car je présume qu'il n'est pas moins inquiet que moi et tout impatient de vous revoir, d'être auprès de Nadine.

Je compte beaucoup sur l'intercession de l'impératrice, mais qui le lui rappelera? Notre providence commune, Joukoffsky, va devenir tout spéciale: vous savez qu'il épouse m-lle Reutern, une jeune personne de 17 à 18 ans, dont le père est son ami. Il reste à Dusseldorf jusqu'à la moitié d'octobre; il m'a écrit une lettre où toute son âme s'est ranimée de l'ancien feu de notre amitié demi-séculaire. Il me parle de son bonheur, comme il en parlait à Béleff, où pour lui tout était poésie, même l'amour; le bonheur l'attendait au bout de la carrière. J'espère qu'on le délivrera du joug de la cour, car qu'y ferait-il avec une de ces êtres qui ne savent être heureuses

...qu'au sein de leur famille

et que Sophie Karamzine même n'aura rencontrée que dans les romans! J'ai senti toute mon âme se rajeunir pour Joukoffsky et l'aimer comme par le passé, lui porter un intérêt fraternel. Je ne lui désire que ce qu'il se désire lui-même: жизни, жизни! Il était bien temps pour lui non de cesser de vivre pour les autres, car on ne vit que comme cela, mais de se refaire une autre existence: celle qu'il menait n'était bonne que pour nous et pour ceux, dont il plaidait continuellement la cause. Il gagnait le paradis en le perdant tous les jours. Si vous voulez lui écrire, voici son adresse: „A Dusseldorf, chez m-r Reutern“, mais j'espère, qu'il vous aura déjà écrit lui-même.

Madame la comtesse ou la baronne d'Arnim vous remettra cette lettre. Elle soupire après vous et c'est faire son éloge. Elle vous dira notre passe-temps, que bien vous connaissez. Je reste ici jusqu'au 12 ou 13 septembre. Je voudrai bien venir à Baden, mais je ne sais pas, comment arranger mes courses? Joukoffsky voudrait aussi me voir, mais je crains de troubler la plénitude de son bonheur par la vue d'un être qui ne trouve son refuge que dans l'apathie et qui a manqué tous les genres de bonhenr dans

cette vie, même celui de souffrir ou plutôt d'attendre avec résignation. Peut-être laisserai-je ma calèche et mon *Florentin* de naissance à Baden et j'irai à Dusseldorf pour revenir vous revoir et aller par Strasbourg à Paris, où les événements rendent la présence d'un capitaliste indispensable; la moitié de la bourse de Paris ayant été ruinée, seulement par les préparatifs de la guerre. Notre agent de commerce a aussi beaucoup perdu et mon frère est aussi absent; il est à Trouville, pas loin de Dièppe, pour baigner Clara et Saschka dans la mer.

Je sais que Kankrine a passé cinq semaines à Gastein; les uns disent, que ce séjour l'a complétement ranimé, les autres le contraire. J'ai vu ici Kuster, qui ne l'a plus trouvé à Gastein. Kankrine a changé de direction: il est allé par Vienne et était pressé de revenir à Pétersbourg, mais son logement ne sera prit que pour la fin de septembre, et on dit, que m-me Kankrine a écrit pour le préparer le plutôt possible. Je le désire de tout mon coeur, car ce n'est pas Wront[schenko] qui arrangerait les affaires de Wiazemsky.

Si vous pouvez m'écrire encore quelques lignes et me parler de vous, de Nadine et de Wiazemsky, vous me feriez bien du plaisir. Je n'ai eu ici aucune nouvelle directe de Pétersbourg. J'ai envoyé avant-hier par Berlin une lettre de 40 pages pour Wiazemsky et compagnie. Je leur ai parlé d'une trouvaille, que j'ait fait à Gotha: 80 lettres inédites de Voltaire, 105 lettres aussi inédites de Frédéric le Grand et les rapports du ministre de France sur la mort d'Alexis Петровичъ et sur les orgies de Pièrre I et compagnie.

865.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Le 9 septembre 1840. Kissingen.

Je vous ai écrit par une dame de Dresde, depuis j'ai reçu encore une lettre de Joukoffsky, qui nage dans le bonheur et qui me rappelle ses beaux jours de Béleff, où le bonheur pourtant lui à manqué. Je suis heureux de l'état, où il se trouve, et je ne de-

mande à Dieu que de le récompenser encore ici bas, de ce qu'il a été pour nous tous.

C'est madame Warre, française par la naissance, fille de fameux général-légitimiste Dalican, qui a manqué renverser la révolution française et qui vit encore dans le Schleswig-Holstien, mais mariée à un anglais, qui vous remettra cette lettre. C'est une femme charmante, aimable et malheureuse. Elle a désiré faire votre connaissance, et je suis persuadé que vous vous conviendrez l'une à l'autre. Elle parle l'anglais, l'allemand et le français en perfection, elle a de charmants enfants et un mari qui est toujours mélancolique et qu'elle soigne à merveille. Elle a besoin d'une amie-protectrice, elle n'espère qu'au repos et à respirer avec une personne qui la comprendrait; elle doit aussi vivre économiquement et penser à tout, car son mari ne peut se mêler de rien. Elle cause volontiers, son âme est encore jeune, fière et noble, son coeur est excellent. Tâchez de l'éclairer sur la vie animable et économique dans le pays, que vous habitez; elle voudrait y rester le plus longtemps possible, des années s'il le faut. Je compte sur votre coeur et sur les qualités essentielles de madame Warre.

Je tâcherai de faire mon possible pour venir vous voir à Baden; ce n'est pas mon chemin, car Joukoffsky exige que je vienne pour un jour seulemeut à Dusseldorf, et il est temps, que j'arrive à Paris, car je n'ai pas de lettres ici de personne. Votre mari me néglige. Je compte laisser ma calèche et mon valet de chambre à Baden sous votre protection et aller seul à Dusseldorf par le Rhin, mais je commencerai par Stuttgart d'ici.

Joukoffsky m'a écrit encore une lettre, toute de bonheur et de crainte pour ce bonheur même, qui peut lui échapper, vu son âge. Je suis heureux en le voyant tel, j'ai senti encore ume fois que je ne pouvais l'être que par mes amis. Wiazemsky est du nombre; je suis enchanté d'avoir recouvert cette abnégation de moi-même; sans cela ma vie était sans prix et insipide, car depuis longtemps le calme heureux de mon frère rendait mon existence inutile et je n'avais ni à craindre, ni à espérer presque pour personne. Joukoffsky vivra dans la solitude, j'irai prendre congé de lui et me contenter, à jamais s'il le faut, de le savoir digne de

son sort, c'est-à-dire que son sort est digne de ses vertus. Il se régénérera encore une fois, il se retrempera dans cette existence qui ne sera pas celle du château et des salons de Pétersbourg.

Quelles nouvelles avez-vous sur ce qui est arrivé entre Pavloffsky et Zarskoé-Sélo?

Je pars dimanche le 13 septembre à 4 heures du matin pour Würzbourg et delà je ne sais encore où, mais vraisemblablement pour Stuttgart ou Baden.

На оборотѣ: A madame madame la princesse Wiazemsky, à Baden-Baden.

866.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Le 10 septembre 1840. Kissingen.

Ayant bien calculé le temps qui me resterait à passer à Stuttgart et à Baden en partant d'ici le 13, je crains de tarder d'arriver à Dusseldorf pour y trouver Joukoffsky et de plus il m'est indispensable d'aller à la Haye avant Paris, pour ne pas être obligé de faire un voyage exprès de Paris en Hollande au printemps, car je viens d'apprendre que dans ses archives on trouve quantité de manuscrits sur la Russie, et un général hollandais vient de me donner des avis là-dessus. Je crois donc partir avant pour Dusseldorf et delà par Rotterdam à la Haye et par la Belgique à Paris. Baden se trouve du côté opposé, ce que mon ignorance en géographie m'a fait découvrir ce matin; j'en suis désolé. Pourtant, si en arrivant à Manheim, je trouve le moyen d'y laisser ma calèche et mon valet de chambre et d'aller à Dusseldorf et à la Haye sans aucun bagage, je crois que je me déciderai à revenir sur mes pas jusqu'à Strasbourg et delà à Baden. Je réfléchirai là-dessus à Heidelberg, où je dois consulter Schelius, ou à Manheim. Je ne désespère donc pas de venir vous voir avant Paris. Toutefois si je ne viens pas cette année, je vous le ferai savoir et dans ce cas je vous prierai de m'écrire un mot sur vous, Nadine et Wiazemsky, dont je n'ai pas eu une ligne depuis que j'ai quitté Pétersbourg. Les amis moscovites me négligent de même, mais peut-être aussi trouverai-

je des lettres à Paris? Je suis sûr, que vous en recevez deux ou trois fois par semaine. Quand vous aurez une réponse concernant le semestre de Wiazemsky, faites-le moi savoir.

Le prince Nicolas Troubetzkoy part aussi demain pour Baden. Il vous rendra compte de ce qui s'est passé à Kissingen.

Encore une fois, prenez sous votre protection celle, qui vous remettra cette lettre, elle est bien malheureuse et bien digne de ne pas l'être. Vous aurez en hiver une grande ressource en elle. Adieu! Tourgueneff.

11 septembre.

J'avais encore une fois changé d'avis et je voulais partir pour Baden, mais hier soir la nouvelle s'est répandu que le roi des français est mort: cela m'a consterné; je suis inquiet pour les miens et je crois que j'irai tout droit à Paris. Je vous le ferai savoir, et puis je suis souffrant depuis hier.

На оборотѣ: Grand-duché de Baden. Madame madame la princesse Wiazemsky. A Baden-Baden.

867.

Тургеневъ князю Вяземскому.

31-го августа / 12-го сентября — 1840 г. Киссингенъ.

Ѣду завтра, но не на Баденъ, а въ Дюссельдорфъ, куда требуетъ меня Жуковскій, и въ Голландію, куда требуетъ меня Гагскій государственный архивъ, гдѣ много о Россіи. Княгинѣ писалъ съ милой француженкой, которую рекомендовалъ ей. Получилъ сейчасъ милое письмо отъ Шеллинга изъ Мюнхена и рѣчь его. Дружба его и такая же — Толука, съ коимъ сейчасъ простился, усладили сердце и просвѣтили и нѣмотствующую мою душу. Онъ одобрилъ мое намѣреніе печатать Сенъ-Мартеня, ибо и самъ писалъ о немъ. Мы многое изъ него читали вмѣстѣ. Когда буду въ Баденѣ—не знаю, но теперь невозможно; если не теперь, то весною. Буду имѣть о твоихъ извѣстіе чрезъ француженку. Прости! Напишу съ Рейна. Отъ тебя ни слова! Не присылай календаря: я досталъ его.

1841.

868.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

9 février 1841. Paris.

J'ai reçu votre lettre, chère princesse, de Baden-Baden; j'ai voulu vous écrire à Francfort sur Mein, mais les Martschenko viennent de me dire, que vous n'y êtes plus. M-r Leboure veut bien se charger de ces lignes pour Berlin.

Votre lettre m'a fait du bien, car elle m'a un peu rassuré sur votre compte; j'y vois votre âme aussi belle que forte. J'ai toujours desiré vous voir partir le plutôt possible pour Pétersbourg, car je craignais le voyage de Wiazemsky. Je troublais pour lui pendant la route triste et solitaire. On me donne de ses nouvelles, mais ce n'est que de Moscou. Joukoffsky ne m'a écrit qu'une seule fois, le jour même qu'il avait annoncé a Wiazemsky son malheur. Je ne pense qu'à lui et à vous. Je voudrai l'entourer de tous mes soins, mais je sens que je ne suis plus bon à rien. M-r Leboure porte deux paquets avec des livres et des papiers et une étoffe à son adresse, mais c'est pour Moscou. Je vous recommande ces paquets, si par hasard ils arrivaient en votre présence à Pétersbourg.

La comtesse Nesselrode est toute amitié pour vous. Elle part le même jour de Paris que madame de Barante, c'est-à-dire le 18 de ce mois. C'est m-r Nervo qui me l'a dit hier soir.

M-r Martschenko vient de me dire, que vous avez chargé m-r Golinsky d'une commission pour moi. Je ne l'ai pas vu encore.

Si c'est quelque chose, dont je dois vous rendre compte, je profiterai du courrier russe qui doit partir dans deux ou trois jours ou du départ de m-me de Nesselrode.

Vous ne trouverez plus pour le moment Joukoffsky à Pétersbourg: il est allé en province voir ses amies de jeunesse pour revenir à Pétersbourg. Son départ m'a fait de la peine, car j'étais plus tranquille pour Wiazemsky, les sachant ensemble. Embrassez Wiazemsky de ma part bien tendrement. Je ne lui écris plus, parce qu'il est trop à sa douleur pour de pareilles distractions, mais si cela peut le distraire un moment, il n'a qu'à se faire donner mes lettres de 80 pages à m-me Swerbéeff. Je les envoie par m-r Leboure à Boulgakoff.

Mille tendres amitiés pour les Waloueff et autant de tendres baisers à leurs petites et à l'aimable inconnu.

Si vous pourriez penser à autre chose qu'à votre voyage, je vous aurais prié de vouloir bien dire à Ozeroff de m'envoyer les dernières feuilles d'un ouvrage allemand, que m-r Néander doit avoir laissé pour moi à sa chancellerie. Cet ouvrage, dont j'ai lu jusqu'à la 320 page est de m-r Néander lui-même, de l'année 1840. Ce sont ses opuscules, mais le titre n'avait pas paru encore.

Je suis pressé, adieu. Je pense à vous et aux vôtres plus souvent, que vous ne le pensez. Tourgueneff.

На оборотѣ: Madame madame la princesse Wiazemsky, née princesse Gagarine. A Berlin ou à Pétersbourg.

869.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12/24-го іюня 1841 г. Парижъ.

Сейчасъ явился ко мнѣ живописецъ Tardenil съ запискою отъ Цирвуръ изъ Версаля, ѣдущій послѣ завтра, чрезъ Гавръ, въ Петербургъ. Онъ пишетъ декораціи и съ натуры, и его очень хвалятъ. Я рекомендую его Прянишникову, яко любителю картинъ, а ему бы хотѣлось познакомиться съ Монферраномъ, но я съ нимъ самъ незнакомъ.

Я сбирался самъ къ 1-му іюля въ Гавръ, къ отправленію парохода, на коемъ ѣдетъ податель сего, но врядъ ли успѣю. Я приготовилъ книжку для тебя: „Quelques nouvelles sur le hernie“ и самъ былъ у ея автора, коего ты прислалъ мнѣ адресъ. Онъ убѣдилъ меня, что безъ мѣрки и безъ описанія точнаго нельзя прислать бандажа, ибо нужно знать мѣру тѣла, мѣсто или два, для коихъ нуженъ бандажъ. Онъ написалъ мнѣ прилагаемую у сего записку, которую ты разберешь лучше меня съ помощью доктора. По всѣмъ симъ запросамъ нужно точное описаніе, но кому ты пришлешь оное? Меня уже здѣсь не будетъ, и я досадую, что прежде не могъ исполнить порученія. Курьеровъ не было; французскіе не сказываются, и я навязалъ, по необходимости, пакетъ съ поэмою Суме на имя Баранта совѣтнику его (справься, получилъ ли, или получишь ли его до своего отъѣзда, ибо врядъ ли еще отправленъ). О цѣнѣ бандажа не безпокойся, если я здѣсь буду; но неужели это для тебя? Кажется, ты не бывалъ этимъ боленъ? Можешь адресоваться къ князю Гагарину, если бандажъ не терпитъ отсрочки. Брата моего въ городѣ нѣтъ, да и ему пересылать не черезъ кого.

Пашкова уѣхала въ Діеппъ, гдѣ я ее надѣюсь скоро увидѣть. Косолапый князь Долгоруковъ здѣсь; но у меня все будетъ въ цѣлости, ибо я не пущу его къ себѣ.

Я получилъ письмо отъ Жуковскаго, но еще до свадьбы, и о башмакахъ. Посылаю ему мастерства императорской и русскихъ барынь башмашницы и прошу его написать ко мнѣ о тебѣ хоть въ Киссингенъ. Сегодня ѣду я опять въ Champrosay; возвращусь послѣ завтра и 28-го отправлюсь въ Руанъ и къ первому — въ Гавръ; оттуда въ Діеппъ и, вѣроятно, объѣду Бретанію и возвращусь недѣли черезъ двѣ сюда, чтобы чрезъ недѣлю ѣхать въ Киссингенъ; оттуда въ Москву чрезъ Берлинъ и Варшаву. Въ Москву зоветъ меня и Аржевитиновъ, обѣщающій весною 1842 г. возвратиться со мною сюда и пожить болѣе года въ чужихъ краяхъ. Эта надежда рѣшила меня ѣхать въ Россію, куда очень не хотѣлось. Въ Петербургъ пріѣду только по необходимости или для князя А. Н. Голицына. Изъ Москвы пошлю кучу новопріобрѣтенныхъ рукописей о Россіи. За три дни предъ симъ послалъ я

по почтѣ къ Булгакову письмо на имя Аржевитинова, въ коемъ описывалъ поѣздку мою въ Фонтенебло; но успѣлъ описать только путешествіе до Фонтенебло, а не пребываніе мое въ семъ монументальномъ дворцѣ королей французскихъ. Съ тѣхъ поръ не успѣлъ приняться ни за что, кромѣ книгъ. Передо мною французское письмо Шевырева о русской церкви къ умершему на сихъ дняхъ Баадеру, въ Мюнхенѣ, напечатанное въ его книгѣ: „Восточный и западный католицизмъ“, 1841 г. Книга любопытная и глубокая по своему содержанію и по учености автора. Въ письмѣ Шевырева много дѣльнаго и даже смѣлаго, но много и указного раболѣпства и заказного патріотизма. Пришлю или привезу съ собою. Вчера же вышла пятая часть „Mémoires secrets de 1770—1830, par le comte d'Allonville“, гдѣ онъ многое воспоминаетъ о житьѣ своемъ въ Петербургѣ. Если бы я могъ предвидѣть, что этотъ старичишка будетъ печатать свои записки, я бы исправилъ бы многое въ его мнѣніяхъ о лицахъ, по крайней мѣрѣ о тѣхъ, коихъ люблю. Много и правды, и любопытнаго; но болѣе всего досталось Ростопчину, графу Палену (отцу), Лавалю!! (Лубрери), графамъ Сенъ-При, Кошелеву, Балашеву, графу Мейстеру (умершему). О Мордвиновѣ, Сперанскомъ, даже Армфельдѣ хорошо отзывается, также о князѣ Ал[ександрѣ] Ник[олаевичѣ] Салтыковѣ; Бѣлосельскому-поэту досталось порядочно; также и Моркову. Не хочу посылать этой книги въ Россію для *одного* имени; императрицъ, графа Румянцова очень хвалитъ. Шестая часть еще не вышла. Здѣсь Веймарскій канцлеръ Мюллеръ. Я представилъ его Рекамье и многимъ другимъ, хотя и король, и принцесса Орлеанская ухаживаютъ за нимъ. Въ воскресенье мы слушаемъ вмѣстѣ записки Шатобріана въ аббатствѣ, гдѣ онъ очень понравился. Онъ привезъ любопытную книгу о Гёте, которую куплю въ Германіи. Пошлю съ живописцемъ и „Сѣятеля“, гдѣ въ статьѣ о Jeanne d'Arc de madame d'Hautefeuille нѣсколько строкъ и о нашей переводчицѣ Шиллера. Вотъ журналъ или еженедѣльникъ, на который я подписался и для Россіи. Рекомендуй его серьезнымъ и религіознымъ читателямъ. Здѣсь перепечатаны біографіи Брума, гдѣ статья и о Екатеринѣ II, злобная и, слѣдовательно, несправедливая; но въ другихъ много современной исторіи.

Баланшъ навѣстилъ меня и помѣшалъ писать; онъ желаетъ, чтобы я отправилъ два экземпляра книги m-me d'Hautefeuille: „La Jeanne d'Arc“. Одинъ для великой княгини Елены Павловны, другой для m-r Meurice, чтеца ея. Meurice просилъ его объ этомъ, и я, вѣроятно, пошлю или оба съ Casimir Périer, или одинъ съ живописцемъ; но оба будутъ адресованы на имя m-r Meurice. Если ты встрѣчаешь его у великой княгини, то можешь предувѣдомить. Баланшъ не получилъ еще извѣстія отъ него, доставленъ ли ему княземъ Михаиломъ Голицынымъ волюмъ его сочиненій, мною посланный съ М. Голицынымъ на имя Булгакова. Не худо поручить всѣ сіи справки черноокой Боратынской.

13/25-го іюня. Шанрозе. 7-й часъ утра.

Я уже давно всталъ, рвалъ вишни и землянику и принялся за письма. Вчера пріѣхалъ сюда къ обѣду на желѣзной дорогѣ вмѣстѣ съ Сентъ-Олеромъ, коего дача въ сосѣдствѣ, Гудето и прочими. У насъ были сосѣди въ гостяхъ, изъ коихъ—двѣ расцвѣтающія розы и приходскій священникъ изъ Риса (по ту сторону Сены). Онъ устроилъ между деревьевъ качели, качалъ и качался, игралъ въ горѣлки съ дамами; вечеръ загналъ насъ въ комнаты, гдѣ начались танцы, и священникъ не отказался дополнить пару. Онъ человѣкъ рѣдко добрый и благодѣтельный для бѣдныхъ своего прихода; содержитъ пьянюгу отца и украшаетъ церковь на счетъ своихъ доходовъ. Все еще спитъ вокругъ меня: одинъ пароходъ мелькнулъ уже по желѣзной дорогѣ. Я подписался на „Revue des deux mondes“, на „Сѣятеля“ на цѣлый годъ и привезъ сюда номера, коихъ не успѣлъ прочесть въ Парижѣ, хотя тамъ теперь на безлюдьи и очень досужно. Отправь мое письмо о Фонтенебло и продолженіе онаго о „Сѣятелѣ“ и прочемъ въ Москву къ Свербеевымъ (чрезъ Булгакова) и потомъ для храненія у сестрицы. Павлова должна прочесть о себѣ „Сѣятеля“, но возвратить его сестрицѣ.

14/26-го іюня. Парижъ. 6 часовъ утра.

Вчера, въ одиннадцатомъ часу вечера, возвратился сюда изъ Шапрозе и ожидаю живописца, чтобы вручить ему письмо это въ пакетѣ на имя Прянишникова. Не знаю, возьметъ ли два

экземпляра, особо запечатанные, отъ Баланша съ книгою „Jeanne d'Arc“ на имя Стендера для Justin Meurice. Если возьметъ только одинъ, то пошлю тотъ, который для великой княгини назначенъ; у Casimir Périer опасно занемогла мать, и мнѣ сказали, что дня его отъѣзда не назначаютъ, потому что болѣзнь можетъ долго продлиться.

Прости, обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ! Поцѣлуй нѣжно ручку у княгини и у Марьи Петровны, и у всѣхъ внучатъ твоихъ.

Посылаю и „Nouvelles à la main“, 20 іюня. Прошу, по прочтеніи, отослать въ Москву для прочтенія Свербеевымъ и компаніи.

870.

Князь Вяземскій Тургеневу.

13/25-го іюня 1841 г. Царское Село.

Не помню, увѣдомилъ ли я тебя, что получилъ письмо твое съ Ховриной и всѣ приложенія разослалъ по принадлежности. Дмитріевъ говаривалъ, что въ отвѣтъ Хвостову на присылку стиховъ онъ никогда не имѣлъ духа называть стиховъ его стихами и всегда писалъ ему: „Я получилъ письмо ваше съ приложеніемъ.“ Я также по подобной, но другого рода совѣстливости и осторожности принялъ это выраженіе за оффиціальную формулу. Послѣ получилъ я отъ Попова письмо твое отъ 3-го іюня. Съ кѣмъ это ты бесѣдуешь о Полевомъ? Вотъ бѣда отъ твоихъ универсальныхъ писемъ! Въ потомствѣ какъ разъ попадешь отъ нихъ въ дураки. Пожалуй, подумаютъ, что ты мнѣ говоришь: „Не могу согласиться съ вами, чтобы Полевой былъ другой Карамзинъ“. Впрочемъ, напрасно не соглашаешься: съ безумными спорить нечего. А кто же, если онъ не пошлый туракъ или не сумасшедшій, могъ сбить въ понятіи своемъ Карамзина и Полевого? Я ничего не слыхалъ о новой „Исторіи Петра Великаго“, но Полевой - Телеграфъ не умеръ и по прежнему пописываетъ. Впрочемъ, на него похоже открыть новую подписку на „Исторію Петра“, которая должна была войти въ составъ его полной „Исто-

ріи русскаго народа", за которую онъ содралъ съ публики деньги и въ усъ не дуетъ. Выдалъ тома три изъ обѣщанныхъ двѣнадцати и сталъ писать водевили и комедіи.

Порученіе твое о князѣ Голицынѣ я исполнить не могъ. Хотѣлъ я идти къ Потемкиной, но занемогъ и недѣли двѣ не выходилъ изъ комнаты; послѣ умерла старуха княгиня Юсупова: тутъ неловко было явиться къ ней съ постороннимъ порученіемъ. Отъ Блудова, отъ Віельгорскаго и отъ другихъ слышалъ я, что на одномъ глазѣ у него катаракта, и другимъ онъ плохо видитъ, но впрочемъ продолжаетъ заниматься дѣлами, ѣздитъ въ Совѣтъ и въ Комитетъ министровъ и бодръ духомъ, и веселъ по прежнему. Когда катаракта созрѣетъ, надѣются сдѣлать удачную операцію.

Хорошъ вашъ Кюстинъ! Эта исторія похожа на исторію Гекерена съ Дантесомъ. Баранта я еще не видалъ и потому не могъ исполнить порученіе твое au sujet de l'évangéliste Soumet et de son évangile revu, corrigé et considérablement augmenté. Quelle absurde conception que ce poème. C'est pis que „La guerre des dieux". Parny a voulu faire une plaisanterie, celui-ci qui prend la révélation et la sainte écriture au sérieux refait l'histoire de Dieu et de son oeuvre à sa manière et la complète pour réhabiliter Dieu dans le jugement des hommes. Pour des chrétiens ce poème est une impiété, pour les incrédules et les indifférents c'est une production sans intérêt, plate et fatigante à l'excès. Dans Homère, dans le Dante, dans Milton il y a du surnaturel, mais dans le fond il y a quelque chose d'humain, d'historique, qui rend l'oeuvre palpitante de vie et d'intérêt. Dans cette „Divine (ou plutôt diabolique) épopée" tout est abstraction, tout est impalpable. Retranchez de la partie religieuse, mystique et sacrée de l'évangile le caractère que lui donne la révélation et ce ne sont plus que des lettres mortes qui ne peuvent avoir aucun écho dans l'âme. Si l'évangile de Soumet est apocryphe en fait de religion, il l'est tout autant en poésie. Quelle ridicule exagération, quel étalage de marchand forain en bijouteries et en cosmétiques dans ce paradis tout parfumé et brillant non de l'or de Virgile, mais du clinquant du Tasse.

Aimez-vous la muscade, on en a mis partout?

Que Soumet, ou tout autre ait écrit ce poème, je le comprends: l'absurdité individuelle est une chose qui se rencontre facilement, mais que la France le lise, qu'il se trouve des critiques qui analysent cet ouvrage sérieusement et en fassent l'éloge, voilà ce qui me surprend, voilà ce qui est triste et décourageant, car cela peint l'époque. En France tout sentiment du vrai est perdu—en morale, en politique et en littérature. C'est la même aberration qui fait trouver aux jurés des causes attenuantes dans le crime d'un parricide, qui préside aux discussions parlementaires et donne quelquefois gain de cause à Thiers, quand en face de faits accablants pour son ministère du 1-er mars, il jette à la tête du pays quelques phrases sonores—et tout le monde se trouve satisfait. On ne se reconnait plus dans ce chaos, où tout est confondu, le juste et l'injuste, le vrai et le faux, le bien et le mal, le beau et le monstrueux. On a dit: „Les dieux s'en vont". Moi, je dis: „La France s'en va". Les français savent avaler une révélation, mais ne savent pas la digérer. Que dit m-r de Sainte-Beuve de l'évangile Soumet? Il devrait bien prendre fait et cause pour les saines doctrines et juger ce poème en dernier ressort. C'est du Delille métaphysique, moins les beaux vers industriels et techniques, que savait forger le chantre des règnes de la nature, du tric trac etc., etc.

Академическая бесѣда Гюго и Сальванди напоминаетъ мнѣ мою бесѣду съ нимъ, когда я былъ у него въ Парижѣ. Я хотѣлъ направить его на поэзію, а Гюго все сворачивалъ на политику. Наконецъ, онъ сказалъ мнѣ: „J'aime votre empereur Nicolas, mais si j'étais à sa place, voici ce que je ferai". Тутъ я взялъ шляпу и раскланялся съ нимъ. Рѣчь Сальванди и въ литературномъ отношеніи, и въ политическомъ, и въ нравственномъ гораздо выше Гюго, который въ академіи *дармесничалъ* и выхвалялъ Дантона, чтобы угодить коммунистамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ кадилъ и Филиппу, чтобы заготовить себѣ мѣстечко въ Палатѣ пэровъ, если не попадетъ въ Палату депутатовъ.

Воля ваша, Александръ Ивановичъ, вы очень всѣ гадки, а что еще хуже, вы очень нелѣпы. Я недавно читалъ Gisquet. Вотъ славно всѣхъ обманулъ. Всѣ ожидали много скандалезной хроники, а вмѣсто того хоть бы Кокошкину издать подобные „Mémoires

secrets". Ужъ точно secrets, потому что изъ нихъ ничего новаго не узнаешь: все остается тайно. Но, пробѣгая все это извѣстное прошедшее въ общей картинѣ, нельзя не удивляться, какъ это держится еще Францiя при этихъ глухихъ и подземныхъ стихiяхъ разрушенiя, безпрестанно кипящихъ и частыми взрывами и бурями потрясающихъ государственное зданiе. Если русскiй Богъ великъ, то, право, и французскiй не уступитъ ему.

Охота тебѣ давать Сиркуру переводить графиню Ростопчину. Ты самъ гораздо лучше переведешь; что за дѣло, что неправильнѣе: вѣдь это не для печати. Ростопчина поѣхала къ мужу въ Москву или въ деревню. Люблю стихи ея, но не люблю самой музы. Она точно Іоанна д'Аркъ. Та въ домашней жизни простая пастушка, а въ минуты откровенiя герой и мученикъ; эта—пустая вертушка, а въ минуту откровенiя поэтъ и апостолъ душевныхъ таинствъ.

Ничего не знаемъ о Жуковскомъ: женатъ ли или нѣтъ? Віельгорская, вѣроятно, будетъ скоро въ Парижѣ съ дочерьми и съ сыномъ, а оттуда въ Дiеппу или въ Булонь. Карамзины въ Ревелѣ. Мещерскiе купили деревню подъ Нарвою и ѣдутъ туда на лѣто. Пушкина также живетъ помѣщицею въ знакомой тебѣ псковской деревнѣ. Болѣе ничего ни о комъ сказать не имѣю. Пью Рагоцци; цѣлый день хожу и никого не вижу. Пришли при случаѣ новый переводъ des „Mémoires d'Alfieri", переводчика Сильвiо Пеллико. Имя его забылъ: чуть ли не Latouche.

Что же ты дѣлаешь изъ своего лѣта, которое у насъ довольно хорошо и тепло? Это письмо отправляется съ моимъ старымъ варшавскимъ прiятелемъ, докторомъ Florio. Сдѣлай одолженiе, отыщи секретаря Козловскаго. Ты мнѣ намекаешь на разные анекдоты о Козловскомъ и ничего не договариваешь. Изъ намека что же я сдѣлаю? Прости! Обнимаю.

Здѣсь Gudin; ты, пожалуй, „homme de toute sorte de savoir", и не знаешь, кто это Gudin? Его носятъ на рукахъ отъ Петергофа до острововъ, и онъ въ восхищенiи и отъ Петербурга, и отъ прiема.

871.

Князь Вяземскій Тургеневу.

26-го іюня 1841 г. С.-Петербургъ.

Я говорилъ Баранту о книгѣ Soumet. Онъ ея еще не получалъ и ничего о ней не знаетъ. Впрочемъ, кажется, онъ скоро ѣдетъ во Францію мѣсяца на три.

Гдѣ ты, прекрасная, гдѣ обитаешь?

Пишу тебѣ въ Парижъ на удачу; впрочемъ, и не пишу, потому что писать нечего. На дворѣ глухая пора, а во мнѣ еще глуше. Віельгорскіе нечаянно наѣхали въ Вильбаденѣ на Жуковскаго, нѣтъ, на Жуковскихъ, и не налюбуются счастіемъ молодой четы. Она—влюбленная дочь, а онъ—нѣжный отецъ. Весело и умилительно на нихъ смотрѣть. Онъ сюда ни къ кому не пишетъ. О немъ нельзя сказать

Сталъ счастливъ,—замолчалъ:

онъ и до счастія молчалъ.

Сергѣй Строгановъ, Московскій попечитель, упалъ съ лошади и съ лошадью и переломилъ себѣ ногу въ трехъ мѣстахъ. Опасаются не только за ногу, но и за жизнь. Братья поскакали къ нему въ Москву. Право, писать болѣе нечего. Отъ Булгакова давно писемъ нѣтъ; стало быть, не знаю, что дѣлается въ Москвѣ, а въ Петербургѣ ничего не дѣлается. Не забывай Штубе и Козловскаго. Мнѣ эти матеріалы очень нужны. Авось, примусь писать. Меня только и тянутъ къ себѣ мертвые. Съ ними я еще кое-какъ живъ; съ вами я совершенно мертвъ. Ma vie n'est plus de ce monde, sans que je puisse dire cependant qu'elle soit d'un autre. Я въ раздумьѣ на рубежѣ. Изъ одного я вышелъ, а въ другой не вступаю за неизвѣстностью и мракомъ. Скорбь сокрушила во мнѣ привычки жизни и вѣру въ обѣщаніе смерти. Жить не хочу, а умирать не желаю. Здѣсь я по крайней мѣрѣ помню, люблю и страдаю; а послѣ, можетъ быть, и этого не бу-

детъ. Вѣрно то, что что-нибудь да есть и будетъ, но не то, что думаемъ и чему насъ учатъ; тутъ не могу свести концы съ концами. Не вольнодумство, не высокоуміе говоритъ и ропщетъ во мнѣ. Нѣтъ, одна скорбь, которою я убитъ. „Лежачаго не бьютъ", говорятъ добрые люди; у Провидѣнія видно правило другое: оно лежачихъ и бьетъ. Но въ моей природѣ нѣтъ стихій; ни геройства, ни мученичества. Испытанія мои выше мѣры моей, выше силы моей. Римъ потрясъ меня, Баденъ сокрушилъ.

Не кстати разболтался я, но дѣлать нечего. Впрочемъ, я радъ случаю, что проговорился, чтобы вывесть тебя изъ заблужденія. Изъ писемъ твоихъ вижу, что ты почитаешь меня обратившимся. Не хочу ханжить тобою и предъ тобою. Нѣтъ, благодать мнѣ не далась. Оно можетъ быть и лучше: въ такомъ случаѣ горе чище. Когда думаешь, что Богъ испытуетъ любя, то какая скорбь не переносима? Вотъ почему... но это до другого раза, и на словахъ, а то боюсь попасть въ Суме. Обнимаю! Пожалуйста, Козловскаго!

872.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8/20-го іюля 1841 г. Парижъ.

Вчера, возвратившись изъ Шанрозе, нашелъ я письмо твое отъ 13/25-го іюня, съ варшавскимъ докторомъ посланное. Я еще не видалъ его. Я заготовилъ длинное письмо, но переѣзды изъ Шанрозе помѣшали перечитать и порядочно дописать его. Пошлю вмѣстѣ съ этимъ. Я уже купилъ для тебя переводъ Альфіеровыхъ записокъ De-Latour, моего пріятеля. Онъ учитель принца Montpensier; живетъ во дворцѣ, любимъ королевой, которая его употребляетъ на добрыя дѣла и, не смотря на это, всѣ его любятъ, и даже журналисты не ругаютъ ни прозы, ни стиховъ его, коихъ онъ издалъ также томикъ. Я его встрѣчалъ у Мармье и съ другими. Кто-то заходилъ ко мнѣ безъ меня сказать мнѣ, что ѣдетъ въ Петербургъ и черезъ часъ зайдетъ опять ко мнѣ: оттого и спѣшу все приготовить, хотя и не кончилъ ничего. Извѣстіе о

скоромъ пріѣздѣ графини Велгурской могло бы поколебать мой отъѣздъ отсюда, если бы можно было безопасно пользоваться Киссингеномъ осенью; я и безъ того, страха ради за здоровье Клары и другихъ причинъ, зажился здѣсь или, лучше, въ Шанрозе, гдѣ изъ семи дней провожу я четыре. Все тихо въ Парижѣ, и я не обязанъ являться въ большое общество, ибо нѣтъ его. Я совершенно согласенъ съ тобою за Суме, но только ты не отдаешь справедливость поэзіи въ нѣкоторыхъ отрывкахъ. Онъ точно поэтъ, и въ вымыслахъ, и въ языкѣ. Я прочту завтра твою французскую выходку на него Шатобріану и Баланшу у Рекамье. Онъ давно не являлся ко мнѣ, а книга его, отданная Казимиру Перье мною, вѣроятно уже и съ письмами у Баранта. Перье ѣдетъ въ концѣ мѣсяца. Вѣроятно, напишу съ нимъ.

О Полевомъ и Петрѣ Великомъ писалъ ко мнѣ Поповъ, и я отвѣчалъ ему. Мнѣ кто-то писалъ или сказалъ, что онъ умеръ. Онъ, кажется, подъ протекціей Бартенева. Слышу, что московскій, соименный сему, умираетъ. Булгаковъ не забываетъ меня и даже проповѣдь Филарета прислалъ: сколько радостей на двухъ полустраничкахъ!

Знаешь ли, милый другъ, что письмо твое какъ-то оживило, нѣсколько успокоило меня за тебя. Я часто о тебѣ думаю и, зная съ нѣкотораго времени по опыту, какъ не весело старѣться, полагаю, что хворать морально и физически еще хуже. Къ счастію, ты не одинъ, а я скоро опять буду одинъ на большой дорогѣ, безъ цѣли для себя, безъ пользы для другихъ. Ѣду въ Москву, чтобы возвратиться въ Парижъ. Желалъ бы хоть въ другихъ быть счастливымъ, но и Клара хвораетъ, и ты не на розахъ. Одинъ Жуковскій миритъ меня съ жизнью, зато я и не хочу пугать его моимъ присутствіемъ, моею тоской, въ каждой новой морщинѣ выражающейся. Письмо его ко мнѣ прелестно. Прочитай его своимъ, Карамзинымъ, да еще немногимъ—и только. Жаль мнѣ и княгини Юсуповой за Ѳедорова. Онъ ее и Шишкова, и сына лишился въ одно время.

Секретарь Козловскаго въ день отъѣзда своего былъ у меня; я упрашивалъ его написать на бумагу все, что знаетъ о Козловскомъ, но онъ далъ честное слово съ дороги прислать полную за-

писку и через четыре недѣли возвратиться: ничего не прислалъ и не возвратился, по крайней мѣрѣ не являлся. Пошлю справиться на его квартиру и, если отыщу, принужу его написать свои воспоминанія и все доставлю. И на счетъ графини Ростопчиной мы одно думаемъ.

25/13-го. Шаврозе.

Мы знаемъ уже, что случилось. Посылаю недописанное письмо, а послѣ еще.

Слѣдующія строки писаны уже не Тургенева рукою:

On remettra mon paquet à m-r Casimir Périer et j'y joindrai, s'il voudra s'en charger: „Les guêpes“, „Les nouvelles à la main“, „La biographie de Balzac“—pour madame de Swerbéeff et compagnie, et les „Mémoires d'Alfieri“ pour vous. Vous pouvez lire la grande lettre en trente pages et la donner ou à Pletnieff ou l'envoyer à madame Swerbéeff; quand Pletnieff n'en aura plus besoin, envoyez la toujours à Swerbéeff.

Je me suis trompé: il faut en tous les cas envoyer la lettre à madame Swerbéeff, dans ce qui la regarde et vous pouvez donner quelqu'autre lettre à m-r Pletnieff. Je ne voudrais pas seulement que les nouvelles littéraires ne deviennent des vieilleries.

Рукою Тургенева: „La biographie de [Balzac]“ et Ballanche pour Swerbéeff.

873.

Тургеневъ князю Вяземскому.

$\frac{\text{сентябрь}}{\text{11-го октября}}$ 1841 г. Парижъ.

Сейчасъ отдалъ Эстрелейнъ-Семеновой пакетъ съ письмами на имя князя А. Н. Голицына и картонъ съ écharpe на твое имя и съ пакетцомъ avec des pastilles de Vichy, также на твое имя. Въ пакетѣ письма и двѣ книжки для тебя и для пересылки. Получишь, вѣроятно, отъ князя Голицына. Г-жа Дюрова, сестра твоего сослуживца Дмитрія Николаевича, обѣщала положить съ своими посылками картонъ и коробочки. Книжекъ для Путятиныхъ, о

коихъ писалъ я къ тебѣ, посовѣстился послать съ госпожею Эстрелейнъ. Отошли картонъ и pastilles de Vichy въ Москву, чрезъ Булгакова, къ сестрицѣ.

Это письмецо пойдетъ сегодня же съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ попутчикомъ. Эстрелейнъ-Семенова ѣдетъ завтра въ Гавръ, а оттуда, 15-го, въ Петербургъ. Если это письмо дойдетъ прежде ея, то предвари Дмитрія Николаевича и попроси доставить тебѣ немедленно вещи, а пакетъ съ письмами—князю Голицыну. Прости! La présente n'ayant d'autre fin...

На оборотѣ: Monsieur monsieur le prince Pierre Wiazemsky, vice-directeur du Département du commerce à St.-Pétersbourg. Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. На Дворцовой площади, въ С.-Петербургѣ.

874.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7/19-го ноября 1841 г. Парижъ.

Вчера отдалъ я въ посольство два пакета съ письмами и посылками, а сегодня увѣдомили меня, что курьеръ ѣдетъ завтра. Сегодня же получилъ я, чрезъ Берлинъ, пакетъ, тобой, Вяземскій, ко мнѣ адресованный, съ выпиской изъ какого-то журнала изъ предисловія Археографической коммиссіи о моей книгѣ; ровно за мѣсяцъ получилъ я уже „Сѣверную Пчелу“ съ тѣмъ же предисловіемъ, но никто не подумалъ прислать мнѣ самой книги, и я очень досадую на К. С. Сербиновича за то, что онъ не воспользовался ни пароходомъ, ни курьерами: и тѣхъ и другихъ, вѣроятно, уже долго не будетъ. Вышли уже вторая и третья тетради и „медалей“, Археографическою коммиссіей изданныхъ, коихъ я также не получалъ (шесть экземпляровъ); первые давно у меня. Прошу его переслать одинъ экземпляръ оныхъ въ Москву, чрезъ Булгакова, къ сестрицѣ; другіе пять экземпляровъ сюда. Передай ему мое желаніе.

Мы лишились коренного жителя парижскаго, двоеженца Иванова. Въ воскресенье видѣлъ я его въ нашей церкви; вчера гдѣ-

то онъ обѣдалъ, возвратился домой грустный и нездоровый, спросилъ бумаги, написалъ нѣсколько строкъ къ Демидову, въ коихъ поручаетъ ему бѣдное свое семейство (жену и сына, коимъ врядъ ли можно возвратиться въ Россію), и—умеръ. Завтра отпѣваютъ его въ нашей церкви. Жена въ совершенной бѣдности: ничего! Онъ прежде жилъ учительствомъ, потомъ помогалъ ему Демидовъ, эксъ-ученикъ его; сынъ служилъ при здѣшнемъ русскомъ консульствѣ, съ маленькимъ жалованьемъ отъ генеральнаго консула. Нельзя ли выдать ему хоть бездѣлицу единовременно? Ужасное положеніе! Но съ бѣдностью — и благородство, и нѣкоторая гордость въ хорошемъ смыслѣ слова.

Вчера болталъ я часа два у Росетти; онъ не очень здоровъ и не выходитъ; говоритъ, что страдаетъ ревматизмомъ. Мы кой о чемъ потолковали. Тутъ встрѣтилъ и московскаго Боборыкина, не автора, а меломана, эксъ-мужа Капнистовой.

M-me Bourbier выходитъ снова здѣсь на сцену. Я только по афишкѣ и узналъ о ея сюда пріѣздѣ, и съ ней ни слова! Здѣсь молодой американецъ, изъ Нью-Іорка, попался въ католики. Очень забавенъ своею наивностью, хотя объѣхалъ весь свѣтъ и учитъ здѣсь исторіи и англійскому языку. Его спросили сегодня: какой религіи были его родители?—„Mon père était rien du tout, ma mère était presbyterienne et après leur mort on m'a donné à ma tante, qui est une arianne“.

Романъ Ансело все еще не вышелъ; пошлю завтра поранѣе снова за нимъ и пришлю, если получу. Завтра же должны выйти и „Nouvelles à la main“, но врядъ ли выдутъ. Въ замѣну вотъ вамъ отвѣтъ Лагранжа Duvergier-Горанну. Лагранжъ — за Моле, противъ Тьерса и почти противъ Гизо. Сейчасъ дали прочесть мнѣ брошюру и хотя не моя, но посылаю и даже не прочитавъ, но послѣднее не диво; многіе журналисты или „Revues“ отказались напечатать Лагранжа.

Сегодня видѣлъ m-me Arendt: она почти здорова и только внутренно страждетъ и сбирается въ Карлсбадъ лѣтомъ.

Здѣшніе русскіе, да и не они одни, только и толкуютъ, что о секретномъ комитетѣ, учрежденномъ въ Петербургѣ для принятія мѣръ къ освобожденію отъ рабства нашихъ негровъ. Называютъ чле-

нами: Канкрина, Киселева, Любецкаго, Гана, Чернышева, Меньшикова, графа Фридриха Палена, графа Протасова, князя Васильчикова. Увѣряютъ даже, что и мнѣнія членовъ уже извѣстны; что Меньшиковъ, Васильчиковъ, Чернышевъ *противъ* уничтоженія рабства; Киселевъ и прочіе — *за*. Такъ ли? Если этотъ секретъ въ такомъ же секретѣ и для тѣхъ, о коихъ идетъ дѣло, то не дай Богъ! У меня на сердцѣ одна дѣльная бумага о семъ предметѣ, русскимъ, долго и безпрестанно о семъ помышлявшимъ, написанная. Въ ней много дѣльнаго; историческая часть любопытна; проектъ приведенія въ дѣйство предварительныхъ мѣръ — уважительный. Какъ ты думаешь: послать ли? Кому? Ввѣрить ли совершенно или привезти самому и отъ себя подать? Автору я ничего не говорилъ, но ты угадаешь его. Для этого можно и съ больными ногами пуститься, и въ распутицу. Пойдетъ ли въ дѣло? Увѣряютъ, что графъ Орловъ также противъ эмансипаціи. Не откликнешься ли поскорѣе? Право, не честолюбіе, не личные разсчеты въ виду, но одна польза массъ.

Графиня Гудовичъ ожидаетъ дочь завтра, но сегодня она занемогла, и не на шутку. Правда ли, что Василій Перовскій очень боленъ ракомъ въ груди и уѣхалъ въ Италію?

Полночь.

Прочелъ брошюрку Лагранжа. Да, она очень дѣльная и хорошо написана. Прочтите и сохраните. Положеніе Франціи, на страницѣ 15-й, въ 1840 году, вѣрно и прекрасно описано.

8/20-го ноября.

Какъ называется журналъ, изъ коего ты прислалъ мнѣ листикъ?

„Il y a des fautes que l'on ne couvre que par la gloire“ (стр. 15). Хоть бы пріятелю Лагранжа—Ламартину! И страница 16-я — сильная и справедливая. „Le ministère tomba (Thiers). Il tomba très bas, car il tomba dans une honte“... Mais en histoire il n'est pas permis d'être généreux, le seul devoir est d'être vrai“ (о защитѣ Горапномъ Тьерова министерства).

„Le ministère (Thiers) a voulu feindre des terreurs sur cette révolution à Paris, et il a jeté un demi-million à des fortifications,

dont l'Europe sourit, dont la France rougit, et dont la liberté s'alarme".

Судъ надъ Guenisset et comp. начнется 1-го декабря. Камеры откроются 27-го декабря.

On chante dejà la Marseillaise dans „Le verre-d'eau" (въ Женевѣ).

Сегодня первое представленіе трагедіи Віенне: „Arbogaste". Онъ готовитъ и комедію, которая скоро явится на сценѣ (въ Одеонѣ), въ пяти актахъ. Изъ Пиринейскихъ горъ пишутъ: „Les publications du mariage que va contracter m-r le baron Oscar Bernadotte, commandant de la garde nationale à cheval de Pau avec m-lle de Navailles sont en ce moment affichées à la mairie. M-r Bernadotte est le neveu de sa majesté le roi de Suède et de Norvège, et m-lle de Navailles est l'héritière d'un des noms les plus anciens et les plus respectés du Béarn, une déscendante des célèbres barons qui accompagnèrent les vicomtes béarnais aux croisades et dans leurs campagnes contre les Maures, et qui, plus tard, formèrent des alliances avec la maison princière d'Albret".

Poujoulat, спутникъ и сотрудникъ Michaud, издалъ первую часть „Исторіи Іерусалима", которую очень хвалятъ; будетъ и вторая. Ожидаю Dentu съ книгами; вѣроятно, принесетъ и Пужула, и въ такомъ случаѣ пошлю.

Если догадка объ авторѣ записки объ эмансипаціи можетъ болѣе повредить, нежели помочь дѣлу, то не оглашай моего желанія доставить оную. Правда ли, что Орелъ сгорѣлъ? Здѣсь много орловцевъ, но еще сегодня почта не пришла, а съ прошлою имъ ничего не писали.

Вотъ отвѣтъ Шписа: онъ утѣшителенъ. Итакъ, и это дѣло въ шляпѣ. Увѣряютъ, что курьеръ ѣдетъ въ десять часовъ, а теперь бьетъ полчаса десятаго. Прости!

Пожалуйста, будь осторожнѣе въ дѣлѣ освобожденія и не оглашай *ничего* безъ нужды.

1842.

875.

Князь Вяземскій Тургеневу.

26-го января 1842 г. С.-Петербургъ.

Остальное съ Глинкою получилъ, но не успѣлъ еще все разобрать и потому сегодня не успѣю на все отвѣчать. Мои утра не мнѣ принадлежатъ, а департаменту. Языковъ уѣхалъ въ Москву, и я провизуарничаю. Помилуй, гдѣ мнѣ теперь отыскивать перчатки! Слѣдъ Гурьева давно простылъ, а какъ же Пряничникову упомнить, что̀ онъ переслалъ по почтѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому. Кажется, я получилъ какія-то перчатки отъ Ховриной и отправилъ ихъ въ Москву еще прошедшимъ лѣтомъ, да теперь и Ховриной здѣсь нѣтъ: не у кого справиться. О Meurice я тебѣ писалъ. Онъ у меня былъ еще на дняхъ, и я недавно отправилъ его письмо къ тебѣ, кажется, 20-го января. Книгъ отъ Баланша онъ никакихъ не получалъ. Князь Михаилъ Голицынъ сказывалъ мнѣ, что онъ выручилъ изъ цензуры отправленныя съ нимъ тобою книги и что-то отдалъ или отослалъ на имя Стендера, также находящагося при домѣ великой княгини: справлюсь. Схожу къ князю Голицыну и передамъ твое порученіе. Объ отставкѣ твоей я не писалъ къ тебѣ потому, что не зналъ положительно, какъ все дѣло велось и обошлось, и не хотѣлъ смутить тебя невѣрными извѣстіями. Я полагалъ, что это дѣло условленное между тобою и княземъ, что когда онъ будетъ просить увольненія, то и тебя слѣдуетъ выпрячь изъ почтовой кареты,

чтобы не попасть тебѣ къ другому кучеру. О твоей отставкѣ узналъ я отъ Бартенева нечаянно и просилъ его просить князя написать къ тебѣ скорѣе о томъ, чтобы ты не провѣдалъ участи своей изъ газетъ, безъ всякихъ объясненій. О пребываніи своемъ за границею тебѣ безпокоиться нечего: ты въ законѣ и, вѣроятно, не выйдешь изъ-за закона, то-есть, долѣе пяти лѣтъ не засидишься. Не надѣюсь сегодня обо всемъ тебя увѣдомить, а завтра отправляется какой-то чужестранный курьеръ. Жаль, что заказъ твой о турецкомъ табакѣ не дошелъ до меня до отъѣзда вашей Кошки. Теперь надобно ждать удобнаго и очень удобнаго случая, а случаи зимою рѣдки. Твой экземпляръ „Emerance“ подарилъ я, съ твоего позволенія и угадывая твое одобреніе, милой моей старинной знакомкѣ princesse Michel Radziwill, пріѣхавшей сюда изъ Варшавы, пріятельницѣ Козловскаго, умной и образованной полячкѣ. Ей хотѣлось имѣть эту книгу, которую не могла бы она пріобрѣсть въ Варшавѣ. Жаль мнѣ, что Мицкевичъ такъ завирается о Петрѣ и Петріадѣ, то-есть, о Россіи. Почему не передашь ты ему своихъ критическихъ замѣчаній? Я полагаю и надѣюсь, что онъ ошибается добросовѣстно и приметъ съ признательностью возраженія и совѣты. Какъ же могъ онъ сказать, что наша литература армейская? Развѣ онъ видитъ ее въ Данилевскомъ и въ Скобелевѣ? Наша литература дворянская—вотъ это такъ, и этимъ отличается она отъ прочихъ; потому-то и элементъ средняго состоянія у насъ слабъ. Я когда-то сказалъ: „Наша литературная бѣдность объясняется тѣмъ, что наши умные и образованные люди вообще не грамотны, а наши грамотные вообще не умны и не образованы“. Это правда, но правда и то, что наша литературная образованность вытекаетъ болѣе съ вершинъ нашего общества.

Мери Пашкова тебѣ кланяется и хотѣла писать. Она въ траурѣ: на-дняхъ скончалась Полтавцова и оставила большое семейство. Новаго ничего нѣтъ, кромѣ приготовленій къ маскараду у великой княгини Елены Павловны. Будетъ разная разность и всякая всячина: и аристократія, и артисты, напримѣръ ваши Damoreau и Falcon, Мятлевъ съ свадьбою Курдюковой, Боратынская съ черкесскимъ эскадрономъ здѣшнихъ красавицъ etc., etc. Ро-

дольфъ Валуевъ здѣсь и жалѣетъ, что не можетъ съ тобою философствовать. Что сдѣлалось съ Клементіемъ? N'a-t-il pas le mal du pays, то-есть, фрянки. Передай ему мой сердечный поклонъ и мою догадку. Помирись съ Шевыревымъ ради прекрасной статьи его о черной сторонѣ нашей литературы, которую онъ напечаталъ въ первой книжкѣ „Москвитянина" на этотъ годъ. Ѳедоровъ читалъ ее намъ на дняхъ у Карамзиныхъ. Онъ лучше читаетъ, нежели пишетъ.

Періе все еще паріа. Говоритъ ли Барантъ о своемъ возвращеніи къ намъ? О возвращеніи Палена здѣсь, разумѣется, ничего не говорится. Воинъ австрійскій здѣсь, кажется, очень любимъ и обласканъ въ обществѣ. Объ англійскомъ послѣ мало слышно: живетъ онъ не посломъ. Вообще, дипломатическій корпусъ здѣсь слабъ, блѣденъ и тщедушенъ. Медемъ скоро отправляется къ своему мѣсту.

Сейчасъ сказываютъ мнѣ, что Адлербергъ будетъ главноуправляющимъ надъ Почтовымъ департаментомъ, а Чернышевъ отправляется на Кавказъ для преобразованія того края въ военномъ и административномъ отношеніи. Впрочемъ, это слухъ, который и выдаю за слухъ. Затѣмъ, прощай! Боюсь прогулять курьера, кажется, англійскаго.

Билетъ полученъ и завтра будетъ вымѣненъ въ Опекунскомъ совѣтѣ на другой, на твое имя.

876.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2/14-го марта 1842 г. Берлинъ.

Я ѣду завтра въ Парижъ на весьма короткое время; въ концѣ апрѣля непремѣнно буду назадъ въ Берлинъ, гдѣ намѣренъ пробыть и часть мая. Надѣюсь, что къ тому времени и вы будете сюда. Шеллингъ васъ любитъ и ожидаетъ; онъ отправляется недѣли черезъ двѣ въ Минихъ, чтобы переѣхать совсѣмъ въ Берлинъ и собрать все, что онъ еще тамъ оставилъ; нынѣшній семестръ читалъ онъ введеніе и торжественно разрушалъ Гегеля.

Лѣтомъ будетъ онъ читать философію миѳологіи. Посылайте всѣхъ гегеліанцевъ сюда; въ здѣшнемъ университетѣ всѣ дѣльные люди противники Гегеля, а послѣдователи его побѣждены безъ боя. Сражаются только тѣ изъ гегеліанцевъ, которые прямо объявляютъ себя безбожниками; умѣренные же, которые отказываются отъ такихъ опасныхъ товарищей, называя ихъ односторонними, до сихъ поръ молчатъ и скучны, и вялы; однако, недавно они собрались и образовали родъ комитета; избрали президентомъ Маргейнеке и хотятъ издавать журналъ. Желалъ бы чрезвычайно вамъ прислать нѣсколько брошюрокъ; ихъ выходитъ множество и нѣкоторыя очень любопытныя: политическія, философическія и религіозныя. Очень хороша одна: Мюллера, протестантскаго профессора въ Галлѣ, противъ Гегеля [1]), о разводахъ и объ измѣненіи прусскихъ законовъ; о семъ предметѣ также вышло нѣсколько примѣчательныхъ брошюрокъ. Очень сильна реакція противъ прусскаго Ландрехта и противъ Фридриха II. Вы знаете по газетамъ новыя мѣры по ценсурной части. По новому закону—не позволено писать противъ религіи вообще и христіанства въ особенности. Вотъ какъ прусское законодательство беретъ подъ свой покровъ даже божество Будды! La loi n'est pas athée, и никого не обижаютъ. Какъ бы то ни было, антирелигіозныя направленія гегеліанцевъ произвели противодѣйствія, и должно этому радоваться. По моему мнѣнію, внутреннія ссоры между протестантами гораздо важнѣе; напримѣръ, борьба между суперъ-интендентомъ Риббекомъ въ Бреславлѣ съ журналомъ „Der Prophet". Риббекъ обязуетъ пасторовъ при постановленіи присягать, что они будутъ соблюдать и защищать символы вѣры и исповѣданія, протестантами изданные; журналъ же утверждаетъ, что евангелическая церковь не признаетъ никакого символа, кромѣ св. писанія съ свободнымъ толкованіемъ. Риббекъ возражаетъ, что нельзя оставлять безъ вниманія церковь, церковь видимую, объективную. Я надѣюсь,

---

[1]) Мюллеръ сей—братъ славнаго археолога Отфрида Мюллера, гёттингенскаго профессора, недавно умершаго въ Аѳинахъ, гдѣ онъ дополнялъ свои глубокія свѣдѣнія созерцаніемъ прошедшаго въ развалинахъ. Я его слыхалъ въ Гёттингенѣ, а брата его любилъ и слышалъ въ Галле; прошедшаго года онъ читалъ христіанскую нравственность превосходно.

что изъ этихъ споровъ разовьется нѣчто въ родѣ пюзеизма. Между тѣмъ Риббекъ отозванъ въ Берлинъ. Я часто бываю на лекціяхъ Неандера. Я люблю его ученость и добродушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ часто выкидываетъ очень странныя вещи. Вообще, нѣмцы глубоки, но ограниченны; они такъ пристально смотрятъ на одинъ предметъ, что у нихъ нѣтъ горизонта. Не менѣе того желательно, чтобы многіе знакомые наши заѣхали сюда послушать нѣмцевъ: здравый славянскій разсудокъ, въ которомъ нѣтъ недостатка въ горизонтѣ, напротивъ, въ которомъ можетъ быть слишкомъ просторно и разгульно развитъ степный (?) [1]) элементъ, могъ бы извлечь большую пользу изъ соображенія всѣхъ сихъ одностороннихъ, но глубокихъ розысканій. Гумбольдтъ на дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Парижа: чрезвычайно забавенъ, болтливъ, колокъ и веселъ; онъ напечаталъ новое сочиненіе, которое выходитъ въ Парижѣ [2]).

Встрѣтился я недавно съ Савиньи: онъ питаетъ чрезвычайное уваженіе и любовь къ памяти Сперанскаго. Лекціи Ранке любопытны, но онъ такъ странно выговариваетъ, такъ бормочетъ, что трудно его разслушать. Русскихъ здѣсь немного. Пріѣзжайте сюда скорѣе. Указный срокъ для начала курсовъ въ университетѣ — $^{12}/_{24}$-го апрѣля.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

877.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6/18 mai, midi. [Парижъ].

Je viens chez m-r le docteur Florio et je trouve cette lettre écrite, j'apprends que les objets qu'on envoie en Russie, appartenants aux voyageurs, mais не съ ними ѣдущіе, — запрещены; а я, желая быть свободнѣе въ моей коляскѣ и не зависѣть ни отъ нея,

---

1) Вопросительный знакъ находится въ подлинникѣ.

2) Гумбольдтъ читалъ мнѣ прошлаго года примѣчательное посвященіе сей книги государю императору и показывалъ уже одну или двѣ первыя части. Кажется, онѣ уже вышли.

ни отъ камердинера, уложилъ все старое платье, кромѣ необходимаго, въ Киссингенѣ, Веймарѣ и въ Берлинѣ, хотѣлъ отправить ящикъ черезъ Гавръ въ Петербургъ на твое имя; ничего въ немъ, кромѣ ношенаго платья: пять или шесть фраковъ, три сертука теплые, изъ коихъ одинъ не теплый, немного ношенъ, такъ какъ и одинъ фракъ немного ношенъ. Неужели этого нельзя пропустить? Опасаясь, я рѣшился на слѣдующее: написать къ тебѣ сегодня и ожидать отъ тебя отвѣта, который получитъ уже братъ, ибо я черезъ десять дней, или 2-го іюня, au plus tard, намѣренъ выѣхать въ Киссингенъ и далѣе. По полученіи сего письма увѣдомь меня: à Paris, № 14, rue Neuve du Luxembourg, можно ли послать брату мой ящикъ на твое имя? Ежели можно, то онъ немедленно вышлетъ. Если не можно, то онъ перешлетъ его ко мнѣ въ Киссингенъ или во Франкфуртъ, или въ Берлинъ. Но все это очень затруднительно и лучше бы выслать позволеніе. Я приложу реестръ всему посылаемому и ни книгъ, ни чего-либо запрещеннаго, кромѣ ношенаго платья, обуви и бѣлья, не будетъ. По реестру вы все повѣрите. Увѣдомь же скорѣе.

Пакеты мои къ тебѣ лежатъ еще у французскаго курьера. D'Arlincourt повезъ два письмеца; Нарышкинъ Эммануилъ — пакетъ съ письмами, съ листами и съ копіей письма въ „Дебаты" о крестьянахъ нашихъ; но „Дебаты" еще не напечатали его, и оно выйдетъ, вѣроятно, въ „Presse" или „Quotidienne". „Débats" не хотятъ, чтобы мѣру нашего правительства называли „sage et bienfaisante".

Отвѣчай скорѣе. Князь Салтыковъ уѣхалъ вчера. Я опять ушибся вчера, но не больно.

На оборотѣ рукою Флоріо: A son excellence le prince de Wiasmensky (sic), conseiller d'état actuel, vice-directeur du commerce extérieur, chevalier de p[lusieurs] o[rdres] etc. St.-Pétersbourg.

Это письмо написано на одномъ листѣ съ письмомъ Флоріо къ князю Вяземскому, которое мы и приводимъ вполнѣ:

Le 6/18 mai 1842. Paris.

Mon prince! L'année passée, à mon arrivée ici, m-r de Tourguenieff était à la campagne et j'ai remis votre lettre à l'ambassade d'après vos ordres, pour la lui faire parvenir; à Turin j'ai lavé la tête à m-r Ba-

ruffi tant de votre part, comme de la mienne; il n'a pas été fâché, car il vous aime et vous estime toujours, la preuve en est qu'il m'a remis un gros paquet pour vous. J'ai vu Silvio Pellico qui se porte bien et il a été très content d'avoir de vos nouvelles; il m'a dit qu'il vous avait répondu et à mon depart il m'a donné une lettre pour vous, que je garde pour vous la rendre moi-même.

Après avoir passé trois mois à Paris, ou j'ai imprimé mon ouvrage sur l'ophthalmie purulente, je suis parti pour Turin ma patrie, ou j'ai passé l'hiver, ensuite j'ai fait un voyage dans la basse Italie jusqu'à Naples, et de là par le bateau à vapeur à Marseille et enfin je suis arrivé à Paris le 9 du courant pour partir le $\frac{1 \text{ juin}}{19 \text{ mai}}$ pour St.-Pétersbourg par le bateau à vapeur du Havre, et je dois arriver à Cronstadt le 27, vieúx style, du courant.

D'après votre aimable promesse et votre extrême bonté à mon égard, je recours à votre protection pour me faire la grâce de donner vos ordres afin qu'on me laisse passer de petits achats à mon usage, ainsi que pour de petites commissions, que les dames donnent toujours, quand on part pour l'étranger, le tout ce n'est pas grande chose, pour mon compte. J'ai beacoup de livres, qui sont presque tous de médecine, j'ai quelques livres de tabac pour mon usage, des joujoux d'enfant, quelques petites travails de bronze doré et autres choses pour mon ménage; la princesse Scakavskoy (sic), que j'ai vu à Rome et à Naples, où j'ai passé 18 jours, m'a donnée aussi de petites choses pour rendre à son mari; je puis du reste vous assurer, que je n'en abuserai pas.

J'ai appris avec peine par madame Arendt, qui part samedi prochain pour Carlsbad, que vous avez été atteint d'une fièvre cérébrale, maladie très grave, mais que grâce à Dieu vous êtes rétabli parfaitement. Je vous en félicite de tout mon coeur, et pour cela j'aime encore d'avantage le bon m-r Arendt qui vous a soigné; il en a fait autant pour moi, quand j'étais gravement malade, aussi je lui garde toute ma reconnaissance; pour moi je compte peu dans ce monde, mais quant à vous — la perte aurait été très grande, pas seulement pour vos amis et connaissances, mais aussi pour la patrie: des hommes comme vous sont rares et on ne doit pas les perdre de sitôt.

Je vous prie, mon prince, de vouloir bien agréer mes remercîments d'avance pour vos bontés, ainsi que les sentiments de ma considération la plus distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être de votre exellence le très devoué serviteur P. de Florio.

878.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го іюня 1842 г. Парижъ.

Въ минуты тяжелыхъ и сладкихъ воспоминаній и въ сборахъ въ дальній путь я долженъ исполнить данное обѣщаніе и рекомендовать тебѣ молодого француза-гаванца, m-r Mons, зажиточнаго помѣщика французскаго, желающаго взглянуть на матушку-Россію, хотя въ ея представительницахъ—столицахъ. Онъ рекомендованъ мнѣ племянникомъ бывшаго министра, Мартиньякомъ. Обласкайте его и проводите въ Москву, если онъ вздумаетъ туда прокатиться, то-есть, рекомендуйте его начальникамъ скорыхъ и европейскихъ дилижансовъ нашихъ. Я пишу о немъ и къ Булгакову. Онъ, кажется, человѣкъ свѣтскій и не знаетъ куда дѣвать время и средства проживать и проводить его.

Я просилъ его, при отъѣздѣ въ іюлѣ, спросить о письмахъ или пакетахъ для меня у брата; онъ пробудетъ мѣсяца два въ Россіи или и менѣе. Весь вашъ Тургеневъ.

На оборотѣ: Monsieur monsieur le prince Pierre Wiazemsky, vice-directeur du Département du commerce avec l'extérieur, à St.-Pétersburg.

879.

Князь Вяземскій Тургеневу.

13-го іюля. [Петербургъ].

Я сегодня былъ у князя А. Н. Голицына и отнесъ ему твою книгу объ archiconfrerie. Онъ завтра отправляется въ Москву и поручилъ мнѣ увѣдомить тебя, что пробудетъ въ Москвѣ не позднѣе 1-го сентября; тамъ поѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ пробудетъ до октября и послѣ уже въ свои владѣнія. Домъ его опустошенный походитъ на домъ покойника. Эта абдикація, это погребеніе заживо и добровольное очень замѣчательно и приноситъ честь его уму и характеру. А у меня изъ головы и изъ сердца не выходитъ ужасная смерть герцога Орлеанскаго. Вотъ кстати повто-

рить извѣстное и пророческое восклицаніе: „Pauvre roi, pauvre France!“ У меня особенное сочувствіе къ этой фамиліи и глубокое убѣжденіе, что она нужна для соблюденія порядка во Франціи и слѣдовательно спокойствія въ Европѣ. О Louis Philippe можно сказать, что̀ Вольтеръ сказалъ о Богѣ: „S'il n'existait pas, il faudrait, ou bien il aurait fallu l'inventer“. Въ немъ сливались стихіи монархическія и республиканскія, что̀ весьма худо было бы въ другомъ мѣстѣ, но во Франціи было единственное средство спасенія и примиренія. Теперь смерть эта все ставитъ опять на карту или на бочку пороха. Ты, вѣроятно, поспѣшишь пріѣхать въ Москву, чтобъ застать князя. Итакъ, прости, до Москвы! Мнѣ самому хочется съѣздить туда въ августѣ. Мои Валуевы въ Остафьевѣ. Обнимаю.

Въ концѣ письма помѣта А. И. Тургенева: „Получено 1-го августа 1842 г.“

880.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11/23-го августа 1842 г. Москва.

Опять я въ матушкѣ-Москвѣ,
Но я и здѣсь ужъ сиротою,

ибо нѣтъ тебя, мой милый Вяземскій. Я ввалился сюда въ четыре часа по-полудни третьяго дня. Не нашелъ никого; вечеръ провелъ у князя А. Н. Голицына и опять заслушался Вальтеръ-Скотта салоннаго. Къ вечеру пріѣхала сестрица загавливать изъ деревни. Я съ нею; вчера видѣлъ Булгакова и опять князя; получилъ пакетъ, съ барономъ д'Андре посланный. Свербеевыхъ еще не видѣлъ; не знаю, что̀ выслано изъ писемъ и пакетовъ, ибо присланные у сестрицы въ деревнѣ. Высылаю, что̀ залежалось. Никого нѣтъ здѣсь для меня, ибо всѣ въ Сокольникахъ. Вчера обрадовался, увидѣвъ свѣтъ въ окнахъ и ломберные столы у Яковл[евой]-Нов[осильцовой] и просидѣлъ у ней вечеръ въ страстномъ разговорѣ о заслугахъ или каверзахъ архимандрита Мельхиседека. Въ одномъ князѣ Голицынѣ отрада, но надолго ли? Нашелъ его не

лучше прежняго; а онъ думаетъ, что ясновидящая помогаетъ ему. Что онъ будетъ съ своимъ біографомъ въ крымской степи? Я писалъ къ тебѣ съ дороги два раза; молился надъ прахомъ Фотія за его и за свою душу, а князь А[лександръ] Н[иколаевичъ] и панихиду отслужилъ. Право, въ немъ что-то есть незадушенное 69-лѣтнею (?) петербургскою и ... [1]) атмосферой. Ужъ переѣхать съ привычной Фонтанки къ татарамъ — не всякому дано; тогда какъ онъ, какъ Карлъ, могъ сказать своимъ: „Ich kann, aber ich muss nicht“. Шатобріанъ безутѣшнѣе. Бѣдняжка: и онъ чуть головы не сломилъ!

Пожалуйста, потрудись дать знать Сербиновичу, что я здѣсь; что я не получилъ шести экземпляровъ, давно, до отставки, мнѣ слѣдующихъ „Актовъ“ моихъ, „Актовъ“ Археографической коммиссіи и прочихъ изданій ея; что „Современникъ“ и прочіе журналы пересылать должно сюда, и что я ожидаю отъ него письма, то-есть, слова и дѣла. Но вотъ главная просьба и требующая, по обстоятельствамъ, скораго исполненія: въ концѣ декабря 1841 года я отставленъ, и мнѣ назначено производить пенсіи по 6000 р. изъ Государственнаго казначейства (такъ я полагаю, ибо не могу отыскать отношенія о семъ ко мнѣ князя Александра Николаевича). Такъ какъ сему протекло болѣе уже семи мѣсяцевъ, то я и думаю, что мнѣ можно получить изъ казначейства по крайней мѣрѣ за полгода, если не захотятъ выдать за всѣ мѣсяцы. Я не имѣю никого въ Петербургѣ, къ кому бы могъ обратиться съ довѣренностью на полученіе сей пенсіи, а желалъ бы скорѣе получить оную здѣсь. Я написалъ на всякій случай довѣренность на твое имя съ передачею другому, дабы тебѣ самому не хлопотать, а поручить вѣрному чиновнику. Если эта довѣренность недостаточно или неправильно написана, то вели заготовить другую и пришли. Деньги же можно отдать въ почтамтъ съ тѣмъ, чтобы мнѣ выданы были здѣсь, какъ это обыкновенно дѣлалось прежде для меня, или переслать съ почтою, или самъ привези, если скоро будешь. Пришли книгу о римской церкви въ Россіи. Какъ ничтожны мои письма въ „Современникѣ“! Я только въ

---

[1]) Вопросительный знакъ и точки—въ подлинникѣ.

Берлинѣ прочелъ ихъ. Лучше не печатать ничего, чѣмъ давать такую покормку Булгарину и компаніи. Скажи Карамзинымъ, что въ Кёнигсбергскомъ государственномъ архивѣ списалъ я три собственноручныя записки Карамзина о тамошнихъ рукописяхъ русскихъ, кои переписаны рукою, кажется, Софіи Николаевны, и хранятся, подаренныя Генингомъ, какъ сокровище.

Могу ли я съѣздить въ Остафьево, если ты долго туда не будешь? Мнѣ черезчуръ здѣсь пустынно. Не скучно, но иногда очень грустно и по прошедшемъ, и по Шанрозе. Еще никого изъ здѣшнихъ полумертвыхъ не видалъ. Высылай мои старыя письма.

Выпишу тебѣ слова о Панинѣ, гдѣ говорится о пенсіи Фонвизину, изъ Ассебурга и пришлю; а ты пришли свою біографію Фонвизина. L'ouvrage où cela se trouve est très curieux, mais il n'est pas communiquable. Полный титулъ книги: „Denkwürdigkeiten der Freiherrn Achatz Ferdinand von der Asseburg, Erbherrn auf Falkenstein und Meissdorf und russisch-kaiserlichen wirklichen geheimen Raths und bevolmächtigten Ministers am Reichstage zu Regensburg, Ritters der Orden des heiligen Alexander-Newsky und des Danebrog. Aus den in dessen Nachlass gefundenen handschriftlichen Papieren bearbeitet von einem ehemals in diplomatischen Anstellungen verwendeten Staatsmanne. Mit einem Vorworte von (K. A.) Varnhagen von Ense. Berlin. 1842. 8°".

На страницѣ 413-й, гдѣ разсказывается жизнь графа Никиты Ивановича Панина, напечатано, изъ писемъ графа Сольмса, кажется, прусскаго министра въ Петербургѣ: „Unterm 4 Februar 1774 äussert sich der Nämliche (то-есть, графъ Сольмсъ) wie folgt: „M-r le comte de Panin vient de faire un acte de grande générosité. Entre les 9500 paysans que sa souveraine lui a donnés en dernier lieu, il y en avait 4 m. dans les nouvelles acquisitions de la Russie en Pologne. Il en a fait présent à son tour à ses trois principaux commis: m-r Bacounin, Oubril et Vauloisin (то-есть, Фонвизинъ), *pour d'autres raisons* que pour récompenser leur zèle et leurs services, leur attachement pour lui, et pour leur faire (une) fortune".

„Die letzte Bemerkung erklärt sich dadurch, dass Graf Panin

sich umwandelbar *gegen* die Theilung Polens vom Jahre 1772 ausgesprochen hatte, und dass er durch die Schenkung von 4000 Bauern, welche er seinen Untergebenen machte, den öffentlichen Beweis darlegen wollte, dass er alle persönlichen Vortheile, die ihm aus jenem politischen Ereigniss erwachsen konnten, von sich weise."

Далѣе выписка изъ письма Алопеуса къ Ассебургу о кончинѣ Панина.

881.

Князь Вяземскій Тургеневу.

17-го августа. [Петербургъ].

Имѣю честь поздравить съ пріѣздомъ, надѣюсь, благополучнымъ. Жаль, что не проѣхалъ ты чрезъ Петербургъ. Мы тебя завербовали бы въ Ревель, куда ѣдемъ завтра съ женою. И тебѣ гораздо было бы приличнѣе ѣхать, нежели мнѣ. Насъ по пути беретъ съ собою твоя графиня Воронцова, которая отправляется въ Ревель и въ Гельсингфорсъ на казенномъ, то-есть, военномъ пароходѣ съ веселою компаніей львицъ, львовъ, тигровъ и тигрицъ, а я, старый баранъ, буду тутъ вовсе не у мѣста.

Твою довѣренность передалъ я нашему экзекутору и казначею, 8-го класса Демьяну Михайловичу Страховскому. Онъ него получитъ и деньги или увѣдомленіе, буде встрѣтится препятствіе къ выдачѣ оныхъ.

Теперь литература. Плетневъ только что собрался было напечатать выписки изъ твоихъ писемъ для составленія хроники, но по случаю пріѣзда твоего я дѣло остановилъ. Прилагаю при семъ первыя выписки и его записки ко мнѣ. Теперь войди прямо въ сношенія съ нимъ. Петръ Александровичъ Плетневъ — ректоръ университета. Твои всѣ письма у него. Печатныя и всякія другія приложенія къ нимъ, за исключеніемъ уже доставленныхъ мною по принадлежности, хранятся у меня. По моемъ возвращеніи, все разберу и перешлю къ тебѣ. Не бойся: всѣ твои сокровища цѣлы.

Ѣду въ Ревель недѣли на двѣ, а послѣ, если Богъ дастъ, въ половинѣ сентября пріѣду въ Москву. Какое ты животное, что не заѣхалъ къ Жуковскому! А все отъ того, что умничаешь

и претензичаешь. Того и смотри, что боялся ты разрушить ихъ новобрачный и семейный миръ. Пожалуй, отъ того и къ Валуевымъ не поѣдешь въ Остафьево. Не забывай же, что мы съ тобою старыя обезьяны и никакой миръ нарушить не можемъ. Погляди на меня, я погляжу на тебя, и смиримся оба духомъ. Пока прости! Обнимаю тебя и Булгакова.

882.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го августа 1842 г. Москва.

Долго ли тебѣ не писать ко мнѣ? Я уже и въ Изворскѣ былъ, и у синодскаго Михайлова съ Филаретомъ обѣдалъ на успенскомъ обѣдѣ, едва не до успенія, а ты все ни слова! Съ княземъ ежедневно, и часто—два раза. Жаль его! Онъ себя обманываетъ, но не насъ. Кологр[ивова] услалъ сегодня въ Крымъ. Твоихъ не видѣлъ еще въ Остафьевѣ: дожидаюсь тебя или твоего разрѣшенія.

Отдала ли тебѣ въ свое время вдова Рахманова два пакета съ книгами и со всячиной? Двухъ экземпляровъ одной книги не отыскиваю, а она принадлежитъ Аржевитинову и другому симбиряку. Высылай, что̀ есть.

Пишу въ кабинетѣ Булгакова, но его видѣлъ только разъ. Обѣдаю у Екатерины Володиміровны Новосильцовой, а оттуда къ Филарету на чай, если Донская Богородица, то-есть, всенощная, не перебьетъ у меня. Не могъ дождаться Булгакова. Прости!

Приписка А. Я. Булгакова.

Вотъ тебѣ un plat de sa façon: былъ у меня, исписалъ мнѣ цѣлый листъ вопросовъ и требованій. Я заболтался у Зенеиды Волконской, которая пріѣхала изъ Карлсбада и скоро ѣдетъ въ Римъ обратно. Ужасно постарѣла. Обнимаю тебя. Я послалъ прочесть Тургеневу послѣднее твое письмо. Былъ у Башилова нарочно. Онъ говоритъ, что все сладится, но что ты хуже сдѣлалъ, что писалъ князю Д[митрію] В[ладиміровичу], коему послалъ я твой отвѣтъ.

883.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го сентября 1842 г. Москва.

Вчера увѣдомилъ меня Булгаковъ о твоемъ возвращеніи въ Петербургъ и прислалъ два послѣднія письма мои изъ Берлина, съ Мейендорфомъ посланныя, а Плетневъ — двѣ біографіи французскихъ духовныхъ, три листа „Union Catholique“ и „Сумерки“ съ двумя номерами „Современника“. Не знаю, какъ все это сошлось вмѣстѣ, и точно ли Плетневъ прислалъ этотъ пакетъ? Письма не было. Я взбѣшенъ на тебя! Не смотря на приписку въ каждомъ письмѣ объ отсылкѣ моихъ писемъ въ Москву, ты не посылалъ въ теченіе семи мѣсяцевъ ничего и вдругъ отдалъ ихъ Плетневу — для выдачи въ свѣтъ. Я получилъ отъ него 90 листовъ и нашелъ въ нихъ многое, что писано было въ Москву и въ Симбирскъ, и весьма нужное. Теперь все запоздало, все выдохлось, и я ни времени не имѣю, ни съ духомъ не сберусь пересмотрѣть ихъ для Плетнева, да и не знаю, что̀ было напечатано, что̀ нѣтъ. Надобно пересматривать весь „Современникъ“! Да у кого же на это достанетъ терпѣнія! Да и какому читателю интересно будетъ читать о прошло или третьегоднихъ лекціяхъ Мицкевича; а въ свое время, конечно, онѣ были интересны. Это моя жизнь, а вы ее ни въ грошъ не ставите. Скажи Плетневу, что я, при всемъ моемъ желаніи угодить ему, не въ силахъ теперь и приняться за дѣло. Я заваленъ бумагами и печатнымъ. Прянишниковъ ничего не посылалъ ко мнѣ въ теченіе двухъ лѣтъ и теперь началъ высылать сюда восемь тюковъ, кои слѣдовало, хотя по одному экземпляру, выслать въ чужіе краи. Я ими задавленъ. Комнаты новыя для меня еще не готовы: въ старыя перевезъ часть моего архива. Глаза болятъ отъ чтенія и пересмотра, и въ сердцѣ досада на васъ при видѣ кипы недосланныхъ писемъ, весь интересъ потерявшихъ и Свербеевой не переписанныхъ. Богъ съ вами! Высылай книги, которыя тебѣ не нужны, особенно „Sur l'église catholique en Russie“. Да не завалялись ли другія письма?

Князь Александръ Николаевичъ уѣхалъ 9-го сентября. Я

видалъ его ежедневно. Характеръ примѣчательный. Молебенъ о путешествующихъ похожъ былъ на панихиду. Онъ пѣлъ, какъ соловей или придворно-россійскій Вальтеръ-Скоттъ, до самой минуты (à la lettre) своего отъѣзда; я сквозь слезы смѣялся за минуту до послѣдняго „простите“ съ нимъ. Онъ успѣлъ доложить обо мнѣ государю, и я опять могу уѣхать, когда хочу, по неконченному дѣлу въ Берлинѣ, и хотѣлъ выхлопотать болѣе, нежели я желалъ. Я обѣщалъ пріѣхать въ октябрѣ, если Вал[уева] сюда не будетъ; 25-го буду у Троицы, послѣ—въ деревнѣ у Свербеевыхъ; въ маѣ съ Аржевитиновымъ туда, гдѣ мнѣ не душно, хотя и очень грустно. По отъѣздѣ князя Александра Николаевича не знаю, куда голову преклонить. Les petitesses Чаадаева мѣшаютъ наслаждаться его рѣдкими и хорошими качествами. Вчера принялся за Вигеля. Кланяйся Старынкевичу; не заглянетъ ли сюда? Вигель золъ на всѣхъ и потому забавенъ.

Въ бумагахъ старыхъ отыскалъ я на двухъ страницахъ собственноручный переводъ князя Козлов[скаго] статьи съ нѣмецкаго: „Нѣчто о славномъ Лафатерѣ“, но незначущая и слишкомъ понѣмецки чувствительная. Что за архивъ у меня! Чего въ немъ нѣтъ!

Я только четыре листа получилъ въ Парижѣ твоего „Фонвизина“ и тѣ отдалъ Мицкевичу. Получаешь ли „Додатокъ“? Лекція послѣ моего отъѣзда была очень любопытна. Онъ говорилъ о религіозномъ движеніи при императорѣ Александрѣ и князѣ Голицынѣ, коего представилъ, какъ апостоломъ христіанства въ Россіи, для чего выписалъ онъ изъ Москвы (!) остатки масоновъ (Тургенева и пр.) и возбудилъ противъ себя либераловъ, отъ коихъ перешелъ къ Пушкину и сказалъ о немъ много новаго, отъ него самого слышаннаго; я все это слышалъ отъ слушателя. Желалъ бы прочесть „Додатокъ“; но полагаю, что врядъ ли могъ мой корреспондентъ переслать тебѣ его изъ Парижа?

Братъ—въ Діеппѣ: купаетъ своихъ дамъ; письма его любопытны.

Поклонись Карамзинымъ. Читала ли о себѣ Софья Николаевна въ „Минервѣ“? Жаль, что Катеринентальская идиллія біо-

графу вашему не была извѣстна, и библейская шутка. L'ange flamboyant à l'entrée du paradis et le serpent? etc.

Я провелъ четыре часа въ деревнѣ у Ермол[ова] въ задушевномъ разговорѣ: мы воскрешали другъ въ другѣ воспоминанія, и я многое записалъ.

Киссингенскихъ писемъ и книжекъ ты, кажется, не прислалъ чрезъ Плетнева?

884.

Князь Вяземскій Тургеневу.

17-го сентября 1842 г. [Петербургъ].

Хоть ты еще не сенаторъ и не оберъ-прокуроръ, но ты генералъ-прокуроръ всѣхъ несчастныхъ, страждущихъ и обиженныхъ и око провидѣнія на Воробьевскихъ горахъ и прочихъ лощинахъ и вертепахъ правосудія etc., etc. Къ тому же послѣ удовольствія писать кому-бы ни было, нѣтъ тебѣ болѣе удовольствія, какъ помогать и дѣлать добро кому бы ни попало. Вотъ тебѣ вѣрный и хорошій случай: подательница сихъ строкъ, г-жа Чесницкая, жена саратовскаго чиновника, который сидитъ въ острогѣ, надѣюсь, безвинно. Дѣло его будетъ разсматриваться въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента по предложенію министра юстиціи, которое, кажется, въ пользу его. Тамъ сидитъ твой пріятель Жихаревъ. Вотъ тебѣ случай великодушно сблизиться съ нимъ; но если твоего великодушія не хватитъ на такой подвигъ, то обратись къ сенаторамъ: Дурасову, Каблукову, князю Урусову, Мартынову, къ оберъ-прокурору графу Толстому и вообще умоляю тебя похлопотать за нее дѣятельно и горячо. За симъ обнимаю. Вяземскій.

885.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го сентября 1842 г. [Петербургъ].

Что же вы тамъ молчите? Я давно уже увѣдомилъ васъ о своемъ возвращеніи, а вы все ни слова. Болѣе сказать нечего, да болѣе и не стоите вы.

Сдѣлай милость, передай тотчасъ письмо графу Строганову. Кому же писать, какъ не вамъ: одинъ почтовый директоръ, а другой почтовый рефлекторъ, воплощенная почта, не человѣкъ, а письмо, si son esprit venait même à mourir, *la lettre* survivrait en lui; c'est un homme à la lettre, c'est la république des lettres (потому что часто въ его письмахъ такая анархія, что толку не доберешься), c'est un homme qui s'attache à la lettre, c'est un homme avant la lettre, après et pendant, а теперь онъ для меня lettre de cachet, то-есть, пропалъ безъ вѣсти.

886.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го сентября 1842 г. [Петербургъ].

Напрасно ты на меня гнѣваешься, что много писемъ твоихъ у меня накопилось. Не забывай, что я весною былъ боленъ, что долго не оправился; былъ долго глупъ и слабъ, а что нужно имѣть сильную голову и даже сильныя руки, чтобы не только понять, но и поднять твои письма. Всѣ письма, которыя подъ моимъ адресомъ относились къ другимъ, были мною немедленно отсылаемы по принадлежности; по крайней мѣрѣ, кажется—всѣ, а если чтò упустилъ или въ чемъ оплошалъ, то прости великодушно. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ твоихъ писемъ еще и хранятся у меня въ моихъ текущихъ бумагахъ, но во всякомъ случаѣ не письма-monstres и не письма, заключающія въ себѣ какія-нибудь любопытныя свѣдѣнія, а письма просто текущія, которыя не годятся ни для „Современника", ни для потомства. У меня есть своя точность, своя аккуратность, не формальная, а реальная; то-есть, тамъ, гдѣ нужно, я аккуратенъ, исполнителенъ и неотлагателенъ; а тамъ, гдѣ должно переливать изъ пустого въ порожнее, для одной очистки канцелярской, тамъ я не обременяю себя пустяками. Въ дѣлѣ я предъ тобою правъ; въ пустякахъ, можетъ быть, виноватъ, сознаюсь. Напрасно сердишься ты и на Плетнева. Онъ былъ бы радъ печатать письма твои цѣликомъ, по крайней мѣрѣ цѣликомъ все любопытное, все европейское, все гуманитарное, но тутъ цен-

сура. Впрочемъ и то, что спасается изъ-подъ ножницъ ея, занимательно и читается публикою съ участіемъ и удовольствіемъ. Что за дѣло, что вчерашнее и прошлогоднее! Не забывай, что мы держимся стараго стиля и считаемъ задними числами. У насъ можно опаздывать не только 12-ю днями, но и 12-ю мѣсяцами и 12-ю годами. Карамзинъ разсказывалъ, что онъ гдѣ-то, кажется въ Бедламѣ, нашелъ сумасшедшаго, который читалъ газету, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ изданную, и замѣтилъ ему о томъ. Тотъ отвѣчалъ ему съ важностью и грустью: „То, что въ вашемъ мірѣ старо, то въ нашемъ еще ново". Журналы наши не Бедламъ, но инвалидный домъ, богадѣльня, вдовій домъ, гдѣ хорошо и то, что не только животрепещущее, но и еле движущееся. Плетневъ съ будущаго года начнетъ выпускать свой „Современникъ", 12-ю книжками, и главную надежду свою полагалъ на твою хронику. Безъ тебя его журналъ будетъ одержимъ хроническою болѣзнью. Не умори его и не умничай, ради Бога! Возврати ему твои письма; онъ приведетъ ихъ въ порядокъ, перепишетъ и представитъ на судъ твой свои выписки. Сдѣлай милость, согласись!

„Додатка" я безъ тебя не получалъ, ни „Revue Indepéndante"; при семъ приложенія къ твоимъ письмамъ.

Правда ли, что ты зимою ѣдешь къ князю Александру Николаевичу? Дѣло хорошее; но надѣюсь, что и къ намъ заѣдешь. Не могу простить тебѣ, что ты не былъ у Жуковскаго. Нужно тебѣ было ѣхать въ Берлинъ за пустяками, переливать изъ пустого въ порожнее и пускать пыль въ глаза, добро еще другимъ, а нѣтъ, себѣ. Въ наши лѣта, братъ, поздно учиться. Смерть скоро всему научитъ лучше твоего Шеллинга. Что тебѣ проживаться на Шеллингѣ, когда Богъ далъ тебѣ нажить Жуковскаго. Вотъ такъ ты искривилъ и искрошилъ всю жизнь свою. Пора одуматься и начать жить, а ты все еще готовишься жить.

Что значитъ въ послѣднемъ письмѣ твоемъ о Софіи Карамзиной — *Катеринентальская идиллія*, *библейская шутка* и *l'ange flamboyant* etc., etc.? Не понимаю. Они будутъ сюда изъ Ревеля недѣли черезъ три. Мещерскіе проводятъ зиму въ деревнѣ около Нарвы. Обнимаю!

887.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го сентября 1842 г. Москва.

Письма твои съ почтой и съ плаксой получилъ; послѣднее вчера только и сегодня же отправляюсь къ нѣкоторымъ изъ сенаторовъ; а вчера она сама была уже у того, къ коему я не поѣду; но мои молитвы здѣсь не такъ доходны. Не могъ ничего по сію пору сдѣлать и для моего соименника, ибо подобными просьбами былъ я уже заваленъ и ничего не успѣлъ: *молодая* княгиня Гол[ицына] еще въ невѣстахъ обѣщала мнѣ помѣстить, въ память ея медоваго мѣсяца, сиротъ; но уѣхала, не простившись, а сироты въ ужасномъ положеніи и съ обманутою надеждой.

Богъ тебѣ проститъ за твою задержку писемъ, а я благодарю за то, что главныя сохранены и въ моемъ владѣніи. Скажи Плетневу, что самъ желаю быть его данникомъ и началъ уже пересмотръ первой части переписанныхъ Е. А. Свербеевой писемъ и надѣюсь скоро прислать ему всю книжку съ отмѣткою того, что̀ должно печатать, но вотъ бѣда: я не знаю, которыя изъ сихъ писемъ были уже напечатаны, ибо сколько ни искалъ здѣсь „Современника“, нашелъ только первые два года у Полевого (Пушкина) и не могу отобрать уже напечатанное: трудъ физическій, но утомляющій, а я такъ занятъ, что не успѣваю дописывать писемъ къ брату и только сегодня, послѣ трехнедѣльнаго молчанія, посылаю ему десятистраничную лепешку съ извѣстіями о Воронцовскомъ условіи съ крестьянами, о моей поѣздкѣ къ Троицѣ, о пересмотрѣ тамъ примѣчательной переписки Платона, гдѣ и письмо батюшки, и переписка о профессорѣ Мельманѣ и пр.

Я заваленъ бумагами, кои стараюсь привесть въ порядокъ, а книги уже перенесъ въ нижнюю комнатку, для меня отдѣланную. Право, хотѣлось бы потѣшить Плетнева, но, не исправивъ писемъ и не отмѣтивъ ихъ, послать ничего нельзя. У меня завязалась такая переписка по другимъ дѣламъ, что я даже и журналъ мой запустилъ. Пришлю ему страницы двѣ изъ письма брата о новой

системѣ, принятой въ управленіи ссыльными на островѣ Norfolk, въ пятой части свѣта. Хоть не веселый предметъ, но примѣчательный; пусть означитъ статью: „Изъ переписки хроникaнта русскаго“.

О коммеражѣ ревельскомъ—на словахъ, хотя къ вамъ и не собираюсь. Я и самъ рву на себѣ волосы, что къ Жуковскому не заѣхалъ, но право нестерпимо ноги болѣли и требовали Киссингенскаго врачеванія; успѣхъ оправдалъ мою поспѣшность; я опять ожилъ ногами и глазами, и опять я — „прежній я“. Напрасно ты упрекаешь мнѣ и трунишь надъ тѣмъ, что гоняюсь за Шеллингами; я ими живу и живъ буду. Я набрался въ Берлинѣ и въ другихъ университетахъ столько духовной жизни, что отъ избытка оной удѣляю и другимъ, когда встрѣчаю охотниковъ, и проживу ею и самъ всю зиму. Я не презираю для сего воспоминаніями прошедшаго и окруженъ ими, и теперь болѣе, нежели когда-нибудь: какіе матеріалы передо мною въ кучахъ бумажныхъ! Недавно оживилъ пепелъ прошедшаго поѣздкою къ Троицѣ, къ празднику, и мнѣ тамъ такъ понравилось, что весною ворочусь туда. Я нашелъ тамъ и людей достойныхъ, и книги прекрасныя, и радушіе христіанское, и гостепріимство для бѣдныхъ, коимъ былъ тронутъ до глубины сердца; нашелъ въ Виѳаніи и гробъ Платона, и домикъ его, и соломенную шляпу, и жесткую кровать, и—переписку, которая заслуживаетъ быть извѣстною, напримѣръ о профессорѣ Мельманѣ и пр. Я вспомнилъ наши поѣздки туда съ батюшкой и съ Лопухинымъ; но странно, что изъ предметовъ, мною тогда видѣнныхъ, возобновились въ памяти только кабинетъ или салонъ Платона, гдѣ и Филаретъ принимаетъ, надгробный Лопухинскій камень, надъ головою Петромъ I разсѣченный, и церковь-игрушка на горкѣ, въ Виѳаніи. Я выслушалъ въ два дня вечерню, всенощную, обѣдню, нѣсколько молебновъ и обѣдалъ въ общей трапезѣ съ Филаретомъ и съ монахами, и съ отшельникомъ отъ синода А. Н. Мурав[ьевымъ]; осмотрѣлъ библіотеку, академическія рукописи, ризницу, кухню и видѣлъ, какъ митрополитъ съ галлереи благославлялъ сухихъ и хромыхъ, чающихъ движенія воды и горячихъ щей и пива. Картина трога-

тельная: чего у меня не лѣзло въ голову! И письмо къ брату вздулось до десяти страницъ мелкаго писанія.

Я позволилъ Войцеховичу взять у тебя книгу о римской церкви въ Россіи; но теперь прошу поскорѣе прислать сюда, такъ какъ и другія, тебѣ ненужныя; поищи около себя и вышли; но особенно прошу о книгѣ статскаго совѣтника и кавалера.

Нельзя ли тебѣ напомнить Сербиновичу, что ожидаю и отъ него отвѣта. Сбираюсь къ Свербеевой на недѣлю, и это—помѣха для писемъ Плетневу, такъ, какъ была и Троицкая поѣздка, но отложить нельзя, ибо и тамъ еще много писемъ моихъ не переписанныхъ. Надѣюсь встрѣтить здѣсь Валуевыхъ на возвратномъ пути къ вамъ. Пошлю къ твоему управителю справиться, когда будутъ. Въ Остафьево не удалось съѣздить, потому что ежедневно видѣлъ или ожидалъ къ себѣ Старынкевича, съ коимъ не могъ въ нѣсколько ночей наговориться, „времена древнія и настоящія вспомянухъ“. Видѣлъ и Вигелька, и какъ скоро переберется на новую квартиру, буду читать его біографическія записки. Мнѣ весело съ нимъ, но фанатизмъ его отвратительный и многое объяснилъ мнѣ. Завтра обѣдаю съ нимъ у сосѣдки Яковлевой, а сегодня съ Анд[реемъ] Мур[авьевымъ] у его тетки.

Хомяковъ въ деревнѣ до первой пороши; съ Кирѣевскимъ часто провожу вечера; Павловыхъ еще не видѣлъ; у Вѣры Анненковой обѣдалъ 17-го сентября, съ коимъ и тебя поздравляю. Въ прочемъ живу съ своими и зачитываюсь въ своей каморкѣ въ „Дебатахъ“, „Revues des deux mondes“ и „Парижской“, но особенно въ универсальной и основательной „Аугсбургской Газетѣ“. Читалъ ли о Мицкевичѣ и о его „Пророкѣ“, о коемъ въ „Газетѣ“ дурная слава, такъ какъ и о самомъ Мицкевичѣ въ живой газетѣ. Досадно, что нѣтъ ни „Додатка“, ни „Semeur“. Впрочемъ, я доволенъ европейскимъ чтеніемъ, и для меня вышеозначенныхъ вѣстниковъ достаточно: лишь бы время было. Бываю у вдовы Орловой: она трогательна достоинствомъ въ своемъ положеніи. Графъ Закревскій и графъ Орловъ—опекуны, но есть неумолимые заимодавцы.

Чаадаевъ все считается визитами и мѣстничествомъ за обѣдами

и на канапе. Видаемся рѣдко, но по зимнему пути буду часто ѣздить къ нему и постараюсь обратить гнѣвъ на милость.

Былъ у министра Киселева совѣтоваться о своихъ крестьянахъ: доволенъ имъ и постараюсь воспользоваться примѣромъ графа Воронцова, хотя и досадно уступить ему въ первенствѣ.

Собрался съ силами и переписалъ кое-что изъ письма брата и снабдилъ, если и не обогатилъ, замѣчаніями. Но пропустятъ ли? Отошли Плетневу при моемъ поклонѣ и въ задатокъ или въ залогъ будущихъ благъ изъ старой моей котомки. Годятся ли ему *серьезныя* сообщенія?

Справься подъ рукою: правда ли, что пенсіи не высылаются за границу, а что ихъ можно получать только внутри имперіи; но что, давая довѣренность другому и не упоминая объ отъѣздѣ за границу, можно продолжать получать; но какъ же высылать довѣренность безъ свидѣтельства полицейскаго и какъ достать свидѣтельство въ Москвѣ, когда живешь въ чужихъ краяхъ? Я бы на всякій случай желалъ знать предварительно, на что̀ считать, а по одежкѣ протягалъ бы ножки. Можно ли съ помощію министра финансовъ устроить безостановочное полученіе пенсіи и въ чужихъ краяхъ?

Приписка А. Я. Булгакова.

Вотъ тебѣ письмо одного Александра къ другому. Право, некогда сегодня писать, а развѣ только можемъ обнять Петра. 29-го (по твоему).

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ.

888.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го октября 1842 г. 10-й часъ утра. [Москва].

Сейчасъ видѣлся опять съ твоей плаксой; она ожидаетъ присылки сюда дѣла съ нетерпѣніемъ, ибо оно еще не прислано, и она не хочетъ и всѣхъ писемъ развозить прежде присылки дѣла, дабы сенаторы его не забыли: была только у князя Гагарина и

у Жихарева. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что согласятся съ министромъ. Присылайте же дѣло поскорѣе. Экипажъ ея лѣтній, а придется плыть зимою.

Булгаковъ доставилъ мнѣ кучу печатныхъ листковъ, въ послѣдній годъ пересланныхъ изъ Парижа; но книги о римской церкви все нѣтъ, а мнѣ нужна она здѣсь, и я не хочу, чтобы она ходила по рукамъ въ Петербургѣ. Не давай и Войцеховичу, а сюда пришли. Нѣтъ ли также и другихъ книгъ, кои не по твоей а по духовной части, напримѣръ:

1) *Combalot* — „Connaissance de Jésus Christ", grand in 8^0;

2) „Histoire de l'hérésie" (octave-brochure);

3) *Lamennais* — „Отрывки", 8^0, съ книгою о римской церкви посланные и съ „Минервой", на нѣмецкомъ.

Высылай, если не нужны, а о римской церкви непремѣнно. Я перебираюсь еще въ другую комнату, но уже разобралъ бумаги и отложилъ письма свои; нужно пополнить ихъ тѣми приложеніями, о коихъ въ нихъ упоминаю, и кои ты теперь доставилъ мнѣ. Постараюсь исполнить это поскорѣе, но часто ни глазъ, ни времени не достаетъ; доказательство сему, что еще не успѣлъ справиться, какія печатныя книги и сколько экземпляровъ переслано изъ Петербурга и какія тамъ еще въ шести тюкахъ у Ѳ. И. Прянишникова. Для сего нуженъ отвѣтъ и отъ Сербиновича. Поторопи его. Не бываетъ ли у тебя берлинскій полякъ, что у барона Мейендорфа учителемъ, издавшій писателей о Россіи? Скажи и ему, чтобы отвѣчалъ мнѣ, или скажи ему это чрезъ Сербиновича.

Доставитъ ли мнѣ Плетневъ „Современникъ" съ моими письмами или хотя выдержки, или мнѣ самому отбирать ихъ, то-есть, мои въ немъ письма? Я не знаю всего, что напечатано и не по чему справиться. И Полевого экземпляръ держу, не трогая, опасаясь невозможности возвратить, если изъ Петербурга не вышлютъ.

Я сбираюсь къ Свербеевымъ въ деревню, но еще хлопотно, да и Валуеву ожидаю сюда. Я собирался въ Крымъ, но не знаю полезенъ ли я тамъ буду? Неизвѣстность сія не рѣшила меня на поѣздку; ожидаю возврата Муравьева изъ Кіева. Впрочемъ, если

начну устроивать контракты съ крестьянами и, слѣдовательно, переписываться о семъ съ Аржевитиновымъ, то невозможно будетъ отлучиться отсюда; а можетъ быть понадоблюсь и въ Симбирскѣ. Если узнаешь, что контрактъ графа Воронцова по Мурину утвержденъ, то увѣдомь. Графъ Киселевъ давалъ мнѣ читать копію съ онаго, но въ ней могли быть сдѣланы перемѣны.

Что̀ Жуковскій? Что̀ Вяземскій? Обними ихъ при свиданіи или письменно. Великій князь Михаилъ Павловичъ утѣшаетъ въ Кіевѣ князя Александра Николаевича.

Сколько любопытнаго нашелъ я и въ лаврѣ! Но куда дѣну всѣ мои сокровища? Читаю „Москвитянинъ": много любопытныхъ статей или документовъ.

Ты мнѣ прислалъ только четыре листа твоего „Фонвизина" въ Парижъ; я отдалъ ихъ Мицкевичу, обѣщая и продолженіе, которое ты можешь послать въ Парижъ, на мое имя: № 14, rue Neuve de Luxembourg, хотя я и не хотѣлъ бы съ нимъ знаться послѣ того, что здѣсь о немъ слышалъ, а мнѣ присылай сюда второй экземпляръ для меня, и полный. Да кончилъ ли ты эту біографію? Воспользовался ли моими нотицами? Получилъ ли ихъ? Да что ты не напечатаешь всего себя? И твоему карману, и публикѣ было бы хорошо.

3-го октября.

Сейчасъ опять заѣзжала плакса: дѣло получено, и я прослалъ ее по сенаторамъ, и самъ попрошу, кого могу; нигдѣ никого не вижу, ибо нигдѣ никого нѣтъ. Обращусь сегодня же къ оберъ-прокурору графу Толстому, но, кажется, дѣло и безъ большихъ хлопотъ уладится.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

889.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го октября 1842 г. Москва. 3 часа по-полудни.

Сейчасъ встрѣтилъ Валуева: они не дали мнѣ [знать] о пріѣздѣ, а подлѣ меня живутъ. Ѣдутъ завтра; обѣдаю съ ними;

послѣ обѣда—у Мещерскихъ, хотя они и не стоютъ такой жертвы. Они ѣдутъ въ театръ. Я возвратился изъ теремовъ съ Муравьевымъ.

Получилъ сегодня же твое письмо, съ письмами, съ Нар[ышкинымъ] посланными. А я его упрашивалъ отдать немедленно. Скотина! Пора отдыхать послѣ обѣда, и на другой! Что за Кремль! Что за Москва! Заѣзжай сюда, пока дворецъ не достроили, а то ни его изъ Москвы, ни Москвы съ Кремля не увидишь. И Спаса на Бору взяли во дворъ или ко двору. Право, во мнѣ бьется русское сердце, хотя я и не Андрей Муравьевъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

890.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го октября. Воскресенье, 7 часовъ утра. [Москва].

Податели разскажутъ тебѣ о нашемъ вчерашнемъ свиданіи; я надѣюсь съ ними видѣться сегодня и проститься, но если Воробьевы горы и дождь, ливмя льющій, задержатъ меня, то скажи имъ за себя: „здравствуйте“ и за меня—„простите“. Очень досадно, что не успѣлъ до сыта наслушаться милую коммеражницу; вчера же пріѣхали и Сушковы изъ Клина, коихъ я дожидалъ здѣсь.

Прочелъ письмо, съ Нарышкинымъ посланное, и еще болѣе на него взбѣсился. Я помню, что упрашивалъ его, и онъ обѣщалъ непремѣнно доставить. Можно ли теперь огласить его? Тогда оно бы произвело свое дѣйствіе. Напечатаетъ ли его „Современникъ“, и когда? Отъ старости извѣстій все въ немъ блекнетъ и теряетъ свѣжесть запаха. Трудно осудить себя на такую запоздалость. Для него и то хорошо, но для корреспондента? Я все еще не выберусь изъ хаоса моего архива и особенно моей корреспонденціи. Тогда можно было и такъ печатать, какъ писано, или съ немногими поправками въ слогѣ и съ поясненіями, но теперь — невозможно: нужно и пояснить, и пополнить; а ты знаешь, по собственному опыту или примѣру, ибо ты и не пытался издавать себя, какъ

трудно приняться—и за свое дѣло. Еще досаднѣе, если я выправлю и приготовлю для журнала то, что въ немъ уже напечатано. Прости! Высылай книгу о римской церкви.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

891.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Начало октября]. С.-Петербургъ.

Я передалъ Плетневу твою выписку и твои благія обѣщанія и просилъ его переслать къ тебѣ весь свой „Современникъ". Я не видалъ его съ тѣхъ поръ и не знаю, пригодится ли ему твоя статья, вовсе не литературная, и угодитъ ли она цензурѣ. Впрочемъ, я совершенно согласенъ съ лордомъ Джономъ Русселемъ и на его мѣстѣ также приказалъ бы уволить филантропа-капитана. У него умъ за разумъ, или сердце за разумъ зашло. Не надобно пересаливать, но не хорошо и пересахаривать. Всѣ эти тюремные концерты, спектакли и иллюминаціи никуда не годятся. Какъ ни говори, а тюрьма должна быть пугаломъ, и если не адомъ безнадежнымъ, то по крайней мѣрѣ строгимъ чистилищемъ. Будь тюрьма мѣсто злачное и привольное, гдѣ и сытно, и весело, то честнымъ бѣднякамъ, несущимъ смиренно и терпѣливо бремя и крестъ нищеты и нуждъ, придется завидовать преступникамъ. Если концерты и спектакли служили бы училищемъ нравственности, то спроси у своего капитана, отчего такъ часто честные люди возвращаются домой изъ спектакля безъ носовыхъ платковъ, часовъ и карманныхъ книжекъ? Тихими, увеселяющими средствами и развлеченіями лѣчатъ иногда безумныхъ, и то не всѣхъ; но если подвести преступленіе подъ статью: болѣзнь и безуміе, то это заведетъ слишкомъ далеко. Все, чего вправѣ требовать благоразуміе и обдуманное человѣколюбіе отъ тюремнаго содержанія и правленія (régime), есть то, чтобы въ тюрьмѣ не портилось здоровье и не перепорчивалась уже испорченная нравственность. Все излишнее кажется мнѣ вреднымъ умничаньемъ и вредною филантропоманіей. Заводить въ тюрьмахъ школы нравственности

есть несбыточное требованіе. Заводите ихъ внѣ тюрьмы и до тюрьмы, а тутъ уже поздно. Стремленіемъ къ недостижимой цѣли теряете вы изъ виду прямую пользу, которая у васъ подъ рукою. Отъ ортопедическихъ институтовъ не ждите Аполлоновъ Бельведерскихъ. Хорошо и то, если удастся горбъ нѣсколько стѣснить и помѣшать ему рости. Цѣню и хвалю побужденіе, которое руководствовало капитаномъ и другими капитанами и тайными совѣтниками въ подобныхъ предпріятіяхъ и въ подобномъ образѣ мыслей, но говорю, что эти капитаны и тайные совѣтники люди непрактическіе и лунатики, умозрители, и что по ложному направленію ума и ложному состраданію они готовы щадить и холить преступниковъ и губить общество. Прекрасное, святое дѣло отстаивать права меньшихъ братьевъ и слабыхъ противъ старшихъ и сильныхъ, но нужно ясно опредѣлить, кто слабый и кто сильный, кто притѣснитель и кто жертва. Я говорю, что въ этомъ случаѣ сильный и притѣснитель, настоящій Каинъ, есть тотъ самый Ванька Каинъ, о которомъ вы исключительно хлопочете; а жертва, беззащитный Авель, есть общество; что тиранъ былъ чухонецъ, который застрѣлилъ Гагарина, а Гагаринъ былъ его жертва и что, слѣдовательно, наказаніями должно сколько можно ограждать безопасность общества и будущихъ Гагариныхъ отъ чухонцевъ и злодѣевъ, на нее посягающихъ: иначе нѣтъ общества, и лучше жить въ дикомъ лѣсу съ звѣрями. Всѣ эти концерты и спектакли и театральныя представленія на Воробьевыхъ горахъ вздоръ и вздоры. Добро не такъ и не тутъ дѣлается. Примѣрная честность твоихъ ссыльныхъ, которые за пять рублей душегубствовали и жгли, или готовы были жечь и душегубствовать, если не удалось бы имъ ограбить просто, есть такая же аберрація, какъ и иллюминація твоего капитана. Неужели всѣ назначенные у насъ къ ссылкѣ невинно осуждены? Или почему же до осужденія они были разбойниками, а послѣ сдѣлались честными людьми, которые отказываются отъ вторичнаго подаянія, чтобы не взять грѣха на душу или не обидѣть товарища:

Другого и обидѣть можно,
А Боже упаси того!

А почему же, когда раздаешь милостыню нищимъ, то едва ли

одинъ изъ нихъ откажется отъ подобной ошибки? Неужели должно вообще признать за правило, что разбойники и заявленные воры чище и безкорыстнѣе нищихъ и тунеядцевъ, по крайней мѣрѣ не человѣкоѣдовъ, промѣнивающихъ жизнь ближняго на кусокъ купленной говядины или на штофъ водки? Или, стало быть, наши остроги—примѣрныя заведенія въ этомъ родѣ, и преступникъ, просидѣвшій въ нихъ нѣсколько лѣтъ или нѣсколько мѣсяцевъ, выходитъ изъ нихъ на Воробьевы горы чистою голубицею? Видишь ли, куда заноситъ васъ страсть декламаторствовать на словахъ и на дѣлѣ; памфлетничать, если не въ журналахъ, то на Воробьевыхъ горахъ,—страсть этой политической и протестующей филантропіи, которая — виноватъ, не сердись — есть болѣе плодъ накопившейся желчи, нежели небесной манны чистой любви, которой въ душѣ твоей много, но которой тебѣ недостаточно потому, что она *долготерпитъ, не превозносится, не раздражается, не помнитъ зла*, а ты лелѣешь любовь воинственную, критикующую, мстительную, осуждающую etc., etc. Воля твоя, ты самъ по себѣ гораздо умнѣе, нежели когда разыгрываешь роль ученика и адепта Шеллинга (котораго ты, опять, воля твоя, не понимаешь, головою отвѣчаю; не понимаешь именно отъ того, что ты слишкомъ уменъ и не можешь довольствоваться несвязнымъ и темнымъ понятіемъ, какъ, напримѣръ, издатели „Отечественныхъ Записокъ"), и въ душѣ своей ты гораздо добрѣе и выше, и богоугоднѣе, нежели на филантропической сценѣ Воробьевыхъ горъ, гдѣ ты дѣлаешь добро не такъ, чтобы лѣвая рука не вѣдала, что творитъ правая, а напротивъ, обѣими руками печатаешь оппозиціонную статью противъ Уголовной палаты и всѣхъ палатъ, и всѣхъ право-или кривоправящихъ и тому подобное. Вотъ что̀ меня бѣситъ въ тебѣ. Вотъ отъ чего ты не заѣзжалъ къ Жуковскому. Вотъ отъ чего ты свѣтлый свой умъ и свѣтлую свою душу наряжаешь въ разныя пестрыя ветоши, которыя огорчаютъ твоихъ друзей и за которыя съ радостью хватаются твои недоброжелатели.

Возвращаясь къ твоему капитану, утверждаю, что *наказаніе* нужно и *устрашеніе* нужно, кто что̀ ни говори и какъ ни мудрствуй. И самъ Богъ ничего другого не пріискалъ, а доказательство тому — *потопъ*. Ты скажешь, что онъ немного помогъ и

исправилъ: это—другая статья. Кстати, вспоминаю письмо ко мнѣ Сильвіо Пелливо въ отвѣтъ на мои сужденія противъ смертной казни: „Je ne suis pas de ceux qui *s'attendrissent sur le monstre* (слышите ли?) et qui aboliraient volontiers *l'épouvantement de la vengeance publique* (слышите ли?). L'auteur d'un crime atroce a encore des droits à nos consolations religieuses, à nos prières; il n'en a point *à l'indulgence* qui lui épargnerait une peine des plus terribles. Je ne partage pas même votre sentiment contre la peine de mort, quoique je sens toute la gravité des raisons que vous m'apportez. Dans ces matières, il n'y a qu'un voeu à former, c'est que les juges ayent une conscience, et certes le cas contraire est rare, plus que les *déclamateurs* ne le supposent. Oui, rare, mais, hélas, il existe. C'est un fléau qui échappe aux règles, comme un incendie, un tremblement de terre. Les trésors de la bonté de Dieu sont là pour réparer, pour souvenir, pour suppléer abondamment. Le vrai malheureux n'est que le méchant."

Если у тебя есть время и деньги и теплыя слезы на добрыя дѣла, на уврачеваніе язвъ, то найдешь много случаевъ и много мѣстъ для утоленія твоей христолюбивой жажды и безъ Воробьевыхъ горъ. Тутъ какое добро можешь ты, сдѣлать? Раздать нѣсколько рублей, которые, не во гнѣвъ будь тебѣ сказано, будутъ пропиты съ проводниками, то-есть, съ честною командой на первыхъ 25-ти верстахъ. Понимаю, что можно посвятить себя служенію преступниковъ, то-есть, врачеванію ихъ души, и это едва ли не высшій подвигъ; но это не ограничивается тѣмъ, чтобы дать преступнику калачъ, погладить его по головкѣ и дать ему почувствовать, что о немъ жалѣешь, какъ о жертвѣ беззаконности судей, ибо такое изъявленіе сострадания есть также верховное преступленіе противъ общества. Молясь о преступникѣ, говори: „Помяни его, Господи, во царствіи твоемъ!" Въ *твоемъ*—да, но въ *нашемъ*—предавай его дѣйствію закона и ищи другихъ несчастныхъ, которыхъ много и которымъ можешь доброхотствовать, не нарушая гражданственныхъ необходимостей. Если ты тюремщикъ, то дѣло другое; ты дѣйствуешь въ кругу своемъ, но для тебя всѣ переулки открыты, вездѣ есть страждущее человѣчество. Что за необ-

ходимость ѣздить на Воробьевы горы, se poser là en avocat de l'humanité и говорить: „Смотрите на меня!"

Если на то пошло, чтобы ссориться мнѣ съ тобою et pour me donner le coup de grâce à vos yeux, скажу тебѣ, что на вопросъ твой о Воронцовѣ и о томъ, чтó творитъ онъ въ Муринѣ, ничего сказать не могу, потому что *пустяками* заниматься не люблю, то-есть, пустяками, прикрытыми личиною важности, или важнымъ дѣломъ, когда оно окорочено подъ мѣру пустяковъ. Это опять иллюминація твоего капитана, которая бросается въ глаза зѣвакъ и послѣ которой такъ же холодно и темно, какъ и прежде. А я люблю солнце, потому что оно грѣетъ и свѣтитъ, а за неимѣніемъ солнца люблю хоть сальную свѣчку да печку, а не ваши потѣшные огни. Во всемъ этомъ нѣтъ ни на грошъ, ни на волосъ существеннаго. Мѣра несбыточная, безплодная: все это бумага, бумажный змѣй, который трещитъ и будто летаетъ, а на дѣлѣ стоитъ на воздухѣ.

Каково желчь моя разыгралась? Я ужъ и не радъ, что все это наблевалъ, но написаннаго не вырубишь топоромъ. Главное здѣсь—мое прямое, глубокое убѣжденіе, что ты очень уменъ и очень добръ, и потому досадно мнѣ, когда вижу, что ты этотъ умъ и эту доброту силишься мишурить у Шеллинга и на Воробьевыхъ горахъ. Ты скажешь мнѣ, что это тебя занимаетъ и веселитъ. Тогда и говорить нечего; я совершенно буду согласенъ съ тобою и готовъ признаться, что меня иногда занимаютъ и веселятъ пустяки еще и этихъ пустѣе, но я, по крайней мѣрѣ, не морочу ни себя, ни другихъ и не выдаю этихъ пустяковъ за дѣло важное, не превозношусь ими. Того же ожидаю и отъ тебя. Аминь!

892.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8-го октября 1842 г. Москва.

Въ проѣздъ мой чрезъ Берлинъ я отдалъ секретарю французской миссіи Montessu для отправленія въ Парижъ, на мое имя или брата, два пакета съ нужными ему книгами. Монтессю,

въ присутствіи тогда въ Берлинѣ и барона д'Андре, обѣщалъ мнѣ немедленно отправить ихъ, но братъ и по 2-е октября новаго стиля не получалъ ничего. Пожалуйста, попроси барона д'Андре отъ меня написать къ Монтессю о скорѣйшемъ доставленіи сихъ двухъ пакетцовъ въ Парижъ; а если уже отправлены, то увѣдомить, когда и куда: въ министерство ли? Тогда бы я поручилъ брату выправиться о нихъ гдѣ должно.

Не знакомъ ли ты съ учителемъ дѣтей барона Мейендорфа (берлинскаго), Старчевскимъ (Альбертъ Викентьевичъ), польскимъ литераторомъ, издателемъ русской старины, теперь въ Петербургѣ находящимся? Монтессю сказалъ ему, что пакетъ мой давно отправленъ былъ въ Парижъ (кажется, одинъ, а не два было всего). Я пишу сегодня же къ Старчевскому, поручая ему, если для него не затруднительно, осмотрѣть и отобрать шесть тюковъ съ книгами, изданными Археографическою коммиссіей, и переслать ко мнѣ нѣсколько листовъ рукописей, въ Берлинѣ имъ для меня списанныхъ. Если ты его встрѣчаешь, то спроси его, отвѣчалъ ли онъ мнѣ? А если ты его знаешь, то какъ ты думаешь о немъ: исправно ли онъ выполнитъ мое порученіе? Въ Берлинѣ я имъ былъ очень доволенъ; изъ Петербурга онъ писалъ ко мнѣ разъ; 5-го сентября я отвѣчалъ ему, послалъ довѣренность, какую онъ отъ меня требовалъ, но онъ уже съ тѣхъ поръ ко мнѣ ни слова, а я ожидалъ немедленнаго отвѣта и присылки листовъ, кои бы могъ онъ отдать или тебѣ, или Сербиновичу для отсылки ко мнѣ. Откликнись о немъ, что знаешь. Я затерялъ адресъ его, но знаю, что въ Гороховой улицѣ; впрочемъ, знаютъ и у Сербиновича. Кланяйся своимъ пріѣзжимъ. Скажи имъ, что въ воскресенье съ Воробьевыхъ горъ, не смотря на проливной дождь, заѣзжалъ къ нимъ, но и слѣдъ простылъ. Вчера провелъ вечеръ у милыхъ княженъ Мещерскихъ. Сегодня съ ними же проведу у Ховриныхъ. Княжна-дочь все кашляетъ, отъ 6 до 8 ежевечерно.

Сбираюсь на недѣлю къ Свербеевымъ въ Солнушково, откуда получилъ вчера милое приглашеніе, но не знаю, какъ сладить съ книжными и письменными хлопотами.

Пожалуйста, высылай книгу о Римской церкви въ Россіи. Братъ пишетъ, что скоро выйдетъ третья часть „Исторіи десяти лѣтъ"

L. Blanc, и что авторъ сказывалъ ему, что она интереснѣе двухъ первыхъ. Я писалъ къ брату, чтобы твой экземпляръ высылалъ сюда, но какъ? Не уладишь ли и этого съ барономъ д'Андре? Если я получу, то пошлю къ тебѣ; если ты получишь прежде, то пришли на время, прочесть: возвращу скоро. Баронъ д'Андре могъ бы сказать, кому долженъ братъ отдать пакетъ и на чье имя. Я бы написалъ и о польскомъ журналѣ.

Я слышалъ чтеніе Загоскина новаго романа: „Москва за сорокъ лѣтъ и Москва нынѣ". Въ первой эпохѣ: графъ Алексѣй Орловъ и балы его, князь Дашковъ и танцы его, Н. Д. Офросимова и рѣчи ея, князь Несвицкій и продажа въ его салонахъ галантерейныхъ вещей. Москва вѣрно описана, но только *гостинская*, въ смѣшномъ видѣ и съ кваснымъ патріотизмомъ; во второй—много также знакомыхъ лицъ, и опять довольно вѣрно, но опять квасной патріотизмъ, и напримѣръ: князь Михаилъ Александровичъ Голицынъ слишкомъ обруганъ за его житье въ чужихъ краяхъ и за мнимое презрѣніе къ Россіи. Я сначала подумалъ, что обо мнѣ рѣчь идетъ, но услыхавъ о 10000 душахъ, коими князь-чужелюбецъ владѣетъ, успокоился. Сатира, или картина довольно оживленная, но заживо ничего не задѣваетъ. Все на поверхности общества—и lieux communs на счетъ москвичей: все кислыя щи, не шампанское. Недавно провелъ я любопытныхъ полтора часа въ разговорѣ съ Филаретомъ, но подслушивалъ насъ Кашинцовъ, и я увѣренъ, что перетолкуетъ чортъ знаетъ какъ. Онъ спросилъ у Андрея Муравьева, съ нимъ ли я къ Филарету пріѣхалъ? Я отправилъ къ Филарету для разсмотрѣнія дюжину фоліантовъ и нѣсколько другихъ рукописей, послѣ батюшки оставшихся и весьма драгоцѣнныхъ по духовно-церковной части. Въ воскресенье обѣдалъ у здѣшняго альдермана Прохорова на Вшивой горкѣ.

Я не могъ отыскать адреса г. Старчевскаго, хотя знаю, что въ Гороховой улицѣ: отошли чрезъ Сербиновича или въ Археографическую коммиссію, коей онъ корреспондентъ; слѣдовательно, въ Министерствѣ просвѣщенія должны знать, гдѣ живетъ Старчевскій.

893.

Князь Вяземскій Тургеневу.

11-го октября. [Петербургъ].

Я не читалъ „Аугсбургской Газеты“ и не понимаю, что значитъ и кто быть должна *живая газета*, и что̀ ты могъ слышать предосудительнаго о поэтѣ? Надѣюсь и внутренно убѣжденъ, что все это пустяки и глупыя сплетни. Въ которомъ номерѣ газеты напечатана эта статья?

Изъ книгъ твоихъ, кромѣ одной, у меня нѣтъ, по крайней мѣрѣ на виду, то-есть, на столахъ моихъ, и едва ли есть гдѣ въ завалѣ. Оставшуюся книгу дочитываю и на дняхъ вышлю.

Возвратившаяся изъ-за границы Туманская-Опочинина на тебя жалуется и велѣла сказать тебѣ, что ты поступилъ съ нею безсовѣстно и гадко. Что ты ничего не говоришь о кузинѣ ея, Голицыной-Толстой, которая въ Москвѣ? Мой „Фонвизинъ“ къ концу года выйдетъ. Вотъ еще твое письмо, поздно полученное.

Здѣсь былъ твой гаванецъ Mons и вчера отправился обратно чрезъ Варшаву. Онъ очень добрый малый и у насъ нѣсколько разъ чайничалъ вечеромъ. Этотъ путешественникъ не въ твоемъ родѣ, а нѣсколько въ моемъ. Ничего почти не видалъ и не хотѣлъ ничего видѣть, une espèce de voyageur qui se repose; c'est la bonne espèce.

Я вчера видѣлъ д'Андре, и онъ увѣрилъ меня, что Montessu долженъ былъ переслать твои пакеты, потому что въ недавнемъ времени проѣхали чрезъ Берлинъ два курьера. Твоего Старчевскаго вовсе не знаю; письмо къ нему переслалъ.

У меня есть готовое для тебя письмо, въ которомъ ругаюсь съ тобою или ругаю тебя. Пришлю его, когда желчь еще разыграется. А теперь пока прости и миролюбиво обнимаю.

Вчера слышалъ я, что Старчевскій уѣхалъ въ Берлинъ. А Старынкевичъ долго ли жилъ въ Москвѣ?

894.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го октября. [Москва].

Вчерашнее письмо пойдетъ сегодня. Вчера же получилъ твое отъ 11-го. Высылай скорѣе желчное письмо на меня. Да за что же сердишься? Кажется, я давно ничѣмъ не провинивался. О Мицкевичѣ слухи отъ васъ же, то-есть, изъ Варшавы, а въ „Аугсбургской Газетѣ“ только статья о немъ. Получилъ ли съ письмомъ, недавно высланнымъ чрезъ московскаго купца, лекцію о мартинистахъ, князя Гагарина рукою писанную: пришли ее. У меня нѣтъ и копіи, такъ какъ и диссертаціи француза о духоборцахъ.

Предъ Туманской я точно виноватъ, но я уѣзжалъ куда-то во время ея пребыванія въ Парижѣ: кажется, въ Шанрозе и возвращался только на часы въ Парижъ; да и съ мужемъ порядочно знакомъ не былъ; да и слышалъ въ то же время, что онъ гвардейскій драчунъ съ солдатами. Съ братомъ его былъ знакомъ, но въ Киссингенѣ онъ мнѣ очень не поправился: энтузіастъ чиновникъ. Но я не хочу снова тревожить желчь твою, да и недосугъ: біографіи Новикова, Лопухина, Гамалѣи — еще передо мною: прелесть, хотя и дурно писано! Я дополню своими свѣдѣніями и матеріалами. Въ Геліополисъ-Солнушково къ Свербеевымъ не поѣхалъ, а писалъ туда съ Валуевымъ. Вчера простился съ княземъ Оболенскимъ. Скажи ему, что Старчевскій уѣхалъ въ Берлинъ, и что онъ съ нимъ можетъ переговорить о моихъ порученіяхъ, да повторю: 1) отправить изъ Берлина письмо къ брату, по почтѣ; 2) пакетецъ съ „Курдюковой“ Мятлева и „Гречемъ“ пароходомъ съ оказіей.

У меня и здѣсь хлопоты: процессъ кузины и смерть Софьи И. Телепневой, племянницы князя Козловскаго, съ коей сестрица была въ дружбѣ; завтра хоронимъ; мать въ отчаяніи, ибо одинъ сынъ—повѣса, другой въ Варшавѣ. Мятлева слышалъ цѣлый день и часть ночи: разспроси его самъ.

Старынкевичъ давно уѣхалъ. Мы провели съ нимъ три ночи и одну, въ числѣ оныхъ, съ Вигелемъ. Honni soit qui mal y pense!

Это были notte romana, а не греческія. Вчера обѣдалъ у Шепинга съ Чаадаевымъ, который спрашивалъ тебя о grand chiffonnier. Мы рѣдко встрѣчаемся. По первому снѣгу поѣду къ нему.

Слетѣлись уже многіе, и князя Долгорукова увижу сегодня; но право времени нѣтъ, потому что рукописей много. Нѣтъ ли у тебя „Слова о пьянствѣ“, говореннаго однимъ изъ сельскихъ священниковъ близъ С.-Петербурга. 1838. Цѣна 15 к. сер.: въ Вольномъ экономическомъ обществѣ, у книгопродавца Андрея Пьянаго, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви. Здѣсь не отыщешь. Правда ли, что Смирновы развелись? Здѣсь прошли эти слухи; жаль и за нихъ, и за разводчика!

Вышли свою біографію Фонвизина въ Парижъ, на мое имя (безъ А.): 14, rue Neuve de Luxembourg, и Мицкевичу другой экземпляръ. У него твои, мнѣ присланные, первые четыре листа.

Если будетъ оказія, то можно чрезъ барона д'Андре отправить отданныя князю Оболенскому двѣ книжки къ брату: ты можешь приложить и „Фонвизина“.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

895.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го октября 1842 г. Москва.

Вчера получилъ я изъ Парижа письмо отъ 17 октября, изъ коего выписываю для тебя или для „Современника“ нѣкоторые факты и размышленія по случаю оныхъ, кои могутъ быть примѣнены и къ практикѣ финансовъ въ Россіи.

„Мы имѣли сегодня визитъ генерала П[епе], неаполитанскаго proscrit изъ Парижа; онъ сказывалъ намъ о возникшей-было ссорѣ между академикомъ Libri и философомъ Кузенемъ. Libri написалъ недавно статью о Паскалѣ, въ „Revue des deux mondes“, въ коей довольно строго говоритъ о мнѣніи Кузеня о Паскалѣ. Кузень прогнѣвался и отзывался невыгодно о Libri. Сей послѣдній послалъ къ нему двухъ пріятелей требовать удовлетворенія. Кузень назна-

чилъ съ своей стороны Mignet и кого-то другого. Изъяснялись, и дѣло не дошло до дуэли. Libri весьма замѣчательный человѣкъ, и если бы онъ ссорился только съ Кузенемъ и тому подобными, то бѣда была бы не велика. Къ несчастью, онъ въ сильной враждѣ и съ Араго, и трудно разобрать, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ“ (Я сообщалъ вамъ изъ Парижа о находкѣ Libri рукописей Наполеона, о коихъ статья его была также въ „Revue des deux mondes“: не знаю, издалъ ли онъ сіи рукописи?).

„За недостаткомъ политическихъ новостей, журналы толкуютъ о различныхъ матеріальныхъ улучшеніяхъ. Въ семъ отношеніи „Journal des Débats“ содержитъ иногда весьма любопытныя статьи. Недавно онъ осуждалъ стремленіе Сѣверной Америки къ поддержанію ея мануфактуръ и доказывалъ доводами разсудка и шифрами, сколь эта покровительствующая мануфактурамъ система вредитъ истиннымъ и общимъ интересамъ Соединенныхъ штатовъ. Всѣ его разсужденія объ Америкѣ могутъ быть приложены къ Россіи. Если бы и у насъ потрудились исчислить всѣ невыгоды и убытки, кои терпитъ государство отъ покровительства фабрикъ, ко вреду земледѣлія, то нашли бы, что безъ фабрикъ Россія была бы и богаче, и сильнѣе. Въ теперешнемъ положеніи Россіи фабрики не могутъ усовершенствоваться иначе, какъ на счетъ (aux dépens) различныхъ отраслей земледѣлія и торговли иностранной. Во Франціи тѣ же неудобства, но здѣсь (то-есть, во Франціи) труднѣе обратиться къ истиннымъ началамъ политической экономіи, ибо зло давно уже существуетъ. Но мало-по-малу Франція обязана будетъ отказаться отъ теперешней системы de protection“ (какъ сказать: покровительства или предпочтенія? А. Т.) „или претерпѣть всякаго рода невыгоды. Вездѣ вокругъ нея образуется система, невыгодная для нея въ теперешнемъ ея положеніи. Бельгія можетъ приступить къ нѣмецкому Zollverein. Нѣкоторые кантоны Швейцаріи сего желаютъ. Теперешнее министерство хочетъ соединиться съ Бельгіею торговымъ трактатомъ; но въ семъ случаѣ надобно будетъ согласиться впустить бельгійское желѣзо, а сего боятся здѣшніе мануфактуристы, кои сильны въ камерахъ. Трактата Франціи съ Англіею нельзя надѣяться полезнаго и дѣйствительнаго въ теперешнемъ расположеніи умовъ французскихъ.

Однимъ словомъ, Франція терпитъ теперь отъ послѣдствій покровительства фабрикъ. Дѣло дошло до того, что министерство предлагало уже запретить и уничтожить всѣ свекольныя фабрики, давъ фабрикантамъ 40 милліоновъ франковъ вознагражденія. И по сію пору многіе, именно всѣ морскіе порты, требуютъ сей мѣры. Между тѣмъ сколько пожертвованій стоило Франціи заведеніе сихъ фабрикъ! Сколько декламацій о важности сихъ фабрикъ, о выгодахъ замѣненія сахара свеклою! И все для того, чтобы все это истребить. Колоніи французскія разорились отъ свеклы, и теперь трудно ихъ поправить даже и истребленіемъ свеклы. Этотъ примѣръ участи свеклы и результатовъ покровительства искусственнаго, кажется, долженъ бы открыть глаза самымъ закоснѣлымъ мечтателямъ меркантилизма. „Journal des Débats" говорилъ о какой-то книгѣ, написанной какимъ-то русскимъ conseiller d'état о католикахъ въ Россіи и о буллѣ папы о томъ же предметѣ. Когда дѣло шло о русскихъ мужикахъ, „Journal des Débats" говорилъ, что этотъ предметъ не заслуживаетъ вниманія Европы. Но когда дѣло идетъ о католикахъ, то онъ говоритъ противное и жалуется, что журналы мало занимаются дѣлами религіи. Сегодня (14 octobre) онъ толкуетъ объ уменьшеніи доходовъ въ Англіи въ послѣднихъ трехъ мѣсяцахъ, не смотря на income-tax. Уменьшеніе оказалось особенно въ акцизѣ, то-есть, съ предметовъ, служащихъ для продовольствія массъ народныхъ. Конечно, это показываетъ оскудѣніе способовъ продовольствія работающаго класса и есть, вѣроятно, слѣдствіе послѣднихъ неустройствъ въ фабрикахъ. Но „Journal des Débats" выводитъ изъ этого необходимость налога съ доходовъ и заключаетъ, что онъ будетъ сохраненъ и можетъ быть увеличенъ по прошествіи трехъ или пяти лѣтъ. Мнѣ говорили въ Англіи, что Пиль (Peel), пріобрѣтя нѣкоторую популярность введеніемъ сей подати, пріобрѣтетъ новую уничтоженіемъ оной послѣ трехъ или пяти лѣтъ. Во всякомъ случаѣ виги предлагали покрыть дефицитъ безъ income-tax, и вѣроятно успѣли бы въ семъ случаѣ; но для сего нужно было отказаться отъ corn-laws, а Пиль сего сдѣлать не могъ, хотя, какъ говорятъ, онъ и убѣжденъ лично, что эти corn-laws должны быть уничтожены."

„Здѣсь теперь журналы спорятъ о торговой связи съ Бельгіею.

„Journal des Débats“ въ пользу сего соединенія; „Le Commerce“ — противъ, доказывая, что это соединеніе разоритъ желѣзныя фабрики во Франціи. Говорятъ, что Гизо хлопочетъ о заключеніи коммерческихъ трактатовъ съ разными державами“.

„Я читалъ вчера въ „Лейпцигской Газетѣ“ глупую статью о невозможности исполненія указа о крестьянахъ; редакторъ самъ себѣ противорѣчитъ“.

„У меня всегда бродило въ головѣ изложить въ самомъ простомъ видѣ главныя правила политической экономіи, также и основныя начала уголовнаго судопроизводства. Гдѣ наши проекты Торговаго уложенія, Совѣтомъ и Сперанскимъ одобренные?“

„Вчера савояръ съ органомъ остановился предъ нашимъ домомъ. Саша, замѣтивъ, что обезьяна его дрожала отъ холода, немедленно вынесла ей une robe съ куклы своей и одѣла ее.“

Сію минуту прислалъ Булгаковъ за письмомъ. Посылаю, что успѣлъ выписать. Полагаете ли печатать въ „Современникѣ“ и эту, и прежнюю выписку; если нѣтъ, то должно отдать въ другой журналъ. Свербеевыхъ ожидаю къ 1-му ноября. Высылай же „Римскую церковь“. Въ „Débats“ прочти о ней 13 и 15 octobre.

Еще изъ Франціи: „Здѣсь урожаи были порядочные, смотря по засухѣ. Исчисленіе дохода государственнаго въ протекшіе девять мѣсяцевъ показываетъ, что было дохода 21 милліономъ болѣе, нежели въ прошломъ году. Ежегодно доходы здѣсь увеличиваются отъ 20 до 25 милліоновъ. Это показываетъ, сколь велики ресурсы Франціи и сколь прочны (solides) источники ея дохода. Съ лучшей финансовою системой нѣтъ сомнѣнія, что богатство народное сдѣлало бы еще большіе успѣхи.“

Писалъ въ спальной Булгакова. Снѣгъ, слякоть. Вѣра Алекс[ѣевна] Муравьева возвратилась изъ Кіева: ѣду съ ней обѣдать.

Приписка А. Я. Булгакова.

Прочитавъ такое письмо, надобно несчастнымъ твоимъ глазамъ отдохнуть, а не вновь мучиться, а потому, чтобы не говорить одно, а дѣлать другое, кидаю перо и обнимаю тебя, да и сказать-то нечего тебѣ на этотъ разъ. 21-го октября.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

896.

Князь Вяземскій Тургеневу.

23-го октября 1842 г. [Петербургъ].

Совѣтую тебѣ не очень пускать въ обращеніе твою книгу. О ней здѣсь много толковъ, но никто не признается, что ее имѣетъ или читалъ. Вообще, кажется, авторъ правъ, не во гнѣвъ будь сказано гонителю іезуитовъ; но есть и промахи. Вигель особенно можетъ быть въ претензіи: онъ вездѣ названъ Блудовымъ, изъ котораго дѣлаютъ директора Департамента иностранныхъ исповѣданій. Я слышалъ, что здѣсь готовится отвѣтъ на эту книгу и на статью „Journal des Débats". Впрочемъ, это городская вѣсть. Блудовъ, который говорилъ о книгѣ у великой княгини за обѣдомъ, полагаетъ, что она писана Платеромъ, игравшимъ ролю въ послѣдней польской революціи. Я знавалъ въ Варшавѣ одного Платера, ультра-католика. Блудовъ говорилъ, что въ папской грамотѣ есть клеветы; что ни одинъ изъ уніатскихъ священниковъ не былъ въ темницѣ и что, слѣдовательно, сказанное о предсмертной исповѣди за стѣною—пустая басня.

Ты мнѣ все-таки ничего не объяснилъ о Мицкевичѣ. Да, кстати, да не Старынкевичъ ли говорилъ тебѣ о немъ? Онъ и мнѣ что-то сказывалъ, но я не такъ, какъ ты, я не всему сказанному и писанному вѣрю. Старынкевичъ очень умная и любопытная газета, но газета не Евангелій и даже не исторіи.

Вотъ тебѣ мое желчное письмо, если требуешь. Заранѣе винюсь и каюсь и прошу прощенія, если нѣкоторыя выраженія слишкомъ жестки и кислы. Я его написалъ такъ, сгоряча и сплеча, послѣ не перечитывалъ и запечаталъ. Отдѣли изъ него, что принадлежитъ авторскому пылу и лихорадкѣ импровизаціи, и выбрось этотъ кипятокъ, эту нечистую пѣнку, а пуще всего будь увѣренъ, что я въ тебѣ сердечно и безпредѣльно люблю внутренняго человѣка, самородку, но при томъ часто бѣшусь на внѣшняго, на оправу. За симъ обнимаю, и не яко Іуда.

Да, еще одно слово: браню тебя въ глаза, а за глаза всегда за тебя вступаюсь, то-есть, выставляю внутренняго человѣка, тогда какъ свѣтъ судитъ тебя по внѣшнему.

897.

Тургеневъ князю Вяземскому.

31-го октября. [Москва].

Вчера получилъ твои письма и книгу съ попутчикомъ и когда же?—Возвратившись изъ канцеляріи гражданскаго губернатора, гдѣ наконецъ успѣлъ доказать и открыть документъ полицейскій, что protegé мой съ Воробьевыхъ горъ отданъ фальшиво въ рекруты; и сказано о немъ, что онъ безъ отца и матери, а отецъ ежедневно у меня и плачетъ по сынѣ. Авось, спасемъ! Вотъ тебѣ практичный отвѣтъ! Теорія твоя напоминаетъ Куракинскую. И лорды-тори, и виги долго противились, при всемъ опытѣ теоріи А. Смита, и другая теорія—безъ науки, и самому свѣтлому уму—темна вода въ облацѣхъ. Нѣтъ времени отвѣчать, но очень больно и грустно за себя и за тебя. Я—фарисей, но мой порокъ не долженъ тебя ауторизировать, смѣяться надъ каторжными и ставить ихъ всѣхъ въ одну теорію: ты—не Блудовъ. Если бы было еще десять Гаазовъ, то ихъ не достало бы для однихъ Воробьевыхъ го́ръ въ воскресенье. Онъ, Гаазъ, еще недавно спасъ два семейства; мнѣ ничего или мало удается. Знаешь ли, что̀ меня мучило именно въ тотъ день, какъ я получилъ твои письма? Я два воскресенья, отъ лѣни и боли въ ногѣ, не былъ на Воробьевыхъ горахъ, и моихъ protegés и, право, не пьяницъ, а трезвыхъ, повели въ Сибирь. Имъ и на ѣду, особливо съ дѣтьми (или и они пьяницы, а дѣтей много, и каждое воскресенье?) недостаетъ до Владиміра. Грѣхъ тебѣ! Но въ моемъ сердцѣ — сердца на тебя нѣтъ, а для тебя всегда и quand même.

Приписка А. Я. Булгакова.

Vous êtes le premier, qui vous glorifiez du titre honorifique de protecteur de galériens et exilés. Je conçois un mouvement de compassion pour un malheureux même de cette espèce, je conçois qu'à la Seward (surtout sa femme et ses enfants), mais de prendre le titre de protecteur des galériens de préférence à quelque autre classe de malheureux de ce bas monde, voilà ce que je ne conçois pas. Cet homme, que je secours a peut être été sans pitié pour un de mes parents et amis. Il est

dans le malheur! mais ce malheur est son ouvrage et pas une rigueur non méritée du sort. Quand un homme médite un crime, il sait ce qui l'attend, s'il ne réussit pas. Pourquoi faut-il que je pleure avec lui à la Montagne des moineaux de ce que son crime a été manqué et découvert et que le gouvernement l'empêche de commettre de nouveaux crimes? etc., etc.

Вотъ о чемъ болталъ я съ Тургеневымъ. Онъ входитъ ко мнѣ, садится тотчасъ писать къ тебѣ, говоря: „Меня Вяземскій ругаетъ въ хвостъ и голову; я напишу, а ты нà, прочти брань его ко мнѣ.—„Какая же тутъ брань? Не говорилъ ли я тебѣ то же самое? Не спорилъ ли ты о томъ же у князя Александра Николаевича, когда онъ былъ здѣсь, съ самимъ Филаретомъ и П. И. Озеровымъ? Ты помнишь мои слова тогда и совѣтъ князя Александра Николаевича? Ты согласишься, что, не уговариваясь, мы всѣ, а теперь и Вяземскій, одно и то же тебѣ твердимъ". Часъ я съ нимъ спорилъ напрасно. Говоритъ, что я не могу имѣть безпристрастнаго мнѣнія, будучи частицею правительства самъ, и бредитъ глупости: какъ будто служащему нельзя имѣть сострадания и справедливости. Добрѣйшее и странное существо этотъ Тургеневъ!

Сегодня пишу тебѣ наскоро, кое какъ. Благодарю за письмо твое отъ 25-го. Эта встрѣча съ фельдъегеремъ было особенное несчастіе. Это всегда бывало да и будетъ: отправленіе посылокъ частныхъ съ курьерами. Все это посылалось не изъ спекуляціи, не для продажи вещей и барышей, а такъ, для угожденія пріятелямъ.

Вчера былъ я у Сенявиной на вечерѣ, имѣлъ несчастіе слышать эту Озерову; не есть и не будетъ никогда пѣвицею, ибо Богъ не далъ ей музыкальныхъ органовъ: не чувствуетъ, когда фальшивитъ, а фальшивитъ безпрестанно, ni timbre, ni justesse, ni force, ni fléxibilité, ni agrément dans la voix, то-есть, скажу объ ней то, что ты говоришь о зимѣ: „О каналья, о бестія! и вздумала пѣть „Grâce, grâce!" Не достойна стирать на Бартеневу. „Eh bien, qu'en dites-vous", спросила меня вчера Louise Galitzine. „Mais pendant qu'elle chantait „Grâce", moi aussi, princesse, je criais: „grâce, grâce!" Въ прочемъ ничего нѣтъ новаго у насъ. Прощай! Обнимаю! Еще видѣлъ я Четвертинскихъ у Сенявиной и новоприбывшаго Мейендорфа парижскаго.

898.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го ноября 1842 г. Москва.

Ты желалъ имѣть переписку Нелединскаго: вотъ она. Е. А. Свербеева поручила мнѣ тебѣ ее доставить. Сочти листы и при-

веди ихъ самъ въ порядокъ; тутъ и важные документы, напримѣръ: духовная его. Я прочелъ все. Замѣчательное явленіе и похожее на тебя, какимъ бы ты былъ въ XVIII вѣкѣ, который отчасти въ немъ выразился. Я читалъ Нелединскаго и радуясь его доброму сердцу и здравому уму, и религіозному чувству, и страдая за него и за дѣтей, къ коимъ писалъ отецъ о своихъ любовницахъ и давалъ имъ часть въ карточной игрѣ. Я много о семъ думалъ и даже записалъ въ свою книгу, но не для тебя уже, ибо опасаюсь твоего обвиненія въ фарисействѣ.

Я получилъ письмо изъ Парижа: Клара и Сашка были больны; но Клара лежитъ, и движеніе ей запрещено. Это смутило меня чрезмѣрно, ибо помню, что̀ мнѣ сказано было при послѣдней ея беременности, отъ коей она едва спасена была. Еще не знаю, точно ли беременна.

Письмо брата прислалъ бы къ Плетневу, но оно объ указѣ 2-го апрѣля. Съ Сашей Карамзинымъ часто встрѣчаюсь у Мещерскихъ.

Чаадаевъ отдалъ мнѣ письмо его 1837 г. ко мнѣ, въ коемъ нахожу слѣдующія строки:

„Сейчасъ прочелъ я Вяземскаго „Пожаръ“. Je ne le savais ni si bon français, ni si bon russe. Зачѣмъ онъ прежде не вздумалъ писать по-бусурмански? Не во гнѣвъ ему будь сказано, онъ гораздо лучше пишетъ по-французски, нежели какъ по-русски. Вотъ дѣйствіе хорошихъ образцовъ, коихъ, по несчастію, у насъ еще не имѣется. Для того, чтобы писать хорошо на нашемъ языкѣ, надо быть необыкновеннымъ человѣкомъ, надо быть Пушкину или Карамзину. Я говорю о прозѣ: поэтъ вездѣ необыкновенный человѣкъ. Я знаю, что нынче немногіе захотятъ признать Карамзина за необыкновеннаго человѣка. Фанатизмъ такъ называемой народности—слово, по моему мнѣнію, безъ грамматическаго значенія у народа, который пользуется всѣмъ избыткомъ своего громаднаго бытія въ томъ видѣ, въ которомъ оно составлено необходимостью; этотъ фанатизмъ, говорю я, многихъ заставляетъ нынче забывать, при какихъ условіяхъ развивается умъ человѣческій, и чего стоитъ у насъ человѣку, родившемуся съ великими способностями, сотворить себя хорошимъ писателемъ. „Effectrix elo-

quentiae est audientium approbatio“, говоритъ Цицеронъ, и это относится до всякаго художественнаго произведенiи. Что касается въ особенности до Карамзипа, то скажу тебѣ, что съ каждымъ днемъ научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность въ этой душѣ, какая теплота въ этомъ сердцѣ! Какъ здраво, какъ толково любилъ онъ свое отечество! Какъ простодушно любовался онъ его огромностью и какъ хорошо разумѣлъ, что весь смыслъ Россiи заключается въ этой огромности, а между тѣмъ какъ и всему чужому зналъ цѣну и отдавалъ должную справедливость! Гдѣ это нынче найдешь? А какъ писатель: что за стройный, звучный перiодъ, какое вѣрное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна; въ исторiи же Россiи это главное дѣло; мысль разрушила бы нашу исторiю; кистью одною можно ее создать. Нынче говорятъ: „Чтò намъ до слога? Пиши, какъ хочешь, только пиши дѣло!“ Дѣло, дѣло! Да гдѣ его взять и кому его слушать?“

(Вотъ тебѣ и смыслъ огромности! Замѣчанiе не Чаадаева).

„Я знаю, что не такъ развивался умъ у другихъ народовъ; тамъ мысль подавала руку воображенiю, и оба шли вмѣстѣ; тамъ долго думали на готовомъ языкѣ, но другiе намъ не примѣръ; у насъ свой путь.—Pour revenir à Wiazemsky. Никто, по моему мнѣнiю, не въ состоянiи лучше его познакомить Европу съ Россiею. Его оборотъ ума именно тотъ самый, который нынче нравится европейской публикѣ. Подумаешь, что онъ выросъ на улицѣ St.-Honoré, а не у Колымажнаго двора.“

Гдѣ бы напечатать нѣмецкiя выписки мои (Карамзина рукою въ оригиналѣ) изъ Кёнигсбергскаго архива о русской исторiи?

Скажи барону д’Андре, что я просилъ Баранта прислать мнѣ, чрезъ него или чрезъ тебя, брошюру его о Montlosier, къ коей вѣроятно приложена будетъ и другая: „Sur la France et la Russie“. Автора я, кажется, знаю, но имя забылъ; онъ долго жилъ въ Остзейскихъ губернiяхъ и женился на дочери филантропа сенатора Сиверса, но уѣхалъ во Францiю отъ лифляндскаго аристократизма; впрочемъ, навѣрное не знаю.

Приписка А. Я. Булгакова.

Тургеневъ пришелъ, брякнулъ мнѣ кучу эту писемъ и свое письмо и, сказавъ: „На, отправь это все къ Вяземскому, меня внизу ждутъ дамы", далъ тягу изъ моего кабинета. Я и не зналъ, что ты хочешь написать біографію Нелединскаго: я сообщу тебѣ анекдотъ объ немъ и императорѣ Павлѣ. Не знаю только, въ которомъ это мѣстѣ записокъ моихъ. Непремѣнно отыщу, а это достойно помянутія. До сихъ поръ нѣтъ ни Рубини у васъ, ни Листа здѣсь. Нѣмцы насъ очень утѣшаютъ. Я внѣ себя отъ „Нормы", которую никогда всю не слыхалъ. Обстановка „Жидовки" великолѣпна, но музыку я еще не расчухалъ: только разъ слышалъ; она не такъ то меня поразила, но уже мы были ужасно поражены шумомъ трубъ и вообще духового оркестра. Во вторникъ „Вильгельмъ Телль" на бенефисъ Ферзинга. Намедни онъ насъ восхитилъ на вечерѣ у Луизы Тр[офимовны] Голицыной. Онъ въ комнатѣ очень пріятенъ. Скарлатинный карантинъ твоей кузины кончился: она и принимаетъ, и выѣзжаетъ. Ольга здорова. Въ городѣ совершенно ничего нѣтъ новаго. Обнимаю тебя.

Завтра Додо Ростопчина ѣдетъ къ вамъ, ежели не сегодня вечеромъ. Я не видалъ ея.

899.

Князь Вяземскій Тургеневу.

26-го ноября 1842 г. [Петербургъ].

Спасибо за бумаги Нелединскаго, но не спасибо за то, что ты на меня дуешься и даже не пишешь. Ты на меня такъ сердитъ, что самого себя наказываешь, лишь бы только доказать мнѣ свой гнѣвъ. Я все выжидалъ отъ тебя всемилостивѣйшаго манифеста, но, потерявъ надежду, рѣшился на подлость и самъ задираю тебя; а между тѣмъ не писалъ и потому, что право нѣтъ двухъ чистыхъ минутъ утромъ и нѣтъ двухъ свѣтлыхъ мыслей въ головѣ. Департаментъ не владѣетъ всѣмъ моимъ временемъ, но портитъ все мое время. Когда у меня есть черное пятно въ глазу, то все чернѣетъ въ глазахъ. Не умѣю имѣть твоей дѣятельности, расторопности и умоподвижности.

Я получилъ отъ Жуковскаго родительское и счастьемъ дышущее письмо, которое этимъ кончается: „Увѣдомь о Тургеневѣ"; а какъ

я увѣдомлю, когда и самъ не увѣдомленъ? Напиши же ему и давай русскихъ вѣстей. Онъ спрашиваетъ меня о какомъ-то ссыльномъ еще при Биронѣ и сюда явившемся на 130 году отъ рожденія. Это по твоей части. Здѣсь говорятъ, что онъ въ Москвѣ.

Я читалъ „La France et la Russie“. Здѣсь всѣ брошюркою очень довольны. Она, конечно, умно написана, но много въ ней и поверхностнаго. Тотъ же авторъ написалъ „Un diner“, который, кажется, я отослалъ тебѣ.

Сейчасъ была у меня Леонтьева. Жена моя хвораетъ, и это еще болѣе туманитъ мою голову.

Когда же будешь сюда? Вѣдь тебѣ смерть хочется пріѣхать, признайся, а проклятое умничанье не пускаетъ. Кланяйся отъ меня Чаадаеву и скажи, что письмо его съ живописцемъ очень поздно до меня дошло; что я охотно вызвался служить ему, но онъ разъ побывалъ у меня и болѣе не показывался. Обнимаю!

900.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го декабря 1842 г. Москва.

„Зачѣмъ далеко—и здѣсь хорошо“, отвѣчаю тебѣ лапидарною надписью въ садикѣ покойнаго вашего Ганина на твой призывной голосъ въ Петербургъ. Ни на Петербургъ, ни на тебя, право, не сержусь, а тебя и люблю по прежнему; слѣдовательно, не такъ, какъ люблю Петербургъ, но что-то не влечетъ меня туда, а объяснить это охлажденіе — нужно быть тонкимъ психологомъ и съ досугомъ.

Очень больно за милую княгиню: авось, пройдетъ, и дорогое здоровье возвратится! Если позволитъ, то поцѣлуй за меня у пей ручки и ножки и скажи, что, по просту, молю Бога за нее.

Къ Жуковскому писалъ нѣсколько строкъ по полученіи доброй семейной вѣсти. Написалъ бы больше, но какъ писать изъ Россіи къ другу?

О ссыльномъ при Биронѣ здѣсь что-то врали, но, кажется, оказался лжессыльнымъ и лжестарцемъ. Справлюсь.

Читалъ ли рѣчь Мейендорфа? Да чтò онъ здѣсь? Знаю, что смѣшонъ шарлатанствомъ, но что еще? Чаадаеву передамъ о живописцѣ сегодня, на его середномъ утренникѣ. Хоть не хочешь, да поѣзжай: по приказу Е. А. Свербеевой, которая похварываетъ, хотя и вылетаетъ изъ многодѣтнаго гнѣзда своего. „France et Russie" знаю еще только по выпискамъ, но автора называли мнѣ: зять Сиверса. Такъ ли?

О моемъ житьѣ-бытьѣ узнаешь отъ милой и для меня безцѣнной княжны Софьи И[вановны] Мещерской. Скажи ей, что она меня избаловала и, слѣдовательно, для меня незамѣнима здѣсь; что я послѣ обдумалъ все пространство моей потери. Она возвратится, когда уже меня здѣсь не будетъ. Попроси ее, чтобы рекомендовала меня Еленѣ Мещерской. Я узналъ ее и полюбилъ, какъ любятъ старики: на вѣки и не для себя, а за нее и для другого—дай Богъ—достойнаго: c'est trop dire. Съ княжной Софьей и ея почти лишился: c'est trop pour un jour. Съ горя чуть не попалъ въ будку, простившись съ ними третьяго дня. Но удалось засадить туда двухъ проѣзжихъ красавицъ, а самъ — въ возокъ, да и поминай какъ звали или какъ не назвался: иначе бы попался въ просакъ!

Tibi et igni: Говорятъ, то-есть, Мейендорфъ говорилъ, что графъ Бенкендорфъ сказалъ ему, что въ Москвѣ есть общество раскольниковъ или ихъ любителей; что они посылали въ Симбирскъ депутата (вѣроятно, Валуева, который лежитъ больной у Хомякова, въ деревнѣ) для распространенія своего раскола, то-есть, старины-любія; эти раскольники — наши пріятели: по дѣломъ имъ! Хвалятъ даже Ивана Васильевича для того, что онъ жилъ не въ нашемъ вѣкѣ. Любятъ Россію страстно. Кажется, вина небольшая! Но гдѣ же общество? Гдѣ же расколъ? Одно невѣжество съ примѣсью часто близнеца его—фанатизма; но много и знаютъ, только о старобытной Россіи, а не о новой Европѣ, которую дерутъ и въ хвостъ, и въ голову: ничѣмъ не угодишь! Они издаютъ „Синбирскій сборникъ", коего листы передо мною — со справками Разряднаго архива: о службѣ Кикина и пр. И нашего вѣка Кикинъ развѣ не раскольникъ же? Будете ли вы отвѣчать на рѣчь Мейендорфа? Кто изъ васъ далъ ему право врать?

Я получилъ любопытныя бумаги изъ Виѳаніи. Прости! Перешли поцѣлуй Жуковскому и домочадцамъ его. Читалъ ли Мильвѣева, protégé Жуковскаго изъ Сибири. Какъ скоро отпечатается— пришлю. „Разбитый колоколъ“ его гудитъ превосходно и наводитъ какое-то безотчетное уныніе на душу. Есть и другія хорошіе стишки, хотя не первоклассные; но и то много для секретаря губернаторскаго, изъ Сибири вырвавшагося.

Сколько благословеній на душу и на потомство Жуковскаго несется отовсюду: изъ хижинъ, изъ зàмковъ и дворцовъ и даже изъ келій! C'est le soir d'un beau jour. Сказалъ бы еще что-нибудь, но боюсь съ тобой обмолвиться если не порядочнымъ стихомъ, то европейскимъ замѣчаніемъ,

А Боже упаси того!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

901.

Тургеневъ князю Вяземскому.

Le 10/22 decembre 1842. Moscou.

Ne pourriez-vous pas prier de ma part m-r le baron d'André d'expédier le plutôt possible ce petit paquet à son adresse? Il ne contient que quelques paires de pantouffles russo-persannes pour ma belle-soeur, sa petite et sa soeur et quelques papiers pour mon frère. Si vous voulez y ajouter quelques articles ou quelques brochures sur la grande question, qui vous occupe, ou sur telle autre, vous êtes libre de le faire. Je vous préviens que je lui envoie l'article anonyme du № 11 d' „Отечественныя Записки“, et la réponse de Волковъ à Хомяковъ, manuscrit (?).

Въ случаѣ если баронъ d'André откажется, чего не предполагаю, и другой вѣрной оказіи не будетъ, то возврати. Не пошлешь ли своего „Фонвизина“ для Мицкевича (я далъ ему первые четыре листа) и другой экземпляръ для брата или для меня въ Парижъ?

Письма нѣтъ въ пакетѣ, а только реестръ посылаемому. Съ нетерпѣніемъ жду добрыхъ вѣстей о здоровьѣ княгини, а самъ

въ безпрерывномъ безпокойствѣ за Клару: письма брата не успокоиваютъ, а болѣе смущаютъ меня.

Помолвки тебѣ извѣстны: Обол[енской] съ Мещерскимъ, Анненковой (дочери ссыльнаго) съ Тепловымъ, Вревскаго съ Ланской — и ... будущей, въ надеждѣ, о которой желалъ бы проврaться княжнѣ Софьѣ Ивановнѣ.

Росетти собирается въ обратный путь, но я его сборамъ не вѣрю. Князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ возвратился изъ деревни. Завтра балъ у Софьи П[етровны] Апраксиной.

Я съ вечеринки на вечеръ и съ утренника на завтракъ; вчерашній продолжался до шестого часа по полудни, съ милыми и умными пріятельницами; не поспѣваю и на третью часть приглашеній; съ Филаретомъ умничаю и съ другими православными совопросничаю. Но Клара, Клара все на сердцѣ!

Priez m-r le baron d'André de faire remettre le paquet à mon frère, sans délai: c'est tout près du ministère des affaires étrangères.

902.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го декабря 1842 г. Москва.

Изъ препровождаемаго при семъ письма моего къ Дмитрію Михайловичу Прокоповичу-Антонскому ты увидишь, что съ меня требуютъ 3 рубля серебромъ за знакъ отличія.

Если для тебя нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія поручить снова г. казначею, Демьяну Страховскому, получить за меня причитающуюся мнѣ пенсію съ 1-го августа по 1-е января 1843 г., то передай ему прилагаемую у сего довѣренность на твое имя; если же это затруднительно, то изорви бумагу и увѣдомь немедленно, ибо въ такомъ случаѣ я вышлю довѣренность на самого Прокоповича-Антонскаго; но увѣдомь поскорѣе, ибо мнѣ нужны деньги къ 1-му января или въ первыхъ числахъ онаго. Если же деньги получишь, то перешли $10^1/_2$ рублей ассигнаціями или 3 рубля серебромъ Антонскому, при письмѣ моемъ, а остальныя поручи доставить ко мнѣ прежнимъ порядкомъ, то-есть, внести въ

контору транспортовъ, которая препроводитъ оныя сюда или велитъ выдать здѣсь подъ мою росписку. Пожалуйста, не хлопочи, если затруднительно, и возврати все скорѣе. Если въ декабрѣ нельзя получить всей суммы (до 1-го января), то можно подождать; но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ибо нужно.

Если сегодня не успѣю засвидѣтельствовать въ полиціи довѣренности, то пришлю ее завтра, а ты приготовь между тѣмъ г. казначея Страховскаго. Вотъ и засвидѣтельствованная довѣренность.

903.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го декабря. Москва.

Сейчасъ принесли ко мнѣ отъ управителя Валуева пакетъ съ рукописью, вѣроятно, берлинскою, съ твоимъ адресомъ. Увѣдомь поскорѣе, отъ кого и когда ты получилъ ее? При ней не было ни слова, ни письма отъ приславшаго, вѣроятно, Старчевскаго; но я не знаю, все ли переписано? Долженъ ли я ожидать еще, и прочее. Словомъ, вѣрно было письмо отъ него или отъ другихъ. Кто тебѣ бумаги доставилъ и когда?

Письмецо твое получилъ. Отвѣчать некогда. Страшусь за милую Перовскую, какъ и за свою Клару, отъ коей письмо было вчера сердечное, но безпокоющее. Можетъ быть, придется и до весны въ Парижъ собраться: не до Петербурга, гдѣ нечего дѣлать, ибо любить тебя можно и издали, а Жуковскаго нѣтъ тамъ. Присылать ли парижскія разсужденія кое о чемъ? Мицкевичъ читалъ прекрасное предисловіе къ польской поэмѣ и началъ свои польско-литературныя лекціи. Прости!

Изъ келій на балы, съ проповѣди на салонную болтовню. Изъ салона Рекамье-Свербеевой, которая говоритъ: „Я его (то-есть, тебя) ужасно люблю, то-есть, лучше васъ всѣхъ, то-есть, васъ и Чаадаева", mais ce n'est pas nommer tout le monde. Sapienti sat!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

904.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го декабря 1842 г. [Петербургъ].

Всѣ дѣла твои исполнены и даже переполнены съ успѣхомъ и избыткомъ, потому что дано тебѣ тридцать шесть копѣекъ на водку. За пряжку твою уплачено три рубля серебромъ, что составляетъ на ассигнаціи десять рублей съ полтиною, а не 35 рублей, какъ ты пишешь. Хорошо ты счетъ знаешь! Эти три рубля серебромъ заплачены мною въ задатокъ процентовъ на мой долгъ и съ особеннымъ удовольствіемъ, что у тебя пряжка тридцатилѣтняя, а у меня только двадцатилѣтняя. Доставленныя тебѣ бумаги управителемъ Валуева отданы мнѣ были на дняхъ Старчевскимъ, а письма не было. Онъ, можетъ быть, опредѣлится къ Шувалову парижскому, а казеннаго отправленія ему не будетъ.

Читалъ ли въ „Revue des deux mondes" статью Marmier о Россіи, изрѣзанную цензурою? Довольно мелко и блѣдно. Видно, что ему хотѣлось не раздразнить ни насъ, ни парижскій журнализмъ, а это лучшій способъ не угодить ни той ни другой сторонѣ.

Княжна Софья Мещерская отправилась къ Мещерскимъ. Она тебя очень любитъ и говоритъ, что ты сталъ очень добрый и порядочный человѣкъ.

Здѣсь только и толковъ, что о балѣ Анатоля Демидова, на коемъ были: государь, великіе князья и великая княгиня съ дочерьми. Былъ, говорятъ, и Гречъ. Демидовъ такъ напуганъ парижскимъ журнализмомъ, что и здѣшнему подличаетъ.

Перовской, слава Богу, лучше. Обнимаю!

905.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го декабря 1842 г. Москва.

Спасибо за скорое и переполненное исполненіе порученій. Ѣду получать сумму, но прежде нѣсколько словъ: Marmier чи-

талъ полнаго и удивился, что онъ не plat-pied. Взглядъ довольно вѣрный на высшее общество ваше и на другіе элементы. Писано безъ желчи, но и дѣльно. Жаль старика Пол., хотя и потѣшился каламбуромъ; но развѣ старость не давала ему права на товарищество съ князьями Г... Прежній Пол. имѣлъ иныя права, и я сердечно жалѣю о немъ или о совѣтѣ. Каковъ онъ (то-есть, Пол.)? Пожми у него за меня руку.

Ѣду къ выздоравливающей кн. Еленѣ Мещерской слушать коммеражи. Скажу на ушко покуда, что княжна Наталья Николаевна Трубецкая идетъ за молодого богача Пушкина, котораго обманулъ совѣстный судья или предводитель дворянства Небольсинъ дочерью. Я угадалъ ихъ въ мазуркѣ, а теперь дѣло улаживается.

О княгинѣ Трубецкой, урожденной Гудовичъ, худыя вѣсти изъ Парижа. Отецъ въ письмѣ къ Дохтурову велитъ готовить сестру ея къ самому худому извѣстію: жаль, очень жаль ее.

Пожалуйста, пошли сказать Старчевскому, чтобы онъ написалъ ко мнѣ: все ли ко мнѣ выслано или только часть переписываемаго въ Берлинѣ? Мнѣ нужно это знать скоро и аккуратно для отправленія бумагъ въ Петербургъ. Попроси его написать и о первомъ томѣ моего собранія, для Шведскаго короля оставленномъ: посланъ ли онъ?

Да что же ты не посылаешь „Фонвизина?“ Я, кажется, писалъ къ тебѣ, что назначаю его для перевода Жюльвекуру, который сочетаетъ тебя съ другою современною знаменитостью и издастъ особо, какъ издалъ Пушкина и Павлова. Онъ черезъ мѣсяцъ будетъ здѣсь, какъ жена обѣщаетъ, напоминая мнѣ о статьѣ твоей. Да нѣтъ ли у тебя чего и другого? Давно бы Жюльвекуру взяться за переводы. Правда ли, что Владиславлевъ напечаталъ статью Орлова? Она принадлежала мнѣ: Орловъ далъ мнѣ ее для Парижа, то-есть, для Талейрана и пр. Но это единственная вещь, которая пропала изъ всего, что я посылалъ въ Парижъ, такъ какъ и письмецо мое къ герцогинѣ Дино (нынѣ Талейранъ), при которомъ я послалъ ее ей и дядюшкѣ—только; и Орловъ не вѣрилъ мнѣ, чтобы оно пропало по дорогѣ, а точно такъ.

Тульская губернаторша приглашаетъ меня и Хомякова на балъ 3-го генваря въ Тулу, и какая краснорѣчивая записка! Мы

должны сопровождать Е. А. Свербееву. Не съѣздить ли? Въ Тверь и въ Тихвинъ во время оно ѣзжалъ: въ первую—для „Исторіи“ Карамзина, въ другой для . . . . и провалился въ пошевняхъ ночью, очутился въ лѣсу, въ снѣгу, въ бальномъ костюмѣ, но поспѣлъ къ докладу духовныхъ дѣлъ на Фонтанку. Fuimus, милый Вяземскій!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

906.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го декабря 1842 г. [Петербургъ].

Бывало и, помнится, изъ Мещерскаго (деревни Кологривовыхъ, въ Саратовской губерніи) писалъ я тебѣ большія письма въ первый день года. Нынѣ большихъ писемъ уже не пишу, потому что не умѣю писать, и что внутренняя чернильница высохла и подернулась плѣсенью. Въ новый годъ также не пишу, потому что это день торжественный, день надеждъ, день живоносный, а пишу въ послѣдній день года, потому что это день кончины, день воспоминаній, а я человѣкъ прошедшаго, человѣкъ прошедшій, а не человѣкъ грядущаго ни въ сердечномъ отношеніи, ни въ политическомъ. Мое грядущее одна смерть, а жизни въ немъ уже нѣтъ ни въ какомъ отношеніи. Вотъ разница моя съ тобою: я сижу при элегіи и даже при эпитафіи, а ты все еще въ диѳирамбахъ обрѣтаешься. Ты похожъ на Скобелева (Honny soit qui mal y pense), который говорилъ мнѣ, что написалъ новую комедію, въ которой все порывъ, все порывъ, все порывъ! А я уже надорвался. Какъ бы то ни было, нѣжно и сердечно обнимаю тебя въ этотъ прощальный день въ память нашего прошедшаго, которое сольется съ нашимъ будущимъ, пока будущее для насъ протянется.

Плетневъ проситъ у тебя насущнаго хлѣба для „Современника“, хотя хлѣба и давнопрошедшаго, потому что твой хлѣбъ не черствѣетъ. Онъ говоритъ, что цѣлыя ночи просиживалъ за пере-

писываніемъ твоихъ писемъ въ надеждѣ поживиться ими, а ты все у него выхватилъ безчеловѣчно.

Поцѣлуй за меня ручку у Свербеевой и у Зубовой: вотъ тебѣ мой подарокъ *на зубокъ* для новаго года, а губы твои всегда *свербятъ* цѣловаться, слѣдовательно ты исполнишь мое порученіе съ любовью и послушаніемъ.

1843.

907.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го генваря 1843 г. Москва.

Милое прошлогоднее письмо твое навело на меня грусть и усилило мою къ тебѣ привязанность за прошедшее, которое для насъ должно быть вѣчно. Мы не такъ сильно разнимся и въ настоящемъ; порывы мои умѣренны и принадлежатъ болѣе сердцу, вѣчно юному въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ жизни наружной и всѣмъ видимой. Я не разлюбилъ и не разлюблю тебя и въ настоящемъ, хотя и тебя, и себя не совсѣмъ осуждаю въ прошедшемъ. И я умираю ежедневно для свѣта и въ теперешней московской жизни или въ порывахъ вижу только минутные проблески, кои скоро погаснутъ, вѣроятно, на вѣки, если не оживутъ въ постоянномъ занятіи и въ осуществленіи минувшаго на бумагѣ. Я самъ себѣ здѣсь иногда удивляюсь, но успокойся: не радуюсь собою. Твой взглядъ на жизнь хотя и грустенъ, но не мертвящій. Помѣшали!

Хотѣлъ сегодня послать къ тебѣ переписанную и отчасти просмотрѣнную тетрадь писемъ моихъ для „Современника", но помѣшали. Я давно отдалъ оригинальныя письма двумъ дамамъ-борзописицамъ и надѣялся успѣть пересмотрѣть и послать къ тебѣ, но вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ держатъ онѣ—и не кончили. Одна прислала нѣсколько листовъ; въ нихъ лекціи Ампера и Мицкевича: почти все на французскомъ. Кто переведетъ ихъ? Мнѣ

некогда и трудно. Издатели „Современника“ не могутъ хорошо перевести: какъ же отвѣчать за переводъ? Мицкевича всего и не пропустятъ, а весь интересъ въ сихъ лекціяхъ. Пошлю сегодня же къ другой дамѣ и вышлю всю тетрадь, но надобно ее исправить и пополнить, и сократить. Право, я и для Плетнева, и для себя желаю этого, но въ настоящемъ видѣ показаться въ свѣтъ невозможно. Что успѣю, то сдѣлаю и пришлю.

Можно бы изъ писемъ брата кое-что выбрать: о Ламенне, о Мицкевича лекціяхъ, но не пропустятъ, а о монашествѣ Берсье уже въ „Allgemeine Zeitung“. Пересмотрю письма, можно ли прислать разсужденія о крестьянахъ изъ писемъ—противъ Хомякова, Татаринова и прочихъ? Говорятъ, что запрещены. Порученія твои къ Свербеевой и Зубовой почти исполнилъ.

Прикажи Старчевскому отвѣчать мнѣ. Спроси его:

1) Долженъ ли я послать, напримѣръ съ княземъ Иваномъ Гагаринымъ, экземпляръ моихъ „Актовъ“ въ Берлинъ на мѣсто того, который назначался Шведскому королю?

2) Пришлетъ ли еще или все прислано въ тетрадяхъ, мною полученныхъ?

3) Для чего онъ о нихъ ни слова и ни слова на мои запросы?

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Александровичу Вяземскому.

908.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го генваря 1843 г. Москва.

Все еще не могу переслать копіи моихъ писемъ — et pour cause: она не сдѣлана. Мнѣ прислали шесть страницъ переписанныхъ, обѣщая другія скоро и продержавъ свѣрку тобою пересланныхъ около четырехъ мѣсяцевъ; а я и сердиться не смѣю, хотя очень, очень досадно. Теперь не знаю, къ кому и обратиться, ибо слова въ прилагаемой запискѣ: „il faut que je les rélise“ — пустое: ничего не переписано, иначе бы прислали. Самому переписывать ни силъ, ни глазъ не достанетъ. Другой копіистъ пере-

писалъ тетрадь, но въ ней бо́льшею частью лекціи Мицкевича, коихъ не напечатаете, а Ампера не переведенныя, кои худо переведете, да и трудъ великъ. Но для своего оправданія перешли ихъ, по пересмотрѣ, сегодня или послѣ завтра. Вымаранное карандашомъ никакъ не печатайте. Впрочемъ, я не знаю, не было ли уже извлеченія изъ сихъ писемъ въ „Современникѣ".

Благодарю тебя за Старчевскаго: онъ о тебѣ пишетъ, какъ я о тебѣ думаю и чувствую. Я бы желалъ, чтобы дѣло съ графомъ Шуваловымъ уладилось. Въ Парижѣ я бы открылъ ему болѣе источниковъ русской исторіи, нежели гдѣ-либо, особливо по сношеніямъ съ Польшей. Библіотека королевская очень богата, хотя многое уже и напечатано. Я буду хлопотать и у здѣшняго архивиста, князя Оболенскаго, но на него плохая надежда: онъ самъ компиляторъ, да что-то мнѣ и не по сердцу, хотя и очень былъ ласковъ. Другіе Оболенскіе съ нимъ не знаются. Жалованье архивское малое, а своего Оболенскій не дастъ, вѣроятно. Въ Парижѣ же Старчевскій можетъ и образованіе свое кончить, и трудиться, и жить съ пользою для себя и для другихъ. Я писалъ къ нему сегодня письмо на его имя.

Князь Гагаринъ ѣдетъ на этой недѣлѣ въ Берлинъ: пишу и посылаю съ нимъ въ Парижъ многое. Онъ Москвой пресытился и хочетъ перевести духъ на европейскомъ воздухѣ, хотя и здѣшнимъ дышалъ довольно пріятно — въ салонахъ. Старуха княгиня Щербатова, мать Свербеевой, очень больна, хотя и не опасно, но милыя дочери не отходятъ отъ нея; все отъ хлопотъ, о коихъ узнаешь послѣ. Вчера, какъ и каждый вечеръ, засидѣлся и заужинался на вечеринкѣ. Графиня Саліасъ-Турнемиръ (Сухово-Кобылина) собрала весь блестящій міръ; я любезничалъ съ незнакомыми почти до двухъ утра. Въ четвергъ балъ у княгини Луизы Голицыной, если дитя выздоровѣетъ. Всѣ дни взяты, и не въ одномъ салонѣ: у меня à la lettre—на недѣлѣ семь пятницъ! Порученія твои къ двумъ милымъ кузинамъ исполнилъ. Но графиня Зубова въ свѣтъ не показывается, только на пятницахъ Свербеевыхъ улыбнется, какъ солнышко весною.

Что же ты не присылаешь мнѣ своего „Фонвизина?" Хоть въ листахъ? Да пошли его и къ Мицкевичу, и къ брату; у перваго

четыре первые листа. Я все въ страшномъ безпокойствѣ за Клару: она мученица, да мы страшимся и послѣдствій...

Какіе славные стихи Павлова написала къ мужу, хотя сама и отказывается отъ адреса. Пришлю, какъ скоро перепишу. И у нихъ завтра начинаются *вторники*; а онъ очень *комично, жалко участвуетъ*, хотя и полуоффиціально отъ князя Д. В. Голицына, разсматривая, за что берутъ и держатъ въ полиціи и въ тюрьмахъ, и донося князю Голицыну.

Вотъ что̀ пишутъ изъ Парижа: „Вчера слышалъ отъ Louis Blanc, что̀ Берье хочетъ сдѣлаться попомъ; Louis Blanc (авторъ „Исторіи десяти дней") хотѣлъ узнать: правда ли, и пошелъ къ Берье, стараясь въ его отвѣтахъ на различные вопросы узнать, есть ли что справедливое въ слухѣ, но ничего не узналъ. Только одна фраза Берье могла дать подозрѣніе. Видя, что ничего не идетъ такъ, какъ бы ему хотѣлось, онъ изъявлялъ нѣкоторое отчаяніе и сказалъ: „Après tout il n'y a rien à faire qu'a s'enfermer dans un cloître!"

„Вчера я провелъ вечеръ у генерала П[епе] и видѣлъ тамъ Lamennais. Сожалѣлъ, что онъ игралъ въ шашки, не принималъ участія въ разговорѣ о предметахъ философіи и богословія; но, напротивъ, подъ конецъ говорилъ о такъ называемыхъ политическихъ предметахъ, то-есть, разсказывалъ анекдоты о Louis Филиппѣ и тому подобные пустые коммеражи! „Il est tout à fait prêtre", замѣтилъ Маміани [1]), по уходѣ Lamennais. И подлинно, больно видѣть этотъ великій талантъ, обращенный на столь мелкіе предметы! Между анекдотами Lamennais упоминалъ, что Louis-Philippe, говоря о Канлерѣ, сказалъ: „Que c'est la plus vile canaille, qu'il faut la gorger non d'écus, mais de gros sols et liards"; что герцогъ Немурскій весьма простъ и всегда „trés embarassé quand il doit se montrer en public; qu'il en a des attaques de nerfs qui pourraient dégénérer en épilepsie"; что онъ во враждѣ съ герцогиней Орлеанской. Вотъ какими дрязгами занимается первый писатель Франціи!"

---

[1]) Маміани одинъ изъ умнѣйшихъ итальянскихъ (изъ Болоніи) proscrits въ Парижѣ, писатель-философъ, и оригинальный, но съ предразсудками римскими стресъ съ себя и не одни предразсудки. Онъ и по философской части хорошій судья Ламенне.

Мнѣ пишутъ кое-что о книгѣ „France et Russie".

На лекціи Мицкевичъ, между прочимъ, говорилъ, что при восшествіи на престолъ Іосифа II было разсуждаемо въ Совѣтѣ австрійскомъ, какимъ императоромъ Іосифъ себя объявить долженъ: Германскимъ или Славянскимъ? Рѣшено, чтобы продолжать быть германскимъ. Я слышалъ только, что при Іосифѣ II разсуждаемо было о выгодахъ для Австріи принять какую-нибудь славянскую политику. Въ „Revue des deux mondes" — любопытныя статьи о Черной Горѣ. Можетъ быть, со временемъ Сербія и другія славянскія племена будутъ играть роль въ исторіи! Elles son civilisables. Сею только надеждою здѣшніе славенофилы были бы не очень довольны, ибо они находятъ и теперь уже въ славянщинѣ всѣ элементы цивилизаціи и будущаго возрожденія такъ называемой ими западной Европы.

Два часа послѣдніе.

Сейчасъ скончалась княгиня Щербатова. Я видѣлъ сына. Свербеева можетъ плакать. Елагина не плачетъ.

909.

Князь Вяземскій Тургеневу.

15-го января 1843 г. [Петербургъ].

Я не знаю, гдѣ живетъ Старчевскій, но онъ, вѣроятно, у меня скоро будетъ, и я передамъ ему твои порученія. Поторопи своихъ переписероръ и высылай скорѣе обѣщанное „Современнику". А между тѣмъ вотъ тебѣ чистое золото, чтобы пошарлатанить съ твоими заграничными корреспондентами: любопытная статья, напечатанная въ нашей, или моей „Коммерческой" (нѣмецкой) „Газетѣ". Присылай выписки изъ новѣйшихъ парижскихъ писемъ. Что можно, то и напечатаемъ, а прочее прочтемъ съ любопытствомъ. Что за монашество Берье? Я о томъ и не слыхивалъ. Онъ скорѣе пойдетъ въ актеры, нежели въ монахи. Пришли и разсужденія противъ Хомякова и другихъ. Увидимъ, куда пойдутъ, и все-таки присылай.

Владиміръ Карамзинъ ѣдетъ на дняхъ въ Москву, а ты пріѣзжай съ нимъ сюда: тебѣ надобно провѣтриться; ты слишкомъ залежался. Обнимаю!

Прочти у Булгакова печальныя вѣсти. Повторять ихъ не хочется.

910.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[16-го января. Москва].

Мятлевъ проскакалъ здѣсь въ Симбирскъ; единственный вечеръ провелъ онъ у Шепинговъ, заказавъ имъ слушателей для чтенія „Курдюковой“. Они огласили сосѣдямъ о чтеніи; собрались, кто успѣлъ, но я по отдаленности жительства не попалъ или не попался—какъ хочешь. Правда ли, что французскій лежитимистъ на вопросъ, что онъ дѣлалъ въ Петербургѣ, отвѣчалъ: „J'ai fait la cour à une dame de la sixième classe, à la quatorzième ligne“. А чинъ, чай, щи—принадлежности трехъ классовъ народа русскаго: дворянъ, мѣщанъ и крестьянъ.

Читалъ ли приказъ Бутурлина о ловлѣ зажигателей?

Мы по прежнему живемъ—у Свербеевыхъ, Ховриныхъ, и теперь князь Гагаринъ здѣсь на подмогу, противу православныхъ славенофиловъ.

Не получены ли три книги, въ Парижѣ вышедшія: 1) „Les mystères de la Russie“; 2) Брошюра Яблоновскаго; 3) О славенизмѣ?

Какова рѣчь Mignet? Вели себѣ читать „Аугсбургскія Вѣдомости“—и ничего другого изъ журналовъ, если не хочешь терять времени.

Пришлю стишки Тютчева въ album пражскаго славенофила Ганки. Вигель во многихъ мѣстахъ читаетъ свои любопытныя для русскихъ и москвичей и пензистовъ записки; но многіе и лучшіе его чуждаются. Я утопаю сердцемъ и душою въ салонахъ. Невѣстъ до полдюжины: одной—счастье на волоску, а все романъ бѣды настроилъ. Былъ у Четвертинскихъ: что за прелесть третья изъ дѣвицъ, кажется, Наталья! Перебьетъ и у маменьки, все еще прелестной подъ повязкою головной и все еще румяной на морозцѣ.

Сейчасъ получилъ отъ Филарета критическія замѣчанія на берлинскую и сорбоннскую программы и на „Caractère du Christ“ — статья posthume de monsieur de Broglio, у тебя бывшая. Умно и остро, и правовѣрно! Талантъ его, какъ писателя, и характеръ ума его напоминаетъ Mignet. Не правда ли? Разумѣется, онъ православнѣе французскаго отступника. Статья о Максимѣ, въ „Москвитянинѣ“, кажется, Филарета.

Кланяйся княжнѣ Софьѣ Ивановнѣ и скажи, что завтра первый вечеръ, по ея отъѣздѣ, провожу у кн. Елены Мещерской, но ежедневно встрѣчаю ее на булеварѣ и часто у Ховриныхъ и всегда въ моемъ сердцѣ. Спѣшу на утренникъ къ Чаадаеву, гдѣ и Рекамье-Свербеева съ Елагиной, и соборъ антиславянъ, но булевара не миную.

Что же біографія Фонвизина? Я частно видаюсь съ выѣхавшей изъ Грузіи Головиной, урожденной Фонвизиной: уже она не trembleur-ка и умная женщина, а у дочери черные глаза, и обѣ въ грузинскихъ кацавейкахъ. Я сказалъ ей, что ты написалъ біографію дяди.

Въ воскресенье Вѣра (Анненкова) пригласила меня на Софью (княгиню Щербатову): обѣ полубольныя, и мы втроемъ провели за полночь въ воспоминаніяхъ прежняго и въ самой сердечной исповѣди, какой я отъ нихъ не ожидалъ. И я исповѣдывался искренно, но не безъ затрудненія предъ обѣими вмѣстѣ.

Приписка А. Я. Булгакова.

Такъ славно было запечатано вѣтренникомъ, что распечаталось. Дѣлаю особенный пакетъ. Я писалъ къ тебѣ вчера. Тургеневъ самъ завезъ письмо и газеты, велѣвъ сказать, что не выходитъ, спѣшитъ и очень желаетъ меня видѣть. Я все бѣгаю внизъ съ перомъ за ухомъ, какъ настоящій подъячій. „Гдѣ Александръ Ивановичъ“? А мнѣ отвѣчаютъ: „Изволилъ уѣхать“. Экая вѣтренница! 16-го.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

911.

Князь Вяземскій Тургеневу.

17-го января 1843 г. [Петербургъ].

Сдѣлай одолженіе, передай Свербеевой и Елагиной выраженіе моего глубокаго соучастія въ ихъ скорби. Я сердечно любилъ и уважалъ княгиню Щербатову. Она была рѣдко добродѣтельная и сильная характеромъ женщина, примѣрная мать, перенесла съ твердостью и самоотверженіемъ много горя въ жизни. Карамзина также сердечно ее оплакиваетъ.

Письмо твое къ Старчевскому отослано. Онъ еще здѣсь. Мой „Фонвизинъ", или печатаніе его лежитъ подъ спудомъ, или подъ краснымъ сукномъ до возвращенія Языкова. Теперь всѣ мои утра принадлежатъ службѣ, и я не имѣю сторукой дѣятельности французовъ, которые на все поспѣваютъ. Попроси Павлову прислать мнѣ ея новые стихи. Ростопчина написала стихи на первый сонъ магнетическій. Всѣ наши дамы бредятъ магнетизмомъ съ пріѣзда Дюпоте, а болѣе всѣхъ Софья Николаевна. Владиміръ Карамзинъ тебѣ все разскажетъ.

Я не имѣю никакого уваженія къ Ламенне. Въ немъ есть даръ слова, талантъ писать, то-есть, играть словами или на словахъ, но во Франціи это немного значитъ, потому что письменная манипуляція доведена тамъ до совершенства, такъ же, какъ и лингвопуляція. Но у Ламенне кривой умъ, нѣтъ убѣжденія, нѣтъ вѣры ни религіозной, ни нравственной, ни политической. Всѣ эти люди поцвѣтутъ и поблекнутъ, не оставивъ по себѣ никакого плода. Всѣ нынѣшніе споры, пренія, системы то же, что старинныя богословскія состязанія. Въ нихъ не было никакой пищи для души, алкающей благочестія и спасенія, и въ нынѣшнихъ нѣтъ никакой пищи для истинной цивилизаціи и благоденствія человѣческаго: все это des joueurs des gobelets et des joueurs des mots. Во Франціи нужно на пять лѣтъ запереть типографіи и трибуны. Изъ этой эпитеміи молчанія можетъ возникнуть новая и прекрасная жизнь, не то Франція вовсе истощится отъ — —, то-

есть, отъ языкоблудія и — —. Voilà mon avis au peuple; передай въ Парижѣ пророчество новаго Тиссота.

Гагаринъ проѣдетъ ли чрезъ Петербургъ? Вчера было показалась у насъ зима, а сегодня опять сплыла. Пока обнимаю.

912.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го января. [Москва].

Свербеева читала твои строки о ея матери въ письмѣ къ Булгакову и благодаритъ тебя. Она и прежде не разъ мнѣ говаривала, особливо послѣ ея смерти, что ты будешь жалѣть о ней, что ты всегда любилъ ее и любимъ былъ ею. Она все очень горька, хотя и начинаетъ менѣе и мягче плакать. Вчера я обѣдалъ съ нею и съ милою графиней Зубовой втроемъ: я еще болѣе полюбилъ ихъ. Не могу и не долженъ скрыть отъ тебя—и пишу по волѣ другихъ, что Оболенскіе очень оскорблены тѣмъ, что Карамзины не только въ ихъ салонѣ, но они сами обыграли молодого Оболенскаго, который для заплаты долга долженъ былъ войти въ долги. А чѣмъ и кто заплатитъ? Отецъ все знаетъ и бѣденъ. Онъ занялъ у другихъ, а и поѣздка его въ чужіе краи не состоялась. Оболенскіе ожидали, что Карамзины сдѣлаютъ исключеніе для Оболенскаго и пощадятъ его неопытную молодость, изъ уваженія по крайней мѣрѣ къ чувствамъ Екатерины Андреевны къ семейству Оболенскихъ; они увѣрены, что Екатерина Андреевна болѣе всѣхъ огорчится симъ, если узнаетъ, и о ней жалѣютъ болѣе, нежели о проигрышѣ, хотя для Оболенскаго онъ очень чувствителенъ.

Вчера Владиміръ Карамзинъ гулялъ на булеварѣ, но я еще не встрѣчалъ его. Признаюсь, что все, что слышу о нихъ, меня такъ огорчаетъ, что и отъ Петербурга еще болѣе отталкиваетъ. Покойся, милый прахъ отца! Въ салонѣ твоемъ ты не узналъ бы своихъ.

Князь Трубецкой показываетъ, что яко бы сердится, что я преждевременно увѣдомилъ тебя о помолвкѣ его дочери съ Пуш-

кинымъ, но она состоится. Жаль Завадовской и Уваровыхъ, очень жаль, особливо первой.

Правда ли, что Серафимъ умеръ?

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ собственныя руки.

913.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го января 1843 г. Москва.

Посылаю тебѣ наскоро прочтенную тетрадь дурно переписанныхъ и еще хуже написанныхъ писемъ. Признаюсь тебѣ, что мнѣ очень не по нутру печатаніе такихъ недоносковъ, пережившихъ себя до явленія въ свѣтъ; но вы такъ невнимательны къ чувству самолюбія авторскаго и такъ настойчивы, что нельзя и подумать о совершенномъ отказѣ. Болѣе ничего не переписано: кописты занемогли и не сдержали слова. Я не знаю, какъ и приступить къ перепискѣ остальнаго, а по оригиналу и просматривать невозможно. Некому отдать, а всякому нельзя, ибо въ письмахъ многое не всѣмъ можетъ быть доступно. Я бы могъ и долженъ былъ тщательно пересмотрѣть, исправить и пополнить и переварить эту кашу; къ тому же нуженъ хорошій переводъ лекцій и цитатовъ, а прежніе переводы мнѣ очень не нравились. Можно ли печатать оригинальныя французскія лекціи? Какъ быть съ Мицкевичемъ? А, исключивъ его, что останется? Разбирайте имена. Не печатайте ничего вымараннаго, особливо о Шевыревѣ; имена русскихъ, о коихъ упоминаю, выставлять вообще не должно. Вообще, менѣе неинтереснаго, особливо личнаго: щадите меня и вспомните, что я возвращусь туда, откуда коммеражничаю. Непремѣнно и немедленно, по отпечатаніи или по ненадобности, возвратите оригиналъ. Напечатаете ли славенскіе стихи съ оговоркою? Исправьте грамматическія ошибки.

Въ новыхъ письмахъ изъ Парижа мало подлежащаго гласности, ибо все о крестьянскомъ дѣлѣ. Вотъ нѣсколько словъ, до литературы относящихся:

„Чтеніе статей Leroux въ „Revue Indépendante" о Гегелѣ и Шеллингѣ насъ теперь занимаетъ. P. Leroux любитъ и уважаетъ Шеллинга, ожидая отъ него не болѣе и не менѣе какъ новой философіи, которая была бы и новою религіей (см. примѣчаніе I-е). Статья о Гегелѣ въ „Revue des deux mondes" писана Лебре, Lebre (см. примѣчаніе II-е) и весьма основательна. Мнѣ пріятно видѣть, что французы начинаютъ серьезно заниматься нѣмецкою философіей и отдавать нѣмцамъ справедливость. При семъ случаѣ и до меня дойдетъ нѣсколько лучей философскаго солнца. Жаль, что съ талантомъ и съ краснорѣчіемъ Кузень не имѣлъ души. Вообще, здѣсь замѣтно въ умахъ нѣкоторое стремленіе къ серьезному, къ истинѣ отвлеченной. Сіе то стремленіе распространяется и на чувство религіозное; но чистые католики ошибаются, если полагаютъ, что сіе стремленіе будетъ полезно католицизму. Мнѣ кажется—напротивъ: католицизмъ, чистый или грубый, еще болѣе упадетъ въ семъ движеніи умовъ къ изысканію истины."

„Посылаю вамъ новую книгу красавицы и вамъ знакомой: „Sur le developpement du dogme catholique", par la princesse Belgiojoso. Двѣ части оной уже вышли."

„Я читаю „La France et la Russie": всего болѣе о Россіи. Авторъ, конечно, съ умомъ и талантомъ; но эта манера судить о государствахъ цѣликомъ, abstraction faite des individus, des personnes qui forment les peuples et les états, этотъ Карамзинскій point de vue, изъ коего авторъ смотритъ на Россію—есть не что иное, какъ грубый матеріализмъ. Государства не изъ камней составляются, а изъ существъ дышащихъ, мыслящихъ, чувствующихъ и голодъ матеріальный, и голодъ нравственный и интелектуальный. Впрочемъ, въ сей книгѣ много благоразумнаго, и авторъ истинно желаетъ добра Россіи. Странно, что я нашелъ въ сей книгѣ многое, согласное съ моимъ образомъ мыслей; напримѣръ, о сивилизаціи, которая съ Петра I сдѣлалась для Россіи необходимою; о народности, о которой нечего жалѣть, ибо, изглаживаясь, она замѣняется сивилизаціей; и, наконецъ, что пріобрѣтенія и распространенія, которыя Россія можетъ сдѣлать на Востокѣ, не только что не можетъ быть вредно, но напротивъ должно быть полезно для западной Европы (см. примѣчаніе III). Авторъ

„La Russie et la France“ хорошо характеризуетъ (опредѣляетъ) положеніе Австріи и Пруссіи: о другихъ земляхъ такія характеристики читаешь спокойно, но о Россіи—нѣтъ. Тутъ разсужденія à vol d'oiseau мнѣ не по нутру. Впрочемъ, важнѣйшій предметъ для Россіи, освобожденіе крестьянъ, авторъ понялъ хорошо и почитаетъ необходимымъ дать имъ собственность земельную.“

Примѣчаніе I. (Эоловой Арфы): Шеллингъ, прочитавъ въ бытность мою въ Берлинѣ, лѣтомъ, статью Leroux о его лекціяхъ, сказалъ мнѣ, что онъ лучше другихъ понялъ, хотя и не все, его ученіе.

Примѣчаніе II. Lebre, молодой человѣкъ, обучавшійся основательно въ Берлинѣ богословіи и философіи, живетъ въ Парижѣ и знакомитъ французскую публику съ нѣмецкою философіей, особливо съ глубокомысленнымъ Баадеромъ: онъ печатаетъ свои критическія статьи въ „Сѣятелѣ“ („Semeur“), по моему мнѣнію, въ лучшемъ французскомъ журналѣ. Три статьи Лебре о фурьеристахъ въономъ (отпечатаны имъ и особо) обнажаютъ всю нелѣпость и особенно гнусную сторону сей мнимой системы.

Примѣчаніе III. Когда русскій орелъ перелеталъ Балканъ, лордъ Голландъ, бывшій тогда министромъ Англинскаго кабинета (членомъ Совѣта) *мыслилъ вслухъ* со мною у Брейтонскаго взморья и утверждалъ, что истинные интересы, особливо коммерческіе, Англіи совершенно согласны съ завоеваніемъ Царяграда Россіею. „Мы воспользуемся такъ же, какъ и вы, тѣмъ, что вы вашимъ иждивеніемъ совершите“. Таковъ былъ смыслъ словъ англинскаго умнаго патріота, но John Bull горланилъ и тогда совсѣмъ иное.

914.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го января 1843 г. [Петербургъ].

Спасибо за современныя письма. Сегодня обѣдаетъ у меня Плетневъ. Мы прочтемъ ихъ вмѣстѣ, и я передамъ ему твои условія. Если цензура слишкомъ бы окоротила тебя, то сообщимъ

тебѣ, что̀ изъ тебя осталось, и ты рѣшишь, хочешь ли предстать предъ публику въ такомъ кургузомъ видѣ.

Что Серафимъ умеръ и даже погребенъ, это правда; и то правда, что варшавскій Антоній на его мѣстѣ. Его очень хвалятъ, и въ Варшавѣ уважаютъ даже и католики. Но въ состояніи нашей церкви и вообще нашей русской религіозной организаціи что значитъ митрополитъ? Это родъ дивизіоннаго или корпуснаго командира отдѣльнаго духовнаго отряда и только; и по пословицѣ: „Что ни попъ, то батька“.

Я, кажется, о покойницѣ Щербатовой писалъ тебѣ, а ты говоришь, что показывалъ Свербеевой сказанное мною о матери ея въ письмѣ къ Булгакову. Развѣ ты не получалъ письма моего? О Карамзинѣ вотъ что скажу: выиграть — не значитъ обыграть. Сколько мнѣ извѣстно, молодой Оболенскій былъ на вечерѣ у молодыхъ Карамзиныхъ, игралъ въ коммерческую игру и проигралъ. Жаль для него, но для выигравшихъ тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Нельзя же хозяевамъ запретить гостю сѣсть за карточный столъ, если онъ того желаетъ. Хлопочу теперь о скорѣйшемъ отправленіи его въ Берлинъ. Доселѣ не было прямого отправленія туда, а все далѣе.

На дняхъ видѣлъ я Анненкову. Она тебѣ очень кланяется и ожидаетъ сюда Софію Щербатову; и я ее ожидаю. Новаго, кажется, ничего нѣтъ, кромѣ баловъ, на которые я не ѣзжу. Пока обнимаю.

915.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го февраля 1843 г. Москва.

Павлова посылаетъ тебѣ стихи свои. Есть у меня и другіе, восемнадцатилѣтняго поэта, но тѣ не почтовые. Напрасно ты не прислалъ мнѣ свою прозу о Фонвизинѣ: сегодня оказія въ Парижъ. Я обѣщалъ бы не читать здѣсь, да и некогда. И сегодня отъ Самариныхъ въ два часа пріѣхалъ, и до ужина! Сегодня же и у Шепинга. Тамъ Тришатные, Рюмины и прочіе, и прочіе, и все кон-

чится бѣшенымъ днемъ у Апраксиной въ послѣднее воскресенье. Видѣлъ и твои реестры блюдъ, но письма послѣдняго къ Б[улгакову] не читалъ.

Каковъ Marmier! Онъ лучше кой-кого разгадалъ Воробьевы горы! А полъ страницы изъ Тацита въ концѣ книжки (о Перье)! Замѣчательнѣе всего то, что это-то и пропустили. It speaks volumes!

Я слушалъ чтеніе изъ „Разговоровъ" послѣ представленія „Ревизора" и былъ свидѣтелемъ сцены, которую Гоголь прибавилъ бы къ нимъ, если бы онъ могъ вообразить, что человѣкъ, по покройкѣ европейской и въ самой Европѣ окороченный и здѣсь европейца корчившій, принялъ пересуды дамскіе и прочихъ лицъ, хулившихъ сатиру на чиновниковъ, за истинную сторону, а прочее за изнанку, и самъ кивалъ головой и шепталъ одобренія тѣмъ, коихъ выставилъ на смѣхъ Гоголь.

Бѣдной княгинѣ Трубецкой, урожденной Гуд[овичъ], въ Парижѣ было гораздо лучше, а теперь нога отнялась; но шесть докторовъ увѣряли, что пройдетъ. Письмо твое о княгинѣ Щербатовой читалъ кому слѣдуетъ.

Присылай стихи графини Ростопчиной о магнетизмѣ. Одной изъ моихъ племянницъ Енохинъ имъ очень помогаетъ: чѣмъ то кончится?

„Современникъ" полагаетъ, что мы живемъ во времена Лудвига XIV. Какой льстецъ!

Наконецъ князь Ник. Трубецкой позволяетъ и проситъ объявлять о помолвкѣ его дочери, которая, впрочемъ, только самъ-другъ воркуетъ и не выѣзжаетъ по нездоровью и пр., и вчера на балѣ помолвленные не были.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

916.

Князь Вяземскій Тургеневу.

8-го февраля 1843 г. [Петербургъ].

Я виноватъ передъ тобою, а еще болѣе виноватъ передъ любезнымъ или любезною поэтомъ, но что дѣлать: не утерпѣлъ и

не умѣлъ отказать. Плетневъ былъ у меня при полученіи стиховъ г-жи Павловой, и мы нашли, что они такъ прелестны, такъ исполнены чувства, мысли и истины въ выраженіи, что онъ взялъ ихъ у меня силою, а я отдалъ ихъ добровольно. M-me Pawloff pourra dire que Pletneff a abusé du droit de visite et que moi j'ai agi en lâche, en traitre, en Guizot. Mais en tout cas j'ose espérer qu'en faveur du motif, elle me pardonnera mon indiscrétion et mon abus de confiance. Кстати о droit de visite: не краснѣешь ли ты за своихъ французовъ? Что можетъ быть нелѣпѣе и гаже ихъ преній? И это народные правители! И Европа должна имѣть дѣло съ вертопрахами, съ верхолетами, съ стихокропателями, какъ Ламартинъ, который и въ стихахъ не имѣетъ ни одной свѣтлой мысли, ни одного твердаго убѣжденія, а въ политикѣ, въ государственности не имѣетъ даже здраваго смысла! И ты будешь говорить, что представительное правленіе есть вѣнецъ человѣческихъ соображеній! Да, въ обществѣ благоразумномъ, нравственномъ, образованномъ, согласенъ; но въ домѣ сумасшедшихъ, какова Франція, это просто математическая невозможность и гибель. Франція погибнетъ отъ своего пустословія. Спасибо Бруму, что онъ отщелкалъ пустослова Токвиля; но жаль, что онъ не вздулъ носа и Ламартину. Вообрази себѣ, если бы въ старой Франціи Делиль или Доратъ захотѣли проповѣдывать народу и Европѣ свое политическое евангеліе: какъ были бы они осмѣяны! Но французы разучились владѣть и послѣднимъ оружіемъ своимъ—насмѣшкою. А Ламартинъ, какъ поэтъ и стихотворецъ, вѣрно не выше Дората и ниже Делиля. Разница въ томъ, что Доратъ приторно воспѣвалъ Хлорисъ и Филлидъ своего времени, а этотъ такъ же приторно и жеманно воспѣваетъ Хлорисъ и Филлидъ нашего вѣка, то-есть, раскрашенныхъ курвъ, которыя ходятъ по міру подъ именами: idées sociales, idées humanitaires etc., etc.

Не знаю, какъ сладимъ съ цензурою для напечатанія твоей хроники: ты, какъ нарочно, выбралъ все огненные вопросы. Я вообще согласенъ и былъ прежде согласенъ съ Тацитовскою, какъ ты называешь ее, полустраницею „Revue des deux mondes"; только вовсе не удивительно, что цензура ее пропустила; впрочемъ, вѣроятно, не сама собою. Вообще всѣ личности разрѣшаются, если

не ею, то главнымъ цензоромъ. Это благоразумно и даже знамение, подобающее силѣ.

И здѣсь балъ за баломъ, но не для меня. Языковъ возвратился; я надѣюсь возвратиться къ языку, то-есть, къ перу, то-есть, къ Фонвизину. Когда онъ будетъ отпечатанъ, вѣроятно постомъ, разумѣется пришлю тебѣ нѣсколько экземпляровъ. Получилъ ли ты для извоза и разноса именную статью? Знаешь ли ты московскаго графа Панина? У него должны быть въ деревнѣ бумаги дѣда и Фонвизина. Здѣшній обѣщалъ мнѣ ихъ сообщить, выпросивъ у брата. Скажи ему о томъ при случаѣ. Я радъ написать біографію и П. И. Панина. Обнимаю.

917.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го февраля 1843 г. Москва.

Я получилъ твое письмо о стихахъ Павловой и все, что могъ сдѣлать въ пользу „Современника", было сдѣлано. Я послалъ ей сегодня твое письмо съ комплиментами; надѣюсь, что умилостивится, но не увѣренъ, ибо и онъ, и она и въ послѣднее свиданіе повторяли, чтобы стихи вами не были напечатаны. Лучше бы точно повременить, если уже не тиснуты, а если они простятъ, хотя и не охотно, противозаконный поступокъ, то я немедленно увѣдомлю и—съ Богомъ! Я хотѣлъ бы тебѣ послать стихи еще не семнадцатилѣтней Хвощинской (племянницы Хвощинской-Горчаковой), кои я слышалъ и получилъ отъ нея въ Екатерининскомъ институтѣ: 1) „Кладбище", 2) „Послѣдній привѣтъ институту", 3) „Двѣ звѣздочки". Она первая во всѣхъ классахъ и собой пригожа и ѣдетъ воспитывать малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ въ рязанскую пустыню — въ бѣдности. Другая поэтъ, съ коей познакомился на балѣ,—Софья Владиміровна Новосильцова. Посылаю стишки ея, „Le regard", въ Парижъ; русскіе также хороши. Твою нѣмецкую статью давно получилъ, но еще не послалъ въ Парижъ. Читаю теперь Шеллинга, привезеннаго Катковымъ, рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ, коего и Шеллингъ хвалилъ мнѣ. Какъ вы его не

задержали въ Петербургѣ? Онъ безъ куска хлѣба и умѣлъ быть первымъ изъ русскихъ студентовъ въ Берлинѣ. Его приглашаютъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ на 1200 р., а онъ магистръ.

Я подарилъ Хвощинской Жуковскаго второй переводъ гекзаметра элегіи Грея, мнѣ посвященный; и ея первымъ произведеніемъ — „Кладбище". О немъ всѣ онѣ говорили на испытаніи въ литературѣ, и это меня тронуло и показало, какое вліяніе Жуковскій имѣлъ на современность нашу. Елагина получила отъ Жуковскаго письмо на 32 страницахъ, и я получу копію о томъ, что пишетъ о воспитаніи и о книгахъ по сей части.

Жаль, что мои письма несовмѣстны съ гласностью. Я и самъ недоволенъ былъ, что переписали именно эти, оставивъ другія, кои и теперь еще не переписаны. Повторяю: нуженъ хорошій переводъ лекцій Ампера и Мицкевича, или печатать въ оригиналѣ, но съ оговоркою. Пожалуйста, извините мою поспѣшность въ письмахъ. Когда я буду писать твою біографію, то напечатаю въ началѣ оной одно изъ писемъ твоихъ изъ Варшавы, въ концѣ— послѣднее: souvenez-vous en! Развѣ не успѣхъ, что и Доратъ могъ бы быть полезнымъ членомъ общества въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей! Что же смѣшного въ рѣчи Ламартина „Sur la conversion des rentes", напримѣръ, или „Sur la peine de mort". О первой и Royer-Collard сказалъ, что онъ первый financier Франціи по сей части; вторая оправдается послѣдствіями и будущимъ законодательствомъ. Доратъ ли Ламартинъ? Понялъ ли у васъ хотя одинъ государственный литераторъ, напримѣръ, вопросъ о лажѣ? И кто изъ васъ понимаетъ вопросъ о тарифѣ? Поговорите объ этомъ съ послѣднимъ депутатомъ *брюха,* и вы увидите, что *смѣхъ сквозь слезы* будетъ не надъ вертопрахами французской камеры. „Eat your pudding... and hold your tongues". Да высылай хоть недопечатаннаго „Фонвизина". Съ графомъ Панинымъ переговорю, но онъ врядъ ли удобенъ для открытія фамильнаго архива.

Такъ ли думаетъ Брумъ о французахъ, а онъ и французскій помѣщикъ?

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

918.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го февраля 1843 г. Москва.

Вчера Павлова возвратила мнѣ письмо твое о стихахъ ея. Они повидимому очень сердились на тебя за нарушеніе даннаго ими чрезъ меня предписанія—не печатать; но когда я неоднократно спросилъ ихъ, подтвердить ли мнѣ сіе запрещеніе на случай, если Плетневъ еще не напечаталъ ихъ, то она запретила мнѣ о семъ писать къ тебѣ, а слѣдовательно, по моему мнѣнію, гдѣ былъ гнѣвъ, тутъ наступила милость: слѣдовательно, съ Богомъ — печатайте! Графа Панина видѣть еще не успѣлъ; авось, завтра у Ермолова. У графа Строганова не былъ. Уваровъ проѣхалъ невидимкой. О немъ гремѣла слава благороднаго поступка:

Порядочнымъ стихомъ обмолвился Гаспаръ.

Право, сердечно порадовался, если правда. Умъ на все пригодится, даже и на хорошій поступокъ, по крайней мѣрѣ на минутный.

Сегодня перечитывалъ кое-что привезенное изъ Парижа. Надѣялся сообщить съ глазку на глазъ и тебѣ, но теряю надежду, а жаль! Ты не повѣришь, какъ жаль! Вся Европа прочла бы съ жадностью, а я—единственный пріобрѣтатель; законный ли—это другое дѣло! Сообщить иначе, какъ наединѣ, не могу и не долженъ, а прелесть! Здѣсь четырехъ fachionables призывали къ генералъ-губернатору за пляску въ маскарадѣ. Оказалось, что все была напраслина, по крайней мѣрѣ экзажерація, а лица и тебѣ, и всѣмъ извѣстныя. Когда ѣдетъ въ Берлинъ князь Оболенскій? Читалъ ли письмо короля Прусскаго къ князю П. М. Волконскому? Не прислать ли? Слышалъ „Норму“ и вздохнулъ по Гризи и по Флоренціи. Отдалъ коляску въ починку: весенняго вѣтерка еще нѣтъ, а ужъ на душу навѣваетъ перелетный Шанрозейскій ароматный воздухъ. Тяжелая грусть на сердцѣ отъ чув-

ства, что не за чѣмъ будетъ сюда возвращаться. Очень, очень грустно! Чувство приближенія конца всего не тяжеле. Принесли блины: какъ не утѣшиться!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

919.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го февраля 1843 г. [Петербургъ].

Не боюсь: печатай мои письма какъ угодно, спереди и сзади. Мои убѣжденія не измѣнились. Нѣкоторыя понятія преобразовались—такъ, но я, слава Богу, не дуракъ и не мономанъ, слѣдовательно, и не могло быть иначе. Въ отношеніи къ Франціи я французъ, какъ Гизо; чего онъ желалъ, того и я желалъ: цѣль достигнута по возможности человѣческая—и довольно на время, на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Быть вѣчно въ оппозиціи есть вѣрный знакъ нелѣпости. Оппозиція, противодѣйствіе—порохъ, которымъ взрываютъ укрѣпленіе и, овладѣвъ имъ, порохъ зарываешь въ землю. А французская оппозиція все стрѣляетъ, и не въ укрѣпленія, а въ часовыхъ. Я не говорилъ, что бѣда, что въ наше время Доратъ могъ бы быть полезнымъ членомъ общества; но говорю, что пустой враль и пустой человѣкъ, какъ Доратъ, Ламартинъ, именно не можетъ быть полезнымъ членомъ общества, а между тѣмъ при нынѣшней организаціи Франціи ему открыта дорога въ государственные люди, потому что у насъ языкъ доводитъ до Кіева, а во Франціи до всего, и это бѣда и злоупотребленіе, потому что можно быть складнымъ говоруномъ и даже краснорѣчивымъ ораторомъ и весьма сквернымъ министромъ, особенно во Франціи, гдѣ никогда не толкуютъ о дѣлѣ, а всегда о побочностяхъ и отношеніяхъ дѣла. Рѣчь „Sur la peine de mort“ вовсе не означаетъ государственнаго человѣка. Можно очень умно, сильно и горячо возставать противъ смертной казни и не быть годнымъ заступить даже городническое мѣсто. Мало ли что французы говорятъ о французахъ, и отзывъ Royer-Collard ничего не значитъ.

Но значительно то, что Royer-Collard оставилъ сцену, видя невозможность дѣйствовать на ней и отчаяваясь въ успѣхѣ истины, порядка и благоразумія. Мадригалы Брума въ честь Франціи также ничего не значать, ибо ими только подмазаны его эпиграммы или, лучше сказать, его смертные приговоры, когда онъ доказываетъ двумъ корифеямъ французской трибуны, Токвилю и Dupin, что позволительно не знать x, y, z, но стыдно не знать a, b, с того, что хочешь преподавать. А ты, en bon bourgeois de Paris, развѣсилъ уши и вѣришь, что Брумъ уважаетъ Францію. Онъ желаетъ сохраненія мира съ нею—это дѣло другое, но англичане не могутъ не смѣяться надъ невѣжествомъ и хвастовствомъ французскаго парламента. Ты настоящій французъ и прямо годишься въ Палату депутатовъ, когда спрашиваешь, кто изъ насъ понимаетъ вопросъ о тарифѣ. Не знаю, кто понимаетъ, но по вопросу твоему вижу, что ты его не понимаешь, ибо судишь о тарифѣ по общимъ началамъ теоріи, какъ о какомъ-нибудь нравственномъ человѣческомъ вопросѣ, который одинъ и тотъ же вездѣ и всегда: тарифъ и всѣ коммерческія и промышленныя узаконенія—хороши или худы смотря по мѣстности и обстоятельствамъ. Гдѣ образованность и капиталы въ силѣ, тамъ можно дать полную свободу, ибо все придетъ въ равновѣсіе; тамъ, гдѣ, какъ у насъ, образованность въ младенчествѣ, а въ капиталахъ недостатокъ, тамъ свободы быть не можетъ, ибо владычество внѣшнее слишкомъ опасно. Вотъ тебѣ!

920.

Князь Вяземскій Тургеневу.

23-го февраля. [Петербургъ].

Откуда взялъ ты, что Уваровъ въ Москвѣ? Надѣюсь для него, что вторая половина твоего извѣстія вѣрнѣе первой. Что за письмо къ Волконскому? Сдѣлай одолженіе, пришли. О Волконскомъ знаю только то, что онъ на свой балъ, который давалъ на наши, то-есть, на казенныя деньги, не хотѣлъ позвать ни сына моего, ни дочери моей. Балъ былъ, говорятъ, великолѣпенъ, и

наша Пушкина жидовкою была, говорятъ, изумительно хороша. Да что ты дурачишься и зачѣмъ не хочешь проѣхать чрезъ Петербургъ, ѣхавши за границу? Всего смѣшнѣе и досаднѣе, что такимъ дѣйствіемъ ты полагаешь, что вплетаешь новый листокъ въ свой гражданскій и политическій вѣнокъ. Да брось, ради Бога, всю эту дурь! Чтò тебѣ до политики, чтò политикѣ до тебя? Ты совершенно свободный и посторонній человѣкъ. Пользуйся этимъ, живи просто, не задавая себѣ роли. Быть не можетъ, чтобы не хотѣлось тебѣ видѣть кое-кого въ Петербургѣ; да ты же любишь его суету. Ты гораздо болѣе петербургскій житель, духомъ и привычками, нежели я. Сдѣлай одолженіе, не умничай и не умствуй, то-есть, не дурачься: не вѣришь мнѣ потому, что ты себя не знаешь, то-есть, себя обманываешь и заглушаешь своими Катонскими сентенціями. Но прочти сказанное мною Свербеевой и потребуй отъ нея, чтобы она по совѣсти сказала тебѣ, правъ ли я иль нѣтъ. Полагаюсь на ея судъ, положись и ты. Въ дополненіе къ письму моему отъ 21-го февраля скажу еще нѣсколько словъ пояснительныхъ. Я былъ въ оппозиціи французской, когда Гизо и другіе, ему подобные, были въ оппозиціи. Теперь они взяли верхъ—я доволенъ. Не могу же теперь перейти вмѣстѣ съ тобою въ оппозицію какого-нибудь безсовѣстнаго Перье, взяточника, ибо брать деньги за мнѣніе свое или за свое рѣшеніе по судебному дѣлу—все равно, все же это значитъ быть продажнымъ, или какого-нибудь шалопая Гарнье-Пажеса, или риѳмоплета Ламартина. А тебѣ все хорошо, была бы только оппозиція. Я люблю Францію и потому сержусь на нее, чувствуя, что она тонетъ въ морѣ словъ, пока не вовсе утонетъ въ морѣ крови. Франція была сильна, когда ее держали въ желѣзныхъ рукахъ Людовика XIV, Наполеона; даже Конвентъ направилъ ее, по крайней мѣрѣ, къ побѣдамъ и къ завоеваніямъ; теперь, когда она управляется сама собою, то-есть, что каждый можетъ входить въ общія дѣла, то-есть, когда семь нянь, дитя безъ глазъ и потому спотыкается, падаетъ и дѣлаетъ безпрерывные промахи. Я не говорю, что образъ правленія существующій не годится, но говорю, что французы не годятся для него. И другого доказательства къ тому, между тысячами другими, мнѣ не нужно, какъ слова Сульта, недавно ска-

занныя: „Oui, j'ai été à la bataille de Waterloo, près de Cambronne quand il a dit: „La garde meurt et ne se rend pas“, а всѣ знаютъ, кто Камбронъ того не говорилъ, что онъ самъ отказался отъ этихъ словъ, которыя сочинилъ какой-то водевилистъ. Вотъ, какъ дѣйствуютъ французы. Тутъ вся исторія, вся вывѣска французскаго парламента. Старый заслуженный маршалъ, президентъ министерства лжетъ предъ собою, предъ собраніемъ, предъ Франціею, предъ Европою только потому, что для француза сила краснаго словца всемогуща и всеувлекательна. И въ этомъ случаѣ ты настоящій французъ. Вотъ почему мы съ тобою споримъ, почему ты не ѣдешь въ Петербургъ, почему ты виноватъ, а я правъ; а несмотря на то люблю тебя и, можетъ быть, даже смотря на то люблю, потому что это очень забавно. Обнимаю.

921.

Тургеневъ князю Вяземскому.

27-го февраля. Москва.

Кто авторъ брошюры и лже-d'Almagro? Вѣрно, косолапый Долгоруковъ? Вотъ что писалъ ко мнѣ братъ изъ Парижа: „Я слышалъ объ одной брошюрѣ Яблоновскаго: совершенно пустая, написанная въ интересѣ одного лица—князя Чарторыйскаго. Другая также, вѣроятно, пустая, судя по автору. О третьей: „Les mystères de la Russie“, ничего не слышалъ. Здѣсь какой-то князь Долгоруковъ, подъ лжеименемъ comte d'Almagro, напечаталъ списокъ всѣхъ русскихъ княжескихъ и графскихъ и старыхъ дворянскихъ фамилій. Я читалъ этотъ вздоръ: кого это можетъ интересовать? Замѣтно только, что ему хотѣлось худо поговорить о фамиліи Нарышкиныхъ“.

Увѣдомь, въ чемъ и какъ заставятъ его расплачиваться за книжку. Вотъ нѣсколько словъ о лекціяхъ Мицкевича и сужденіе объ оныхъ Ламенне. „Не въ одной Москвѣ толкуютъ о славянизмѣ; только, вѣроятно, тамъ толкуютъ такъ, какъ нигдѣ не толкуютъ. Здѣсь Мицкевичъ, открывая курсъ, посвятилъ двѣ лекціи обозрѣнію исторіи славянъ въ древнія времена. Ассиріяне и

многіе другіе народы были славяне, по его мнѣнію. Статуя гладіатора и поэтическія размышленія объ оной Байрона были для него несомнѣнными доказательствами его теорій. И онъ далъ свои толкованія имени Навуходоносора. Нашъ учитель, Леманъ, истолковывалъ его почти такъ же: „небу угодный царь". Юстиніанъ, Велисарій были славяне и пр., и пр. Встрѣтивъ тогда ввечеру у генерала Пепе Lamennais, я пересказалъ ему слова Мицкевича. Lamennais говоритъ, что сіи теоріи совершенно противны свидѣтельствамъ исторіи. Послѣ Мицкевичъ началъ разбирать польскую поэму „La comédie non-divine, ou infernale" Прасчинскаго. Я не былъ на послѣднихъ лекціяхъ, ибо онѣ не интересны".

И здѣсь возобновили споры славяно-русскіе. Книга профессора Морошкина, изданная Савельевымъ: „Изслѣдованія о русскихъ и славянахъ"—учена, но теорія не лучше Мицкевичевой.

Читалъ ли въ „Аугсбургской Газетѣ" извѣстіе о панславянской „Revue" въ Парижѣ? Издатель не извѣстенъ, но подъ русской фирмой и въ духѣ Гуровскаго и пентархеи. Ужъ не Уваровъ ли затѣялъ и не Толстой ли (Яковъ) заказалъ? Прости!

Я обрыскалъ всѣ монастыри и соборы; слышалъ пѣніе въ Донскомъ ефимоновъ: прелесть!

Что же не отвѣчаете о моихъ письмахъ? Выбрали ли что? Поправили ли? Что сказала мачиха-цензура? Обнимаю тебя. За что удѣльный князь не взлюбилъ васъ?

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

922.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го марта 1843 г. Москва.

Твои два письма отъ 21-го и 23-го февраля получилъ вчера и рѣчь Баранта, и pastilles de Vichy въ ящичкѣ, и за все спасибо, хотя письма исполнены всякаго рода ересями и ошибочными на мой счетъ сужденіями; но на нихъ отвѣчать не имѣю время, какъ входить въ теоріи о тарифѣ и о прочемъ: currente calamo,

какъ нѣкогда въ Римѣ. Но, право, о моихъ политическихъ мнѣніяхъ ты криво судишь и смотришь на Францію и на ея измѣненія съ точки зрѣнія француза, а не чистаго филантропа: ты—французъ старомодный, а не я—въ оппозиціи! Совсѣмъ не извѣстны тебѣ мои мнѣнія. Мы далеко, давно далеко другъ отъ друга, давно другъ друга оставили въ матеріальномъ смыслѣ, а можетъ быть и въ политическомъ, но конечно не сердцемъ, ибо и я тебя люблю по прежнему и, конечно, для тебя одного пріѣхалъ бы въ Петербургъ, куда все-таки безъ необходимости не поѣду, то-есть, для одного Аржевитинова поѣду.

Письма твоего къ Свербеевой не читалъ. Пишу къ Булгакову, чтобы послалъ къ тебѣ копію съ письма короля Прусскаго къ Волконскому. Я далъ ему его, а самому переписывать некогда. Передо мною—рукописный фоліантъ Шеллинга. Завтра ѣдетъ къ вамъ князь Василій Мещерскій: его разспроси о моей здѣшней наружной жизни; внутренней ни онъ, ни ты, никто не знаетъ: „я въ лѣсъ хочу“.

Вчера былъ въ Чудовѣ на проклятіи, но проклятія не засталъ, а попалъ къ вѣчной памяти. Увѣряютъ, что въ первомъ опять упоминаютъ имена. Справлюсь.

Братъ писалъ, что съ pastilles de Vichy послалъ и пакетъ съ двумя книгами: вѣроятно, отложили до другого курьера. Попроси д'Андре, чтобы поблагодарилъ за меня Баранта.

Скоро ли отправится князь Оболенскій въ Берлинъ? На первой недѣлѣ слышалъ я трехъ сестеръ его и брата въ салонѣ графини Зубовой, поющихъ великопостные первонедѣльные гимны и ефимоны, и заслушался, особливо при: „Лучина, лучинушка“! Прелесть! Знаешь ли ты Евреинову?

Князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ самъ мнѣ сказывалъ, что недѣли двѣ тому назадъ, прогуливаясь на улицѣ, слышалъ онъ, что двѣ порядочно одѣтыя женщины разговаривали о новомъ вашемъ митрополитѣ. Одна изъ нихъ наканунѣ пріѣхала изъ Петербурга и увѣряла другую, что новый митрополитъ изъ нѣмцевъ; другая вѣрила. Князь Голицынъ вступился въ разговоръ и сталъ разувѣрять ихъ; одна, наконецъ, почти повѣрила ему; другая утверждала свое, прибавляя, что и варганы будутъ въ церквахъ. Князь раз-

сказалъ имъ, что самъ знаетъ митрополита: что онъ русскій и учился въ Кіевѣ и прочее и успокоилъ одну изъ нихъ. Ѣдемъ на вечеръ къ именинницѣ Елагиной, а завтра на обѣдъ къ князю Сергѣю Михайловичу.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

923.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го марта 1843 г. [Петербургъ].

Хотя ты и не меломанъ, но ты женоманъ и потому смѣло рекомендую тебѣ m-lle Meerti, которая мило поетъ и мило глядитъ. Она везетъ тебѣ письмо и отъ Пушкиной. Прошу обратить вниманіе на разные адресы письма ея. Обнимаю.

Да, кстати! Старомодный французъ не я, нѣтъ. Старомодные французы ce sont ceux de 93. Attrape! Ахъ, ты старый табашникъ! А туда же лѣзешь.

924.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го марта 1843 г. Москва.

Сегодня вытребовалъ я первую часть „Du dogme catholique“ отъ Кавелина. Онъ и заѣзжалъ ко мнѣ, но я узналъ послѣ. Гдѣ же „France et Russie“? Вѣрно, задержалъ! Пришли по прочтеніи. Не было ли чего другого? Свербеева вчера еще не получила письма твоего, о коемъ ты пишешь въ письмѣ ко мнѣ. Не привезъ ли и ей сегодня Кавелинъ? Вчера провелъ вечеръ прощальный съ Скорятинымъ, женихомъ сибирскимъ, у Кошелева; разспрашивалъ о тебѣ, но онъ ничего не знаетъ, ибо давно не встрѣчалъ тебя. Отъ другихъ слышу, что ты опять часто видишься съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Будетъ ли великая княгиня въ чужихъ краяхъ и гдѣ? Я получилъ отъ парижскаго слушателя переводъ наскоро сдѣланный лекціи Мицкевича 11-го іюня, слѣдовательно, послѣ

меня говоренной. Много справедливаго съ примѣсью не лжи, а невѣрностей: о религіозномъ движеніи въ Россіи при Екатеринѣ и Александрѣ I. Есть ли у тебя „Додатокъ“ съ сею лекціей? Мицкевичъ говоритъ въ ней и о Карамзинѣ, и о Тургеневыхъ, но не совсѣмъ такъ, какъ было, почему я и не охотно сообщаю ее.

Я получилъ письмо изъ Парижа, но такъ какъ запрещено уже печатать разсужденія о обязанныхъ крестьянахъ, то и не сообщаю его.

До пріѣзда и въ ожиданіи Рубини здѣсь концертствуетъ такая дрянь, что третьяго дня я пріѣхалъ съ тремя билетами въ концертъ и остановился на порогѣ, не вошелъ въ залу и возвратился самъ напѣвать. Обѣдалъ съ сестрами Оболенскими разныхъ наименованій и съ братьями ихъ и наслушался русскихъ пѣсенъ.

Ты и не скажешь, что Валуевы скоро опять оставятъ тебя въ одиночествѣ. Радуюсь ихъ успѣхамъ по службѣ; искренно горюю по тебѣ и, право, полетѣлъ бы тосковать съ тобою, если бы точно самъ себя для другихъ не боялся и не страшился, вмѣсто того, чтобы усладить грусть присутствіемъ, усилить ее своею собственною. Лучше прямо въ лѣсъ!

Повышенъ ли Старынкевичъ сенаторствомъ и въ Варшавѣ ли остается? Поступокъ и еще болѣе слова куратора и прочихъ при запрещеніи біографической статьи объ Орловѣ гадки и душу взрываютъ... да ты опять прогнѣваешься.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

925.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го марта. Два часа. [Москва].

Сейчасъ отъ нея. Просидѣлъ съ часъ, разобралъ всѣ письма ея, взялъ для развозу 14. Привезу къ ней многихъ, ее—къ нѣкоторымъ. Разглашу о ней сегодня у Шепинговъ. Отдалъ сейчасъ письма ея Сенявиной, дабы она огласила о ней сейчасъ же по

понедѣльничнымъ утренникамъ. Въ рапортѣ Булгакова сказано: „M-lle Merty съ дочерью". Авось! Расцѣлуй ручки за милое письмо у милой красавицы.

За твое *табашное* письмо „да будетъ тебѣ стыдно"! Я зналъ васъ и для того не поѣхалъ и не поѣду къ вамъ; и безъ поѣздки я для васъ..., а здѣсь—espion provocateur. Но 93—не разгадалъ: разгадай и увѣдомь. О Marmier отвезъ твою выписку Шевыреву, съ коимъ примирился за Орлова, да и опять готовъ ругать за то, что̀ написалъ онъ по сему случаю. Нѣтъ, братъ! Отъ всѣхъ васъ „я въ лѣсъ хочу".

Опять ѣду къ cantatrice, ибо нужны ей совѣты. Простите! Обнимаю васъ.

Головинъ, генералъ, вчера былъ у насъ у обѣдни, а ввечеру жена прислала сказать, что онъ занемогъ: въ частяхъ отнялись рука и нога, но пустили кровь, и все прошло. Опять ударъ главнокомандующему Грузіи, и въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Розенъ и куда ожидаютъ Нейдгарда. Ермоловъ сказалъ, что онъ заказалъ себѣ эту же квартиру.

926.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го марта. [Москва].

Честь имѣю донести вашему сіятельству и сіяющей красавицѣ, что вчера развезены и разосланы почти всѣ письма Элизы М[ерти]; что я былъ у ней два раза и уладилъ время перваго концерта въ залѣ Небольсина; нанялъ ей сегодня à 9 roubles un возокъ et à 10 roubles une voiture на колесахъ, поденно, а помѣсячно будетъ и дешевле (съ нее просили 350 р.); что говорилъ о ней уже многимъ: княжнѣ Еленѣ Мещерской, Голицыной, княгинѣ Долгоруковой, Ховриной и прочимъ, и прочимъ, и что сегодня уже она обѣдаетъ у княгини Голицыной (ур. Кутайсовой); что отправилъ ее теперь къ Сенявиной, къ коей отвезъ вчера письмо ея; что надѣюсь нанять ей и другую квартиру; что она будетъ сама писать къ тебѣ, когда удосужится; что она очень мила, и

потому можно надѣяться, что и здѣсь, какъ у васъ, понравится и съ пустымъ кошелькомъ не уѣдетъ; что она увидитъ сегодня Сенявину, княжну Елену Мещерскую, Похвисневу, Волкову; Волковъ, братъ, самъ будетъ у ней сегодня; Апраксину, коей я вчера же, какъ и всѣмъ у Шепинга говорилъ о ней; княгиню Голицыну, княгиню Надежду Трубецкую, которую также предварили вчера же; завтра поѣдетъ къ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну; что я не поѣду, а развѣ заверну къ ней ввечеру сегодня потому только, что отъ 12 до 4 будетъ она въ разъѣздахъ (не встрѣчу ли ее у Елены Мещерской?), а до семи— на обѣдѣ у княгини Голицыной; что я поговорю о ней и графинѣ Зубовой; что познакомлю ее съ Рюмиными для воскресныхъ многочисленныхъ обѣдовъ ихъ; что свожу Элизу послушать и Донскихъ, и Симоново-*Лизиныхъ* пѣвчихъ.

Сейчасъ получаю письмо изъ Симбирска. Аржевитинову, кажется, хочется заглянуть въ Петербургъ, и я не прочь теперь; вы не наклеплете новыхъ домогательствъ въ пользу Носа. Онъ будетъ сюда къ 14-му мая или попозже; проживемъ здѣсь не менѣе недѣли, слѣдовательно, можемъ быть къ концу мая или въ началѣ іюня въ Петербургѣ. Гдѣ ты будешь? Въ Петербургѣ не заживемся. Впрочемъ, если онъ предпочтетъ Варшаву или Псковъ, гдѣ на дорогѣ Михайловское, то и въ Петербургъ не заглянемъ. Скажи *ненаглядной*, что я прочелъ вчера княгинѣ Долгоруковой строки о ней въ письмѣ ея. Заѣзжалъ вчера къ сосѣду Головину: ему было лучше. И сегодня лучше.

Нельзя ли достать „Слова“, произнесеннаго въ крѣпости новымъ митрополитомъ?

Прислалъ ли тебѣ Булгаковъ письмо короля Прусскаго къ князю Волконскому? Князь Иванъ Гагаринъ уѣхалъ изъ Берлина на двѣ недѣли (!?) въ Парижъ, вѣроятно, послушать римскихъ поповъ на французскихъ каѳедрахъ.

Увѣдомь о князѣ Долгоруковѣ. Я слышу, что онъ оставилъ въ Парижѣ или въ Петербургѣ другую рукопись съ анекдотами о Россіи. Я узналъ здѣсь достовѣрно, что онъ самъ хвастался, что переписалъ изъ моихъ секретныхъ рукописей толстую тетрадь, которую не отдалъ мнѣ, по выдуманнымъ имъ причи-

намъ. Если бы онъ не былъ теперь въ тискахъ, то я самъ бы пріѣхалъ стиснуть его и вытянулъ бы украденное; но при первомъ свиданіи добьюсь отъ него всего, что̀ мнѣ принадлежитъ. Я увѣренъ, что онъ многое включилъ въ свои брошюрки изъ моихъ рукописей. Что̀ съ нимъ дѣлается? Julvécourt здѣсь—и съ новыми планами въ пользу русской литературы и французскихъ читателей. Шевыреву письмо о L. Merty также завезъ. Онъ былъ у меня, но не засталъ.

Да гдѣ же было о Троицкомъ монастырѣ въ Marmier? Что же мои письма? Сейчасъ еще записка отъ El. Merty: отвѣчалъ ей и ѣду встрѣтить ее къ Еленѣ Мещерской. Гейнрихова, ур. Хилкова, умерла.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

927.

Князь Вяземскій Тургеневу.

19-го марта. [Петербургъ].

Книга о Франціи и Россіи здѣсь; дай подержать ее нѣсколько. Вчера получилъ я отъ Толстого книгу d'Arlincourt о Россіи. Пустоцвѣтно и пустословно, по крайней мѣрѣ, по первому бѣглому взгляду, но, кажется, все мадригально; есть и мадригалъ кн. Ольгѣ Долгоруковой и даже мадригалъ Гречу, conseiller d'état actuel. Это исторія, а вотъ поэзія: „Homme plein d'esprit et d'érudition. Je m'étais lié d'affection avec cet écrivain distingué, dont la conversation pleine de charme était pour moi d'un vif intérêt“. Лжетъ, вѣроятно, на государя, который будто бы сказалъ ему: „Vous êtes venu visiter la Russie: c'est un honneur pour elle, et je vous en remercie“. Лжетъ на Карамзина, который будто-бы сказалъ: „Si quelqu'un pouvait continuer mon *voyage* de Russie (c'est-à-dire „Histoire“: и того не зналъ!) ce serait Nicolas Bestougeff“. Слава Богу, обо мнѣ нѣтъ ни слова; я здѣсь убѣгалъ его, стало быть, я не старомодный французъ. Какъ же ты не понимаешь, что, по моему мнѣнію, старомодные французы sont ceux de 93, а новомодные,

то-есть, нынѣшніе sont Guizot и ему подобные, то-есть, благомыслящіе, умѣренные, идущіе впередъ, но мѣрнымъ шагомъ и созидающіе, а не бѣгущіе впередъ, какъ бѣшенные слѣпцы, которые все ломаютъ и искореняютъ на дорогѣ.

Не знаю, что за біографія Орлова, о коей ты пишешь, но не понимаю, какъ можно писать, то-есть, печатать біографію Орлова? Должно умолчать о важнѣйшей эпохѣ жизни его, именно о той, по которой онъ біографическое лицо. Осуждать, обвинять его не годится, хвалить нельзя и не должно, потому что это было бы противно устройству и существующему порядку. Любить его мы можемъ и должны, потому что онъ частно былъ прекрасный и благородный человѣкъ; но политическихъ лицъ у насъ нѣтъ, и не должно забывать, что, какъ политическое лицо, онъ только *политическій преступникъ*—въ виду гражданскаго общества и законовъ, имъ управляющихъ. У васъ въ Москвѣ много ума и души, но нѣтъ ни малѣйшаго такта и смѣтливости.

Спасибо тебѣ за Merty. Кланяйся ей отъ меня и хлопочи за нее. Обнимаю!

928.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го марта 1843 г. [Москва).

Вчера получилъ я изъ Парижа отъ 15-го марта письмо, въ коемъ мнѣ пишутъ: „Miss Clarke, другъ Рекамье и Шатобріана, принесла къ намъ пакетъ съ письмомъ къ вамъ m-me Récamier и книгою о St.-Cyr и m-me Maintenon, которую публиковалъ duc de Noailles и которой нѣтъ въ продажѣ. Я немедленно сдѣлалъ другой пакетъ на имя князя Вяземскаго“ и пр. Но въ другомъ мѣстѣ мнѣ пишутъ: „Курьеръ французскій уѣхалъ и пакетъ съ письмомъ Рекамье и съ книгою герцога де-Ноаль не былъ отправленъ“. Обѣщаютъ отправить послѣ; пожалуйста, не распечатывая, пришли немедленно; не распечатывай потому, что вотъ что пишетъ Клара: „Nous vous envoyons un précieux autographe de m-me

Récamier. Miss Clarke dit que vous êtes un être privilégié, car personne, à sa connaissance, n'a jamais eu faveur pareille. Notre curiosité était vivement excitée, mais le petit billet sous enveloppe était si élegamment plié, parfumé et cacheté, le livre du duc de Noailles même était si mystérieusement enveloppé, que c'est à grande peine que nous en avons obtenu la vue du titre et par conséquent eu un aperçu du précieux autographe; au moins j'espère que vous nous saurez bon gré de notre discrétion et surtout que Saschka nous donnait le conseil de l'ouvrir et de la copier dans cette lettre, mais nous avons resisté même à cette proposition qui cependant en sauve les apparences". Пожалуйста, и ты будь такъ же совѣстливъ и исправенъ при полученіи и пересылкѣ.

Вотъ что еще пишутъ: „Я пересталъ ѣздить на лекціи Мицкевича: мало были интересны и много требуютъ времени. На вчерашней лекціи (2/14-го марта) Мицкевичъ опять говорилъ объ исторіи славянскихъ поколѣній и изъяснялъ, почему низшіе классы между ними гораздо лучше высшихъ. Сожалѣю, что я этого не слышалъ, тѣмъ болѣе, что это совершенно согласно съ моими мнѣніями. Новую книгу Lamennais я купилъ и прочелъ. Это поэма, и поэзія прекрасная! Есть портреты Гизо, Тьера и прочихъ, экзажерированные и недостойные автора. „Semeur" посвятилъ также сей книгѣ небольшую статью, но не замѣчательную. Здѣсь все тихо. Въ Англіи бѣдствія мануфактурныя не прекращаются. Здѣсь ничего значительнаго не дѣлаютъ. Ужасы землетрясенія Гваделупы поразили публику. Со всѣхъ сторонъ открыли подписки. Помните ли вы статью, мною напечатанную, и которой никто не читалъ: o conversions des rentes 5%? Я предлагалъ тогда согласить обѣ стороны униженіемъ дохода съ 5 на 4 процента, но вмѣстѣ увеличивъ капиталъ 8 или 10 процентами. На сихъ дняхъ я читаю въ газетахъ, что голландское правительство дѣлаетъ именно то, что я тогда предлагалъ, и чего доселѣ никакое правительство не дѣлало. Жаль только, что это извѣстіе во французскихъ журналахъ не довольно подробно, и не у кого спросить о подробностяхъ. Но главная идея та же. Это показало мнѣ, что и въ моей головѣ могутъ встрѣчаться мысли дѣльныя и полезныя. Въ Голландіи, конечно, разумѣютъ дѣла кредитныя, и

сходство моей идеи съ идеею такого правительства дало мнѣ лучшее понятіе о моихъ собственныхъ мнѣніяхъ."

Вотъ еще нѣсколько словъ изъ письма одной дѣвицы, изъ Парижа: „J'ai été hier à un concert où j'ai entendu le fameux Ronconi avec sa femme; ils sont très à la mode cette année et j'ai été bien aise de les entendre, car on ne parle que d'eux. Lundi j'avais passé trois heures de temps à la Madelaine pour entendre m-r de Ravignan dans un sermon de charité; il y avait foule à ne pouvoir se remuer; il a prêché sur l'indifférence pour la religion et sur les passions. Il a eu, comme toujours, des moments superbes. On parle beaucoup de la nouvelle pièce de V. Hugo; l'opinion générale la trouve abominable, les vers étant boursoufflés, ampoulés etc.; il y a cependant aujourd'hui dans la „Revue des deux mondes" un article qui a l'air de le louer (и „Дебаты" хвалятъ піесу). En revanche il y a une pièce à la Porte-Saint-Martin qui fait merveille: rien de si charmant, à ce qu'il paraît, que les décors des „1001 nuits", c'est d'un effet magique, tout Paris y court; nous devons y aller ces jours avec Fanny" etc.

Читалъ ли ты въ журналахъ, что Ансело-мужъ упалъ въ театрѣ въ дыру суфлера — — —и переломилъ себѣ ребро?

Вотъ и письмо изъ Берлина, въ экстрактѣ, отъ князя Гагарина. Нѣтъ времени его комментировать, а любопытно и умно.

Теперь — о промышленности Мейендорфской и дамской. Третьяго дня мы были на открытіи выставки мануфактуръ, то-есть, на молебнѣ и на обѣдѣ стерляжьемъ. Я закупилъ fichus, кои повезу въ Парижъ, ибо не уступятъ тамошнимъ, хотя немного и подороже. Рѣчь Прохорова была коротка, слѣдовательно хороша. Дамы, съ коими завтрако-обѣдалъ, были прелестнѣе товаровъ: княгиня Надежда Трубецкая, Ховрины, Мартыно-Гагарины, все затмевающая Солнцева (нѣтъ: все, а не всѣхъ) и прочія. Оттуда — на обѣдъ къ Рюминымъ, гдѣ въ первый разъ слышалъ m-lle Merty: прелесть въ голосѣ и въ выраженіи! Вчера ее же слышалъ у Апраксиной: она пѣла двѣ аріи; я дослушалъ конецъ одной, ибо удержанъ былъ на другой avant-soirée. Въ понедѣльникъ концертъ ея: везу всѣхъ кузинъ и племянницъ, и всѣ ѣдутъ. Она довольна нами пока. Сама писать

будетъ, какъ и я, къ милой, единственной вдовушкѣ (пріѣхалъ пасторъ изъ Троицы: подожди—привезъ мнѣ шесть писемъ Платона и къ Платону, весьма любопытныхъ, изъ архива, и новое описаніе Троицы, печатное).

Вчера были мы (19-го марта) въ Дѣвичьемъ монастырѣ, служили обѣдню и панихиду по М. Орловѣ и плакали: Чаадаевъ, Кирѣевская, милая и съ другою грустью Свербеева, княгиня Шаховская и нѣсколько имъ облагодѣтельствованныхъ женщинъ, рыдавшихъ надъ памятникомъ, гдѣ слова: „Подписавшій условія при вшествіи въ Парижъ“ принадлежатъ исторіи. Меня поразило слово въ поминовеніи: „Болярина Михаила“, потому что здѣсь, какъ слышно, бояринъ-ценсоръ (boyard qui se croit Bayard), не пропустивъ статьи Шевырева, назвалъ Михаила Орлова *каторжнымъ* въ противность манифесту, коимъ запрещено подличать и ругать обвиненныхъ, а онъ и обвиненъ не былъ. Sapienti sat! Сейчасъ ѣду въ ремесленное учебное заведеніе на испытаніе воспитанниковъ; оттуда—обѣдать къ Новосильцовой, въ Историческое общество, въ концертъ, гдѣ услышу Ослановичевыхъ, и на вечеръ, гдѣ увижу графиню Зубову. Прости, допишу послѣ завтра, или послѣ перваго концерта m-lle Merty. Вчера я заставилъ, впрочемъ безъ труда, Блаза пѣть за ея здоровье.

Вотъ тебѣ маранье, начатое по вдохновенію дружбы Рекамье и конченное дружбою Шеллинга.

Я читалъ книгу князя Долгорукова: радуюсь за тебя; но и при подлости другимъ умѣлъ провиниться: c'est du guignon? Въ книгѣ, имъ въ Парижѣ оставленной,—вѣроятно, выписки изъ украденныхъ у меня рукописей. Гдѣ авторъ?

Приписка А. Я. Булгакова.

Я хотѣлъ уже запечатывать свое письмо, какъ явился Тургеневъ, какъ вихрь и какъ вихрь исчезъ, начавъ десять разговоровъ и не конча ни одинъ. А у меня такъ *она* начала письмо, *она* и кончила. Я тебѣ все объ ней только и говорилъ, и писалъ вчера, ложась спать. Ссылаюсь на письмо и прибавить болѣе нечего. Обнимаю!

929.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го марта 1843 г. Москва.

Успѣхъ былъ полный и блестящій, какъ мы и ожидали: она, кажется, довольна нами, и мать ея была очень растрогана. Всѣ львы и львицы — въ блестящихъ туалетахъ. Булгаковъ опишетъ тебѣ подробнѣе. Теперь начнемъ хлопотать и о субботнемъ концертѣ, чтобы успѣть кончить до Рубини. „Молитва“ его, Мятлева, передо мною; православные недовольны ею. Вчера уладили мы съ Шевыревымъ такъ: я пришлю ему статью Marmier о Троицѣ, а онъ напишетъ замѣчанія, покажетъ другимъ, и все пришлемъ тебѣ.

Сегодня родилась прелестная Александра Ховрина и день ангела Лидіи Кекъ, моей племянницы; слѣдовательно, не до тебя. Ожидаю обѣщаннаго — послѣ Рубини — письма. Вотъ недосланный печатный листокъ къ письму субботнему.

Вчера видѣлъ на одинъ день пріѣзжавшую сюда ярославскую губернаторшу черноокую; приглашалъ ее въ концертъ, но она вчера же возвратилась въ Ярославль.

Отправляю къ брату 31-й номеръ шестистраничной мелкой печати. Менѣе четырехстраничнаго не бывало, а обыкновенно восьмистраничныя. Перечитаю себя въ Парижѣ. Что псевдонимъ-Долгоруковъ? Оставленная имъ въ Парижѣ рукопись, о коей пишется предисловіе, меня очень безпокоитъ. Заѣду къ m-lle Merty поздравить съ успѣхомъ, узнать объ итогѣ и взять билеты и программу на субботу.

Прочти въ „Allgemeine Zeitung“, Beilage, № 80: „Touristen Litteratur“ о „Etoile polaire“, d'Arlincourt. Уже второе изданіе о Россіи! Вотъ resumé нѣмецкаго рецензента, и похоже на правду: „Es ist äusserst leichte, oft sehr fade Arbeit, aber dennoch amusant“. Anecdotes и chroniques scandaleuses — въ изобиліи. Петербургъ — Paris du Nord, въ коемъ только дворцы и — Камера депутатовъ.

У Мерти. Она сама къ тебѣ пишетъ. 400 billets placés, 250 présents. Другіе заплачены, но, кажется, не всѣ. „Der Wanderer“ восхитилъ меня болѣе, нежели...[1]); и слова по сердцу мнѣ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

930.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го марта 1843 г. [Петербургъ].

Книги и письма къ тебѣ отъ Рекамье у меня еще нѣтъ. Какъ скоро получу, пришлю въ неприкосновенности. Спасибо за письмо Гагарина. Оно очень умно, и я совершенно съ нимъ согласенъ въ мнѣніи о глубинѣ и недальновидности нѣмцевъ. Французы, напротивъ, слишкомъ дальновидны или, вѣрнѣе, дальногляды. За то и просматриваютъ все наличное и дѣйствительное и преслѣдуютъ вдали тѣни. Спасибо и за Meerti. Я очень радъ, что вы ею довольны и что она довольна вами; но боюсь, что звѣзда ея закатится предъ солнцемъ Рубини. Получивъ „Москвитянина“, начинаю понимать твои толки о біографіи, хотя не о біографіи идетъ дѣло, а развѣ о нѣсколькихъ похвальныхъ отзывахъ, что̀ дѣло совершенно другое и извинительное. Но все не совмѣстно. Развѣ вы не знаете, что здѣсь цензора пострадали и что самъ Мордвиновъ былъ отставленъ за портретъ Марлинскаго-Бестужева? Что за охота и что за польза показывать шишъ въ карманѣ? Его и въ карманѣ прищемятъ. Орловъ, разумѣется, не каторжникъ, но былъ дѣйствующее лицо въ государственномъ заговорѣ, и товарищи его, и, можетъ быть, даже менѣе его участвовавшіе въ этомъ заговорѣ,—каторжники. Исторія можетъ судить объ этомъ событіи иначе, нежели современный судъ; но правительство, если хочетъ оставаться правительствомъ, не можетъ дозволить, чтобы эти лица ставились въ примѣръ, а публичная похвала есть то же самое. Не знаю подробностей этого дѣла и, слѣдовательно, не

[1]) Точки въ подлинникѣ.

знаю, правильно и прилично ли сдѣлано было запрещеніе, но сужу о томъ вообще, какъ о политическомъ вопросѣ et d'une question de convenance sociale et gouvernementale и нахожу, что нельзя было не запретить. Хорошее или худое ли дѣло ценсура, это статья другая; но ценсура есть, а вы хотите поступать, какъ будто бы ея не было. Ребячество! Орловъ при умѣ своемъ и чистой, благородной душѣ не имѣлъ ни малѣйшаго такта и этимъ отсутствіемъ давалъ поживу своимъ недоброжелателямъ и огорчалъ своихъ друзей. И вы въ этомъ отношеніи хотите продолжать его.

Безтактный д'Алмагро, говорятъ, уже въ дорогѣ по здѣшнему вызову, но что съ нимъ будетъ,—неизвѣстно. Вотъ здѣсь досадно мнѣ будетъ, если поступятъ строго, потому что, по настоящему, правительству тутъ вмѣшиваться нечего, а надобно предоставить обществу справиться съ нимъ. Ему, вѣроятно, всѣ дома были бы здѣсь заперты. Книга его глупа и неприлична, съ примѣсью косолапой злости; но вотъ и все. Конечно, глупо и неприлично печатать такія дрязги въ чужихъ краяхъ и особенно въ Парижѣ. И съ какою цѣлью? Что за нужда Европѣ, чей внукъ Клейнмихель и что Нарышкины были Ярышкины? Чѣмъ для нихъ Нарышкинъ лучше и благозвучнѣе Ярышкина?

Покажи Шевыреву то, что я сказалъ о его статьѣ. Мнѣ и точки его не нравятся: это тоже кукишъ въ карманѣ et du libéralisme de la restauration. Ему надобно беречь и давать ходъ своему „Москвитянину" для общей пользы, а подобными промахами онъ его и погубитъ.

Мнѣ смѣшно, что мы все съ тобою споримъ. Но что же дѣлать? Я о земномъ сужу на землѣ и по земному, а ты все карабкаешься за облака и мѣришь земное воздушнымъ аршиномъ. Обнимаю.

931.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го марта 1843 г. [Москва].

Вчера получилъ письмецо твое отъ 19-го и, не прочитавъ его предварительно, показалъ только двумъ лицамъ, изъ коихъ одно женское—и раскаялся за тебя, мой милый кривотолкъ. Одна изъ

двухъ поручила Кавелину, ѣдущему завтра, передать тебѣ ея негодованіе. Впередъ не умничай чужимъ толкомъ и оставайся Вяземскимъ, то-есть, съ прежнимъ *негодованіемъ*: помнишь ли ты свои варшавскія вирши? Но о прежнемъ и о нынѣшнемъ болѣе ни слова. Ты не горбатъ—и вѣрно исправишься, то-есть, провѣтришься при первомъ вѣяніи европейскаго зефира.

Merty вчера не пѣла у Рюминыхъ, и я уѣхалъ на двѣ или на три другія вечеринки. Рубини вчера пріѣхалъ и, вѣроятно, повредитъ ей. Трудно помѣщать ея билеты вторично: всѣ помышленія о Рубини! Но—рады стараться! Завтра—„Stabat mater“ и пр. Ежедневно репетиціи.

О какомъ Николаѣ Бестужевѣ вретъ d'Arlincourt? Онъ жилъ у эксъ-удѣльнаго, а нынѣ оберъ-прокурора Андрея, коего вчера видѣлъ. Да онъ и не читалъ Карамзина, хотя и травилъ онъ и... удѣльныхъ въ Симбирскѣ, и мой искренній пріятель.

Нельзя ли хоть взглянуть на сѣверную Аврору? Да пришли прямо на имя мое и скажи, сколько дней продержать: исполню въ точности, а я отъ твоего имени разослалъ по всѣмъ нѣжнымъ ручкамъ.

Будутъ ли, хотя оффиціально, отвѣчать д'Арлекину? Читалъ ли статью бѣднаго Глинки, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, о Мейендорфской выставкѣ, о „единеніи“ Казимировъ—Казимировичемъ, № 35. Ты напечатанъ, *съ прибавленіемъ*, тамъ же.

Одна изъ Боде выходитъ за сына Олсуфьева. Сегодня рожденіе Ек. Ал. Свербеевой и дочерей ея: Вареньки (12-ти лѣтъ) и—не знаю еще которой. Не увижу ее, ибо она все еще въ святой и ненасытимой грусти, но везу Николеньку слушать проповѣдь митрополита въ Чудовѣ, у Благовѣщенья. Прости и прости и пріими начало письма; прости, то-есть, какъ оно отъ простого сердца писано.

Отъ разъѣздовъ и записокъ по концертамъ Merty не успѣлъ еще отвѣчать милой красавицѣ: сберусь при первомъ досугѣ. Расцѣлуй ея ручку.

Не забудь прислать посылки изъ Парижа, когда пришлютъ, и „Russie и France“, когда всѣ твои перечитаютъ.

Merty поетъ въ день моего рожденія: не знаю, какъ уладить съ обѣдней и съ обѣдомъ для меня и для моихъ.

Надъ образами, при молебнѣ, стоялъ *портретъ* и казалось, что ему кадили (между нами) и православныя, хотя и львицы, морщились, а я кивалъ Аксакову: за то и поперхнулся стерлядью на завтракѣ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

932.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го марта 1843 г. Москва.

Сейчасъ костромской твой вѣрноподданный вручилъ мнѣ письмо твое. Спасибо за объясненіе твоей мысли. Въ главномъ основаніи оной ты почти правъ, но не во всемъ. Бесѣдовать некогда. Не знаю, покажу ли письмо Шевыреву. Посовѣтуюсь съ любящими тебя. Всѣ твои политическія ереси меня къ тебѣ не охлаждаютъ; напротивъ, ибо онѣ утверждаютъ въ тебѣ то, чѣмъ ты былъ всегда милъ мнѣ: дружба наша сохранится — quand-même — неприкосновенною.

Попроси Андрюшу, чтобы выручилъ въ Парижѣ отъ брата письмо и книжку Рекамье. И Custine здѣсь полученъ, если не хвастаетъ Мейендорфъ. Я думаю, что онъ très hostile къ намъ; такъ, по крайней мѣрѣ, предварила меня Рекамье, коей онъ читалъ отрывки. Сначала не былъ таковъ, но многое переиначилъ еще въ рукописи.

Какъ ты думаешь: могу ли я принудить князя Долгорукова о выдачѣ мнѣ переписаннаго изъ моихъ рукописей? Я оставить этого такъ не могу, ибо онъ публицистъ.

Merty давно не видѣлъ. Второй концертъ былъ въ день, когда я вступилъ въ 60-й годъ: обѣдня, обѣдъ, гости, — и я все прозѣвалъ. За то слушалъ духовно-церковный концертъ въ пользу лѣкарскихъ сиротъ. Ѣду къ Merty теперь. О Рубини все знаешь по Булгакову. Да дай полакомиться д'Арлекиномъ! Шевыревъ пи-

шетъ, кажется, отвѣтъ Marmier. Поѣду и къ нему сегодня, если рѣшусь показать письмо твое. Да присылай и „France и Russie", если не нужны. Завтра—Рубини; онъ будетъ пѣть и у обнищавшаго Гебеля. На другой день перваго его концерта являлся къ нему съ должнымъ почтеніемъ Рейнгардъ вашъ: секретари Рубини и къ дверямъ не допустили. „Что онъ дѣлаетъ?" — „Считаетъ деньги", отвѣчали, „и потому на другой день концерта никогда никого не принимаетъ". Сказываютъ, что онъ здѣсь никого и ничего не видитъ и занятъ только своимъ горлышкомъ, которое холитъ и грѣетъ. Прости! Обнимаю.

Спѣшу на базаръ, гдѣ барышничаетъ графиня Зубова et compagnie. Здѣсь прошли слухи, что графиня Строганова, вѣроятно кн[яжна] Г[олицына], оримлянилась въ Римѣ. Правда ли! Даже и другая???!!! Графиня Строганова была чрезмѣрно набожна прошлаго года въ Парижѣ, если можно быть чрезмѣрно набожною и православною: ежедневно въ нашей церкви, два раза говѣла и прочее. Я не вѣрю ея отпаденію отъ нашего православія. Гоголь и Языковъ поживаютъ тамъ опять дружно.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

933.

Князь Вяземскій Тургеневу.

3-го апрѣля. [Петербургъ].

Что ты меня ссоришь съ моими пріятельницами, выдаешь имъ мои письма, стыдишь меня и пугаешь очными ставками съ *прежнимъ мною?*

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Не боюсь ничего,
Ни тебя, ни себя!

Могу ошибаться въ своихъ мнѣніяхъ, но никогда не могу стыдиться и краснѣть за нихъ, потому что всегда мои побужденія чисты и чистосердечны. Что нѣтъ уже во мнѣ зеленаго пыла,

это правда; что смотрю на многое глазами опытности, что во многомъ и во многихъ я разувѣрился и—это правда; что нахожу, что ты хоть и сѣдъ, но все еще очень зеленъ—правда и это.

Д'Арленкуръ говоритъ о Николаѣ Бестужевѣ, который писалъ въ „Полярной Звѣздѣ“ морскія письма и сосланъ въ Сибирь. Онъ въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, былъ гораздо умнѣе и дѣльнѣе брата своего, Марлинскаго, и писалъ лучше его. Пришлю д'Арленкура, когда его здѣсь отчитаютъ. Что тутъ отвѣчать ему оффиціально? Онъ все сластитъ, но приторною и вонючею медовою патокой. Развѣ Шевыревъ довольно православенъ, чтобы разгромить ереси Мармье? Не призвать ли на помощь Кирѣевскаго и Хомякова, а еще лучше—благочестиваго пріятеля твоего Филарета; а во всякомъ случаѣ нужно будетъ показать ему замѣчанія и подвергнуть ихъ суду его. Ужъ если отвѣчать Мармье, то отвѣчать сильно и всесокрушительно. Въ одномъ изъ послѣднихъ „Дебатовъ“ есть статья о д'Алмагро, которая, вѣроятно, еще болѣе повредитъ ему.

Твоя хроника больна не острою, а хроническою болѣзнью: такъ отдѣлала ее цензура, особенно, кажется, за римское направленіе. Кажется, лучше не печатать въ такомъ видѣ.

Я не боюсь; покажи мое прежнее письмо Шевыреву: оно будетъ ему служить предостереженіемъ. Вы въ Москвѣ умныя и добрыя дѣти: нужно давать вамъ иногда родительскія наставленія и родительскіе щелчки, чтобы вы не лазали по кресламъ и не били стеколъ.

934.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го апрѣля 1843 г. Великій вторникъ. Москва.

Я читалъ твое письмо къ Булгакову съ выписками, но еще не читалъ статьи о Троицѣ, ибо она была сообщена Шевыреву по твоему приказанію; сегодня прочту. Жаль не его, а .... [1]), какъ слышу отъ другихъ. Вотъ и тебѣ статья Волкова (Михаила) о Рубини, не пропущенная графомъ Строгановымъ для Шевырева.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Нельзя ли помѣстить ее въ вашихъ журналахъ? Тутъ, кажется, личностей нѣтъ, а представлена только смѣшная сторона московскихъ журналистовъ—привязываться ко всему, чтобы похвастать Москвою. Ты, конечно, не отдашь въ печать этой статьи, да и я бы не желалъ огорчать Шевырева, ибо недавно сошелся съ нимъ; но право смѣшно и запрещать писать о немъ, и не позволять трунить

надъ тѣмъ, что кажется смѣшно.

Прошу не оглашать, что *я* тебѣ сообщилъ статейку [1]). Лучше не говорить о ней, если не печатать. Я бы желалъ выкинуть все, что можетъ огорчить Шевырева [2]) и оставить общее замѣчаніе, но, кажется, это невозможно. Вообще, нужно исправить редакцію; Волковъ по-русски лучше говоритъ, чѣмъ пишетъ.

Концертныя и лотерейныя хлопоты наши кончились: мы всѣ въ молитвѣ, но уже должны снова помышлять и о mademoiselle Merty въ среду, и о лотереѣ съ маскарадомъ милой Зубовой въ четвергъ на Святой. Страшусь за первую: публика стонетъ отъ концертовъ, какъ m-lle Merty съ компаніей отъ Рубини. Я поѣду поздравить ее съ его отъѣздомъ. И все это какъ-то лежитъ на совѣсти, когда вспомнишь, что подъ рукою иное, и музыка иного рода въ ушахъ...

Милая Зубова захлопоталась до изнеможенія и продала болѣе всѣхъ на своемъ столѣ. Прелестное созданіе, и все ей къ лицу, даже и колпачекъ сестры милосердія.

Графъ Сологубъ ускакалъ къ вамъ съ концерта Рубини, узнавъ о болѣзни опасной отца. Онъ читалъ до пятаго часа у Хомякова какую-то повѣсть, но какъ чтеніе было послѣ ужина, то я и не слыхалъ его. Пожалуйста, пришли мнѣ стихи Соболевскаго на здѣшняго *Казимировича*. Если нѣтъ у тебя, то вытребуй отъ автора.

Вчера былъ я опять и амплетничалъ на выставкѣ русскихъ купцовъ и уже слышалъ, что одинъ изъ нихъ предлагалъ свои

---

[1]) Рукою *А. Я. Булгакова*: Le diable, qui presse la morale! Le bavard, la discrétion!

[2]) Рукою *А. Я. Булгакова*: Что же тогда останется?

товары дамамъ: „Мы вамъ продадимъ съ почтеніемъ“.—„Что такое почтеніе?“ —„Съ убавкою 50-ти копеекъ съ аршина“. Слѣдовательно, опять тотъ же торгъ.

Не получая давно письма изъ Парижа, я не въ духѣ и смущенъ. Прости за письма. Булгаковъ увѣдомляетъ о прочемъ. Да пришлите же намъ дурака д'Арленкура хоть на двое сутокъ! Доволенъ ли статьею Сенъ-Бёва о Барантѣ?

Съ вѣяніемъ весны подмываетъ и меня и влечетъ куда-то безотчетно, но сильно; вѣроятно, подъ небо Шеллинга и Гёте еще болѣе, нежели на шумныя стогны Парижа. Я рѣшительно ѣду съ Аржевитиновымъ въ послѣднихъ числахъ мая; мимо васъ ли, еще не знаю. Встрѣчусь гдѣ-бы то ни было съ милой Еленой Мещерской, которую сопровождаютъ молодые въ Баденъ и къ морю. Сколько ума и души въ этихъ проницательныхъ глазкахъ! Да они же и нѣмцевъ читаютъ!

Старикъ Николай Ильичъ Мухановъ скончался. Письмо есть изъ Парижа, но еще не видѣлъ его.

Приписка А. Я. Булгакова.

Явился на минуту и исчезъ. Я было-думалъ найти въ статейкѣ Волкова сужденіе его, мнѣніе о Рубини. Онъ музыкантъ и лучшій, а потому желалъ бы я знать мнѣніе его, но объ этомъ ни слова, а только шуточки на Шевырева. А точно есть порокъ этотъ у нашихъ журналистовъ, что они ни о чемъ не умѣютъ говорить хладнокровно и безъ преувеличиваній; а вѣдь странно, что два профессора того же университета такъ различно судятъ. Одинъ (Давыдовъ) ставитъ Рубини ниже Бантышева (!); а другой (Шевыревъ) говоритъ, что въ концертѣ Рубини „три тысячи пятьсотъ слушателей слились въ одну душу, въ одно вниманіе, въ одно необъятное наслажденіе“ (Давидова-то все надобно исключить изъ 3500 слушателей). Ежели Волковъ хотѣлъ уже пускаться на сатирическую статью, то было бы что разсказывать. Спрашиваютъ, отчего хлопали Рубини, когда онъ только показался на эстрадѣ и еще не пѣлъ. Ну, положимъ, что ободряли того, кому въ ободреніяхъ нужды нѣтъ. Нѣтъ, спросили бы у 50 (не лгу, у 50), у 50 человѣкъ, зачѣмъ кричали они тогда уже браво, а человѣкъ 10 кричали даже фора и форо. Какъ не прыгнула Волкову въ глаза фраза Шевырева: „Для такого пріема надобно имѣть или знойную страсть Италіи, или глубокую душу Москвы“. Ну, ей Богу (сказано тебѣ будь

на ухо), ей Богу, у насъ здѣсь пропасть ослиныхъ ушей, дураковъ, неучей, не имѣющихъ ни души музыкальной, ни малѣйшаго понятія о музыкѣ. „Какой энтузіазмъ къ Рубини", сказалъ мнѣ Мельгуновъ. „Га, этого не видалъ я и въ Парижѣ! Нѣтъ, Москва умѣетъ судить!" А тутъ, вдругъ, какъ нарочно, какъ мамзель Остергардъ, у которой есть впрочемъ и голосъ, и мастерство, стали второй разъ вызывать, я сказалъ Мельгунову: „Вотъ вамъ наша публика! Гдѣ же тутъ мѣра, разборчивость? Что Рубини, то и этой такъ же".—„О, да! Я вамъ скажу: это не таланту ея апплодируютъ, а хотятъ Рубини приласкать, потому что она его ученица." Некогда, а то разсказалъ бы тебѣ разговоръ этого самаго Мельгунова, Ал. Степановича, съ Рубини. Презабавно! Онъ напечаталъ три аріи, кои пѣлъ Рубини, и къ одной пририсовалъ портретъ Рубини, вовсе не похожій, но Мельгуновъ хотѣлъ припечатать тутъ portrait sans séances. Ежели удосужусь завтра, разскажу тебѣ смѣшной анекдотъ о купцѣ русскомъ, пришедшемъ къ Монигетти покупать билетъ на концертъ Рубини. Вчера Мерти пріѣзжала ко мнѣ, но я былъ въ то время у обѣдни: говѣю. Прости мнѣ, что такъ часто и дурно къ тебѣ пишу. Прощай! Обнимаю.

6-го апрѣля 1843 г.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

935.

Тургеневъ князю Вяземскому.

Великая среда. Утро. [7-го апрѣля. Москва].

Вчера ввечеру получилъ я письмецо отъ 3-го апрѣля съ выговоромъ за то, что ссорю тебя съ пріятельницами, и вчера же получилъ отвѣтъ отъ брата на письма твои ко мнѣ (о Франціи, Ламартинѣ и пр.) и посылаю тебѣ изъ него выписку. Я не показывалъ твоихъ двухъ писемъ Шевыреву, а теперь покажу, по твоему требованію. Въ побужденіяхъ твоихъ мы всѣ одно видимъ: прежняго и всегдашняго Вяземскаго; но въ мнѣніяхъ, не отъ насъ, а часто отъ атмосферы нашей зависящихъ,—иное дѣло. Читавшая не менѣе меня тебя любитъ; мнѣ даже иногда завидно, но за тебя и зависти въ сердцѣ нѣтъ. Братъ также тебя любитъ, какъ немногихъ; любитъ и помнитъ, когда и какъ ты о немъ вспомнилъ; но мнѣніе его о твоихъ мнѣніяхъ — отъ сей любви и отъ памяти

сердца независимы. Я не жалѣю, что скоммеражничалъ и съ нимъ твоими письмами: должно, для нашей общей пользы, очищать, освѣжать наши умозаключенія, кои могутъ зачерствѣть въ нашей сидячей жизни. Я только вчера прочелъ статью Marmier; не знаю и сомнѣваюсь, въ силахъ ли отвѣчать Шевыревъ. Онъ опять заправославничаетъ и заумничаетъ по-русски, а дѣло не въ томъ. Промахи историческіе и статистическіе указать въ Marmier можно; но защищать многое и защищаться трудно, особливо предъ Европой; а русскіе и безъ того рады тѣшиться надъ невѣжествомъ Marmier, такъ, какъ они тѣшились тѣмъ, что онъ курилъ имъ изустно ѳиміамъ и восхищался въ ихъ присутствіи ихъ салонами. Не знаю еще, будетъ ли отвѣчать Шевыревъ. Всесокрушительно отвѣчать нельзя, по крайней мѣрѣ, передъ Европою: иначе будемъ бить и намъ будетъ больно. Я предварилъ совѣтъ твой и вчера же послалъ статью Marmier моему пріятелю. Дни великихъ воспоминаній, конечно, не для такихъ пререканій назначены, но что же дѣлать? Сообщу, если откликнется. Всѣ его записки ко мнѣ примѣчательны: прочтешь, если свидимся.

Кажется, Аржевитиновъ точно ѣдетъ со мною и, можетъ быть, на Петербургъ. Братъ послалъ уже на твое имя для меня письма Рекамье и отъ другой дамы: перешли поскорѣе; но ни одной книги не приняли: ни третьей части Поръ-Рояля, ни L. Blanc, ни Belgiojoso. Не худо бы повторить просьбу къ Андрюшѣ о предписаніи принимать отъ брата хоть по дву-волюмному, in 8^0, пакетцу. Ты не прислалъ мнѣ моей „Хроники" съ ценсурными обрѣзами, и потому я судить не могу о возможности напечатанія въ сеpальномъ обрѣзаніи. Нельзя ли прислать мнѣ всю бумагу? Я возвращу немедленно, если почту возможнымъ напечатать. Въ противномъ случаѣ пришлю новыхъ матеріаловъ и пришлю скоро, а можетъ быть сохраню кое-что и изъ обрѣзковъ. Да гдѣ же ты нашелъ римское направленіе? Я право не римлянинъ, не .... [1]), а просто духа не угашаю и имъ однимъ жить и дышать и дѣйствовать стараюсь; это не мѣшаетъ мнѣ иногда призадуматься, а иногда и болѣе, слушая „Да исправится". Евангеліе слушаю всегда съ но-

[1]) Точки въ подлинникѣ.

вою любовью къ Нему, съ новымъ энтузіазмомъ къ Нему и читаю Gfroerer'a, нѣмецкаго раціоналиста, съ глубокимъ презрѣніемъ къ нему, но и съ христіанскимъ прощеніемъ его умничанью. Сегодня я исповѣдуюсь: прости, Христа ради!

Парижъ. 27-го марта н. с.

„Мнѣніе Вяземскаго меня ни мало не трогаетъ и еще менѣе удивляетъ. Подъ старость и имъ, какъ многими людьми, овладѣло то благоразуміе, которое скорѣе можно назвать разсчетливостью и инстинктомъ нѣкотораго, ими самими едва понимаемаго, эгоизма, и которое не только влечетъ людей на сторону, если не выгодъ позитивныхъ, то негативныхъ, на сторону матеріальнаго спокойствія. Чувствуя трудъ борьбы со зломъ, они заключаютъ миръ со зломъ и непримѣтно для нихъ самихъ дѣлаются врагами добра; разсуждать съ ними безполезно: ихъ инстинктивныя выгоды давно уже ихъ убѣдили. Но можно Вяземскому замѣтить, что въ этомъ домѣ сумасшедшихъ (Франціи), посреди этихъ вертопраховъ (французовъ), состояніе человѣчества (l'état de l'homme) возвысилось съ безпримѣрнымъ успѣхомъ на землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ эти безумные вертопрахи начали болтать и дѣйствовать такимъ образомъ, что заслужили сіи эпитеты. Народное благосостояніе усилилось въ важной степени въ послѣднія пятьдесятъ или особенно тридцать лѣтъ. Нравы сдѣлались, конечно, чище, благоразумнѣе; преступленія кровавыя уменьшились; трудолюбіе увеличилось; школы вмѣщаютъ впятеро болѣе учащихся, чѣмъ прежде; доходы государственные простираются на полтора милліарда, не изсякая источниковъ народнаго богатства и каждый годъ принося болѣе тридцати или сорока милліоновъ свыше исчисленій, свидѣтельствуютъ преумноженіе частнаго благосостоянія. Къ тому же эти вертопрахи умѣли ввести такой порядокъ въ администраціи и въ отчетности финансовъ, что англичане не почли для себя стыдомъ посылать экономистовъ учиться у нихъ этой администраціи и занимать отъ французовъ то, чего сами не имѣютъ. Вотъ дѣйствіе того, что Вяземскій называетъ пустословіемъ. Въ idées sociales, humanitaires Вяземскій видитъ раскрашенныхъ курвъ, бродящихъ по-міру. Я нахожу въ этихъ

еще грубыхъ и необтесанныхъ идеяхъ первые порывы совѣсти человѣческой къ дальнѣйшему усовершенствованію участи состоянія человѣка и обществъ человѣческихъ. Потому-то и трудна теперь роль политическихъ ораторовъ, что ко всѣмъ чисто политическимъ предметамъ примѣшиваются теперь вопросы соціальные. Не надобно забывать характера нашего времени, который болѣе и болѣе обнаруживается съ каждымъ днемъ: характера перехода отъ одного порядка вещей къ другому. И Фоксы, и Бурки, и Мирабо, и даже новѣйшіе ораторы французскіе: Фуа и Benjamin Constant нашлись бы теперь, говоря на французской трибунѣ, въ такихъ затрудненіяхъ, какихъ они въ свое время и въ ихъ землѣ (Англіи) не встрѣчали. И по сію пору Англія еще держится прежняго порядка вещей. Здѣсь къ прежнему начинаетъ присоединяться новый, въ questions·socials состоящій. Эти вопросы еще въ младенчествѣ, но пренебрегать ими нельзя, et tout homme politique doit les discuter d'une manière ou d'une autre, doit en tenir compte. Конечно, они даютъ поводъ къ насмѣшкамъ. Многое въ теоріяхъ соціалистовъ не только смѣшно, но и глупо, и нравственно не хорошо. Но источникъ всѣхъ сихъ, еще не созрѣвшихъ теорій, всѣхъ сихъ заблужденій, святъ: это есть желаніе добра человѣчеству. А что Ламартинъ иногда говоритъ вздоръ—это столь же мало доказываетъ и противъ Ламартина, и противъ Франціи, сколько декламаціи Вяземскаго о Воробьевыхъ горахъ и ребяческія.... о репрезентаціи во Франціи противъ истиннаго таланта Вяземскаго и противъ характера всего русскаго народа."

„Вчера сказывали мнѣ bon mot Прусскаго короля: „Dans le commencement de mon règne mes sujets m'aimèrent tant, qu'ils étaient prêts à me manger par amour. Maintenant je suppose qu'ils regrettent de ne l'avoir pas fait."

„Занятіе французами Отагити сильно не нравится „Семёру" („Semeur"—безпристрастный протестантскій журналъ—„Сѣятель"). Онъ видитъ въ этомъ желаніе вытѣснить, въ угодность духовенству, протестантскихъ миссіонеровъ изъ сего острова и вмѣстѣ тщетное хвастовство завоевать новую колонію. Я думаю также,

что это занятіе основывается не на пользѣ Франціи, а только на желаніи похвастаться новымъ пріобрѣтеніемъ."

„Мы имѣли недавно письмо отъ lady Anna-Maria (сестра лорда Минто, другъ Поццо-ди-Борго и дочь его благодѣтеля, отца лорда Минто, нѣкогда генералъ-губернатора англійскаго въ Корсикѣ и въ Индіи и посла въ Вѣнѣ, гдѣ у него жилъ Поццо). Она пишетъ къ намъ, что бывшій генералъ-губернаторъ Индіи, lord Auckland — весьма благородный человѣкъ, другъ ея брата (лорда Минто, эксъ-министра морскихъ силъ и друга В. Скотта, отъ коего я имѣлъ къ нему, какъ и отъ лорда Лансдовна, письма). Онъ рѣшился на Кабульскую экспедицію не отъ того, чтобъ опасался немедленныхъ непріятельскихъ дѣйствій съ этой стороны, но отъ того, что предвидѣлъ возможность согласія и союза между различными народами того края, вслѣдствіе чего они могли бы сдѣлаться опасными для владѣній англійскихъ. — Амори, авторъ запрещенной книги объ исторіи Сициліи, познакомился съ нами."

Вотъ еще что братъ пишетъ, и я надѣюсь, что ты не будешь мстить ему за разномысліе съ тобою и доставишь мнѣ дѣльную справку на его финансовый вопросъ:

„Вы мнѣ ничего не сообщили о послѣдствіи финансовыхъ мѣръ. Разспросите вашихъ пріятелей и увѣдомьте: какую судьбу имѣли новыя облигаціи металлическія? Привыкли ли въ Россіи всѣ все считать на серебро? Удержалось ли уничтоженіе лажа? Особенно для меня интересно знать участь депозитныхъ кассъ и выдаваемыхъ ими облигацій въ замѣнъ вносимаго серебра. Я почти забылъ уже все это. Но вспомню, когда получу ваши увѣдомленія и увижу, ошибся или нѣтъ я самъ, когда писалъ статью о семъ предметѣ. Мѣра, принятая Голландскимъ правительствомъ для конверсіи 5%, невольно дала мнѣ нѣкоторую довѣренность къ собственнымъ моимъ мнѣніямъ по части финансовъ."

31-го марта.

„Я читаю теперь и выписываю изъ „Morning Chronicle" указъ султана, коимъ, согласно представленію паши и назначеннаго для сего комитета, онъ опредѣляетъ повинности des rayas въ Босніи относительно ихъ помѣщиковъ-мусульмановъ. Учре-

жденіе не только любопытно, но и весьма хорошо. Этотъ законъ опредѣляетъ количество и мѣру разныхъ повинностей или податей натурою; опредѣляетъ дни работъ въ недѣлю и освобождаетъ отъ платежа тѣхъ, кои уже работаютъ извѣстное число дней на помѣщика. Пишутъ, что эта благая мѣра значительно улучшитъ положеніе земледѣльцевъ, а русскіе помѣщики все еще не могутъ ничего ни сдѣлать, ни придумать. Замѣчально то, что все это было сдѣлано съ инитіативы паши, который избралъ изъ жителей комитетъ; сей комитетъ изложилъ правила, кои наконецъ утвердилъ султанъ. Подать съ табака похожа въ Босніи на подать съ вина въ Малороссіи. По сію пору табачную подать платили всѣ, не смотря на то, производятъ ли табакъ или нѣтъ, такъ какъ въ Малороссіи всѣ платятъ подать съ вина, не смотря на то, пьютъ они его или нѣтъ. Новый законъ предписываетъ платить только тѣмъ, кои табакъ производятъ."

„Клара начала заниматься приготовленіемъ de la layette для ожидаемаго въ концѣ іюня младенца. Да благословитъ Богъ!"

Вотъ тебѣ матеріалы и для „Современника", и для христіанскаго прощенія иномышленному, впрочемъ тебя уважающему и любящему. Право, не придумаешь ли обрѣзать свое имя и подарить отрывки Плетневу, вмѣсто краснаго отъ меня яичка. Христосъ воскресе!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

936.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го апрѣля 1843 г. Великій пятокъ. Москва.

Поэтъ Языковъ, помѣщикъ симбирскій, въ Римѣ. Въ іюнѣ кончится пятилѣтіе его пребыванію въ чужихъ краяхъ. Онъ боленъ и желаетъ, по предписанію докторовъ, еще разъ купаться въ дикомъ Гаштейнѣ (Bad Gastein, neben Salzburg, in Bayern). Онъ долженъ отправиться туда лѣтомъ, но опасается, чтобы не взыскали на немъ, если онъ пробудетъ два или три мѣсяца до-

лѣе, нежели законъ позволяетъ, въ чужихъ краяхъ. Послѣ Гаштейна онъ намѣренъ непремѣнно возвратиться во свояси. Братья его просятъ тебя похлопотать или, по крайней мѣрѣ, узнать, можетъ ли онъ, безъ вреда себѣ по имѣнію, пробыть два или три мѣсяца сверхъ пятилѣтія за границей. Служащій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Даль—очень близкій Языкову и любящій его человѣкъ: не можешь ли ты, хотя чрезъ него, выхлопотать или молчаніе, или позволеніе Языкову? Въ такомъ случаѣ для прекращенія безпокойства Языкова ты могъ бы и самъ написать къ нему объ успѣхѣ твоего ходатайства по вышеозначенному адресу. Отвѣчай на это.

„Charivari" напечаталъ Гюго стоящимъ передъ афишкою французскаго театра, гдѣ собираются зрители хвостомъ: „Les burgraves, trilogie", съ необъятнымъ лбомъ, руки по карманамъ и созерцающимъ комету:

Hugo, lorgnant les voûtes bleux,
Au Seigneur demande tout bas:
„Pourquoi les astres ont des queues,
Quand „Les burgraves" n'en ont pas?"

Спутники Marmier были: Кирѣевскій, Хлюстинъ и цареградецъ Титовъ. Я вчера былъ у двухъ обѣденъ: дома и въ соборѣ, гдѣ Филаретъ благословлялъ вазы съ мvромъ, и народъ рвался къ рукѣ его, и мною нѣжно поцѣлованной: онъ и пожалъ ее, а могъ бы ущипнуть за Marmier; выслушавъ вечерню дома, ѣду подъ Донской, къ Вознесенью, слушать христіанскаго проповѣдника, духовника многихъ и друга дѣтей и бѣдныхъ; оттуда въ Заиконоспасскій монастырь на академическую проповѣдь; вечеръ — тамъ, гдѣ желалъ бы провести и весь вечеръ жизни: благослови! Сестрицу обокрали въ деревнѣ, но лошадей, а не рукописи мои.

Я получилъ вчера четырехстраничное письмо отъ князя А. Н. Голицына изъ Крыма. Онъ читаетъ Гоголя и Шатобріана „Le congrès de vision" и проситъ историческихъ романовъ; пошлю Загоскина и что получу изъ Парижа. Къ нему прикомандированъ ялтовскій помѣщикъ князь Козловскій, родственникъ нашего, для чтенія и съ хорошимъ окладомъ: видно твой костромской пріятель

нашелъ средство и тамъ ничего не дѣлать и даромъ казенный и чужой хлѣбъ ѣсть. Козловскій, кажется, въ разводѣ съ женою.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

937.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го апрѣля 1843 г. [Москва].

Я получилъ третьяго дня высочайшее повелѣніе, чрезъ графа Бенкендорфа, прибыть въ Петербургъ для представленія нѣкоторыхъ объясненій. Ѣду завтра въ дилижансѣ Серапина и остановлюсь въ пятницу въ его же трактирѣ. Не знаю, зачѣмъ, но совершенная невинность успокоиваетъ меня; одно тревожитъ—здоровье сестры, которая, увидѣвъ отношеніе Бенкендорфа, очень смутилась, плачетъ, и я страшусь за нее. До свиданія!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

938.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го мая 1843 г. Москва.

Я прибылъ сюда ровно въ трои сутки, ибо по три и четыре часа стояли мы въ пучинахъ, подъ снѣгомъ и мятелью и ни съ мѣста, на Валдайскихъ пригоркахъ. Одна московская мостовая хуже валдайской шоссе. Милые ближніе мнѣ обрадовались, но другіе изумились моему неожиданному появленію на всѣхъ концертахъ. Толки недоброжелателей... да Богъ съ ними! Завтра я уже въ газетахъ съ отъѣзжающими. Мнѣ ни до кого теперь, какъ до милой моей Сашки, о которой получилъ отъ Клары печальное извѣстіе: elle a une déviation dans l'épine dorsale; ее лѣчатъ ваннами и гимнастическими экзерциціями и обѣщаютъ въ три мѣсяца совершенное излѣченіе, но я худо этому вѣрю. Описалъ бы подробнѣе мое горе, но отдалъ письмо для показанія Иноземцову.

Сегодня отправляется къ вамъ княжна Елена Мещерская: она передастъ вамъ все здѣшнее житейское, съ примѣсью своего небеснаго. Пожалуйста, познакомься съ нею и не поступи съ нею, какъ съ Свѣчиною въ Парижѣ. Твои при тебѣ останутся, а этотъ улетитъ подъ небо Шиллера и Гёте: carpe angelum.

Донесеніе княгинѣ. Только вчера могъ я видѣть Демида: онъ все строился въ Остафьевѣ, и я два раза по пустому заѣзжалъ къ нему, но вчера разспросилъ обо всемъ и передаю, что слышалъ отъ вѣрнаго, вѣрно: к. совсѣмъ не нуждается: онъ имѣетъ 2000 р. пенсіи, 1800 р. отъ Кол., квартиру, лошадей, изъ коихъ продаетъ одну, чтобы купить другую, коляску или дрожки, карету, отопленіе, обѣдъ, когда хочетъ, у всѣхъ сестеръ и пр.; бѣлье ставитъ на него добрая княгиня Трубецкая, запасы для лошадей; вы и княгиня Трубецкая удѣляете ему, хотя и не отъ избытковъ вашихъ, а онъ—избытки и необходимое—все отдаетъ своей азіяткѣ, отъ коей имѣетъ уже и маленькаго полу-европейца. „Что ни дадите, все къ ней" — слова вѣрнаго Демида. Такъ думаетъ и княгиня Трубецкая. Онъ ни въ чемъ не нуждается и можетъ во всемъ нуждаться по неразсчетливой щедротѣ своего пламенѣющаго къ ней сердца. Я отдалъ Демиду цыгары для передачи к., о чемъ третьяго дня самъ въ духовно-протестантскомъ концертѣ Листа предварилъ его.

Пишу къ Жуковскому, который совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ Крымъ слушать „дѣла минувшихъ лѣтъ" Екатерины и Александра изъ устъ слѣпца-очевидца и передать ихъ потомству, которое, вѣроятно, ихъ слушать не будетъ. Въ концѣ мая или 1-го іюня сбираюсь въ чужія своясы. Пришлю прекрасные стихи Аксакова: „Urbi" (то-есть, Москвѣ). Листу сбираются дать обѣдъ à 60 г. par personne. Я познакомился съ нимъ въ концертѣ его и много болталъ третьяго дня у Павловыхъ: онъ уменъ, свѣдущъ и съ воображеніемъ. Поклонись нѣжно своимъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ, графинѣ Ростопчиной, графинѣ Велгурской и поблагодари ихъ за радушное принятіе бездомнаго странника въ каменномъ Петербургѣ. Не можетъ ли чего сказать Екатерина Андреевна мнѣ въ успокоеніе о болѣзни моей Сашки? Екатерина Ѳедоровна Муравьева была очень больна; теперь лучше, но еще очень слаба.

Я почти ежедневно навѣщаю ее и вчера видѣлъ. Это письмо, вѣроятно, пошлю по почтѣ. Вотъ и концертный „Ein fester Burg ist unser Gott“ для Велгурскаго. Князь Дмитрій Владиміровичъ ѣдетъ дня черезъ два. Обнимаю тебя сердечно и благодарю за прежняго Вяземскаго, котораго нашелъ въ тебѣ за двѣ недѣли предъ симъ. Сегодня хоронятъ бѣднаго Дохтурова; жена въ сильной горести; сестра ѣдетъ одна въ чужіе краи; семидесятидвухлѣтняя мать сиротствуетъ, но тверда. Озерова похоронили вчера. На похоронахъ былъ одинъ „людъ нужный, должностный“; прочихъ только четверо, между коими и рябой Офросимовъ. Не такъ у М. Орлова и Львова. Родные много теряютъ въ немъ.

939.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го мая 1843 г. Москва.

Вчера получилъ первое словцо отъ тебя со справкой. Спасибо! По свиданіи съ княгиней Трубецкой я долженъ дополнить свѣдѣнія, мною сообщенныя: изъ 2000 р. пенсіонныхъ вычитаютъ половину за долги, слѣдовательно, остается всего 2800 асс.; лѣтніе мѣсяцы, когда всѣ сестры и племянницы въ деревнѣ, стола нѣтъ. Участіе княгини Трубецкой мнѣ понравилось. Прочія пособія, вѣроятно, превышаютъ то, что мы полагали.

У васъ Рубини—здѣсь Листъ. Вчера кормили его нѣмцы на дачѣ. Завтра долженъ быть обѣдъ въ залѣ Писемскаго, племянника Блудова, и Павловы хлопочутъ о наборѣ подписчиковъ. Завтра же поютъ и цыгане въ залѣ Небольсинской: ѣду слушать ихъ. Сбираюсь выѣхать 1-го іюня, не позже. Коляска готова, но еще нѣтъ спутника.

Пришлю, вѣроятно, милой княжнѣ Е[ленѣ] В[асильевнѣ] письмо и книжку отъ Елагиной для Жуковскаго. Поклонись ей отъ меня. Надѣюсь, что хоть строчкой увѣдомитъ о себѣ до отъѣзда за море.

Здѣсь баронъ Гахтгаузенъ и профессоръ Козегартенъ, его спутникъ по Россіи. Два раза съ ними бесѣдовалъ. Первый ѣдетъ

до октября обозрѣвать Россію и узнавать въ особенности крестьянскій быть, второй остается и будетъ ожидать его здѣсь; люди благонамѣренные, кои представятъ результаты всего, что увидятъ, правительству. Жаль, что не знаютъ по-русски и худо по-французски; но свѣдѣній экономическихъ много, и здраво о вещахъ судятъ. Между тѣмъ, какъ баронъ выспрашиваетъ и выслушиваетъ отвѣты, профессоръ все записываетъ. Ежедневно узнаю разные толки, произведенные моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Не весело бы было здѣсь оставаться, гдѣ душно жить или отъ равнодушія, или отъ Schadenfreunde, когда дѣло идетъ не о взяточникѣ... И, не смотря на то,

Что кумушки Москвы и краше, и милѣе?

и грустно разставаться съ ней! Увѣдомь объ участи біографа. Если пакетъ Елагиной не пойдетъ сегодня, то завтра: предвари.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

940.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го мая 1843 г. Москва.

Я въ большомъ затрудненіи: меня увѣряли, что отсюда есть транспорты въ Берлинъ, и что я могу отправить туда всѣ тѣ вещи, кои не уложатся въ моей коляскѣ. Вчера и третьяго дня я обрыскалъ банкировъ и транспорты: берутъ только на Петербургъ и на Ригу. Одинъ французскій консулъ, m-r Trippet, сказалъ мнѣ, что могу послать свои вещи прямо въ Парижъ чрезъ messieurs C. Rika et comp., à St.-Pétersbourg, посредствомъ Альбрехтскаго парохода, чрезъ Гавръ; прежде, нежели рѣшусь на это, желаю знать:

1) Куда именно могу адресовать мои пакеты въ Петербургъ? 2) Въ чемъ они должны быть уложены? 3) Во что обойдется пудъ до Парижа отъ Петербурга? 4) Гдѣ я долженъ заплатить за провозъ: въ Петербургѣ или въ Парижѣ? 5) Ручаются ли

за вѣрность доставленія? 6) Осматриваютъ ли у насъ на таможнѣ или въ Гаврѣ вещи?

Я пошлю, вѣроятно, часть платья (можно ли это, безъ ущерба по таможнѣ?), книги, а въ особенности рукописи; слѣдовательно, не будетъ ничего ломкаго и огромнаго, но тяжелое и не ломкое. Я помню, что въ Парижѣ многіе жаловались на пароходную экспедицію, что посылки обходятся чрезвычайно дорого, особливо въ маломъ количествѣ отправляемыя. Нельзя ли тебѣ, чрезъ посредство твоихъ чиновниковъ, узнать подробно все, что я знать хочу по вышеозначеннымъ вопросамъ? Я бы желалъ имѣть сіи свѣдѣнія немедленно и за подписью, если возможно, пароходныхъ экспедиторовъ или Rica et comp., дабы можно было предъявить оныя, въ случаѣ затрудненій, въ Парижѣ или въ Гаврѣ, куда бы я написалъ къ брату и къ нашему консулу Штофрегену (все ли онъ тамъ?). Очень бы ты меня успокоилъ сими предварительными справками объ отправленіи отсюда до Петербурга; я здѣсь, какъ о цѣнѣ, такъ и о времени, все узнаю.

Аржевитиновъ будетъ сюда къ 19-му мая, и мы бы не желали пробыть здѣсь болѣе шести или семи дней, но самый крайній срокъ—1-го іюня. Свѣдѣнія же, мною требуемыя, желалъ бы я получить немедленно, ибо я, судя по онымъ, долженъ сообразить количество и натуру поклажи. Trippet обѣщаетъ мнѣ какой-то листъ съ отмѣткою того, что будетъ въ ящикахъ содержаться. Не можетъ ли баронъ д'Андре въ этомъ дѣлѣ помочь мнѣ: въ такомъ случаѣ я бы написалъ къ нему. Во всякомъ случаѣ ожидаю отъ тебя, отъ субботы, перваго увѣдомленія, хотя въ томъ только, что возьмешь ли ты на себя сдѣлать сіи выправки и надѣешься ли, что исполненіе возможно и удобно?

Если княжна Мещерская еще съ вами, то скажи ей, что Елагина письма не прислала, а только двѣ книжки перевода miss Edgeworth о воспитаніи: не хочу обременять ими; а пошли для меня на имя Жуковскаго все, что вздумаешь, если К. С. Сербиновичъ что доставитъ, но врядъ ли успѣешь. Полагаю, что пароходъ ихъ отправляется 15-го.

Съ Ховриными третьяго дня простились. Барона Гахтгаузена угощали третьяго дня за два часа по полуночи; но теперь мнѣ

не до чего, а только одной укладкой и отправленіемъ занимаюсь. Завтра везутъ князя Трубецкаго хоронить къ Троицѣ.

Я пишу къ Сербиновичу о другихъ дѣлахъ, но увѣдомляю п о томъ, что писалъ къ тебѣ и о чемъ ожидаю отъ тебя скораго отзыва. Обнимаю тебя.

Сейчасъ встрѣтилъ Лебура: воспользуюсь его предложеніемъ, но оно не такъ вѣрно, и твой отвѣтъ буду ожидать съ петерпѣніемъ. Отсюда можно отправлять ежедневно изъ конторы транспортовъ: въ десять дней все доходитъ. Также и въ четыре дня, но это дорого и мнѣ не нужно.

Князь Д[митрій] В[ладиміровичъ] сдалъ дѣла и ѣдетъ завтра, если опасность болѣзни П.... не увеличится: такъ слышно.

И. И. Татищевъ говорилъ мнѣ, что твой protegé въ Серпуховъ не хочетъ, и ему дадутъ здѣсь выгоднѣйшее мѣсто, съ лучшимъ жалованьемъ, по его желанію. Вотъ отвѣтъ. Онъ спокоенъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

941.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го мая 1843 г. Москва.

Вчера только узналъ я, что поѣздка княжны Мещерской остановлена. Ввечеру, у митрополита, встрѣтилъ я княгиню Оболенскую-мать и князя Ник. Трубецкого, сиротствующаго сына и слышалъ отъ нихъ всѣ подробности. Сегодня они ожидаютъ извѣщенія изъ Петербурга о томъ, чѣмъ кончилось, и обѣщали меня увѣдомить. Это меня очень огорчило, за княжну Елену особенно: слышу, что она и нездорова. Пожалуйста, напиши мнѣ о ней. Если въ самомъ дѣлѣ она не поѣдетъ въ чужіе краи, то попроси ее передать мои книги князю Ильѣ Долгорукову, который отправляется прямо въ Парижъ, къ роднымъ дочери. Я надѣюсь, что онъ не откажетъ свезти ихъ ко мнѣ на квартиру: 14, Rue Neuve du Luxembourg. Если же княжна Мещерская отправится, то и говорить нечего.

Я ожидаю сегодня или завтра Аржевитинова и 1-го іюня надѣюсь непремѣнно выѣхать. Мнѣ совѣтуютъ своротить съ Орши на Витебскъ, Полоцкъ и Динабургъ, гдѣ шоссе: 75 верстъ далѣе, но нѣтъ песковъ.

У насъ жарко, а зелени еще нѣтъ. Третьяго дня уѣхалъ князь Дмитрій Володиміровичъ въ подмосковную, а оттуда завтра въ Петербургъ. Слышно, что онъ не воротится къ намъ; и о немъ жалѣть будемъ, хотя онъ и не умѣлъ удерживать Цынскаго въ злодѣйствахъ и въ грабительствѣ. Публика поговариваетъ о графѣ Закревскомъ.

Слышалъ ли о новыхъ происшествіяхъ въ Перми, у казенныхъ крестьянъ и о вымышленномъ ими князѣ Медвѣдевѣ?

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

942.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го іюля / 2-го августа (полдень) 1843 г. Маріенбадъ.

Поздравь меня съ племянникомъ Александромъ, родившимся 21-го іюля, въ седьмомъ часу утра. Я счастливъ, хотя и тихо, и грустно. Прочти мое письмецо къ сестрицѣ и отправь его къ Булгакову, а къ Тургеневой прямо въ Дерптъ. За пять дней я много писалъ въ Москву по почтѣ и описалъ всю дорогу. Булгаковъ передастъ тебѣ.

Продолжаю читать Кюстина, но о четвертомъ томѣ еще ничего не знаю. Перешлютъ къ тебѣ, вѣроятно, изъ Берлина; если замедлятъ, напомни князю Оболенскому. Обнимаю всѣхъ. Пиши ко мнѣ въ Парижъ, гдѣ буду черезъ пять или шесть недѣль, или во Франкфуртъ, гдѣ буду черезъ три недѣли и два дня, прося отправить письмо, гдѣ буду. Заѣду оттуда и къ Жуковскому, къ коему недавно много писалъ и послалъ выписку изъ письма, которую и ты прочтешь.

Каковъ ты? Я хилъ, хотя воды и дѣйствовать начинаютъ. Здѣсь толпа русскихъ; но дипломаты, кажется, такъ, какъ и ве-

ликая княгиня Елена Павловна, видятъ во мнѣ, по видимому, сообщника d'Almagro...; а я вижу въ нихъ то, что всегда видѣлъ.

Прости! Письма везетъ баронъ Кистеръ, тотъ же, что̀ привозилъ когда-то изъ Киссингена.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ. Le prince Pierre Wiazemsky. A St.-Pétersbourg.

943.

Тургеневъ князю Вяземскому.

31-го іюля / 12-го августа 1843 г. Маріенбадъ.

Слышу о твоихъ похожденіяхъ эстскихъ и финскихъ отъ Булгакова; о моихъ узнаешь отъ него же. Прочти мое письмо, а книжку, четвертую часть, перешли къ Свербеевой скорѣе и вѣрнѣе. Послалъ ли первыя три? Если князь Оболенскій пришлетъ изъ Берлина второй экземпляръ четвертой части, то сбереги, отославъ къ сестрицѣ, ибо у меня три первыя, кои пришлю при первой возможности. „Revue de Paris", съ Marmier о тебѣ, пришлю тебѣ изъ Парижа. Постарайся ожить и переродиться въ стараго Вяземскаго и пиши ко мнѣ. Я недоволенъ ни собой, ни здоровьемъ своимъ. Хандра на сердцѣ и отяжелѣніе въ головѣ. Авось, Баденъ, то-есть, княжна Мещерская, Дюсельдорфъ, то-есть, Жуковскій и Парижъ съ племянникомъ оживотворятъ меня. Къ $\frac{1}{13}$-му или $\frac{3}{15}$-му сентября надѣюсь быть въ Парижѣ. Обними всѣхъ своихъ за меня. Кто остался съ тобой? Передай дружбу Карамзинымъ, князю Мещерскому, Валуеву и поцѣлуй ручку у своей княгини. Откликнись на Кюстина. О тебѣ я постараюсь образумить его. Книга читается всей Европой; пожалуйста, напиши свое мнѣніе не о фактахъ, qu'il faut merpriser comme tels, но о принципіяхъ, о впечатлѣніяхъ, переданныхъ откровенно.

Перешли письма и пакетъ къ Филарету къ Булгакову. Прости! 5 часовъ по полудни 12-го августа—31-го іюля. Взялъ 25 ваннъ, возьму еще 10.

944.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17/29-го августа 1843 г. Баденъ-Баденъ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.

Я выѣхалъ изъ Маріенбада 9/21-го августа и пріѣхалъ сюда вчера въ два часа по полудни. Ровно въ шесть сутокъ ночевалъ пять разъ по дорогѣ въ Ангальтѣ и пр. Въ Нюренбергѣ осматривалъ старину нѣмецкую, давно знакомую. Въ Штутгартѣ провелъ полуторы сутки и слишкомъ два часа бесѣдовалъ съ умнымъ и просвѣщеннымъ королемъ о многомъ и съ полною и, кажется, взаимною откровенностью, какъ всегда съ нимъ и прежде. Обѣдалъ у княгини Горчаковой, урожденной Урусовой. Князь Горчаковъ здѣсь. Милая княгиня возила меня по окрестностямъ Штутгарта, въ Каннштадтъ, въ Розенштейнъ и пр. Звала и на другой день обѣдать, но я спѣшилъ сюда и отобѣдалъ въ трактирѣ. Осмотрѣлъ библіотеку, а Иванъ Семеновичъ ѣздилъ въ это время мили за двѣ на королевскіе конскіе заводы. Въ библіотекѣ нашелъ я и русскія Разрядныя книги (рукописи) и единственное собраніе 10000 Библій и Новыхъ Завѣтовъ, изъ коихъ нѣтъ одного изданія въ двухъ экземплярахъ. Былъ у русскаго умнаго священника, у французскаго министра Фонтене, жившаго долго въ Петербургѣ, и въ два часа послѣ обѣда отправились по кратчайшей дорогѣ, слѣдовательно, пе чрезъ Карлсруге, а прямо въ Форогеймъ, въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ, гдѣ погребены родители нашей незабвенной императрицы Елисаветы Алексѣевны. Здѣсь мы ночевали и на другой день, 28-го августа, въ четыре часа утра, пустились опять въ путь Чернымъ Лѣсомъ и по его крутымъ горамъ прямо сюда. Въ два часа пріѣхали. Я долго искалъ квартиры не въ высшихъ этажахъ; всѣ лучшія комнаты въ лучшихъ трактирахъ заняты и большей частью русскими. Изъ Hôtel d'Angleterre едва выѣхала графиня Воронцова. Въ Hôtel d'Europe, гдѣ въ особомъ домикѣ живутъ Мещерскіе, не было также комнаты; но я желалъ остаться въ ихъ сосѣдствѣ и взялъ на первый случай двѣ комнатки, также въ особомъ домѣ, близъ самаго—Ме-

щерскихъ; отыскалъ ихъ, нашелъ княжну Елену расцвѣтшею и въ лучшемъ здоровьѣ. Это обрадовало меня и вознаградило за всѣ дорожныя хлопоты отъ Маріенбада. Она сбиралась на обѣдъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а я пошелъ съ ея братомъ и съ женою его на общее гулянье. Всѣхъ встрѣтилъ: Гурьева, Сологуба, Убри, Марченко, но искалъ одной Смирнушки и отправился къ ней съ Мещерскими. Не нашелъ, возвратился и остался у нея обѣдать. Переболтали обо всемъ. Тутъ былъ и князь Левъ Гагаринъ и прочіе. Послѣ обѣда я обѣщалъ къ Мещерскому; уже было темно, дождь проливной. Я пошелъ домой съ зонтикомъ Смирновой за чаемъ, который привезъ отъ отца князь Мещерскій и хотѣлъ сократить шесть шаговъ, раздѣлявшихъ меня отъ нея: пошелъ дворомъ — и очутился въ рѣкѣ по волоса. Василій мой шелъ за мной съ другимъ зонтикомъ; испугался, не зная что̀ со мною сдѣлалось, не зная и откуда кричалъ я. Кое-какъ, почти полуутопшій, выкарабкался я изъ быстрой воды, и меня втащили въ мою комнату, положили въ постель и отпоили чаемъ; послали за докторомъ для того, что лѣвая нога была вытянута въ жилахъ отъ сильнаго паденія въ воду. Докторъ Гугертъ не нашелъ ее вывихнутой, а предписалъ только eau de Goalard, которой я и по сей часъ, шестой по полудни, примачиваю. Князь Мещерскій и вчера навѣстилъ меня и ухаживалъ за мною и сегодня провелъ почти все утро. Чай его пропалъ въ ручьѣ, но зонтикъ Смирновой сегодня отыскали исковерканный. Она и княжна Мещерская навѣстили меня, и Смирнова прислала книгъ, изъ коихъ одну, „Fragments“ de Cousin, хочетъ послать князю Вяземскому. Теперь я читаю ее послѣ скромнаго обѣда. Докторъ былъ у меня и сегодня и запретилъ выходить, то-есть, ступать на ногу, а завтра запретитъ или разрѣшитъ выходить и ѣхать на Рейнъ. Желалъ бы хотя послѣ завтра вмѣстѣ съ княземъ Мещерскимъ до Франкфурта. Я оставляю и Гейдельбергъ, и Карлсруге и спѣшу къ Жуковскому, который уѣхалъ отсюда наканунѣ моего пріѣзда и увезъ къ себѣ и Гоголя. Я нарочно описалъ вамъ сіи подробности о себѣ, опасаясь, чтобы газеты не возвѣстили о моемъ паденіи. Будьте спокойны—я обращаюсь только къ сестрицѣ и къ Сушковымъ. Я здоровѣе прежняго; нога заживаетъ, и только досада

горитъ во мнѣ за то, что ровно въ шести шагахъ отъ Мещерскихъ — и не съ ними! Здѣсь и Щербининъ съ графомъ Воронцовымъ, обѣщалъ зайти ко мнѣ; и князь Илья Долгоруковъ, и прочіе; вчера обѣдали многіе у великой княгини. Великій князь по прежнему каламбурничаетъ. Пріѣхалъ и генералъ Винсперъ для великаго князя. Постараюсь увидѣть его и поговорить о Сушковыхъ.

Погода разгулялась, но на сердцѣ грустно: одиночество вездѣ. Вчера отдало послѣ болтанья съ Смирновой; сегодня тянетъ въ Парижъ, гдѣ надѣюсь еще застать князя Дмитрія Володиміровича.

Въ Штутгартѣ досталъ я недавно отпечатанныя 16 страницъ „Le 21 Janvier 1801; fragment des mémoires inédits de feu m·r le duc de Caraman". Въ этомъ отрывкѣ описалъ онъ отъѣздъ Лудвига XVIII изъ Митавы по неожиданному повелѣнію Павла I. Печатанъ въ Римѣ и въ Тулузѣ. Пришлю при другой оказіи, но мало интереснаго. Всего досаднѣе, что и на милую могилу или на могилу милаго ангела попасть не могъ.

Обнимаю Вяземскихъ, а въ Москвѣ прошу Булгакова переслать это письмо немедленно сестрицѣ, которая доставитъ Сушковымъ и Свербеевымъ. Не одинъ разъ здѣшній банкъ взлеталъ отъ русскихъ.

Спѣшу во Франкфуртъ, надѣясь тамъ найти письмо отъ брата, и въ Парижъ; надѣюсь тамъ найти письмо отъ васъ, милая сестрица. Не забывайте меня.

Булгаковъ! Здѣсь всѣ уже не женятъ, а женили тебя.

29-го августа.

Вчера навѣстили меня княжна Елена Мещерская съ Смирновой и усладили мое грустное комнатное одиночество; съ ними и кн. Гагарина и пр. Ввечеру пришла ко мнѣ m-me Warre, милая болтунья француженка за англійскимъ мужемъ со сплиномъ. Она дружна со мною съ самаго Киссингена и разспрашивала меня о княгинѣ Вяземской и пр. Сегодня приведетъ ко мнѣ ангелоподобныхъ дѣтей своихъ; но сегодня надѣюсь и я выйти, хотя къ сосѣдямъ Мещерскимъ, а завтра ѣхать съ ними до Франкфурта. Насъ разбудили пушечной пальбой: сегодня тезоименитство великаго герцога. Піющій и гулящій народъ уже въ движеніи. Насъ

навѣстилъ уже и помѣщикъ русскій Сабуровъ, дрезденскій знакомецъ. Графиня Гурьева, урожденная графиня Толстая, и здѣсь живетъ по-своему: никого не видитъ, никуда не выходитъ.

Нога моя не распухла или мало. Что-то скажетъ докторъ?

11 часовъ утра.

Сейчасъ входитъ ко мнѣ князь Мещерскій и сказываетъ, что Смирнова получила письмо отъ Жуковскаго. Онъ пишетъ, что 5-го сентября государь будетъ въ Берлинѣ, и что онъ туда къ нему ѣдетъ. Это совершенно перемѣняетъ мои планы. Намъ не для кого ѣхать въ Дюссельдорфъ, то-есть, спускаться по всему Рейну; даже не зачѣмъ ѣхать и на Франкфуртъ, развѣ для полученія тамъ писемъ отъ брата и изъ Берлина, коихъ я ожидаю.

1 часъ.

Сію минуту прислала Смирнова письмо Жуковскаго. Онъ спрашиваетъ ее, когда государь будетъ въ Берлинѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ ей, что 5-го; слѣдовательно, она пишетъ къ нему объ этомъ, и я приписываю, что не поѣду къ нему, чтобы не поставить его въ затрудненіе ожидать меня. Онъ, пожалуй, готовъ и остаться; такъ какъ отсюда и на Франкфуртъ намъ не по дорогѣ, а прямо чрезъ Страсбургъ въ Парижъ—то мы думаемъ туда и ѣхать. Опасаемся только пріѣхать прежде, нежели братъ не переѣдетъ въ Шанрозе и не очиститъ намъ городской квартиры. Увѣдомлю съ симъ попутчикомъ, на что рѣшимся. Вотъ, кажется, на что мы рѣшились: завтра послѣ обѣда въ Страсбургъ; къ вечеру будемъ тамъ, ночуемъ, оставимъ коляску съ Васильемъ въ трактирѣ и на пароходѣ въ одинъ день въ Майнцъ и Франкфуртъ (отъ Майнца до Франкфурта по желѣзной дорогѣ). Тамъ получимъ письма отъ брата и изъ Берлина посылку и возвратимся въ Страсбургъ, чтобы немедленно прямо въ Парижъ. Я пишу къ Жуковскому, коего письмо къ Смирновой прочелъ, что не хочу затруднять его и не ѣду къ нему. Очень грустно: хотѣлось отдохнуть съ нимъ отъ настоящей жизни и пожить прежней. Но такъ и быть! Ногѣ лучше, но докторъ все не выпускаетъ. Не знаю еще, какъ увижусь съ Мещерскими.

У меня сейчасъ была m-me Warre и читала прекрасные стихи m-me Chézy. Ввечеру приведетъ ее съ собою, а m-me Chézy принесетъ любопытную переписку свою съ George Sand. Не удастся ли выхлопотать аутографы ихъ!

Простите! Посылаю листъ изъ Карамана. Булгаковъ можетъ переписать его для князя Александра Николаевича Голицына и послать къ нему съ увѣдомленіемъ о томъ, что̀ пишу теперь. Оригиналъ черезъ Е. А. Свербееву къ сестрицѣ непремѣнно для храненія и для прочтенія Сушковымъ.

Генерала Винспера еще не могъ видѣть. Онъ не знаетъ, что я здѣсь, а я въ заточеніи. Гостей много. M-me Warre приводила и милыхъ дѣтей своихъ. Пишите въ Парижъ.

945.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18/30-го августа 1843 г. 5 часовъ утра. Баденъ-Баденъ.

Докторъ не пустилъ меня вчера. M-me Chézy, добрая и умная поэтъ-старушка, которая пришла ко мнѣ ввечеру читать свою переписку съ George Sand, уговорила меня остаться и до завтра. Нога моя въ щиколоткѣ распухла, и она увѣряетъ, что съ нею было то же, и что отъ небреженія пролежала она шесть недѣль безъ движенія. Докторъ также не совѣтовалъ торопиться, да теперь и не къ чему.

Вчера я отдалъ Нелидову, который навѣстилъ меня, письмо къ вамъ, увѣдомляющее, что, по отъѣздѣ Жуковскаго въ Берлинъ, я въ Дюссельдорфъ не ѣду. Послѣ того рѣшился я не ѣхать и во Франкфуртъ, а прямо отсюда черезъ Страсбургъ, куда изъ Пфецгейма доплыву на пароходѣ, въ Парижъ. Отсюда до Страсбурга часа четыре; оттуда до Парижа дня четыре и съ ночевкою, или 45 миріаметровъ и 4 километра, и по историческому [пути], по коему русскіе Александра громили французовъ Наполеона. Я раза два ѣхалъ уже этою дорогой, но прошедшаго году, спѣша къ тому же Жуковскому; не остановился въ Нанси взглянуть на память

добраго Лещинскаго и погрустить по Сережѣ, который часто разъѣзжалъ по этой дорогѣ. Я уже предувѣдомилъ о семъ и брата и сегодня напишу къ нему, что не ѣду и во Франкфуртъ, а прямо въ Парижъ. Надѣюсь, что они очистятъ намъ квартиру отъѣздомъ въ Шанрозе. Одна досада: я долженъ разстаться прежде, нежели предполагалъ, съ Мещерскими, кои отправляются сегодня въ 11 часовъ во Франкфуртъ на полтора дня, за каретой, и возвратятся сюда, когда уже меня здѣсь не будетъ. Имъ поручаю отправить мои письма и посылку, во Франкфуртѣ меня ожидающія, въ Парижъ. Вчера они въ многочисленномъ и фашіонабельномъ обществѣ (изъ русскихъ: Солнцовы, Хитровы и пр.) ѣздили гулять и обѣдать на развалины Эберштейна и надѣялись тамъ провесть и весь вечеръ; но венгерецъ Батіани, модный богачъ, вспрыгнулъ на лошадку, выфантывая передъ Солнцовой и компаніей; она начала брыкаться такъ сильно, что онъ головою и бокомъ сильно ударился объ землю и лежалъ долго безъ чувствъ; потомъ начались ужасныя конвульсіи. Все общество оцѣпенѣло. Искали доктора, не нашли. Въ эту минуту пріѣзжаетъ и великая княгиня съ великими княжнами на развалину. Бартеневъ встрѣчаетъ ее и сказываетъ о происшествіи, и она въ эту же минуту возвратилась въ Баденъ. Она же прислала и своего доктора помочь Батіани, коего свезли сюда почти безъ памяти. Этотъ случай разстроилъ немного и вечеринку у англичанъ.

M-me Warre привела ко мнѣ m-me Chézy. Мы болтали о литературѣ, объ авторахъ французскихъ, нѣмецкихъ и о Жуковскомъ, коего Chézy знавала въ Дюссельдорфѣ и недавно видѣла здѣсь и, слѣдовательно, говоритъ о немъ съ восхищеніемъ, любитъ давно и его семейство. Она давно знаетъ коротко и George Sand и не раздѣляетъ о ней общаго мнѣнія, а напротивъ, вѣритъ въ ея доброе сердце и прекрасную душу; за то и George Sand не называетъ Шези иначе, какъ „ma bonne mère Chézy“ и подписывается—„votre fils George“.

Она прислала ко мнѣ на сонъ грядущій нѣсколько летучихъ листовъ съ перепиской съ George Sand и нѣсколько страницъ ея характеристики, такъ какъ и m-me Staël, и m-me Genlis. Желаю выписать для васъ нѣсколько страницъ, но не знаю, успѣю ли?

Ожидаю доктора, русскихъ отъѣзжающихъ и пріѣзжихъ. Бартеневъ останется, вѣроятно, здѣсь ѣсть виноградъ или то, что здѣсь такъ называютъ. Надѣюсь видѣть князя Илью Долгорукова, Щербинина и Винспера, коему напомню написать къ Сушковымъ.

Вотъ названіе рукописи, присланной мнѣ въ отрывкахъ: „Staël, Genlis, George Sand. Umrisse von Helmina von Chezy, geborene Fräulein von Kleuke". Вотъ начало: „Von allen geistbegabten Frauen, die Frankreich seit Ludwig XIV Tagen bewundert haben, nur diese drei auf ihre Zeit organisch eingewirkt, zählen nur sie geschichtlich [1]). Deutschland hat nichts daneben zu stellen, als die Eine, die mit der Feder redete, und dabei an kein Schreiben dachte: Rachel. Nicht ohne Bedeutung steht hier oben m-me Genlis in der Mitte zwischen zwei äussersten Gräuzpunkten des Aufschwunges geistiger Kraft. Sie bildet die untere Spitze des Dreiwinkels, aber doch eine Spitze! Jede dieser drei ist Abspiegelung ihrer Zeit und ihrer Sphäre. Frau von Staël ist die gländzende, grossartige Schöpfung des Geistes der Freiheit und des frischen Umschwungs des Gedankens. Frau von Genlis die Luftspiegelung der von ihr wahrgenommenen Dinge, die, selten treu, doch oft treffend und ergötzlich, die Lüfte mit bunten Gestaltungen füllt. George Sand des lebensfrische, Adlersgeflügelte Kind unserer Tage, das weint und lächelt, wie seine innere, undurchschauliche Welt es begehrt, das liebeglüchende Weib, dem es Ernst mit der Liebe, die Feuerseele, die der Sinnlichkeit Chrysalide gesprengt und abgewarfen, und frei die Lüfte durchwogt—die demuthvolle Pflegerine am Lager ihrer Kinder — der Kraftvollbesonnene Mann, der sein flammendes Haus rettet [2]) — die grosse Lehrerin der Menschheit, die Leben, That und Schrift mit dem Wahlsprunch siegelt: „je giusto, il ver, la liberta sospiro". Muse, Syrene, Sphynx möchte ich die drei Frauen nennen. Habt ihr die Sphynx schon verstanden, die ihr sie schmächt?"

[1]) Hiemit wird Belletristik verstanden. Die Bürgerinen Roland und die Marquise de la Roche-Jaquelin stehen auf einer anderen Höhe und in einem anderen Glanze weiblicher Geistesgrösse und Heldenmuths.

[2]) Als ihr Schloss brannte, eilte sie in der Blouse und in Holzschuhen hinaus und leitete die Löschanstalten so kräftig und zweckmässig, dass in kurzer Zeit das Feuer getilgt war.

Далѣе Шези описываетъ свое знакомство съ Зандъ и дѣлаетъ особенную характеристику каждой изъ трехъ героинь XVIII и XIX столѣтій. Въ заключеніе приводитъ нѣсколько писемъ George Sand къ ней, кои, не въ укоръ будь сказано старушкѣ-поэту, скромность оглашать должна бы воспретить ей. Я пишу, держа бумагу на колѣняхъ и дурнымъ перомъ, слѣдовательно, не взыщи, если мало изъ писемъ Зандъ выписать успѣю.

Шези жалѣетъ, что Jean-Paul Richter [1]) не зналъ George Зандъ: онъ бы хорошо оцѣнилъ ее, хотя Genlis, не взирая на всѣ ея кокетства, Jean-Paul избѣгалъ въ Берлинѣ. „Denn sie (George Sand) ist nicht bloss die erste Dichterin: sie ist der erste Dichter Frankreichs.“

Прекрасно описала Шези характеръ Сталь и вліяніе ея на юную Францію и Франціи на талантъ и геній ея. Потомъ вліяніе Бюффона, протектора дѣвственной Жанлисъ, на талантъ писательницы, которая многимъ была обязана и своей матери и молчала о ней. Въ стихахъ Genlis:

> Secret ennui, sombre langueur,
> Dégoût du monde et de la vie, и пр.

видитъ она болѣе правды, нежели въ восьми ея томахъ. Шези описала и отношенія Genlis къ m-me Staël: „Elle m'a attaquée, disait m-me de Staël, je l'ai louée, c'est ainsi que nos correspondances se sont croisées“. Сталь предполагала написать книгу „Éducation du coeur pour la vie“. Шези цитуетъ нѣсколько извѣстныхъ мыслей Сталь. Вотъ одна: „Il n'y a point d'absence pour les êtres religieux, parce qu'ils se retrouvent dans le sentiment de la prière“. „Elle demandait surtout qu'on fut quelqu'un“ (Въ „Gazette des femmes“, 22 juillet 1843, la comtesse Hersilie de Ville Adam въ статьѣ „Indiscrétions, ou George Sand dans son ménage“ прекрасно описала ее).

Письма Зандъ къ Шези—съ 1835 г. и слѣдующіе; тогда, кажется, была она занята процессомъ съ мужемъ своимъ и писала, чтобы

---

[1]) Хотя Jean-Paul не любилъ и m-me Staël.

добывать пропитаніе; жалуется на издателей Revues, какъ Buloz, заставлявшихъ ее къ сроку сочинять и готовить романы; жалѣетъ, что не въ Германіи, съ Шези: „Vous êtes pour moi toute l'Allemagne, sa poésie, sa bonté, sa naïveté personnifiées"; называетъ ее „ma belle âme maternelle". Дѣлается параллель Франціи съ Германіей.

Какой-то литературный commis-voyageur наболталъ непонятнымъ для Зандъ языкомъ о Германіи и о Шези, наклепалъ на ея счетъ и хотѣлъ ихъ поссорить. M-me Sand пишетъ: „Il prétend m'avoir fait rire, dites-vous, parce que je l'ai compris. Cette prétention me fait rire maintenant, mais je vous jure qu'il m'a fait suer pour le comprendre et rien de plus. Aussi tout allemand inconnu, fut-il le fils de Göthe, sera désormais consigné à ma parti de la bonne manière. Je n'avais jamais cru, que cette littérature allemande si sérieuse à ce qu'on nous dit eut comme la nôtre ses petits parasites de bel-esprit".

Справлюсь, кто этотъ коммера литературная. Простите!

Вчера, въ день рожденія Баденскаго великаго герцога, музыка и танцы на гуляньѣ, а ввечеру—фейерверкъ и букетъ хоть бы въ Петергофѣ. Шези смотрѣла изъ моихъ оконъ и знакомила меня съ новыми произведеніями нѣмецкой поэзіи, но мы не согласны въ мнѣніи о Гервегѣ: она слишкомъ возвеличиваетъ его. Мнѣ разсказали здѣсь его исторію съ двумя королями: Виртембергскимъ и Прусскимъ. Изъ арміи перваго онъ бѣжалъ, но второй прикрылъ его крыломъ своимъ, не зная еще рекрутскихъ его похожденій. Отецъ его и теперь какой-то незначущій ремесленникъ въ Штутгартѣ. Виртембергскій король простилъ ему его главную вину и, получивъ письмо отъ Гервега, сказалъ: „Онъ, конечно, не огласилъ бы этого письма".

Сейчасъ разрѣшилъ меня докторъ ѣхать завтра. Итакъ, прощайте! До Парижа! Батіяни лучше: онъ вышелъ изъ онѣмѣнія, въ памяти, но паденіе было ужасное. Шези предлагаетъ мнѣ знакомство съ Зандъ и короткое. Honny soit...

Сію минуту получаю письмо отъ Шези, съ приложеніемъ прозы и стиховъ ея и другого дамы-поэта. Ввечеру придетъ опять сама, а по утру пришлетъ m-me Warre съ рукописными пись

мами Георга Зандъ. Она пишетъ ко мнѣ: „Meiner Handschrift über die drei Frauen: Staël, Genlis, Sand fehlt noch manches Wesentliche und das fühle ich seltsamer Weise *„erst seit gestern Abend“*. „Ueberhaupt bitte ich den geistreicher nordischen Freund unserer Litteratur mich nur von meiner einzig vortheilhaften Seite, als *lyrische Dichterin* zu betrachten. Es wird mir vergönnt sein mit ihm als solche durch Zusendung einiger Dichtungen zu beurkunden, eine Sammlung von 1833 die bei v. Seidel in Salzbach erschien (недавно проѣзжалъ я это живописное мѣстечко) Besitzung von Joukoffsky“.

Она богата и рѣдкими аутографами. Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ письма Зандъ къ Шези, 1836: „Je n'ai ni plumes, ni encre, ni papier, mais je suis dans le coup de feu, dans les délices d'une espèce de fièvre poétique. La montagne accouchera d'une souris, comme à l'ordinaire, mais la montagne n'en aura pas moins eu le plaisir d'enfanter, ce qui est quelque chose, quand l'enfantement se produit à la manière de Jupiter. Soyez sûre pourtant, bonne Chézy, que si je n'étais pas forcé de travailler pour payer les avances d'un éditeur, par conséquent attaché un trépied par les liens dû devoir et de la conscience, condamné à l'inspiration par les besoins du ménage, soyez sûre, dis-je, ma belle âme maternelle, que je ne m'amuserais pas à rêver des sottises et à composer sérieusement des inutilités et des impossibilités, quand je pourrais aller vers vous, recevoir votre bénédiction affectueuse, entendre vos bonnes paroles, vos touchantes histoires, errer avec Max-Wilhelm et vous dans vos noires forêts et dans vos belles montagnes, tout cela me serait beaucoup plus agréable et plus profitable que ce que je fais. Il faut donc me plaindre et m'écrire que vous m'aimez, car j'ai grand besoin d'affection et de compassion, galérien que je suis? Si vous saviez, combien je regrette ce voyage! Vous étiez pour moi toute l'Allemagne“.

„Vous êtes si franche, si expansive, vous êtes de ces natures, qu'on ne rencontre pas chez nous: à 30 ans nous sommes finis, nous autres. Nos yeux sont dessechés, comme notre âme, nous nous méfions de tout, nous ne croyons à personne, et ce qu'il y a de pis, c'est que si nous ne sommes pas ainsi, on nous persécute, on nous

trompe. Hélas! Que les grands coeurs, comme le vôtre, prient pour nous et nous fassent moins mauvais ou moins dupes. Pour moi vous savez que mon parti est pris, dupe et bête jusqu'à ma mort, soit, pourvu que je rencontre sur mon chemin des amitiés, comme la vôtre, qui me disent, que j'ai raison, quand tout le monde crierait, que j'ai tort. Mes amis ne savent pas ce que je deviens. Les uns me croient près de vous, d'autres en Bretagne près de m r de Lamennais. Le fait est, que je suis dans un désert, près d'un traité avec m-r de Buloz, qui me condamne à lui faire un roman tout de suite! Envoyez moi l'inspiration par quelque hirondelle ou par quelque abeille voyageuse: Dieu la protégera en chemin."

Отъ 1 février 1836 къ ней же: „J'ai été bien agitée moi-même dans ma vie extérieure, mais dans ce coeur fermé désormais aux passions vivait toujours le souvenir de ma bonne Helminia. Vous m'avez laissé sur des impressions si tristes, sur des inquiétudes si vives, qu'il est bien cruel à vous de ne les avoir pas fait cesser, ne fût-ce que par un mot. Quel est donc ce chagrin, qui vous accablait?" etc.

Далѣе: „Mes juges me remettent à quinzaine pour prononcer mon jugement. Je ne sais donc rien encore, si non qu'on n'est pas trop bien disposé pour moi. Mais c'est égal, ma cause est celle de la verité, je ne puis la perdre. Adieu et „me ama". 1 juin 1836".

И я кончаю тѣмъ же, только во множественномъ, въ коемъ одно единство.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ. Г-ну вице-директору Департамента внѣшней торговли.

946.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5/17-го сентября 1843 г. Воскресенье. Парижъ.

Я сбирался написать къ тебѣ нѣсколько строкъ сегодня и дать отчетъ въ моихъ похожденіяхъ, хотя безъ ноги; но вчера ввечеру получилъ я письмо Булгакова о кончинѣ милой Зубовой и не могу съ тѣхъ поръ опомниться. Ее жалѣю столько же, сколько

страшусь за Е. А. Свербееву, которая братски ее любила и не успѣла еще оправиться отъ другой потери. Если ты можешь воскреснуть хоть на минуту, на полчаса, въ прежняго Вяземскаго, то пожалуйста напиши мнѣ о Свербеевой и о сестрахъ, о всемъ семействѣ Оболенскаго-отца. Я очень полюбилъ всѣхъ ихъ въ послѣднее время и надѣялся cicerone'ствовать улетѣвшему ангелу здѣсь, на землѣ парижской, въ эту зиму. Я часто встрѣчалъ ее вездѣ въ Москвѣ и сколько ни страдалъ за нее, но могъ ли я воображать такой конецъ! Опиши мнѣ его: Булгаковъ только намекаетъ.

Не требуй отъ меня писемъ животрепещущихъ; я трепещу только за другихъ: за Клару, Сашку, за брата. Покой — лучшее для меня благо. Книгъ перебралъ много, нѣкоторыя и прочелъ. Опять принялись за іезуитовъ! Читалъ ли Marmier о себѣ? Онъ здѣсь, но я еще не встрѣтилъ его. Мои письма въ Москву для тебя не запечатаны; прочти, если не поскучаешь ихъ *скучною грустью*, но отправляй немедленно. Могу ли я по прежнему пересылать черезъ тебя пакеты? Книгъ долго не задерживай: Свербеевы и Сушковы безъ всякой пищи въ своихъ подмосковныхъ.

На улицѣ встрѣтилъ Греча. Сперва не вспомнилъ, кто онъ, и оттого подалъ руку. Онъ успѣлъ сказать мнѣ, что сбирался изъ Гейдельберга въ Италію, но что дѣтямъ вздумалось предпочесть Парижъ, и онъ привезъ ихъ сюда. Русскіе думаютъ, что это не совсѣмъ такъ, а что онъ здѣсь по *особымъ порученіямъ* для русскихъ же; впрочемъ, о комъ этого не думаютъ!

Передай письмецо Сербиновичу. Поцѣлуй ручку у милой княгини, по возвращеніи ея изъ Ревеля. Что у васъ дѣлается? Нога все еще мѣшаетъ бродить и визитничать. Не видѣлъ даже и С. П. Свѣчиной. Она долго проживетъ для покоя и на покоѣ въ St.-Germain, куда сбираюсь къ ней и къ больной графинѣ Потоцкой. Остальную сухую хронику мою прочти въ приложеніяхъ. Что „Современникъ"? Вотъ тебѣ Code-Swod Тиса. Кажется, онъ просилъ меня переслать и болѣе экземпляровъ въ Петербургъ, но трудно: до другой оказіи. Сегодня праздникъ Лизъ: поздравляю всѣхъ твоихъ ангеловъ и Карамзину въ томъ числѣ.

6/18-го сентября.

Вчера провелъ я два часа съ одною изъ здѣшнихъ русскихъ именинницъ въ Тюльери, на стульяхъ, ибо ходить не въ силахъ. Она поѣхала праздновать себя съ другою именинницей aux Frères-Provençaux; я возвратился домой читать собраніе актовъ графа Мюнстера (изданія Гормайера) подъ названіемъ: „Lebensbilder aus dem Befreiungskriege". Одна часть, кажется, была запрещена въ Пруссіи. Все оригиналы и оригинально; примѣчательна переписка Штейна и нашихъ дипломатовъ съ 1803 года, переписка графа Павла Александровича Строганова съ Убри, съ государемъ изъ Лондона. Какъ этого Убри тогда не повѣсили, не постигаю. Все это изъ бумагъ графа Мюнстера публиковано нѣмецкимъ баварскимъ дипломатомъ. Я выслалъ эти книги сюда еще прошлаго года, а теперь читаю. Сколько именъ знакомыхъ встрѣчаешь, начиная отъ Новосильцова, коему ввѣрялась участь Европы, до курьеровъ дипломатическихъ, Рибопьера и псаломщика Лонгинова! Какое пророчество Штейна о Польшѣ и о Поццо-ди-Борго! Характеристика поляковъ и будущее Россіи и Польши, въ случаѣ эмансипаціи послѣдней, кажется, писано 30 лѣтъ послѣ. Какой Тацитъ этотъ Штейнъ, когда пишетъ о своемъ отечествѣ или клеймитъ тирановъ и малодушныхъ своего времени! Арндтъ понабрался идей и чувствъ при немъ, но его языкъ—профессорскій, неясный, хотя и догматическій. Характеристика русскихъ и поляковъ также и въ немъ примѣчательна, но то, что въ Штейнѣ въ одной строкѣ, то у него размазано на страницахъ. Арндтъ читаетъ лекцію для студентовъ, Штейнъ предписываетъ законы государствамъ и ихъ правителямъ, изрекаетъ судъ и приговоръ исторіи для современниковъ и потомства, и Провидѣніе подписало свое „быть по сему" симъ приговорамъ. Портретъ императора Александра, графомъ Мюнстеромъ набросанный уже въ 1834 году. Почти всѣ имена историческія, отъ начала этого столѣтія до четвертаго десятилѣтія онаго, проходятъ, какъ живыя существа, въ сихъ запискахъ; это—исторія, самая вѣрная, въ отрывкахъ, въ кускахъ, золото для будущаго цѣнителя людей и происшествій. Такъ какъ большая часть актовъ на французскомъ, то, прочитавъ, и если достану здѣсь другой экземпляръ, то пришлю свой черезъ тебя въ Россію. Нельзя чи-

тать безъ пользы этихъ документовъ. Въ Германіи многіе сердятся на издателя, но всѣ признаютъ важность и достовѣрность, authenticité, документовъ. Гормайеръ и теперь употребляется, кажется, баварскимъ правительствомъ и недавно былъ въ Гомбургѣ. Думаютъ, что онъ получилъ бумаги отъ самого графа Мюнстера, и не безъ надежды оглашенія оныхъ, ему доставленныхъ; что по смерти графа Мюнстера вдова tacitement позволила ему напечатать ихъ, съ примѣчаніями, болѣе изъ любви къ историческому достоинству заслугъ мужа, чѣмъ изъ опасенія хулы тѣхъ, коимъ сія гласность не можетъ нравиться. Вотъ такъ бы и я желалъ, издать хотя часть моихъ документовъ, съ примѣчаніями тамъ, гдѣ они нужны и для меня возможны, безъ плана, развѣ одного хронологическаго, съ приложеніями историческихъ доказательствъ къ портретамъ и къ характеристикамъ, къ рѣзкимъ чертамъ и фактамъ, иногда сближая синхронистически происшествія и двигателей закулисныхъ, выводя на свѣжую воду запачканныхъ дѣлами или перомъ и увѣнчивая достойныхъ, но въ сѣни смертней забвенія и нашего къ общему дѣлу равнодушія сидящихъ.

Три части Раумера, въ коихъ двѣ—почти все о Россіи, также представляютъ много любопытнаго, а въ той книгѣ, которую онъ еще не издалъ, а я прочелъ въ Берлинѣ, еще болѣе о Россіи и изъ неизвѣстныхъ доселѣ матеріаловъ.

Знаете ли вы подноготную баденскаго дуэля? Разспроси о ней глухого Криденера.

Посылаю тебѣ листикъ „Реформы" со стихами и для московскихъ читателей. Віарасъ заходилъ сейчасъ изъ Риса и возвращается въ Шанрозе, а я заѣду въ Palais-Royal справиться о книжкахъ; если найду потоньше, то вложу въ пакетъ для всей братіи.

1 часъ.

Возвратился отъ банкира, книжника, перчаточника и прочихъ и вотъ что посылаю: 1) „Les diplomates", Капефига, 8^0, съ біографіями Нессельроде, Поццо и прочихъ; большая часть оныхъ была уже напечатана въ разныхъ „Revues". Эту книгу можешь продержать не долго, но послѣ отошли въ Москву, прямо на имя Свербеевой, для передачи послѣ Сушковымъ и Нефедьевой. 2) „Les Jésuites",

par Michelet et Quinet. 3) Отвѣтъ архіепископа Парижскаго, и 4) Отвѣтъ на отвѣтъ, опять Quinet. Все пошли немедленно въ Москву, прямо къ Свербеевой и послѣ Сушковымъ и Нефедьевой. 5) „Essai de méditations religieuses sur l'Evangile selon St. Luc, écrites en Suisse“, неизвѣстнаго автора; нѣкоторые приписываютъ герцогинѣ Брогліо, и это мнѣніе, если и ошибочное, въ пользу книги. Отошли немедленно прямо къ Е. А. Свербеевой вмѣстѣ съ письмомъ чрезъ Булгакова. Передо мною еще „Lettres parisiennes“, par m-r Emile Girardin, перепечатанныя изъ разныхъ фельетоновъ „Прессы“, но огромность пакета послать не позволяетъ. Пожалуйста, будь исправенъ съ пересылкою и попроси Булгакова, чтобы не задерживалъ, кромѣ Капефига, и только не болѣе недѣли. Третьей части ни L. Blanc „Histoire des dix ans“, ни Сенъ-Бёва „Port-Royal“ еще не вышло, иначе послалъ бы для князя А. Н. Голицына.

И еще „L'univers“ съ любопытною статьей. Книги печатаю въ особомъ пакетѣ (Capéfigue, Michelet, Quinet, три экземпляра Тиса, архіепископа и отвѣтъ Quinet). Отошли и это письмо въ Москву, когда не будетъ нужно, или прямо къ Свербеевой.

947.

Тургеневъ князю Вяземскому.

$\frac{\text{сентября}}{\text{5-го октября}}$ 1843 г. Парижъ.

Года за три передъ симъ я переслалъ къ тебѣ двѣ первыя части „Histoire des dix ans“, de Louis Blanc; не знаю, для тебя ли или князю А. Н. Голицыну. Въ мое отсутствіе вышла третья часть, сегодня—четвертая. Онѣ всѣ чрезвычайно любопытны. Желалъ бы послать полный экземпляръ, но трудно. Посылаю двѣ послѣднія части. Выйдетъ и пятая, а можетъ быть и шестая. Если первыя двѣ у тебя, то и сіи двѣ возьми себѣ, но съ тѣмъ, чтобы прежде, нежели овладѣешь ими, онѣ были прочтены въ Москвѣ Свербеевыми, а если ты уже читалъ ихъ, то не худо бы послать къ князю Александру Николаевичу въ Крымъ, который писалъ ко

мнѣ о присылкѣ ему подобныхъ книгъ. А какъ послать? Если бы ты увѣдомилъ меня хоть словцомъ, присылать ли другой экземпляръ этой книги для тебя или для другихъ на случай отправленія къ князю Голицыну, то я бы воспользовался первою оказіей, ибо любопытнѣйшаго чтенія не придумаешь. Располагай по своему благоусмотрѣнію.

Посылаю и еще экземпляръ „Un mot sur Custine“. Удержи у себя, если первые два экземпляра, съ барономъ Криденеромъ посланные, отправилъ въ Москву и въ Симбирскъ, или отошли туда, если только одинъ экземпляръ послалъ. Въ другомъ пакетѣ получишь три біографіи. Прочитавъ, отошли въ Москву къ Свербеевымъ черезъ Булгакова. Хотѣлъ послать „Le comte Capodistrias“, изданія Фабера, но въ этомъ волюмѣ только выписки изъ четырехъ прежде вышедшихъ и ужасно монотонно, хотя сердцу и душѣ Каподистріи дѣлаютъ вѣчную честь и поютъ вѣчную память эти вѣчныя прошенія о милостыни возрождавшейся Греціи.

6-го октября.

Журналъ „Le Semeur“, просмотрѣвъ по заглавіямъ, перешли немедленно въ Москву, къ сестрицѣ, черезъ Булгакова. Я обѣщалъ его пересылать и буду посылать и слѣдующіе номера. Это лучшій и безпристрастный и трактуетъ о всѣхъ главныхъ вопросахъ.

Пакетъ и письмо на имя Татаринова отошли также къ Булгакову, а онъ пошлетъ въ Симбирскъ. Перешли съ вѣрною оказіей или черезъ Ѳ. И. Прянишникова моимъ именемъ, но не распечатывая пакета. Pastilles de Vichy (въ пакетѣ: „лѣкарство“)—въ Москву черезъ Булгакова. Всего три пакета: № 1, 2 и 3 и три письма: въ Петербургъ, въ Москву и въ Симбирскъ. Заѣду въ протестантскую книжную лавку и, если найду что ново-хорошее, то приложу четвертый пакетъ. Прости! Не забывай насъ. Очень бы хотѣлось о многомъ потолковать, но не на мертвой бумагѣ.

Третьяго дня видѣлъ Рахель въ „Монимѣ“. Прелесть, но сподвижники—жалость. Одинъ Митридатъ подстать Монимѣ.

1844.

948.

Тургеневъ князю Вяземскому.

декабря 1843 г. / 10-го генваря 1844 г. Парижъ.

Не знаю, какъ рѣшиться послать снова на твое имя довѣренность для полученія за послѣднюю треть, отъ 1-го сентября до 1-го генваря 1844 г., пенсіи изъ 6000 р. асс., но не знаю и къ кому другому обратиться. Для избѣжанія впередъ частыхъ довѣренностей прилагаю письмо къ графу Канкрину. Запечатай и отошли. Если онъ согласится приказать выдать по послѣднему примѣру за полгода или за двѣ трети впередъ, то тѣмъ лучше, а еще бы лучше, если бы онъ самъ отправилъ сумму къ Стиглицу для препровожденія ко мнѣ. Но вотъ въ чемъ затрудненіе: я бы желалъ, чтобы изъ сихъ денегъ взято было 60 р. асс. и отослано къ сестрицѣ на пенсію за полъ-года Оринѣ. Я ей о семъ писалъ тогда еще, когда думалъ, что это пойдетъ чрезъ тебя. Можешь ли ты и теперь это сдѣлать? Въ такомъ случаѣ исполни, означивъ, для кого именно: Оринѣ Самойловой въ домѣ моей сестры Ал. И. Нефедьевой, чрезъ Булгакова.

Я продолжаю страдать, грустить, сидѣть или лежать дома, проѣзживаться, когда въ силахъ, въ коляскѣ съ часъ и отчаяваюсь въ выздоровленіи, перемѣнивъ уже трехъ докторовъ. Послѣдній надѣялся, что мѣсяца черезъ три или четыре пройдетъ.

Вотъ тебѣ ругательство на J. Janin за твоего любимца Ché-

nier. Въ Москву посылаю кой-какія новинки. Гречъ на нѣмецкомъ вѣрно у васъ есть. „Un mot" вышло новое изданіе. Encore un mot посылаю въ Симбирскъ, а въ Москву — „Démocratie pacifique" съ глупою статьей Убри. Русскія и полу-русскія дамы получили печатныя карточки: „M-r Gretch, premier espion de sa majesté empereur de la Russie".

Прости! Не взыщи, что расписался.

12-го генваря.

Отошли записку графу Гурьеву. Поздравляю съ новымъ годомъ. Будь онъ тебѣ легче, чѣмъ мнѣ. Увѣдомь хоть чрезъ Булгакова, чтò скажетъ графъ Канкринъ. Онъ тогда сказалъ мнѣ, что это можно всегда дѣлать. Князю Кочубею гораздо лучше.

2/14-го генваря.

Всѣ книги и брошюры не берутъ. Гречъ и на французскомъ вышелъ. Пожалуйста, увѣдомь хоть чрезъ Булгакова о полученіи довѣренности.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ.

949.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го апрѣля 1844 г. Великая среда. [Парижъ].

Милый Вяземскій, изъ приложеннаго письма къ сестрицѣ ты узнаешь все обо мнѣ. Я все страдаю и грущу, и тоскую — вотъ жизнь моя. Не пеняй мнѣ за это: ни жизни, ни силы духа себѣ не прибавишь. Обнимаю тебя и грущу по Екатеринѣ Андреевнѣ Карамзиной, то-есть, по предстоящему ей одиночеству. Что за охота Андрею Карамзину тягаться съ дикими!

Отошли письмецо къ Штиглицу. Я прошу его отвѣчать мнѣ черезъ тебя, а ты перешли письмо его при первой оказіи. Оно будетъ нужное. Онъ, вопреки обѣщанію отца, разоряетъ меня чрезмѣрными коммиссіями. Пожалуйста, отсылай повѣрнѣе мои письма

и книжки въ Москву. Сестрица еженедѣльно пишетъ и безпокоится за меня, а я пишу стопы бумаги. Все ли доставила Ал. Пет. Дурнова?

Прекрасная статья въ „Revue des deux mondes“ St.-Priest о іезуитахъ. Pendant къ ней слѣдовало бы написать изъ моихъ матеріаловъ объ изгнаніи ихъ изъ Россіи и о сохраненіи ордена Фридрихомъ II и Екатериной II. Матеріаловъ много, но... у Сенъ-При и талантъ писателя, а гдѣ взять его?

Сейчасъ была у меня Смирнова, но не застала. Я бралъ первую паровую ванну въ Тиволи.

Прочти статью о Лебре въ „Semeur“.

950.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15/27-го апрѣля 1844 г. Парижъ.

Вчера, наконецъ, обрадованъ я и тронутъ былъ милымъ письмомъ твоимъ отъ 29-го марта; при немъ и письмо, и книга къ Смирнушкѣ: первое отправилъ вчера же, вторую сегодня. Спасибо за все, особливо за письмо, въ коемъ и о себѣ, и о своихъ даешь вѣсти. О себѣ сказать тебѣ утѣшительнаго мнѣ нечего. Вотъ и солнце и жаръ, и я ежедневно таскаюсь или передвигаю ноги въ саду, и все страдаю; особливо послѣ десяти духовыхъ ваннъ боль и спазмы распространились на оба бока. Докторъ велитъ приняться опять за шпанскія мухи, а нѣмецъ-медикъ, съ коимъ хотѣлъ совѣтоваться только, къ какимъ водамъ ѣхать, рѣшительно объявилъ, что синапизмы, визикаторіи, духовыя ванны только что раздражили мою невральгію. Кого слушаться? Опытъ оправдываетъ послѣдняго, но другіе, и на консультаціи, предписали ванны и прочее. Я рѣшился принимать желѣзные порошки и ѣхать на недѣлю къ брату на дачу дышать чистымъ воздухомъ; и онъ занемогъ сильнымъ ревматизмомъ въ ногѣ, остался здѣсь, но завтра уѣзжаетъ къ своимъ, изъ коихъ Альбертъ опасно страдалъ зубами. Я останусь одинъ, но не безъ Провидѣнія: въ первый день обѣдаю у

кн. Мещерской, коей передамъ твое колѣнопреклоненіе, потомъ у другихъ, то-есть, если вечерніе сильные пароксизмы все это позволятъ. Къ сосѣдкѣ Смирновой также заѣзжаю часто, и онѣ навѣщаютъ меня. Читаю много, пишу мало. Грустно подумать о себѣ, а еще грустнѣе увидѣть себя въ зеркалѣ и ходить съ помощью костыля и камердинера въ саду, гдѣ ноги бѣгали изъ аллеи въ аллею, а теперь перестановляю со стула на стулъ; увѣряютъ, что хандра—одна изъ главныхъ причинъ моей болѣзни, что органическаго поврежденія нигдѣ нѣтъ. Обѣщали облегченіе съ лѣтомъ, но у насъ давно жарко, а мои боли усилились и распространились и не даютъ отдыха во весь день, хотя сонъ и аппетитъ хороши. Какъ отдѣлаться отъ грусти, и самъ не знаю? Парижъ въ тягость безподвижному, въ деревнѣ скучно; въ Германію меня тянетъ и дружба Жуковскаго, и воды, и университеты, и доктора. Отъ Жуковскаго получилъ индѣйскую поэму. Скоро онъ будетъ во Франкфуртѣ съ Гоголемъ, коего переписка лучше книгъ его, ибо душа въ ней слышнѣе. Постараюсь сдружиться съ нимъ и погулять вмѣстѣ подъ небомъ Шиллера и Гёте, если силы позволятъ. Отдохну съ ними отъ здѣшней хандры и отъ идей неизлѣчимости и смерти, кои убиваютъ душу прежде тѣла. Постараюсь также подолѣе пожить съ Жуковскимъ во Франкфуртѣ. Если бы не семимѣсячная зима, то добрался бы и до Москвы, но кто теперь обезпечитъ мнѣ мое безопасное тамъ пребываніе и вѣрное возвращеніе къ роднымъ и къ докторамъ въ Германіи и сюда? Повѣрятъ ли болѣзни, выдадутъ ли паспортъ, хотя и разорительный? Ты объ этомъ ни слова, а здѣсь это многихъ ошеломило. Румянымъ богачамъ и богачихамъ все это бездѣлица, но падаетъ тяжко на тѣхъ, кои путешествуютъ съ цѣлью образованія и не безъ пользы, какихъ теперь очень много. Я тоскую по Москвѣ, но, кажется, съ тоскою и останусь, по крайней мѣрѣ на этотъ годъ.

Вчера сидѣлъ до обѣда у Рекамье съ другими, но славными развалинами: ноги Шатобріана также почти не ходятъ; у Рекамье также сильная невральгія въ лицѣ; жена Тьери, слѣпого историка Провидѣніе, опасно страдаетъ; Ноаль потерялъ въ три недѣли сына и жену его. Нѣтъ духа передавать салонныя вѣсти; иначе бы передалъ все, что слышалъ стараго и новаго. Впрочемъ,

главныя въ „Дебатахъ“. Посылаю въ Москву животрепещущіе дебаты о вопросѣ университетскомъ въ брошюрахъ. Тамъ ничего не получали, что послалъ тебѣ и Дурновой. Булгаковъ давно уже не писалъ ко мнѣ. Дай вздохнуть: отъ сидѣнья съ перомъ боль усилилась, и я едва дышу.

Третьяго дня получилъ любезное письмо отъ Гумбольдта: забавно трунитъ надъ Бунсеномъ, возвращающимся въ Лондонъ. Циркуръ еще не возвратилась съ похоронъ брата изъ Кёнигсберга, но уже писала изъ Берлина. Не знаю, устроена ли ея и матери участь и закономъ ли?

Спасибо за письмо Фарнгагена. Поклонись ему отъ меня письменно, а я отъ тебя тѣлесно, если встрѣчу.

Здѣшняя консультація посылаетъ меня въ Vichy и въ Mont d'Or, а нѣмецъ и Алларъ московскій—въ Баденъ-Баденъ и въ Эмсъ. Не знаю, кого послушаюсь. Вѣроятно, нѣмца, потому что въ Баденѣ и карлсбадская вода кипитъ и цѣлитъ недуги.

Восьмой часъ утра. Принесли „Дебаты“. Дай прочесть хоть lending article о рѣчи Монталамбера. Слѣдишь ли за сими преніями? А слѣжу и припѣваю съ поэтомъ: „C'est la foi qui périt et personne n'y pense“, mais elle ne périra pas, car la parole retentit encore“. Я часто говорю, что если бы можно было хорошо перевести и издать одну „Исторію апостольской церкви“ Неандера и разсѣять по Франціи, то она охристіянилась бы, и іезуитство исчезло. Правда, что св. Павелъ давно переведенъ, а Равиньянъ тутъ какъ тутъ.

Взялъ простую ванну, напился водяного кофе (хорошій запрещенъ), прочелъ „Дебаты“ и снова принялся писать къ тебѣ, милый. Жуковскій очень доволенъ длиннымъ письмомъ твоимъ ко мнѣ, которое я сообщилъ ему. Жаль, что не подъ рукою письмо его. Сообщаю, отыскалъ: „Вяземскаго письмо—прелесть. Его мысли о религіи разительно справедливы. Жаль, что не докончилъ онъ статьи противъ Кюстина“ (а я не жалѣю, ибо люблю Вяземскаго болѣе, нежели его минутный пылъ, который принимаетъ онъ за мнѣнія). „Если этотъ лицемѣрный болтунъ выдастъ новое изданіе своего четырехтомнаго пасквиля, то еще можно будетъ Вяземскому придраться и отвѣчать, но отвѣтъ долженъ быть коротокъ; напа-

дать надобно не на книгу, ибо въ ней много и правды, но на Кюстина; однимъ словомъ, отвѣтъ ему долженъ быть просто печатная пощечина" (не за правду ли, добрый Жуковскій?) „въ ожиданіи пощечины матеріальной". Не смѣю дѣлать замѣчаній на Жуковскаго, но пожалуйста не слѣдуй его совѣту.

Въ письмѣ Фарнгагена обо мнѣ смѣсь правды съ наклепомъ. „Avec attachement et espérance"— oui; „Avec satisfaction"—non.

Волковъ написалъ диссертацію о Россіи à propos de Custine, и я читаю ее. Хоть во всемъ православная, но печатать безъ позволенія не смѣетъ, да и правъ. И объ этой диссертаціи пока ни слова.

Посылалъ къ Смир[новой] „Курдюкову", требовалъ для тебя письма и пакета къ 1-му мая, то-есть, къ первому пароходу.

Рекомендую читателямъ нѣмецкихъ книгъ 7-ю часть „Европейской исторіи" Раумера. Почти вся выбрана изъ здѣшнихъ, лондонскихъ и дрезденскихъ дипломатическихъ архивовъ и почти все о Россіи, Швеціи, Польшѣ и проч. Параллель Петра Великаго съ Карломъ XII, Екатерина I, Елисавета, все это въ выпискахъ, а въ моихъ рукописяхъ вполнѣ. Но Раумеръ печатаетъ въ старой Европѣ и уѣхалъ въ новый міръ описывать исторію отечества Вашингтона, Франклина и Джефферсона. За океаномъ будетъ онъ еще свободнѣе, а мы даже и не сидимъ у моря и не ждемъ погоды, и Маѳа посадница въ Карамзинѣ справедливо изрекла приговоръ намъ.

Здѣсь выходятъ гнусныя книжонки о Россіи. Я не только что не читаю, но уже даже и не покупаю ихъ. Одной изъ нихъ арестовано 4000 экземпляровъ въ Лейпцигѣ. Публикуютъ скоро новыя „Mystères sur la Russie", но „ouvrage pittoresque", и увѣряютъ, что враждебнаго мало или совсѣмъ нѣтъ, хотя авторъ тотъ же, чтò издалъ и компиляцію коммеражей. Я довольнѣе самъ собою съ тѣхъ поръ, какъ живу и питаюсь Неандеромъ и ему подобными, кои заставляютъ меня ежеминутно прибѣгать къ текстамъ Евангелія, и въ этомъ высокое наслажденіе и свѣтъ тихій; безъ этого прибѣжища плохо бы было съ десятимѣсячнымъ страдальцемъ днемъ и ночью и съ воспоминаніями безпутнаго прошедшаго.

Послалъ ли ты въ Москву 60 рублей ассигнаціями?

Вотъ нѣсколько строкъ изъ длиннаго письма Гумбольдта. „Vous nous devez une visite sur la colline historique (Санъ-Суси) où erre une grande ombre... Vous nous trouverez sur la colline jusqu'à la fin d'août, terme du départ pour la Prusse républicaine. Sa sainteté puritaine (Бунсенъ) arrive de Londres; elle ne va pas à Jérusalem, mais retourne dans le pays du léopard agité par le dualisme de la philanthropie de dix heures de travail et l'avarice mercantile" и т. д.

Рахель занемогла и надолго: она принуждена отказаться пока отъ театра. Она надѣялась, что успѣетъ хоть разъ представить на сценѣ Екатерину II, но врядъ ли будетъ въ силахъ. За пять дней передъ симъ сказывала мнѣ Рекамье, что ей хуже. Вчера я зашелъ спросить о ней.

Мицкевичъ началъ опять курсъ свой. Обѣщаетъ панславизмъ, а все сбиваетъ на пророчества. Ни его, ни Листа не могъ слушать, ибо вечеромъ приходятъ ко мнѣ пароксизмы, и я сильнѣе страдаю и едва сидѣть могу и спѣшу броситься въ постель, ибо лежать на спинѣ легче.

Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный?

28-го апрѣля.

Вчера заѣхалъ я къ княгинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ Голицыной въ три часа. Она еще не вставала, но приняла; выслала съ дѣвушкой рюмочку троицкой святой воды, которую я выпилъ съ должнымъ чувствомъ, потомъ явилась, и подали утренній чай. На столѣ нашелъ я нѣсколько экземпляровъ „De l'analyse de la force, par m-me la princesse Eudoxie Galitzine, née Ismailoff. Première partie du premier livre", съ эпиграфомъ русскимъ: „Ангелъ Господень ополчится окрестъ боящихся его и избавитъ ихъ". Paris. 1844, 42 страницы. Послѣ предисловія начинается „Résumé des 1 et 2 conversations" въ разговорахъ съ m-r D., m-r O. и проч. и цѣлый вопросъ княгини Голицыной: „Voudriez-vous, messieurs, me dire ce que l'on entend par une question absurde?" и т. д. Она не хотѣла давать мнѣ экземпляръ, но я унесъ и посылаю въ Москву. Совершенное сумасбродство!

Послѣ завтра у нея обѣдаю, а сегодня, проводя брата въ Champrosay,—у Мещерскихъ. Отъ нея въ Тюльерійскій садъ и знаешь ли, кого встрѣтилъ? Нашего гостя въ Москвѣ—саксонца Вагнера. Мы другъ друга узнали, не смотря на его усы и на мою немощь, усѣлись и заговорились; онъ проводилъ меня до дому и ввечеру пилъ у насъ чай. Онъ объѣхалъ всю Америку и сбирается въ октябрѣ въ Индію. Король его доставилъ ему средства, то-есть, письма къ англійскимъ министрамъ, и онъ все и всѣхъ видѣлъ, узналъ много и говоритъ съ жаромъ и съ большимъ толкомъ. Всѣ знаменитости Англіи и Америки ему извѣстны; вездѣ гостилъ, жилъ долго съ народомъ, и разсказъ его натуральный и доказываетъ вмѣстѣ и европейскую образованность. Влюбился въ жизнь путешественника и, потерявъ всѣхъ родныхъ на родинѣ, хочетъ жить и умереть въ дорогѣ. Онъ разспрашивалъ о тебѣ и о твоихъ и о всѣхъ московскихъ знакомыхъ, вспоминалъ наши похожденія по монастырямъ и трехдневную пирушку въ Остафьевѣ, и я вздохнулъ по счастливомъ времени, когда мнѣ угрожали холера и дружба Жихарева.

Воспоминаніе, какъ чародѣй богатый,
Изъ пепла хладнаго минувшее зоветъ
И гласъ умолкшему, и праху жизнь даетъ!

Стало очень грустно за часъ передъ проводами брата въ Шанрозе, и хандра усилилась вмѣстѣ съ невральгіей. Написалъ письмецо къ Свербеевой, въ коемъ отозвалась и хандра моя, и старая дружба къ ней. Хочу знать, найду ли я эту дружбу, если не выдержу странствія и удомосѣжусь въ Москвѣ; хочу отъ нея, требую искренности, чтобы не очутиться съ чувствомъ сильнѣйшаго одиночества въ пустынной Москвѣ, гдѣ нѣтъ и здѣшней внѣшней жизни.

Писалъ ли я къ тебѣ о положеніи Ламартина? Онъ долженъ полтора милліона франковъ, а имѣнія на 1600000, но за эту цѣну не продастъ, да и не хочетъ продавать, пока не умретъ 87-лѣтняя тетка съ наслѣдствомъ; продаетъ все: пожитки, картины и вино, даже дареныя вещи: статуйки и прочее, и все за безцѣнокъ. Я хочу купить у него бочки двѣ вина Macon, его про-

мысла. И у него невральгія. Хотѣлъ перемѣнить и квартиру, но сбавили цѣну и остался.

Я не совсѣмъ попался въ мистификацію внучки Ростопчиной, ибо не дочелъ и не прочелъ книжки. Не пришлетъ ли стишковъ? Здѣсь одна проза, да и то политическая да богословская, слѣдовательно, полемическая. Поэзіи нѣтъ ни въ жизни, ни въ литературѣ; въ душѣ и подавно.

951.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17/29-го апрѣля. [Парижъ].

Вчера проводилъ я брата въ Шанрозе, а самъ побрелъ въ Тюльерійскій садъ съ тяжелою грустью на душѣ. Тамъ опять встрѣтилъ Вагнера и болталъ съ нимъ до пяти часовъ. Обѣдалъ у милыхъ Мещерскихъ и получилъ подарокъ безцѣнный: нѣсколько волосъ милой, незабвенной Зубовой, присланныхъ княгинѣ братомъ ея изъ Мюнхена. Обдѣлаю ихъ и сохраню на вѣки. Я никогда не забуду, какъ она плакала и благословляла меня въ минуту отъѣзда моего въ Петербургъ изъ Москвы, когда никто не зналъ, зачѣмъ звали меня... Date lylia manibus plenis!

Покойся, милый прахъ!

Дядя Мещерскій все страдаетъ. Морфина облегчала его прежде на трое, потомъ на двое сутокъ; теперь уже однѣ сутки, и страданіе снова начинается. Что будетъ послѣ? Но онъ переноситъ мужественно и веселъ, когда не страдаетъ.

Въ „Прессѣ“ вчера описаніе концерта у Обресковой (Шереметевой). Разумовская даетъ балъ, кажется 21-го апрѣля (3-го мая). Гудовичу придется платить тысячъ семь въ годъ за себя и за людей, но крехтятъ отъ налога учащіеся въ Берлинѣ и даже на здѣшнихъ курсахъ, ибо дохода ихъ едва становится и на лекціи хотя онѣ и не такъ дороги, какъ приготовительныя лекціи московскихъ профессоровъ для экзаменовъ. Слышу, что этотъ про-

фессорскій налогъ несносенъ для родителей и вреденъ самому ученью и службѣ.

1-го мая.

Слышу, что тебѣ дали земли, и увѣренъ, что увеличиваютъ доходъ съ нихъ. Слышу также, что княгиня уѣзжаетъ на житье въ Ревель, и это безпокоитъ меня. Пожалуйста, не оставайся одинъ: мы привыкли жить съ другими, съ милыми ближними. Вчера на меня нашла такая хандра, что я бѣжалъ отъ самого себя и два раза, не смотря на слабость ногъ, уходилъ по утру изъ дому и возвратился очень поздно.

Познакомился съ молодымъ русскимъ студентомъ Джунковскимъ. Сердце русское радуется такимъ выходцамъ изъ Россіи: учился прекрасно въ двухъ нѣмецкихъ университетахъ, сохранилъ любовь къ Россіи и къ просвѣщенію, любитъ Неандера и привезъ мнѣ много книгъ, рукописей и его „Христіанскую нравственность“, которую слушалъ въ Берлинѣ. Говоритъ, какъ книга, то-есть, какъ молодой энтузіастъ, но къ добру.

Третьяго дня обѣдалъ у Nocturne съ двумя княгинями и княжнами; вчера—у князя Михаила Голицына. 25-го мая онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, потомъ на мельницу. Сегодня обѣдаю у Елены Мещерской, которая благодаритъ тебя за память о ней. Она здѣсь очень нравится и въ тѣсномъ кругу Ливенскаго салона, и въ большомъ обществѣ; даже и Смирнушка восхищается ею. Успѣхъ Мещерской меня очень радуетъ, хотя радость эта и не на-долго: въ іюнѣ уѣзжаетъ въ тверскую глушь. Салоны и балы не мѣшаютъ ей слушать проповѣдниковъ и Мицкевича, и вчера она слышала его: онъ возставалъ сильно противъ іезуитовъ.

2-го мая.

Вчера получилъ отъ Булгакова письмо, при коемъ и твои два слова къ нему о томъ, что ты ни книгъ, ни брошюръ, ни tablettes de Vichy не получалъ, а только одни письма. Пожалуйста, пошли спросить Дурнову, куда она всѣ пакеты дѣвала. Я знаю изъ писемъ князя П. М. Волконскаго, что онъ все переслалъ къ ней. Справься и откликнись, хотя черезъ Булгакова.

Я накупилъ книгъ въ Palais-Royal: новое изданіе „Портре-

товъ“ Сенъ-Бёва, въ трехъ маленькихъ частяхъ, пополненное. Потомъ встрѣтилъ и его самого въ саду, а онъ сказалъ мнѣ: „Je vous ai fourré aussi dans mon livre“ въ портретѣ графа Местра, à propos твоего стиха:

Спитъ Местръ самъ-четвертъ.

Спасибо, что не дописалъ имени. Я желалъ бы послать эти книжки Сушковой, но не знаю какъ: ничего почти не берутъ, и ничто почти не доходитъ.

Другая книга—„Portraits et esquisses“ Ларошфуко-Дудовиль: много знакомыхъ портретовъ; madame Récamier очень недуренъ; много современнаго и еще трепещущаго: Гизо, Тьерсъ и прочіе. Книга Либри о іезуитахъ и о распрѣ умна; да не оберешься всего о сихъ толкахъ!

Рахель пока остается на театрѣ и скоро будетъ играть Екатерину II. Она едва не поссорилась за сестру и за брата, коихъ принять не хотѣли на театръ и, кажется, не хотятъ.

Вчера обѣдалъ у Елены Мещерской, а ввечеру смотрѣлъ фейерверкъ и иллюминацію и толпы въ саду у другихъ Мещерскихъ; но страдалъ, хотя и крѣпился, въ виду мужества и терпѣнія страдальца Мещерскаго, который былъ веселѣе насъ всѣхъ. Тутъ была и Смирнушка и потомъ отправилась на двѣ вечеринки: къ Обресковой и къ Нарышкиной, все подъ навѣсомъ rue Rivoli. Сегодня мнѣ было очень грустно. Новыя книги, встрѣчи въ саду разгуляли меня. Обѣдаю съ княгинею Щербатовой.

21-го апрѣля.
3-го мая.

Отправляю это письмо съ пакетомъ къ Булгакову и съ книгами, etc. къ сестрицѣ. Пожалуйста, все доставь поскорѣе.

Сегодня русскій праздникъ, и у меня, и въ Москвѣ именинница, но не въ силахъ ѣхать ни къ обѣднѣ, ни въ Champrosay выпить за здоровье московской сестрицы: грудь и бока тѣснитъ. Хочу позвать на новый consilium Андраля и рѣшить, слушаться ли нѣмца или француза и куда ѣхать къ водамъ, если буду въ силахъ. Обнимаю тебя. Сегодня русскіе вечеряютъ у графини Ра-

зумовской. Письмо Ковереля къ кардиналу Бональду посылаю особо для твоего прочтенія и послѣ для отсылки въ Москву для Филарета и компаніи. (Нельзя было послать).

Прочти въ „Дебатахъ" сегодня рѣчь архіепископа и отвѣтъ короля и рѣчь Кузена о философіи.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ.

952.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5/17-го мая 1844 г. Champrosay.

Милый Вяземскій, я уже около двухъ недѣль здѣсь пекусь на солнцѣ, но безъ успѣха: страдаю и отчаяваюсь. Не въ силахъ выѣхать завтра въ Парижъ и проводить уѣзжающихъ въ Россію. Сбираюсь однако жъ или 28-го мая, или 2-го іюня на Valenciennes чрезъ Бельгію и Рейнъ къ Жуковскому во Франкфуртъ.

Посылаю сегодня камердинера въ Парижъ, чтобы отослать Rancé, Шатобріана и журналы въ Москву, если возьметъ Бахерахтъ или Circourt. Прочти перваго и отошли немедленно къ Свербеевой и прочимъ въ Москву. Получишь и еще два или три письма, но не задерживай ихъ, какъ прежнія. Вотъ и еще порученіе мое: Бахерахтъ или князь Михаилъ Александровичъ Голицынъ привезутъ шаль. Если первая,—то къ тебѣ; если князь Голицынъ, то прямо въ Москву. Въ первомъ случаѣ отошли къ сестрицѣ повѣрнѣе. Желалъ бы послать книгу St.-Priest о іезуитахъ (и въ Россіи), но еще не видѣлъ ея.

Если хочешь прочесть мои письма къ Свербеевой и къ сестрицѣ, то читай, но, ради Бога, и дня не задерживай. Сестра была больна отъ неполученія долго и вдругъ кучу получила. Напиши Булгакову, что благодарю за два письма (послѣднее отъ 18/30-го апрѣля), но отвѣчать буду послѣ.

Очень страдалъ вчера. Какъ выѣду, не знаю!

Кончилъ всѣ лѣкарства; ногамъ лучше, но ходить почти не могу: боль во всемъ bas ventre, въ спинѣ, въ бокахъ etc.

Вчера ожидалъ къ себѣ Соболевскаго, но не пріѣхалъ. „Дебаты" посылаю, какъ продолженіе посланныхъ уже преній объ университетѣ. „Semeur" особо.

Полдень.

Укладывая пакеты, я забылъ приложить это письмо къ тебѣ, а камердинеръ уже на желѣзной дорогѣ. Пошлю завтра съ попутчикомъ. Надѣюсь, что и безъ этого разошлешь, что кому слѣдуетъ, по полученіи всего отъ А. П. Дурновой. Не посылаю шали, потому что не вѣрно доходитъ. Можетъ быть, камердинеръ пришлетъ что свое и къ своимъ.

Сію минуту навѣстилъ меня Джунковскій, и я могу дослать съ нимъ и это письмо, и еще брошюру архіепископа здѣшняго для Москвы и для Филарета въ письмѣ къ Свербеевой.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Жуковскаго, еще изъ Дюссельдорфа. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ на свиданіе съ императрицей и будетъ въ Саксенгаузенѣ не прежде 15-го іюня. Вѣроятно, также и я, но страдаю очень и сегодня.

953.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го іюня 1844 г. Парижъ.

Милое письмо твое съ княземъ Мещерскимъ получилъ въ день моего сюда пріѣзда изъ Шанрозе 4-го іюня. Вчера Бутовскій увѣдомилъ меня, что готовъ послать къ тебѣ книгъ, и я сейчасъ посылаю за ними. Но вмѣсто философіи нѣмецкой Grimblot пошлю только „Бетину" и „Письма о Парижѣ" m-me Girardin, для тебя интересныя. Grimblot и нѣмецъ не пойметъ. Къ симъ приложу три волюмчика біографій St.-Beuve, но только для твоего прочтенія и для присылки въ Москву чрезъ Булгакова Лизѣ Сушковой. Она только двѣ книжки получила изъ всего посланнаго. Завтра увижусь съ Бутовскимъ и условлюсь, какъ послать

остальное, послѣ перваго отправленія. По желанію князя Александра Николаевича Голицына купилъ я рѣдкій фоліантъ „Трисмегиста“, и не знаю, какъ отправить.

„Les mystères de Russie“ вышла только первая тетрадка съ ж — — ми въ русскихъ банахъ. Дѣвушкѣ въ руки взять нельзя, и Смирнова не могла показать брошюры Еленѣ Мещерской. Третьяго дня я у нея обѣдалъ; вчера у Тютчевыхъ (у моей мюнхенской пассіи) и въ первый разъ проводилъ вечеръ у Свѣчиной. Des „Mystères“ авторъ тотъ же Fournier, что собралъ вранье о Россіи въ одной книжкѣ. Очень злого не будетъ, вѣроятно, а просто дрянь—всякая всячина изъ печатныхъ и салонныхъ дрязговъ. Выходитъ по 1 livraison въ недѣлю.

Авторъ статьи о Бенжаменѣ Констанѣ—точно, St.-Beuve: ты угадалъ, но какъ перепечатывать такія ничтожныя письма его молодости!

Я здѣсь и все еще страдаю. Новый докторъ открылъ, что у меня la rate и пухнетъ бокъ, и онъ, какъ и всѣ другіе, посылаетъ въ Эмсъ, а Корефъ—въ Карлсбадъ, а Шомель, Louis и прочіе—въ Mont-d’Or и Vichy. Кого слушать? Завтра собираю consilium изъ Андраля и Шустера и все рѣшу. Но, кажется, во всякомъ случаѣ поѣду въ Германію. Мои вчера пріѣхали изъ Шапрозе провожать меня.

Если ты получишь лѣкарства для Е. Ѳ. Муравьевой, то пожалуйста поскорѣе отправь.

Укладывая бумаги, нашелъ и твою росписку и вспомнилъ, что въ іюлѣ я долженъ еще платить 60 р. асс. Оринѣ. Отошли ихъ сестрицѣ; и прежніе отослалъ ли? Я отмѣтилъ ихъ и эти отмѣчу также.

29-го мая.
10-го іюня.

Сегодня въ „Дебатахъ“ прочтемъ, если дадутъ, „Table des matières des „Mystères sur la Russie“ и новой книги Головина. Я приложу, но не знаю еще, въ который пакетъ, книжку Дюпеня противъ Монталамбера: „Réfutations des affections de Montalambert et défense des articles organiques du concordat“. Дѣльное опровсрженіе фразъ и софизмовъ Монталамбера, коего люблю и

почти уважаю, а Дюпеня не люблю и не уважаю, mais la vérité avant tout.

30-го мая.
11-го іюня.

Вчера возвратилъ мнѣ князь Голицынъ ящикъ съ лѣкарствомъ для Муравьевой. Не знаю, съ кѣмъ и какъ послать, а такъ нуженъ! Бутовскій также не былъ. Книги готовы для тебя: двѣ части „Бетины" и Гёте и „Письма" Girardin о Парижѣ твоего времени; для Сушковой—три части St.-Beuve. И книгу-фоліантъ Голицыну не знаю какъ послать, а самъ готовлюсь къ отъѣзду! Сегодня консиліумъ.

„Mystères" книга по разсчету книжниковъ писана, а совсѣмъ не Чарторижскимъ и прочими. Вышла біографія Талерана par l'Homme de rien, въ 2-хъ тетрадкахъ. Пришлю.

12-го іюня.

Вчера встрѣтилъ я Голицыныхъ у Мещерскихъ и упросилъ княгиню взять лѣкарства. Она надѣется уложить. Посылаю вмѣстѣ съ этимъ письмомъ сегодня. Авось, но не навѣрно! Ѣдутъ завтра.

Вчера же въ новомъ consilium Андраль, ощупавъ меня, нашелъ, что у меня невральгія, accompagnée d'un légère turgescence de la rate; что нужно ѣхать въ Эмсъ на семь недѣль: три пить, полторы купаться, одну отдыхать и еще три пить и купаться, меньше кушать и легкое; жить, если можно, слѣдующую зиму въ тепломъ климатѣ.

Ѣду 3/15-го іюня въ Эмсъ, на Lille и Courtenay, гдѣ бывалъ уже, чрезъ Бельгію, въ Ахенъ и Кобленцъ; оттуда Эмсъ въ двухъ миляхъ. Сестрицѣ посылаю подробное предписаніе докторовъ. Простите! Съ дороги увѣдомлю, куда писать, но изъ Парижа всегда и всюду дойдутъ письма.

Вчера Смирнова взяла у меня шесть волюмовъ для отсылки къ тебѣ, изъ коихъ три для Сушковой („Бетина", два, „Письма о Парижѣ" Girardin и St.-Beuve). Ѣду къ ней болтать сегодня. Мы ѣдемъ почти въ одинъ день отсюда. Чрезъ Бутовскаго пошлю, если возьметъ, „Mercure Trismégiste", фоліантъ для князя Голицына. Отошли его чрезъ Прянишникова и письмо также. Прянишникову письмо отдай и прежде, нежели книгу получишь.

954.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Конецъ іюня. Эмсъ.]

Милый Вяземскій! До тебя новая и важная просьба: прилагаемую у сего довѣренность нужно поскорѣе засвидѣтельствовать въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, то-есть, что свидѣтельство точно дано здѣшнимъ консуломъ.

Я уже разъ посылалъ прямо въ Симбирскъ подобную довѣренность, но оттуда Татариновъ долженъ былъ посылать ее опять въ Петербургъ для засвидѣтельствованія въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а теперь нужна поспѣшность. Пожалуйста, поручи своему чиновнику снести довѣренность въ Министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и засвидѣтельствуютъ руку здѣшняго консула. Потомъ немедленно должно отослать въ Симбирскъ, его высокоблагородію Александру Николаевичу Татаринову. Не сѣтуй на меня за новыя хлопоты, но, право, это предпослѣднія. Не къ кому болѣе обратиться, а дѣло должно скоро кончить.

Письмецо къ Свербеевой отошли поскорѣе къ Булгакову. Ради Бога, успокой меня и увѣдомь объ издержкахъ по довѣренности и для отправленія. Я припишу къ твоей роспискѣ въ уплату. А вотъ тебѣ за это и новинка, едва изъ печати: защита Петра Великаго противъ Кюстина. Другихъ сочиненій того же автора не посылаю. Увидишь по оберткѣ рѣчи. Новаго ничего нѣтъ, но сужденія вообще здравы, или à peu près.

Сейчасъ у меня Смирнова. Чрезъ четыре дня ѣдетъ прямо во Франкфуртъ; оставитъ дѣтей съ Жуковскимъ, а съ Гоголемъ обрыскаетъ Бельгію и Голландію и въ августѣ къ вамъ.

На оборотъ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ. A prince Wiazemsky. Très pressée.

955.

Тургеневъ князю Вяземскому.

$\frac{\text{іюня}}{\text{6-го іюля}}$ 1844 г. Киссингенъ.

Я уже десять дней какъ здѣсь, но мнѣ хуже, чѣмъ было въ дорогѣ и въ Парижѣ. Душою и сердцемъ я отдохнулъ у милаго ангела Жуковскаго и писалъ къ вамъ оттуда съ графинею Велгурской. Здѣсь страдаю. Докторъ осматривалъ три раза; три раза приставляли піявки; еще не пью Рагоцци, а только Пандуръ, и не беру ваннъ, а мажусь чѣмъ-то. Докторъ опасается начала воды въ боку, но можетъ быть и не будетъ. Я отдалъ себя Богу и спокоенъ, но часто грустенъ. Читаю, едва таскаю ноги и встрѣчаю толпу петербургскихъ знакомыхъ: Сѣверина, князя Горчакова и Головина закавказскаго. Получаю письма отъ своихъ; пишу къ Жуковскому, который пріѣзжалъ нарочно въ Гейдельбергъ, чтобы быть личнымъ свидѣтелемъ послѣдней консультаціи моей съ Хеліусомъ. Все тотъ же! Но и я былъ счастливъ его святымъ счастіемъ, тихимъ западомъ прекрасной жизни. Трудно найти и ему жену, его достойнѣе, да и все семейство. Пробуду здѣсь еще, вѣроятно, недѣли четыре, возвращусь къ Хеліусу, а потомъ, вѣроятно, пошлютъ въ Вальдбадъ. Зиму—или въ Парижѣ, или въ Италіи, если необходимо. Пиши поскорѣе сюда.

Пожалуйста, получи по довѣренности деньги и перешли въ Парижъ чрезъ Штиглица, да не забудь о прежнихъ 60 рубляхъ, всего 120 р. асс. Въ Москву послалъ ли? Новыхъ не посылай.

Здѣсь швейцарскій Вальтеръ-Скоттъ—Цшокке, 74 лѣтъ и бодръ, и bon-vivant. Мы часто бесѣдуемъ. Онъ продолжаетъ писать повѣсти, съ тѣхъ поръ, какъ цензура мѣшаетъ ему писать исторію и его современной жизни, полныя Ueberlieferungen. Онъ единственной авторъ der „Stunden der Andacht“ (часы благоговѣнія), кои приписывали и Веленбергу, и другимъ; и папа на Веленберга сердился, и Пезаровіусу за переводъ при насъ досталось и пр. И кёнигсбергскій историкъ Фохтъ здѣсь, но я—уже не „прежній я“ съ ними. Мысль и сердце далеко и ближе къ смерти, слѣдовательно

и къ Евангелію. И изъ Парижа мало взялъ съ собою. Посылаю въ Москву „Pensées sur le Christianisme“ par Droz и біографію Талерана par un Homme de rien, и процессъ Дюпеня съ Монталамберомъ. Талейрана возьми и прочти, если хочешь; другія немедленно отошли. Письмо твое съ княземъ Гагаринымъ здѣсь получилъ. Спасибо!

Жаль, что нѣтъ здѣсь брошюры Тютчева „Письмо къ редактору „Аугсбургской Газеты“ Кольбу“: хорошо писано. Мы съ нимъ видались въ Парижѣ. Уменъ и свѣдущъ, и съ перомъ.

Жуковскій очень доволенъ письмомъ твоимъ ко мнѣ въ Парижъ о религіи.

Я долженъ писать лежа: трудно.

Еще не собрался отвѣчать и королю Прусскому на милое письмо.

Желалъ бы описать тебѣ Мицкевича, какъ онъ теперь: совсѣмъ не тотъ, за кого его принимаютъ: не врагъ русскихъ, не полякъ, а апостольскій христіанинъ съ примѣсью католицизма, отъ коего трудно отдѣлаться.

Какъ я сгрустнулъ по академикѣ Кругѣ! Старѣйшій мой пріятель: еще въ дѣтствѣ, въ ссылкѣ, зналъ меня въ Симбирской губерніи и любилъ во всю жизнь. Новый свѣтъ прольется на русскую исторію, если все осмѣлятся напечатать, что̀ онъ оставилъ.

Прости! Обними своихъ, хоть заочно. Пожалуйста, все поскорѣе въ Москву и откликнись. Вѣроятно, пошлю коробочки съ Vichy. Отошли въ Москву же.

Сейчасъ Сѣверинъ сказалъ мнѣ, что изъ Мюнхена отправитъ къ тебѣ довѣренность и свидѣтельство, ибо здѣсь нѣтъ печати.

Графъ Бобринскій занемогъ лихорадкою и къ водамъ не ходитъ. Вчера навѣщалъ я его, но не могъ видѣть. Прости! Пиши, то-есть, помни меня.

956.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го августа / 10-го сентября 1844 г. Франкфуртъ на Майнѣ. Саксенгаузенъ. Hôtel-Joukoffsky.

Я пріѣхалъ сюда 5-го сентября изъ Гейдельберга, парами на водѣ и на сушѣ, и тамъ еще получилъ отсюда милое письмецо твое отъ 3/15-го августа изъ Ревеля, а на дняхъ и извѣстіе изъ Парижа, что вексель уже присланъ, но прежде еще задумалъ соединить ихъ въ одинъ и здѣсь заготовилъ другую довѣренность за послѣдніе четыре мѣсяца и со страхомъ, и благодарностью посылаю для представленія, куда слѣдуетъ, какъ и прежнюю. Къ концу года деньги сіи намъ будутъ нужны. Я еще изъ Парижа и къ тебѣ, и къ Булгакову писалъ, что фоліантъ „Трисмегиста“ послалъ я для князя Александра Николаевича, который писалъ ко мнѣ объ отысканіи его. Это рѣдкая рѣдкость, и я случайно отыскалъ ее для него и для себя. Я уже и увѣдомлялъ его давно, что послалъ. Итакъ, отправь черезъ Прянишникова, сказавъ, что это для князя. Авось, онъ еще не забылъ его адреса; или черезъ Попова, который, кажется, памятнѣе.

Благодарю за письмецо Ховр[иной]. Когда сберусь съ силами, буду отвѣчать. Передай благодарность за воспоминаніе, черезъ кого можно.

Ты поразилъ насъ вѣстію о Боратынскомъ. Мы не навѣки разставались весною въ Парижѣ, и не онъ долженъ былъ тогда страшиться смерти. Изъ газеты узналъ, что онъ изчезъ подъ небомъ Тасса.

Строки твои о Рансе мило-справедливы: послалъ въ Парижъ и передамъ аббатской хозяюшкѣ; а ты перешли ихъ къ Свербеевой: я обѣщалъ ей, а переписать въ письмѣ къ ней мѣста не было.

Что̀ тебѣ сказать о себѣ? Я въ храмѣ Дружбы и окруженъ ангелами. Принявъ отъ Хеліуса съ клистирною трубкой предписаніе употреблять ее три недѣли ежедневно, а потомъ нѣсколько мѣсяцевъ

черезъ день, между тѣмъ три-четыре недѣли Traubenkur въ Champrosay, капли до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ не засверкаетъ, я оставилъ Гейдельбергъ больной, но долетѣлъ сюда изрядно и первые три дня мнѣ было хорошо; въ четвертый получилъ изъ Симбирска письмо, которое взбѣсило, встревожило меня, и мнѣ стало хуже. Начинается исторія, подобная Жихаревской, хотя въ меньшемъ объемѣ, въ 50000 рублей, но гнуснѣе въ отношеніи лицъ. Въ этотъ же вечеръ получилъ письмо изъ Парижа, что братъ не купилъ съ аукціона деревяннаго дома съ дачей, который давно имѣлъ въ виду, чтобы жить въ немъ и зиму по предписанію докторовъ, для Клары и Сашки, у коей сильныя пальпитаціи, а не пошелъ далѣе 90 тысячъ (съ постройкою новаго дома обошлось бы въ 150 тысячъ) вѣроятно потому, что получилъ письмо симбирское наканунѣ, ибо считали на этотъ капиталъ, а должница считаетъ на мою болѣзнь и скорую смерть, съ коей прекратится и долгъ, ибо она или дѣти—мои законные наслѣдники. Непокупка дома привела насъ въ совершенное недоумѣніе: что дѣлать, гдѣ жить? Въ старой дачѣ зимой невозможно, а здоровье всѣхъ и брата и доктора этого требуютъ; и увѣдомленіе о болѣзни, то-есть, описаніе получилъ, уже разставшись съ Хеліусомъ. Все это меня встревожило, но пока не говори объ исторіи. Я уже писалъ грозное письмо и далъ слово не умирать, не вытребовавъ долга.

Я страдаю, почти какъ и страдалъ, но хожу лучше. По сію пору ни Киссингенъ, ни Вильбадъ не помогли. Что-то произведетъ инструментъ Мольера? Жуковскій, какъ собратъ его, надѣется. Теперь о немъ, то-есть, о Жуковскомъ. Я здѣсь блаженствую сердечно въ миломъ, добромъ, умномъ семействѣ, изнѣженный всѣми комфортабельностями жизни, достойными шотландской цивилизаціи и всей классической дружбы Жуковскаго и его ангела-спутника. (Ангелъ беременна уже пятый мѣсяцъ и въ генварѣ должна родить, вѣроятно, мальчика). Они покоятъ и лелѣютъ меня, какъ стараго друга-младенца. Ты знаешь, какой мастеръ Жуковскій устраиваться, но онъ превзошелъ здѣсь себя во вкусѣ уборки дома, мёблей, картинъ, гравюръ, статуекъ, бюстиковъ и всей росвоши изящныхъ художествъ. Все на своемъ мѣстѣ, во всемъ гар-

монія, какъ въ его поэзіи и въ его жизни, о которой ты, по случаю его, пережившаго всѣхъ прочихъ, таланта, такъ прекрасно откликнулся. Я описалъ нашъ день Свербеевой, но вотъ очеркъ и для тебя. Онъ встаетъ въ семь часовъ [1]) и бесѣдуетъ съ Гомеромъ (переводъ „Одиссеи" на 8-й пѣсни и переводъ,—по его мнѣнію, коему я вѣрю, какъ чужому,—прекрасный и лучше всѣхъ другихъ). Въ девять мы вмѣстѣ завтракаемъ, и милая жена-хозяйка разливаетъ сама кофе моккскій. Жуковскій во всемъ сибаритъ. Дитя съ нами и рѣдко и тихо плачетъ. И отецъ, и мать ухаживаютъ за нимъ по правиламъ здравой педагогики и опыта другихъ. До 12-го часа Жуковскій опять съ Гомеромъ, потомъ опять съ Морфеемъ, то-есть, спитъ до перваго часа, закрываясь отъ мухъ „Аугсбургскою Газетой", которую, какъ нѣмецкій европеецъ, получаетъ, но не всегда читаетъ, предпочитая баденскую „Badeliste". Отъ часу до двухъ—мелкія подѣлки или визиты. Въ два обѣдаемъ. Послѣ обѣда—болтовня, и при солнцѣ, подъ деревьями, въ саду. Тутъ являются иногда къ чаю или къ моему молоку, разбавленному водой, сестры, мать, отецъ святой Елисаветы Жуковской: милое, умное, почти идеальное въ нѣмецкой существенности семейство; музыка—они поютъ и играютъ; Жуковскій гуляетъ съ часъ; до часу—визиты: геніальный и всеученый Радовицъ, художники съ бюстиками, съ портретами. Вчера, въ день моего ангела, онъ подарилъ мнѣ свой бюстикъ—головку въ миньятюрѣ, изъ обручка выглядывающую, удивительнаго сходства. Я закажу ее и для тебя.

Новыхъ книгъ и старыхъ хорошихъ, особливо въ моемъ вкусѣ, много и у него, и въ шкафѣ жены, которая читаетъ хорошее и хорошо, и не такъ, какъ я, а обдумывая прочитанное въ пользу души, которой у нея много, и здравомыслія во многомъ. Въ ней много der hohen aber auch tiefen germanischen schönen Weiblichkeit. До седьмого часа порхаетъ вокругъ насъ Сашка, уже съ чертами элегіяческими въ широкомъ лобѣ и въ глазахъ.

Я проживу здѣсь еще недѣлю и возвращусь въ Парижъ-Champrosay къ зрѣлому винограду, на который осужденъ Хеліусомъ. Не знаю еще, какъ поѣду. Хотѣлось бы опять парами, но бель-

---

[1]) Рукою Жуковскаго исправлено: „Въ пять".

гійскія желѣзныя дороги ужасно шатки на сторону, и я едва могъ выносить качку эту и ѣхавъ сюда, а теперь мнѣ хуже, нежели было тогда. Если черезъ Аміенсъ поѣду, то заѣду и въ St.-Acheul и опишу его тебѣ. Погода, наконецъ, прояснилась и тепло. Здѣсь много русскихъ, но не всѣ живутъ во Франкфуртѣ: нѣтъ помѣщенія по причинѣ ярмарки. Гудовичи остановились въ Оппенгеймѣ, Киселева пріѣзжаетъ изъ Гомбурга, Нарышкина (сестра ея) и графиня Разумовская, воплощенное восьмидесятилѣтнее веселіе-дѣтство: живетъ и пляшетъ на самомъ гуляньѣ „Mainlust", передъ нашими окнами; но я еще никого не встрѣтилъ, ибо изъ дома и изъ сада не выхожу. Постараюсь обрыскать хоть въ колясвѣ ярмарочныя выставки товаровъ и книжныя лавки; авось, не найду ли для тебя и для Москвы какого новаго бельгійскаго передѣла? Я живу теперь въ германской духовной литературѣ; скоро опять на французскій подножный кормъ. (Rancé перепечатанъ въ разно-форматныя изданія).

Здѣсь нашелъ и двѣ книжки „Современника", ничтожнѣйшаго изъ ничтожныхъ; дюжину толстыхъ „Отечественныхъ Записокъ", въ коихъ многое пробѣжалъ, если не прочелъ. Даетъ по крайней мѣрѣ понятіе о томъ, что̀ дѣлается дѣльнаго и бездѣльнаго. Сербиновичъ разъ писалъ ко мнѣ въ Парижъ недавно, но „Журнала Просвѣщенія", кажется, не послано. Развѣ безъ меня?

Въ Германіи Тейнеръ, монахъ ораторіи, издавшій года за три сильную критику и клевету на наше церковное правительство, недавно издалъ другую книгу съ переводомъ рапортовъ графа Протасова государю, съ злобными, а иногда и съ дѣльными примѣчаніями. Я писалъ слова два о сей книгѣ къ Сербиновичу съ нѣмцемъ, коего рекомендовалъ ему изъ Гейдельберга. Знаетъ ли онъ о сей новой книгѣ? Не худо бы отвѣтить. Дай ему знать объ этомъ: авось, онъ откликнется въ Парижъ и справится, не залежалось ли чего въ канцеляріи графа Нессельроде и перешлетъ съ послѣдними паровозами.

Посылаю тебѣ зеленую тетрадку. Авторъ живетъ въ Германіи, гдѣ-то учительствуетъ и много пишетъ для отчизны.

Я переписалъ изъ твоего письма для Свербеевой, слѣдова-

тельно, не трудись. Перешли письма, да пожалуйста и всѣ книжки Сушковымъ, Свербеевымъ и прочимъ. Отсюда нечего.

Поэтъ Б[оратынскій] умеръ по пословицѣ: „Vedi Napoli e poi muori!“

Сейчасъ прокатился съ хозяевами въ первый разъ по Франкфурту. Жуковскій пошелъ къ графинѣ Разумовской. Я обрыскалъ книжныя лавки и магазейны: ничего нѣтъ въ Парижѣ, опять приведется везти туда столовое полотно и бездѣлки для Сашки и Софьи. Встрѣтилъ графа Ал. Потоцкаго. Онъ ѣхалъ къ графинѣ Салтыковой (урожденной княжнѣ Голицыной) и сказалъ мнѣ, что она получила добрыя вѣсти о князѣ Александрѣ Николаевичѣ изъ Крыма.

Мы уже садились обѣдать ($2^1/_4$), какъ за Жуковскимъ пріѣхалъ нарочный изъ Бибериха пригласить его къ обѣду къ герцогинѣ Нассаусской. Онъ покинулъ супъ и насъ, одѣлся и отправился на желѣзную дорогу черезъ Майнцъ и въ пять часовъ кушаетъ тамъ съ Радовицемъ. Громъ и молнія провожали его. Теперь все просіяло. Онъ возвратится въ десять часовъ вечера и допишетъ это письмо.

11 Septembre.

Вчера графиня Салтыкова, урожденная княжна Салтыкова, расцвѣтшая душой и тѣломъ, просидѣла у меня часа два и разсказала о жизни дяди въ Крыму. Кажется, онъ тамъ не на розахъ, хотя онѣ и благоухаютъ вокругъ его. Кажется, что петербургскіе его корреспонденты не такъ исправны и не досылаютъ ему всего исправно. Нельзя ли справиться у Прянишникова моимъ именемъ, послалъ ли онъ въ прошломъ году посланные пакеты съ графиней Бенкендорфъ? Князь не разъ писалъ ко мнѣ черезъ другихъ, но объ этихъ книгахъ ни слова, ни о другихъ, а между ними была одна рѣдкая, и эту только послалъ я только для прочтенія.

Если Сербиновича увѣдомишь, что для него пишу, то прибавь, что вышла еще по его части любопытная книга Zuchenheim „Kirchliche Zustände in Bayern und Polen“ и увѣряютъ, но я не читалъ ее, что очень любопытно. Шлоссеръ въ „Heydelberger

Jahrbücher" сдѣлалъ о ней статью, но и статьи я еще не читалъ.

Вчера нашелъ я въ салонѣ нашемъ Дашкова вдову, дочь и сестру. Онѣ возвратились изъ Италіи. Дочь очень похожа на отца, а мать я помню въ ея лѣтахъ. Сестра очень много о тебѣ разспрашивала и очень нѣжно о тебѣ заботилась. Въ отечествѣ Вильгельма Телля она выдрала всѣ волосы у горничной дѣвки, и ее видѣли плѣшивою.

Приписка В. А. Жуковскаго.

Тургеневъ хочетъ, чтобы и я писалъ къ тебѣ, но я могу только тебя письменно обнять, а писать къ тебѣ некогда: иду со двора, чтобы увидѣться съ Дашковою, которая здѣсь и скоро уѣзжаетъ. Если Тургеневъ въ своемъ письмѣ, котораго прочитать не успѣю, написалъ тебѣ что-нибудь о Гомерѣ моемъ pro или contra, то ни чему не вѣрь; когда онъ попросилъ меня ему что-нибудь прочитать, я согласился, а онъ благоволилъ заснуть на десятомъ стихѣ; похвала ли это или осужденіе— не знаю. Я кончилъ восьмую пѣсню. Теперь опять пойдетъ живо. Прощай! Обними своихъ, кто на лицо, и Карамзиныхъ, если они на лицо.

Приписка А. И. Тургенева.

Сегодня день нашего ангела, 30-го августа запоздалаго лѣтосчисленія: честь имѣю васъ поздравить.

957.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8/20-го сентября 1844 г. Франкфуртъ на Майнѣ.

Вотъ тебѣ живая и мертвая грамота: Велгурскій и письма мои. Мы провели нѣсколько минутъ вмѣстѣ. Вчера не остался я къ ужину и съ кѣмъ же! Въ этомъ все мое настоящее! Если хочешь знать и о моей болѣзни, прочти письмо къ сестрѣ и къ Свербеевой. Всего больнѣе сердцу, что я и въ Парижъ ѣду съ мрачнымъ предчувствіемъ; хотѣлось бы объѣхать его, прямо въ Шанрозе! Мнѣ немного споснѣе, но все боль, сжатіе въ бокахъ, вездѣ. Мольерово лѣкарство употребляю черезъ день, 24 дня еже-

дневно принималъ въ себя. Разспрашивалъ о тебѣ, о твоихъ. Люблю васъ всѣхъ по прежнему. Слушаю „Одиссею" Жуковскаго. Простота высокая и свѣжесть запаха древности такъ и наполняетъ душу! Что за колдунъ Жуковскій! Знаетъ по-гречески меньше Оленина, а угадываетъ и выражаетъ Гомера лучше Фосса. Все стройно и плавно и въ изящномъ вкусѣ, какъ и распредѣленіе и уборка кабинета, салона его. Стихи текутъ спокойно, какъ Гвадалквивиръ, отражая геній Гомера и душу Жуковскаго.

Иду въ книжныя лавки поискать чего-либо бельгійскаго формата для Крика и Подсолнечнаго.

Отошли прилагаемые пакетцы; одинъ посылаю съ Убри, другой съ Велгурскимъ. Для тебя и въ тѣхъ и другихъ пріятная бесѣда на зиму; съ первымъ вспомнишь самоваръ франкфуртскій.

Отъ графа Протасова узналъ я подробности о болѣзни и смерти Боратынскаго. Можно было спасти кровопусканіемъ. Докторъ не настоялъ; другого призвали уже послѣ смерти къ женѣ.

Гоголь вчера былъ у насъ; обѣщаетъ заглянуть и въ Парижъ, но къ веснѣ. Теперь ѣдетъ въ Рюдельгеймъ и возвратится сюда въ мою комнату. Я радуюсь графинямъ Велгурскимъ на зиму въ Парижѣ.

Если ты въ сношеніи съ кѣмъ-либо изъ Мещерскихъ,—перешли записочку къ Еленѣ. Прости! Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ. Тургеневъ.

Попроси у Подчаскаго прочесть письмо княгини Голицыной (Nocturne) къ пэрамъ Франціи. У меня нѣтъ его.

3 часа по полудни.

Видѣлъ Лазаревыхъ-Биренъ. Усталъ. Не знаю, уложу ли пакетъ для Убри.

958.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го октября 1844 г. С.-Петербургъ.

30-го сентября стараго стиля послано къ тебѣ чрезъ Штиглица 278 рублей серебромъ, полученные изъ казначейства. Всѣ твои мертвыя и живыя грамоты получены, а что слѣдовало и

разослано по принадлежности. Мнѣ жаль, что ты не остался во Франкфуртѣ подъ крылышками Жуковскаго и Коппа Парижскіе врачи начнутъ тебя опять пичкать, да и Богъ Парижа не Богъ больныхъ, а здоровыхъ. Во Франкфуртѣ было бы тебѣ покойнѣе, тѣло- и душе-спасительнѣе.

Книгу кабалистическую отдаю Попову для доставленія князю Александру Николаевичу, коему сдѣлана операція и съ полнымъ успѣхомъ, такъ что онъ могъ видѣть; но послѣдствія, сказываютъ, не совсѣмъ удовлетворительны, и теперь глазамъ его хуже. Лѣто наше, котораго нынѣшнимъ лѣтомъ мы впрочемъ не имѣли, кончилось, и народъ слетается въ городъ изъ-за моря и съ дачъ. Сегодня великоторжественный день открытія итальянской оперы. Теперь на всю зиму разговоръ заведенъ. Только и будетъ толку, и часто очень безтолковаго, что объ оперѣ.

Другая важная политическая вѣсть есть смерть графа Эссена, который умеръ, заказывая свой обѣдъ. Я очень здѣсь радъ Тютчеву. Вотъ тоже прелестный говорунъ, какъ покойникъ Козловскій, но съ понятіями и правилами болѣе твердыми. Разговоръ его возбуждаетъ вопросы и рождаетъ отвѣты, а разговоръ многихъ другихъ возбуждаетъ одно молчаніе. Я часто являюсь въ салонъ съ потребностью и желаніемъ говорить, но послѣ двухъ минутъ чувствую, какъ замерзаютъ мои мысли въ головѣ и слова мои въ горлѣ.

На дняхъ напишу къ тебѣ чрезъ Жуковскаго. Вотъ еще Андреевская лента слетѣла. Сію минуту получаю письмо отъ Булгакова, увѣдомляющаго о смерти графа П. А. Толстого отъ удара. Онъ же пишетъ, что князь Александръ Николаевичъ можетъ уже писать крупное. Обнимаю тебя и желаю выздоровленія.

959.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2/14-го октября. Шанрозе.

Вотъ тебѣ еще два письма: прочти, какое хочешь и отошли немедленно.

Я все страдаю, но болѣе духомъ, слыша кашель Клары и пальпитаціи Сашкина сердца. Солнце еще свѣтитъ, но въ Парижѣ

еще не живо, особливо для безногихъ. Все еще не знаю ничего вѣрнаго объ операціи князя Александра Николаевича Голицына. Булгаковъ ко мнѣ не писалъ о семъ, а онъ и Александръ Михайловичъ Тургеневъ—къ Жуковскому. Сердце вѣритъ, а умъ отказывается. Напиши о семъ. Ты увидишь, что и какъ читаю. Глаза еще не совсѣмъ отказываютъ. Что твои? Мы какъ-то разъединились письменно, но сердце все тебѣ принадлежитъ, не смотря на разномысліе во многомъ. Ты меня увѣдомляй только хотя о себѣ и о своихъ. Возьми мѣсто Бенкг[аузена] въ Лондонѣ и часто навѣщай Парижъ и Германію: и безъ воровства жить чѣмъ будетъ, но уживешься ли безъ языка? Жаль, что Шписъ здѣсь безсмѣнный, ибо онъ по другимъ, особеннымъ порученіямъ. Все можно облагородить полезнымъ занятіемъ для людей и Россіи, даже и мѣста Шписовъ и Бенкг[аузеновъ].

Прости! Поклонъ Булгакову и помни любящаго тебя Тургенева.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ. Le prince Pierre Wiazemsky. A St.-Pétersbourg.

960.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16/28-го октября. Champrosay.

Я получилъ сегодня здѣсь письмо твое отъ 2-го октября и въ то же время вексель въ 278 рублей серебромъ отъ Штиглица. Я, кажется, худо разчелъ, пославъ тебѣ изъ Франкфурта довѣренность и полагая, что мнѣ слѣдуетъ за нѣсколько мѣсяцевъ; но, кажется, я получилъ прежде за пять или шесть мѣсяцевъ, а теперь выслано только за два или за три до 1-го сентября. Не знаю, есть ли записка у тебя, изъ коей видно, за какіе мѣсяцы я получилъ уже, то потрудись увѣдомить при случаѣ (или за восемь или за девять мѣсяцевъ съ 1-го генваря).

Вотъ и еще, если не два свѣтила, то двѣ Андреевскія звѣзды сорвано съ русскаго неба! Жаль графа П. А. Толстого. Онъ нѣкогда любилъ насъ, но вѣчная память доброму человѣку, quand

même. Здѣсь сынъ его, Александръ, но третьяго дня онъ еще не зналъ о своей потерѣ. Это письмо пойдетъ съ графомъ Шуваловымъ, и въ немъ письмецо въ Москву перешли. Все ли получилъ изъ Франкфурта и отсюда? Ожидаю съ нетерпѣніемъ твое письмо къ Жуковскому. Очень бы хотѣлось пожить съ нимъ, но меня все куда-то тянетъ. Это предчувствіе послѣдняго вояжа. Возвращусь къ нему въ самомъ началѣ здѣшней весны; поживу съ нимъ съ недѣлю и отправлюсь далѣе и, хотя больной, уѣду въ Москву, хотя я почти совсѣмъ кончилъ матеріальныя мои сношенія съ отечествомъ: одна любовь осталась, но это много, очень много. Вчера приснилось мнѣ, что я опять въ St.-Acheul, въ кельѣ Xavier Гагарина; что мы сбираемся уѣхать оттуда: коляска и русскій бородачъ на дворѣ, и я уговаривалъ его во снѣ не останавливаться въ Аміенсѣ, а перемѣнить лошадей и далѣе; съ этимъ совсѣмъ проснулся. Черезъ нѣсколько часовъ я получилъ вчера же письмо отъ третьяго дня (26) отъ него, изъ коего выписку посылаю Свербеевой. Сегодня отвѣчалъ ему; обѣщалъ книгъ, кои пошлю изъ Парижа, именно—Самарина диссертацію, а вы пришлите мнѣ другой экземпляръ. Онъ занимается тамъ Россіею, и это подаетъ мнѣ нѣкоторую, хоть слабую, надежду; мнѣ бы хотѣлось совратить его въ евангелическое исповѣданіе: иначе трудно выпутаться изъ римскихъ тенетъ. Если бы графъ Протасовъ прислалъ мнѣ для него все, что вышло о русской церкви, я бы доставилъ ему: авось! Но боюсь того же дѣйствія, какое имѣли апологетическія сочиненія Ф[иларета] и М[уравьева]. Онъ и славянизмомъ много занимается, но для сего нужны ему совѣты нашихъ московскихъ славянофиловъ. Странно, что мнѣ же первому довелось переписываться съ іезуитомъ, да еще и съ русскимъ. Если я оправлюсь порядочно, то заведу переписку ученую, не полемическую, и постараюсь впустить въ гнѣздо іезуитское „Сѣятеля"; но дѣло въ томъ, что для главныхъ не убѣжденіе нужно.

Читалъ я книжку Стурдзы, въ Яссахъ напечатанную на французскомъ языкѣ: „Etudes réligieuses, morales et politiques". Онъ созрѣлъ и въ наукѣ, и въ слогѣ. Желалъ бы имѣть ее: читалъ чужую.

Поклонись Тютчеву; очень радъ за васъ обоихъ, что вы встрѣ-

чаетесь. Получилъ ли или отправилъ ли его книжку? Скажи ему, что она не всѣмъ здѣсь понравилась.

Здѣсь итальянская опера не будетъ столь блестящею, какъ прежде, за то двѣнадцать представленій англинскихъ.

Напишу послѣ, когда оправлюсь отъ теперешней хандры-недуга, замѣчанія на книжку Тютчева. Будетъ ли онъ продолжать вразумлять Европу на счетъ нашъ? Ему стоитъ только писать согласнѣе съ его европейскимъ образомъ мысли—и тогда онъ ближе будетъ къ цѣли, которую себѣ предполагаетъ.

17/29-го октября.

Прости, мой милый! Посылаю письмо въ Парижъ чрезъ княгиню Гагарину къ графу Шувалову, который ѣдетъ послѣ завтра: хотя и самъ возвращаюсь завтра, но опасаюсь нездоровья. Вотъ что à peu près отправлено: съ Кудрявскимъ—два пакета; съ Лебуромъ — два (или три?); съ посольствомъ, къ послѣднему пароходу, одинъ, съ Опочининымъ два, съ княземъ Голицынымъ одинъ или два, да еще съ кѣмъ-то, не помню. Стиховъ о Дежер[андо], Маре и Монлозье сегодня не посылаю.

Если желаешь, то прочти письма мои къ сестрицѣ и къ Свербеевой, но про себя, и хорошо бы переслать прямо къ сестрицѣ или къ Свербеевой.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ. Le prince Pierre Wiazemsky. A St.-Pétersbourg.

961.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го ноября (Всѣхъ святыхъ), полдень. 1844 г. Парижъ.

Tibi et igni. Я встрѣтилъ сейчасъ Канкрина въ Palais-Royal, и мы разговорились. Я давно сбирался спросить его о тебѣ и о твоемъ будущемъ. Онъ сказалъ мнѣ à peu près слѣдующее: по несчастью, въ твоемъ департаментѣ директоромъ долженъ быть военный, потому что много военныхъ подъ командой, а перевести

въ другой было бы для тебя невыгодно въ пекуніарномъ отношеніи, ибо нигдѣ такихъ частыхъ и значительныхъ выдачъ и премій не бываетъ, какъ по твоему департаменту. Хорошо бы было тебѣ быть и на мѣстѣ Дружинина и, кажется, онъ бы это сдѣлалъ, если бы Дружининъ удалился, но болѣе всего онъ желалъ бы тебѣ мѣста начальника банка и спросилъ меня, кто назначенъ вмѣсто Обрескова. Я не знаю. „Вотъ это бы мѣсто для него“. „Впрочемъ“, прибавилъ Канкринъ, „и въ теперешнемъ мѣстѣ Вяземскій очень полезенъ; онъ часто замѣнялъ директора и хорошо пишетъ по-французски, въ чемъ часто случается надобность“. Я отвѣчалъ, что по-французски ты пишешь правильнѣе, нежели порусски, хотя ты одинъ изъ нашихъ лучшихъ авторовъ. Канкринъ подтвердилъ хвалу, но сказалъ, что оффиціальную прозу кто-то еще лучше тебя пишетъ у васъ (кто такой?). Одно только: „У него червячка нѣтъ“. Я спросилъ значеніе этого выраженія, и Канкринъ объяснилъ мнѣ, что ты не съ такимъ жаромъ принимаешься за дѣло, какъ нѣкоторые, и опять началъ хвалить тебя и пр. Я сказалъ, что я всегда опасался, чтобы мѣсто Дружинина Канкринъ не отдалъ Мейендорфу. „Никогда“, отвѣчалъ онъ и сдѣлалъ очень дѣльную и, по моему, справедливую характеристику Мейендорфа, но не въ его пользу. Главный недостатокъ, что не знаетъ ни дѣлъ, ни Россіи. Пожалуйста, изорви это письмо, не для меня, а для себя или для Канкрина: я уже извѣстная кумушка.

Купилъ „Jaqueline Pascal“, Кузеня и надѣюсь, что возьметъ графъ Шуваловъ, ибо волюмчикъ небольшой, хотя и толстоватъ. Во вчерашнихъ „Дебатахъ“ — статья о ней. Пожалуйста, немедленно перешли къ Сушковой по прочтеніи. Поэму: „Les deux anges“ съ другими стихами также хотѣлъ послать, но 8⁰ великъ.

Обнимаю тебя. Постараюсь увидѣть Бутовскаго и спросить его, не можетъ ли отправить нѣсколько книжекъ.

Хотѣлось бы тебѣ указать на одни стишки, но не смѣю. До свиданія. Встрѣтилъ княгиню Catiche Любомирскую; она меня узнала и остановила, но я едва угадалъ ее.

2-го ноября.

Графъ Шуваловъ ѣдетъ завтра. Посылаю еще книжку се-

стрицѣ: „Мысли и переписка ....“ [1]). Перешли чрезъ Булгакова.

6-го ноября.

Присылай Самарина для St.-Acheul: мой экземпляръ затерялся. Читаешь ли ты по-англински? Прочти романъ ...... [2]) и отошли къ Свербеевой. Дай знать Булгакову, что получилъ его письмо отъ 11/23-го октября, но удивляюсь, что въ немъ ни слова о князѣ Голицынѣ. Изъ перваго знаю объ успѣшной операціи, но ничего о послѣдствіяхъ.

Вчера провелъ съ часъ съ Канкриной. Мужъ и она спѣшили въ италіанскую оперу, гдѣ бываютъ каждыя двѣ недѣли. Канкринъ сдѣлался совершеннымъ dendy. Обнимаю тебя. Пожалуйста, немедленно отправь, запечатавъ, письмо къ сестрицѣ, хоть чрезъ Булгакова.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ. Le prince Pierre Wiazemsky.

962.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3/15-го ноября 1844 г. Парижъ.

Графъ Канкринъ позволилъ прислать только пакетъ незапечатанный съ письмами и одинъ волюмъ. Посылаю письма съ листками. Отправь немедленно и приложи къ нимъ то, что̀ не дослалъ; напримѣръ, Сенъ-Бёва, три части (Сушковой) и прочее. Пятую часть L. Blanc оставь у себя, если у тебя нѣтъ ея; а если есть, то, хотя чрезъ Попова, отправь ее къ князю Александру Николаевичу. Я послалъ ему первыя четыре съ графомъ Бенкендорфомъ за годъ передъ симъ, но не знаю, отправилъ ли пакетъ съ книгами на имя князя Голицына Пряничниковъ. Онъ не отвѣчалъ мнѣ, а въ томъ пакетѣ была и книжка герцога Ноаль съ надписью Рекамье,

[1]) Слово заклеено сургучомъ.
[2]) Слово не разобрано.

для меня драгоцѣнною. Я просилъ князя Голицына эту одну книжку возвратить мнѣ. Если не посланы къ князю Голицыну первыя четыре части, то и этой посылать не для чего, а лучше въ Москву, если у тебя уже есть она. Посылаю для тебя и „Посланіе къ пэрамъ“ княгини Голицыной. Жаль ее и стыдно за русское имя. Теперь сбирается она объявить войну Араго. Постараюсь отклопить ее, но удастся ли? Съ примѣсью сумасшествія она и очень проста, и упряма; все это съ очень добрымъ сердцемъ.

Передай поклонъ Булгакову. Письмо его съ письмами Свербеевыхъ и съ вѣстями о концертахъ получилъ и благодарю. Поклонись и Велгурскимъ. Все ли получилъ отъ нихъ? Вчера провелъ у графинь, милыхъ и добрыхъ до меня, вечеръ и смѣялся къ облегченію невральгіи. Живу на пять минутъ отъ нихъ.

Обнимаю тебя и твоихъ всѣмъ сердцемъ. Прочти письма мои, если желаешь, но пожалуйста ни дня не задерживай. Что съ тобою дѣлается? Давно ни слова. Прости!

Вчера въ десять часовъ утра, исповѣдавшись и причастившись наканунѣ, умеръ князь Элимъ Мещерскій. Жену увезла къ себѣ Кайсарова. Мать плачетъ надъ тѣломъ, но переноситъ христіански.

Вотъ и тебѣ посланіе *Ночной княгини*. Прочти его графу Велгурскому, если графиня не пришлетъ. Оно для тебя, а если имѣешь, то отошли въ Симбирскъ.

Вотъ и первый номеръ Бартелеми, но плохъ. Другихъ посылать не буду, развѣ по выбору. Если не полюбится, отошли Свербеевой.

5/17.

Вчера графиня Потоцкая, все умирающая, пріѣхала въ тотъ же домъ, гдѣ Велгурскіе. Ее внесли въ комнаты. Киселева ѣдетъ завтра въ Нису; развѣ пріѣздъ брата остановитъ.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

1845.

963.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[29-го января. Петербургъ].

Не знаю, кто у насъ въ министерствѣ еще лучше моего пишетъ оффиціальную прозу, то-есть, о комъ говоритъ графъ Канкринъ; но легко вѣрю, что найдутся и многіе. Я знаю одно, что Канкринъ совершенно правъ, когда говоритъ, что у меня *червячка нѣтъ*; именно нѣтъ le ver rongeur, le ver solitaire, тотъ необходимый червячекъ, который дѣлаетъ изъ человѣка *служаку*, и безъ чего нельзя служить. Кажется, Вольтеръ говорилъ, что трагическому актеру нужно имѣть le diable au corps: безъ этого актеръ будетъ вялъ, холоденъ, не увлекателенъ. Червячекъ, о коемъ говоритъ Канкринъ, есть именно le diable, о коемъ говоритъ Вольтеръ. Я за трапезою службы ѣмъ, но не объѣдаюсь, не упиваюсь, не лакомлюсь. Je mange pour vivre, mais je ne vis pas pour manger, то-есть, служу добросовѣстно, по крайней мѣрѣ, довольно добросовѣстно и усердно, но не страстно, не восторженно. Для меня служба—не любовница, а законная жена; — — — —. Я не то, что сосѣдъ мой, Сенявинъ, который одушевленъ пріапизмомъ службы, задорится на нее, таетъ надъ отношеніемъ и купается въ сладострастномъ и чернильномъ потѣ канцелярскихъ наслажденій. Оно

вамъ со стороны смѣшно, а выходитъ, что онъ правъ. Служба требуетъ, чтобы обожали ее, боготворили, какъ любовницу, а тому, который обращается съ ней, какъ съ женой, она не открываетъ сокровищницы своей любви, своихъ любострастій, а измѣняетъ ему и ставитъ рога. Канкринъ совершенно правъ; я всегда былъ той же мысли, но выражалъ ее иначе. Я говорилъ, что, по крайней мѣрѣ у насъ, дѣловому человѣку нужно имѣть умъ, но нужно имѣть и нѣкоторый запасъ глупости, тяжести: это необходимый балластъ, который придаетъ судну правильный и успѣшный ходъ. Безъ этого балласта будешь выше службы или ниже, какъ хочешь, но не будешь имѣть равновѣсія, слѣдовательно, не будешь для службы годенъ. Канкринъ говорилъ мнѣ однажды, что въ службѣ, въ дѣлахъ государственныхъ, не должно пренебрегать мелочами; что каждая ничтожная бумага имѣетъ свое значеніе въ общей массѣ; что эти мелкія дѣла — песчинки, изъ коихъ образуется гора. Оно такъ: хорошо для горы, въ ней есть и поэзія; но каково же песчинкѣ, если признать въ ней мысль и чувство? Какъ ей полюбить свое состояніе? Ей душно въ этой горѣ, и надобно рѣшиться быть мертвымъ зерномъ, а не искрою. Впрочемъ, я уже ни въ чемъ и не для чего не искра: я заморилъ и уморилъ всѣхъ червяковъ своихъ.

Вижу изъ писемъ твоихъ, что ты болѣе хандришь, нежели хвораешь. Точно то же и со мною: на меня напала, мною овладѣла черная немочь, если не совсѣмъ черная, то темная, сѣрая. Одно меня выводитъ иногда изъ этой апатіи,—это глупость, то-есть, дурачества, безуміе твоихъ французовъ. По старой привычкѣ я ихъ еще люблю, но болѣе люблю начало, принципіумъ, коего они представители, люблю умственную силу, цивилизацію; понимаю ихъ не такъ, какъ они ихъ понимаютъ; но знаю, что и благія, и вредныя дѣйствія ихъ, то-есть, французовъ, имѣютъ сильное вліяніе на общій ходъ мнѣній и дѣлъ. Развѣ не гадко видѣть эту pièce à tiroir, которую снова разыгрываютъ въ балаганѣ Палаты депутатовъ? Эта оппозиція кричитъ противъ l'abaissement, l'avilissement de la France, а сама не понимаетъ que c'est elle qui abaisse la France et avilit le gouvernement représentatif par l'odieux et ridicule spectacle qu'elle

donne à l'Europe! Dans tout ce tapage des paroles il n'y a pas un seul accent de conviction et de bonne foi. Ce Molé, qui a été renversé du ministère pour avoir méconnu les intérêts et la dignité de la France, est replacé par les mêmes adversaires à la tête de l'attaque qui doit culbuter le ministère actuel. Mais on n'a donc plus de pudeur en France? Mais si l'opposition était payé par les gouvernements absolus pour discréditer le système représentatif, elle ne pourrait mieux faire, ni faire autrement. Voilà ce qui se dit chez nous par les hommes les plus sensés et les plus impartiaux. Mais quel est le gouvernement sage et jaloux de sa dignité qui pourra désirer le rapprocher d'un gouvernement qui vit au jour le jour, qui se trouve à la merci de bavards comme Billault et compagnie, de ces condottieri de la parole qui font des coups de main ou des coups de langue sans se soucier de ce qui pourra en arriver. Et l'opposition et toute la France savent bien qu'un changement de ministère, qu'un changement de nous propres ne fera rien à l'affaire, que la force des choses est plus puissante que toutes les velléités possibles. Guizot, comme Molé, comme Thiers, cette trinité inévitable, peuvent se contredire en paroles, mais une fois à l'oeuvre ce sera toujours blanc bonnet ou bonnet blanc. On sera toujours en méfiance vis-à-vis de la France, non à cause de ses triomphes sous l'empire, qui ont été chèrement aquittés en 1813 et 1814, et parce qu' on sait bien que le géant des batailles dort d'un sommeil irrévocable sous la voûte du Dôme des invalides, mais à cause de son esprit inquiet, de sa perturbation, de ses passions ardentes, de ses habitudes et allures du crâne, de son état *d'ivresse* permanente, qui ne permet jamais de la trouver à jeun, l'esprit frais et rassis sur quelque question que ce soit. Quand on a à faire à elle, il faut toujours aller la chercher à la courtille de la Chambre des députés, où ils se grisent de paroles, de jactance et de vanité, et où ceux qui sont les plus soûls sont comme de raison les plus forts tapageurs et font la loi aux autres. Это совершенно противно тому, что дѣлается въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ, по замѣчанію покойнаго Марченко, кто потрезвѣе, тотъ и отправляетъ текущія дѣла. Tout naturellement la France doit faire certaines concessions à l'Angleterre et en fera toujours, si non elle

se trouvera isolée et rencontrera partout des préventions, des appréhensions et des entraves sur son chemin. Ce n'est pas le bretteur, que l'on craint, quand on évite de mettre la France à la raison, mais son témoin politique, son allié responsable. Avec l'Angleterre on est venu à bout de Napoléon; serait-il plus difficile de venir à bout de Thiers, de Billault et de Garnier Pagés? Tout le monde le sait, la France mieux que tout autre, et l'opposition la première, à quoi bon donc toutes ces bravades, ces criailleries. C'est pitoyable.

Меня не убѣдило или, напротивъ, утвердило въ прежнемъ убѣжденіи письмо къ тебѣ Ксаверія. Тутъ нѣтъ смиренномудрія, нѣтъ духа терпѣнія, любви; тутъ духъ празднословія, любоначалія. Онъ—французскій іезуитъ; онъ не вышелъ изъ міра, а только перемѣнилъ кафтанъ, неизвѣстно, изъ какихъ побужденій и для какой цѣли. Что ему другихъ осуждать и увѣщевать? Довольно съ него будетъ, если онъ займется спасеніемъ души своей. Иначе не понимаю монашества, а тамъ ожидай призванія свыше и проповѣдуй, когда огненный языкъ сойдетъ на тебя. Можетъ быть, я и грѣшу противъ Ксаверія: увидимъ, и очень радъ буду, если увижу, что я согрѣшилъ и напрасно осуждалъ брата моего.

Андрей Карамзинъ точно былъ раненъ въ руку и въ голову. Раны не опасныя, но тяжелыя. Онъ на дняхъ сюда возвратился героемъ, въ ермолкѣ и съ подвязанною рукой. Онъ очень страдаетъ головными болями. Я послалъ Жуковскому письмо, въ которомъ описывается ратный подвигъ его. Вытребуй отъ Жуковскаго.

Посылаю тебѣ наше или мое объявленіе о памятникѣ Крылову. Тряхни стариною и призови свою прежнюю дѣятельность: собери подписку съ русскихъ, находящихся въ Парижѣ. У васъ много богачей: Тюфякинъ, Разумовская, Нарышкины etc., etc.; можетъ быть сумма порядочная, и вышли деньги на мое имя, а мы напечатаемъ въ газетахъ, что̀ трудами твоими будетъ собрано. Попроси Сиркура сдѣлать извлеченіе изъ моей статьи и напечатать въ „Journal des Débats“. Спасибо ему за оправдательную статью въ пользу нашей церкви. Филаретъ напечаталъ новую проповѣдь. Въ ней возстаетъ онъ на римскую церковь, то-есть, на

притязанія ея, что апостолъ Петръ выше другихъ апостоловъ. Андрей Муравьевъ отправился въ Римъ обращать папу.

Великій князь и великая княгиня ужасно были поражены неожиданною смертью дочери, но здоровье ихъ удовлетворительно. Тяжело было императору и императрицѣ объявить имъ о горѣ ихъ и утѣшать ихъ, когда собственное горе такъ еще свѣжо, особенно въ сердцѣ матери; но и ихъ здоровье не разстроилось отъ этого новаго удара, а напротивъ, они какъ будто укрѣпились подъ этимъ потрясеніемъ и бываютъ ежедневно у ихъ высочествъ. Трауръ наложенъ такой же, какъ по кончинѣ Александры Николаевны, но театры были закрыты только на нѣсколько дней; а городъ только что было [началъ] веселиться. Балы всѣ отмѣнены. Здѣсь разнесся слухъ, что Жуковскій нездоровъ прежнимъ своимъ недугомъ, то-есть, кровотеченіемъ. Правда ли? Хорошо бы намъ всѣмъ съѣхаться нынѣшнимъ лѣтомъ въ Киссингенѣ. Боюсь, что мое вице-директорство меня не выпуститъ. Зимою я свободенъ, но за то лѣтомъ прикованъ.

Сегодня 29-ое число, день кончины Пушкина. Я отслужилъ за него и за своихъ покойниковъ панихиду. Ланская, бывшая вдова его, очень счастлива. Мужъ ея — добрый человѣкъ и добръ не только къ ней, но и къ дѣтямъ. Теперь она и дѣти въ ужасномъ коклюшѣ, также и Смирнова. Поклонись отъ меня Віельгорскимъ и скажи ей, что обѣдаю сегодня у дочери ея, Сологубъ, съ Тютчевыми. Tutscheff est le lion de la saison. Онъ очень уменъ и милъ; онъ одинъ умѣетъ расшевелить меня и дергать за языкъ. Здѣсь кавказскій Воронцовъ. Всѣ очень довольны его назначеніемъ. Дай Богъ ему успѣха. На дняхъ заѣхалъ онъ неожиданно обѣдать въ Англійскій клубъ, и была ему овація. Всѣ пили за его здоровье, и онъ благодарилъ рѣчью. Тутъ же назначили дать ему торжественный обѣдъ на дняхъ. Онъ скоро отправляется; онъ не можетъ отдѣлаться отъ просителей, которые рвутся за нимъ на Кавказъ. Пріуготовительныя дѣйствія его здѣсь, сказываютъ, очень благоразумны и, хотя облечены умѣренностью, но сильны и рѣшительны.

Обнимаю тебя отъ всей души. Передай Гоголю подъ его знаменіемъ написанные мною стихи. Вы знаете, что у Булгарина

страсть выдавать себя посмертнымъ другомъ всѣхъ умершихъ знаменитостей. Такъ сдѣлалъ онъ и съ Крыловымъ въ „Сѣверной Пчелѣ".

964.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Le 6/18 mai 1845. Francfort sur Mein.

C'est ici que j'ai reçu hier, chère princesse, votre bonne lettre du [1]) avril. Elle m'a eté envoyée par mon frère de Champrosay, mais sans l'échantillon. J'en suis vraiment désolé, car cela me prive du bonheur de vous être bon à quelque chose. Si du moins l'échantillon m'était parvenu, j'aurai pu, peut-être, m'aquitter de votre commission ici ou à Berlin. Mon frère ne me mande pas, s'il a reçu les deux № du „Moskwitianine". Néanmoins je vous en remercie beaucoup; je viens de les parcourir ici. Votre lettre et les quelques lignes de Wiazemsky nous ont un peu rassurées sur son compte, et Joukoffsky, pour sa part, a été très sensible aux inquiétudes que vous avez eu à son égard. Je l'ai trouvé beaucoup mieux, mais pas aussi bien pourtant que la dernière fois. Kopp étant absent, je n'ai pas pu encore le questionner sur notre ami: du reste Homère et Иванъ-Царевичъ sont les meilleurs médecins. Gogol, qui est maintenant à Homburg, nous a lu hier tout ce charmant poème. Je suis peiné de savoir, que vous avez été obligée de déchiffrer mes volumes russes. Envoyez les à Moscou sans vous donner cette peine.

Je compte rester encore quelques jours jusqu'au retour de Kopp, qui m'enverra apparement à Karlsbad. Le médecin de Bonn est du même avis. En y restant 6 ou 7 semaines, depuis le 1 ou le 5 juin nouveau style, je pourrai peut-être me rendre à Berlin en août et delà en septembre à Moscou. Si par hasard Wiazemsky se décidait à faire un voyage en Allemagne, veuillez m'en prévenir: j'irai le trouver. Il est probable que l'an de grace 1846 je serai obligé de revenir à Karlsbad, mais je n'ai nulle envie de passer les hivers à Paris, car la santé de ma belle-soeur et de sa petite, ainsi que les affaires de mon frère exigent un plus doux climat, que celui de

[1]) Числа не означено.

Paris, et une résidence fixe. Je serai donc encore plus isolé dans la nouvelle Babylone. Je désirerai pouvoir me fixer à Moscou, quand Joukoffsky y sera, et surtout si Ostafievo ne sera pas désert.

Galachoff est parti hier pour Pétersbourg d'ici; je ne l'ai su qu'après son départ; il vous apporte mes lettres et quelques brochures de Paris.

7/19 mai.

Joukoffsky vient de me dire, que Jacques Tolstoy a oublié à Paris quelques-uns des petits paquets, que je lui avais confié, mais qu'il espérait pouvoir les lui faire envoyer. Veuillez, chère princesse, vous en informer et faire demander à m-r Tolstoy, si ce sont des lettres ou des livres, qu'il a laissés à Paris? Je serai bien peiné, si c'étaient les premières. Je me rappelle de lui avoir remis un gros volume des conférences de Lacordaire, un livre pour les enfants de m-me Swerbéeff et quelques brochures.

Veuillez, chère princesse, expédier les incluses à Moscou. Embrassez votre mari. Si vous voyez m-me Smirnoff, dites lui que ma première question à Gogol était sur elle, que je lui demande quelques commérages sur Pétersbourg, sur vous et les vôtres surtout, donc sur les Karamzine aussi. Que fait le héros, Кавказскій чуть не плѣнникъ? Malgré leur indifférence à mon égard je leur porte un dévouement sans bornes, qui se rattache au culte du passé. J'ai lu et relu les lettres de l'historiographe au ministre dans le „Москвитянинъ". Me permettra-t-on d'imprimer celles qui m'étaient adressées ou la censure les trouvera-t-elle encore преждевременными? Mes amis, les ennemis m'accorderont-ils ce passe-port pour l'immortalité? Si non, je les imprimerai à Leipzig, avec des commentaires et des notices biograghiques.

L'Evangile russe, prohibé par le Saint-Synode, s'y reimprime déjà.

C'est un certain m-r Ghennady, ex-diplomate, domicilié à Moscou, qui vous portera ces lignes. Pensez à moi quand vous aurez du loisir et une plume pour écrire.

Si mon cousin, Argévitinoff, en passant par Pétersbourg, aura l'honneur de vous offrir ses hommages, veuillez les accueil-

lir avec bienveillance et lui communiquer ce qui le regarde dans mes lettres à Wiazemsky et à Moscou (voyez les incluses).

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ. Son excellence le prince Pierre Wiazemsky. A St.-Pétersbourg.

965.

Князь Вяземскій Тургеневу.

6-го іюля 1845 г. Каменный островъ.

Я не очень понимаю твою географію, но на всякій случай послалъ предписанія Ковенской и Таурогенской таможнѣ о томъ, чтобы запломбировали для досмотра въ Москвѣ или въ Петербургѣ вещи, которыя не захочешь ты предъявить къ освидѣтельствованію на пограничной таможнѣ. Куда бы тебя ни кинуло: въ Москву или въ Питеръ, а все, кажется, проѣдешь черезъ одинъ изъ означенныхъ пунктовъ. Впрочемъ, если у тебя вещей съ собою немного, то совѣтую тебѣ отдѣлаться отъ таможни на границѣ. Везти съ собою вещи за пломбами опасно: могутъ оторваться или повредиться, и тогда ты съ нами не раздѣлаешься и подвергнешься значительному штрафу. Вообще, на снисхожденія отъ насъ не надѣйся. Мы съ Вронченко никому не спускаемъ, и онъ крѣпко сидитъ верхомъ на буквѣ закона: ничѣмъ не собьешь его. Ты спрашиваешь меня, куда тебѣ ѣхать: къ Ивану Великому или къ Петру Великому. Разумѣется, я стою за послѣдняго, и у меня готовъ для тебя и на дачѣ, и въ городскомъ домѣ гостепріимный и радушный пріютъ. Впрочемъ, если тебѣ нужно видѣться здѣсь съ государственными именитостями, то, разумѣется, лучше быть здѣсь зимою. Лѣтомъ всѣ наши дѣльцы расходятся на подножный кормъ по всѣмъ сторонамъ. Графъ Канкринъ теперь въ Павловскѣ и въ Совѣтъ еще не вступалъ. Во всякомъ случаѣ зимою будетъ онъ въ городѣ; онъ все довольно плохъ, слабъ ногами и, кажется, убитъ духомъ, вѣроятно, бездѣйствіемъ. Я, если за границу въ нынѣшній годъ и поѣду, то развѣ въ концѣ зимы, чтобы по-

раньше встрѣтиться съ весною. Поѣзжай теперь въ Москву, а сюда пріѣзжай позднею осенью.

Передай мой сердечный поклонъ Фарнгагену и спроси его, получилъ ли онъ отъ меня книги, за нѣсколько мѣсяцевъ тому посланныя: романъ Ѳедорова и еще кое-что. Въ Берлинѣ ли наша Киссингенская красавица, графиня Лоттумъ? Передай и ей мое колѣнопреклоненіе. Здѣсь твои парижскія красавицы: графиня Разумовская и Обрескова; возятся съ таможнею, которая задерживаетъ ихъ заграничныя прелести. Не знаю, за которою изъ нихъ приплылъ сюда... [1]) Girardin le russe à Paris.

Я было-началъ пить Рагоцци, но отказался; съ Врончeнко пить воды нельзя: онъ заливаетъ чернилами и не даетъ времени даже порядочно сходить на часъ. Ты въ Москвѣ можешь еще застать Тютчевыхъ. Обнимаю. Знаешь ли, что Елена Мещерская помолвлена за принца Бирона, брата Лазаревой? Свадьба будетъ въ Москвѣ. Да почему не пріѣдешь ты на Штетинскомъ пароходѣ? И дешево, и скоро, и покойно.

966.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10/22-го августа, 3-й часъ по полудни. Великій Новгородъ.

Черезъ полчаса ѣду въ Москву, усталый, растерзанный. Грустно и тяжко: военныя поселенія такъ и давятъ меня. Я изнемогъ, какъ солдатъ внутренней стражи. Для чего и на долго ли недуги мои продолжаются?

1) Поблагодари графа Велгурскаго за милаго, умнаго сына. Попроси графиню переслать поскорѣе, если не переслала еще, портретъ и шаль и поблагодарить за меня сына, коему писать буду черезъ нихъ и скоро. 2) Скажи или дай знать К. С. Сербиновичу, что я въ Москвѣ, что вездѣ требовали моихъ „Римскихъ актовъ“ въ Германіи; если есть еще запоздалые экземпляры, то пусть увѣдомитъ и вышлетъ тѣ пакеты, кои залежались въ канцеляріи графа Нессельроде. 3) Обними своихъ и себя. Пиши

---

[1]) Слово не разобрано.

во мнѣ. Утѣшай, воздвигай духъ. Не употреблю во зло твоего терпѣнія — читать мои письма.

Я въ храмъ исторіи пойду
И тамъ...

Нѣтъ ли и у тебя ко мнѣ залежалыхъ и зачерствѣлыхъ лепешекъ или посылочекъ? Высылай скорѣе. Ни графини Орловой, ни преосвященнаго Леонида не засталъ: одна въ Почаевѣ и Кіевѣ, а другой въ Хутынскомъ монастырѣ, куда за рѣками не везутъ меня. Увѣдомь о себѣ и о своихъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

967.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го августа 1845 г. Москва.

Я здѣсь не въ первый разъ съ 14-го августа и читалъ твое письмо къ Булгакову отъ 12-го; наканунѣ этого письма я писалъ къ тебѣ изъ Новгорода: пора бы откликнуться, но пожалуйста вѣрнѣе о себѣ, напримѣръ о глазахъ своихъ, кои буду беречь, сокращая и урѣжая письма. Я еще и Булгакова не видѣлъ, даже и Свербеевой: „Je la mange, je la bois, mais je ne la vois pas"; одну Ховрину въ палатахъ отшедшаго въ тартаръ Цинскаго. Говорятъ, и княгиня Софья Григорьевна Волконская здѣсь. Увижу, если не уѣду завтра опять въ деревню, гдѣ пробылъ пять дней, копаясь въ моемъ прошедшемъ, то-есть, въ перепискѣ отца, матери, братьевъ по крови и по франкмасонству и пр., и пр., и пр. Выслушалъ отрывки, довольно хорошо написанные, панегирика Карамзину Погодина на памятникъ, сегодня въ Симбирскѣ открываемый; сообщилъ ему кое-что для біографіи Карамзина. Кто-то тамъ будетъ его слушать? Жаль, что я не „прежній я"—ускакалъ бы хотя и Погодина на Волгѣ послушать.

Точно ли убитъ аршинный Обресковъ? Братъ изъ Шанрозе и газеты — ни слова. Сербиновичъ изъ вояжа возвратился. Дай ему знать, что я здѣсь.

У Филарета или у Василья Михайловича былъ въ Успенье

на завтракѣ, отъ коего уѣхалъ; но у самого Филарета буду, вѣроятно, сегодня, если соборная давка не задушитъ его. Выслушалъ его успенскую проповѣдь: умно говорилъ и о Богородицѣ.

Здѣсь никого, хоть шаромъ покати, но и шаръ разобьется о мостовую. Видѣлся и наговорились до-сыта съ Ермоловымъ: мы — сосѣди. Возвратился ли Канкринъ въ городъ?

Мельгуновы мои сосѣди здѣсь. Сейчасъ входитъ. Валуевъ боленъ чахоткой: уѣзжаетъ въ Монпелье. Языковъ въ Петровскомъ, съ нимъ вмѣстѣ; но Валуевъ горюетъ или грустить вездѣ по Россіи, да и Поповъ врядъ ли поѣдетъ съ нимъ. Мельгуновъ поѣхалъ къ басманному философу, коего я также только разъ видѣлъ. Я и не воображалъ себѣ такой пустоты! Теплицъ былъ Парижемъ въ сравненіи съ Москвою! Я спокоенъ въ деревнѣ; продолжаю хворать и дряхлѣть.

Головинъ написалъ въ Парижѣ анекдотическую книгу о Россіи: смѣсь всякой всячины, старой и новой, безъ связи и безъ главной мысли, но съ претензіями. Я сужу, хотя и не читалъ.

Въ Успенскій соборъ не попалъ; и тамъ, вѣроятно, пусто, потому что чернь не всю впускаютъ, а генералъ-губернаторъ живетъ въ деревнѣ за 10000 рублей въ мѣсяцъ!

Я начитался въ письмахъ Лопухина и батюшки о Прозоровскомъ, Измайловѣ, графѣ Чернышовѣ, графахъ Алексѣѣ и Өедорѣ Орловыхъ: совсѣмъ иной міръ! Много и о Карамзинѣ нашелъ, но Погодину не сообщалъ.

Обними своихъ, Карамзиныхъ и Мещерскихъ. Старшая сестра Бирона умерла (Hohenthal).

968.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го августа. Москва.

Милое письмецо твое отъ 22-го получилъ, но ты не получалъ моего изъ Новгорода, которое я вложилъ въ письмо къ Прянишникову, весьма для меня нужное, ибо и Прянишниковъ не отвѣчалъ мнѣ, а я ожидаю его отвѣта съ мучительнымъ нетерпѣніемъ. Досадно и на графиню Велгурскую. Мнѣ нужна по-

сылка на этой недѣлѣ; я просилъ ее о присылкѣ изъ всѣхъ концовъ Европы, а она ни слова.

Въ концѣ недѣли, вѣроятно въ воскресенье, крещу у Свербеева сына Дмитрія. Еще не видѣлъ маменьки, ибо и до рожденія не позволяли ей никого видѣть; но часто бываю у нихъ и, какъ гость у Вольтера, объѣдавшій и упившійся, восклицаю: „Je la mange, je la bois, mais je ne la vois pas“. Только слышу изъ столовой и утѣшаюсь ея о мнѣ нѣжною заботливостью. Я, братъ, очень боленъ: едва ноги таскаю; только вчера выходилъ весь Кузнецкій или, лучше, тряпичный мостъ. И въ деревнѣ хворалъ, хотя не объѣдался, а одѣлялъ парижскими и карлсбадскими сережками дѣвушекъ своихъ и *казенныхъ* („я, батюшка, *казенная*“, отвѣчала одна мнѣ въ рощѣ на мою просьбу поддержать и привести меня домой) слишкомъ 400 бездѣлокъ для всей Тургеневщины, моихъ эксъ-вассалокъ. Но не тебѣ обязанъ, ибо и не воспользовался предписаніемъ пропустить меня безъ осмотра; не смотря на то, очень благодаренъ, но досадую, что ты напугалъ меня въ Берлинѣ, и всѣ также пугали въ Парижѣ и даже въ Карлсбадѣ. Очень досадно, особливо теперь.

Если Смирнова будетъ сюда, то какъ прилѣплюсь къ ея колесницѣ и въ деревнѣ сдѣлаюсь Павломъ ея. Предвари ее и меня, когда выѣдетъ и гдѣ остановится.

Завтра возвращаюсь въ Изварино праздновать себя и снова разбирать бумаги: какія сокровища, даже и для Европы, но особливо для Россіи! Напримѣръ, о финансахъ—кипы бумагъ любопытныхъ и наставительныхъ. А для салона Свѣчиной, напримѣръ, письма графа Іосифа Местра, le prophète du passé, и пр., и пр., и пр. Я задумалъ кое-что сдѣлать съ бумагами до моей скорой, право преждевременной, смерти и сдѣлаю здѣсь въ Москвѣ. Не хочешь ли и себя почитать? Да что мнѣ сдѣлать съ тобою? Кстати, читалъ ли пять номеровъ „Semeur“? Кто это меня вывелъ на свѣжую воду? Слышу, что пять статей сіи напечатаны въ особой книжкѣ. Обѣщаютъ прислать изъ Парижа. Братъ досталъ, но какъ послать? Придумай и выпиши и для себя, и для меня: право, любопытно и много невѣроятно вѣрнаго. Кто же это все узналъ и провѣдалъ *безъ вѣдома сыщика*?

Письма Вигеля ищу, но еще не нашелъ, а слышалъ о немъ. Какъ меня изуродовали въ „Москвитянинѣ“, особливо въ третьемъ номерѣ: Бенжаменъ Констанъ и Баланшъ для нихъ все одно!

Читалъ ли книгу Канкрина? Желалъ бы купить ее. Вышла въ Штутгартѣ. Поклонись ему и попроси, чтобъ далъ понюхать, то-есть, прочесть. Гдѣ онъ? Говорятъ горюетъ, то-есть, скучаетъ.

Не знаешь ли чего о пріѣздѣ Киселева въ Россію? Онъ обѣщалъ къ ноябрю.

Пожалуйста, скажи мнѣ свое искренное мнѣніе о моихъ парижскихъ коммеражахъ? Я не архіерей и не разсержусь... Филаретъ милъ и уменъ; послушалъ бы ты *насъ*, то-есть, его, князя Сергѣя Михайловича Голицына и меня, о ново-германской церкви съ княгинею Вяземскою-Ростиславовною бесѣдующихъ. Булгакова буду допрашивать и о немъ вывѣдывать, но успѣть не надѣюсь. Скрытъ, какъ старый дипломатъ, и только что улыбается на новыхъ розахъ своихъ въ сосновыхъ кущахъ своихъ. Пусть самъ откликнется къ тебѣ. Mea culpa!

Иноземцевъ сказывалъ мнѣ, что рука княгини Волконской не только вывихнута, но едва ли и не переломлена, что можетъ и болѣе мѣсяца продлиться. Она думаетъ иначе, но очень страдаетъ въ домѣ доктора Бѣлявскаго, на бульварѣ и, къ моему удобству, близъ Свербеевыхъ. Но ей и не до меня: сидитъ, ручку положа на блюдо, какъ сегодня за 1845 лѣтъ головушку Іоанна воспѣтая Жирарденшею Юдифь; не помню, какъ назвать.

Съ Мельгуновымъ—сосѣди. Языкова видѣлъ въ Петровскомъ. Чахотный Валуевъ отправляется противъ воли въ Монпелье. Чаадаеву лучше. Ховрину вижу часто у Оболенскихъ-Нелединскихъ и горюю съ ней по Мещерской. А я ликовалъ добросердечіемъ Лужина, но слышу, что почитаетъ пытку необходимою; смутился и уже говорилъ съ его правителемъ канцеляріи. Примусь и за него и покажу ему прекрасный указъ Александра (между нами).

Нейдгардтъ на другой день по пріѣздѣ сюда умеръ, огорчившись твоею шуткой въ письмѣ къ Булгакову. Онъ посылалъ за княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ, но не поспѣлъ, а поспѣлъ Лужинъ, за коимъ также посылалъ.

Опасаясь твоихъ упрековъ и сіятики, не былъ еще и на Воробьевыхъ горахъ.

Читалъ ли ты Хомякова объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ и Ѳедорѣ Ивановичѣ въ педагогическомъ журналѣ Валуева? Если читалъ, то пришлю письмецо къ нему Чаадаева, которое посылаю въ Европу.

969.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го августа, утромъ. [Москва].

Вчера досталъ письмо Вигеля Ефимовской (что за охота напоминать о своей *двойной* натурѣ?) и сейчасъ везу его для чтенія въ деревню, гдѣ пробуду до завтра вечера.

Я получилъ и отъ Погодина изъ Симбирска два печатные листа о томъ, что происходило при открытіи; вѣроятно, и Карамзины прислали вамъ ихъ. Послѣдній тостъ, особливо въ устахъ казеннаго патріота, меня глубоко тронулъ. Я чувствую вину свою передъ Погодинымъ. Но виноватъ ли я былъ прежде? Простятъ ли это ему у васъ? Или не сдѣлаютъ ли, какъ въ переводѣ статьи Ганца о салонѣ Рекамье, вымаравъ одно имя изъ числа многихъ?

Вчера я писалъ къ тебѣ, а это отсылаю завтра. Медленность въ доставленіи посылки графини Велгурской очень досадна.

Сейчасъ получилъ прекрасный подарокъ отъ Свербеевой: портреты двухъ старшихъ дочерей ея.

Нейдгардтъ поручилъ дѣтей своихъ государю, показавъ, что въ 50 лѣтъ службы оставляетъ имъ только двѣсти цѣлковыхъ. Жаль, что его не оставили на Москвѣ, сиротствующей во всѣхъ отношеніяхъ. Прости!

Булгаковъ празднуетъ себя у своихъ; я спѣшу также къ своимъ, но не сущимъ далече. Видѣлъ ли книгу Головина? Какъ скоро найду средство переписать Вигеля—пришлю, но очень длинно.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ.

970.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7/19-го сентября 1845 г. Москва.

Твою записочку къ намъ читалъ и благодарю за отправленіе портрета и платка съ княземъ Оболенскимъ. Отецъ ожидаетъ его сегодня. Три раза былъ я въ подмосковной, разсмотрѣлъ и вывезъ оттуда всѣ тѣ бумаги, кои хочу предложить правительству, вмѣстѣ съ находящимися у меня въ Парижѣ. Нашелъ въ нихъ сокровища по всѣмъ вѣдомствамъ и досадую, что прежде не пришло мнѣ на мысль передать ихъ, кому слѣдовало; другія отобралъ для себя, какъ памятникъ моего тщетнаго и минутнаго бытія земного, но драгоцѣнныя по воспоминанію, а иногда и по отношенію къ прошедшему. Все это перевезъ сюда и теперь разбираетъ ихъ умный и ученый пріятель. Буду ожидать проѣзда государя. Между тѣмъ, такъ какъ здоровье мое плохо поправляется, и я все такъ же страдаю, когда хожу или дѣлаю хотя слабое движеніе (блаженствую только лежа), то я начинаю думать объ отъѣздѣ, тѣмъ болѣе, что здѣшніе доктора, кои только мимоходомъ узнали о моей болѣзни (и о ревматическомъ расположеніи въ ногахъ) удивляются, что я сюда въ зимѣ пріѣхалъ и совѣтуютъ удалиться. Я и самъ не знаю, какъ мнѣ будетъ можно много ходить по снѣгу и холодамъ, а ходить много необходимо. Но какъ и ѣхать снѣгами и куда? И зачѣмъ до мая? И гдѣ ожидать весны карлсбадской? Мнѣ здѣсь не скучно и не грустно, и я увѣренъ, что грусть вездѣ снова овладѣетъ мною.

Третьяго дня былъ у меня Андрей Карамзинъ, и мы около трехъ часовъ болтали о нашей отчизнѣ, о Кавказѣ и пр. Постараюсь чаще видѣться съ нимъ.

Еще не знаю, кто именно вымаралъ мое имя изъ тоста Погодинскаго. Коршъ, редакторъ газеты, конечно, не самъ собою это сдѣлалъ. Судя по словцу куратора объ Орловѣ, по стрижкѣ волосъ, недавно произведенной надъ профессорами (и Грановскаго уже остригли), я полагаю, что графъ Строгановъ остригъ и статью

о Симбирскѣ. Дознаюсь и поступлю, какъ Богъ по-сердцу положитъ. Между тѣмъ, третьяго дня былъ я на первой лекціи Соловьева о русской исторіи, заступающаго мѣсто Погодина. Много гипотезъ, системъ, но обозрѣніе всей исторіи оригинальное, хотя во многомъ и набрался профессоръ устряловщины. Для славено- и старино-филовъ это новое пораженіе. Одинъ Шевыревъ остался въ университетѣ ихъ представителемъ, но и тотъ не вѣренъ. Я радовался этому явленію, какъ успѣху: что ни дѣлай, какъ ни стриги, а наука идетъ впередъ, хотя и по задамъ и не прямой дорогой, а съ нею и мы запоздалые и весь нашъ бытъ. „Pur si muove!"

Съ тѣхъ поръ, какъ я окрестилъ Дмитрія Дмитріевича Свербеева, я ежедневно провожу два часа ввечеру у кумушки, и это для меня большая отрада: она мила по прежнему. Сбираюсь и къ Троицѣ, но между тѣмъ еженедѣльно бесѣдую съ умнымъ настоятелемъ ея лавры, и пересылаемся книжками. Онъ шлетъ мнѣ Илларіона XI-го вѣка (примѣчательное явленіе первобытной русской старины и мудрости духовно-церковной), а я ему—совоспросниковъ XIX-го вѣка. Заглядываю и въ полицію къ Ховринымъ, но вотъ и только. Зимы боюсь, какъ и славянъ. Чаадаевъ воображаетъ, что онъ боленъ, ищетъ лучшаго пріюта къ октябрю, но кузины, кажется, не расположены пріютить его. Булгаковъ, вѣроятно, и тебѣ уже объявилъ о своемъ возрожденіи. Дай Богъ ему счастья, но я не послѣдую его примѣру ни здѣсь, ни за Полангеномъ: вездѣ равно старъ.

Такъ какъ ты управляешь теперь департаментомъ, то тебѣ не такъ затруднительно сдѣлать мнѣ новое одолженіе по старому, то-есть, получить причитающееся мнѣ уже болѣе нежели за годъ жалованье, для чего и посылаю въ полиціи засвидѣтельствованную довѣренность. Пожалуйста, не замедли, ибо я вытрясъ почти весь кошелекъ на дальнемъ пути, и деньги очень нужны. Остальное получу передъ самымъ отъѣздомъ отсюда, а до тѣхъ поръ оставлю тебя въ покоѣ. Прикажи отмѣтить, отъ котораго числа до которано получится пенсія.

Письмо Вигеля было у меня; я не дочелъ и долженъ былъ возвратить хозяину. Но мнѣ обѣщали его, и я найду переписчика. Неужели ты не читалъ еще его?

Обними своихъ за меня. Я видаюсь и съ Ермоловымъ, здѣсь и въ деревнѣ, и читаю то, что Ѳеофилактъ доносилъ мнѣ на него во время оно. Ежедневно захожу и къ княгинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Волконской. Она иногда сильно страдаетъ по сліяніи ревматическихъ болей съ переломомъ (о коемъ она не знаетъ), съ вывихнутою рукой и съ перерванными сухими жилами, но начала уже выходить на булеваръ, гдѣ живетъ у доктора Бѣлявскаго. Иноземцевъ ее два раза въ день посѣщаетъ, а иногда и чаще. Въ Палерму и Константинополь уже не сбирается. Видѣлъ и бѣдную Муравьеву: какая участь! Всѣхъ ея несчастій трудно исчислить. Внучка безъ надежды на умственное выздоровленіе: ежечасная пытка для нѣжной бабушки.

Завтра собираюсь въ женскій монастырь любоваться Филарета служеніемъ.

Языковъ у меня по сосѣдству; не выходитъ изъ комнаты, но учится по-гречески. Валуева на сихъ дняхъ провожаемъ въ Монпелье, но надежда и на него плохая: еще хуже. Мельгуновъ боленъ, но оживленъ молодою женой и европейскими воспоминаніями, кои передаетъ Кирѣевскому, требуя отъ него его искренняго исповѣданія. Отвѣта еще не получилъ. Братъ Кирѣевской, Елагинъ, женится на Мойеръ. Это порадуетъ Жуковскаго и приготовитъ ему уголокъ для московскаго житья его. Я еще ни слова здѣсь не получалъ отъ него. Зачѣмъ же вы выдали мою Елену за Силезскаго помѣщика? Здѣсь она сама радовалась, что Карамзиныхъ (дамъ и именно Софьи Николаевны) не было при ея свадьбѣ, ибо опасалась ихъ насмѣшекъ надъ женихомъ. Этотъ коммеражъ объяснилъ мнѣ все.

Нельзя ли повѣрнѣе узнать, до котораго числа и мѣсяца изъ Кронштадта будетъ ходить пароходъ въ Штетинъ и не опасно ли въ позднюю осень ѣхать, и берутъ ли экипажи? Я бы можетъ быть приготовился къ сему времени, если не слишкомъ рано кончится пароходство. Сколько за коляску?

971.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го сентября. [Москва].

Записку получилъ. Свербеева велѣла сказать, что ты вздоръ пишешь о ней, но она тебя любитъ, не смотря на вздоръ. О Головинѣ согласенъ, но правда необходима, и услышите ее. Акинф[іевъ] не возвращалъ Вигеля, но ищу другого экземпляра и доставлю.

Скажи Тютчеву, чтобы онъ скорѣе возвращался на свѣжій воздухъ, да хоть въ Туринъ. Понимаю его по несчастію, но извинить не могу: „Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ". Грустно, очень грустно! Право, сердцемъ, а не умомъ. Пожалуйста, пойми, а не вини меня.

Авторши статьи о Пар[ижѣ] не знаю. О Карамзинѣ посылаю. Подчеркнутое имя выкинуто, но наѣду и не спущу, хоть и не на московской дорогѣ. Погодинъ будетъ отвѣчать и уже объяснялся. Возврати посылаемое... Нѣтъ, не посылаю сегодня, ибо къ княгинѣ Мещерской, урожденной Жихаревой, ѣдетъ нянька въ Парижъ, и посылаю туда.

Обѣдалъ у Владиміра Карамзина и познакомился съ милою женкой. Поклонись имъ. Пришли прочесть Головина: возвращу немедленно. До послѣзавтра!

972.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го сентября. Москва.

Благодарю за письмо отъ 14-го и за деньги: 1670 рублей серебромъ я получилъ; передай благодарность и принявшему. Впередъ буду прикладывать полицейскую печать.

Булгаковъ увѣдомитъ тебя о письмѣ отъ Жуковскаго. Онъ рыщетъ по слѣдамъ императрицы, коей укрѣпленію въ здоровьѣ радуюсь сердечно.

О Бл[удовѣ] съ тобою согласенъ, но за идею барельефовъ памятника и музы благодарить нечего. Что за мальчишки-дѣти, собирающія подаяніе! Да и всѣ, и исторіографъ — голые! Да и муза, которую приняла симбирская толпа за Екатерину Андреевну, а архипастырь не могъ благословить языческую богиню! Симбирское дворянство не хотѣло этого проекта, но его нехотѣнію не вняли. Болѣе не хочу трогать сего сюжета. Я не за себя досадовалъ, а думалъ объ отцѣ и досадовалъ за самую подлость, какъ подлость его преемника по университету. Имя онъ могъ вымарать въ подвластной ему и безгласной газетѣ, но огромнаго университетскаго флигеля для бѣдныхъ университетскихъ воспитанниковъ, изъ подаяній отцомъ построеннаго, онъ не разорить.

Въ Царьградъ я готовъ, но зачѣмъ? Если здѣсь озябну, то укроюсь гдѣ-нибудь подъ солнцемъ, но авось и здѣсь промаюсь до мая. Отдыхаю вечеромъ отъ разбора интересныхъ бумагъ у милой Свербеевой, которой поклоны твои въ сію минуту читаетъ сама. Спасибо, что слабыя силы, двѣнадцатью произведеніями изнуренныя (но недюжинными, ибо Вар. и Кат.—прелесть!), мѣшаютъ ей принимать всѣхъ, но крестный папенька не въ счетъ другихъ. О Канкринѣ съ тобой согласенъ. Нельзя ли прочесть книгу его? Передай пока прилагаемую записочку Сербиновичу. Послѣ буду писать больше. Теперь весь обложенъ вынутыми за мое здоровье троицкими просвирами, кои привезла сестра оттуда и отправляю съ англичанкой Жихаревой въ Парижъ—бумаги, игрушки, стихи, брошюры и прочее къ брату. Англичанка ѣдетъ къ молодой вдовѣ, княгинѣ Мещерской, о которой мы часто сносимся съ ея маменькой. Я навѣщалъ ее передъ отъѣздомъ изъ Парижа.

973.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[6-го октября. Москва].

Тебѣ и огню. Хотя мнѣ и не совѣтовали увѣдомлять тебя, но пишу потому, что опасаюсь, чтобы другіе не написали хуже. Андрей Карамзинъ боленъ какимъ-то воспаленіемъ въ желудкѣ. Иноземцевъ

хотя и почитаетъ опаснымъ, но не очень. Сегодня, то-есть, сейчасъ, я отъ него; ему полегче, но уже третій день къ нему не пускаютъ потому, чтобы не отягчить его разговоромъ. Присмотръ за нимъ хорошій. За Александромъ послали для того, чтобы успокоить отъ неполученія писемъ, коихъ писать не позволяютъ за слабостью. Пожалуйста, матери и сестрамъ—ни слова. Я буду ѣздить ежедневно и ежедневно тебя увѣдомлять. Но, пожалуйста, молчи, а то пріѣдутъ—и къ чему?

Письмо твое сейчасъ получилъ. Согласенъ во всемъ съ тобою, но только не съ примѣненіемъ ко мнѣ. А Т[ютчевъ] нехорошо дѣлаетъ, что пишетъ такія записки: въ Москвѣ—это смѣшная хомяковщина, а въ „Аугсбургской Газетѣ“ она обращается въ политическія затѣи, коихъ невѣжественная Европа все еще боится и оттого—лишнія войска у ней и у насъ. Sapienti sat!

974.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го октября 1845 г. Воскресенье, 11 часовъ утра. Москва.

Вчера я писалъ къ тебѣ въ три часа, по почтѣ. Ввечеру видѣлъ я Иноземцева. Онъ находитъ, что Карамзинъ все еще не безъ опасности, но что ему было легче. Къ инфламмаціи присоединилась какая-то невральгическая болѣзнь, которая его чрезвычайно ослабила, такъ что онъ едва съ постели на стулъ передвигается. Эта болѣзнь, какъ говоритъ Иноземцевъ, владычествуетъ уже два года во всей атмосферѣ и вездѣ. Сейчасъ посылала Свербеева справляться опять о его здоровьѣ, но я еще отвѣта не получилъ, а Мухановъ сейчасъ уѣзжаетъ. Если получу—дошлю, и ты въ среду останешься не безъ вѣсти о больномъ. Пожалуйста, не проврись съ матерью и съ сестрами.

Болѣе писать некогда: обѣдня, Воробьевы горы, Свербеева, княгиня Софья Щербатова, ценсоръ Голубинскій, Филаретъ, Чаадаевъ, княгиня Волконская (Кикина) и пр., и пр. Хлопотно! Стихи твои—въ Парижѣ, съ заповѣдными бумагами.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Faites moi l'amitié de faire remettre cette lettre tout-de-suite au prince Wiazemsky, il est inquiet pour André Karamzine d'après ma lettre d'hier. N'en parlez pas à sa mère et soeurs. Si vous partez dans 2—3 heures, faites le moi savoir.

975.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2½ часа по полудни. Воскресенье [7-го октября. Москва]. № 2.

Сейчасъ возвратился отъ Мещерскихъ: видѣлъ сына женатаго; онъ сказалъ мнѣ, что Карамзину немного полегче, но что слабость чрезвычайная, такъ что едва передвигаютъ, что опасности не предвидится. И княжна Софья Ивановна занемогла.

Княгиня Шаховская и Щербинина переписали для тебя Вигеля, но съ тѣмъ, чтобы ты возвратилъ ихъ рукопись. Такъ какъ Мухановъ везетъ ее для тебя, то я и отсылаю ее въ мѣстечко... [1]). Обнимаю, хотя и перечиталъ твои умныя ереси.

Книгу Гол[овина], которую называютъ въ Парижѣ „La botte du chiffonnier“ (кузовъ тряпкособирателя), просмотрѣлъ: жаль и автора, и Россію! Цѣлую тебя братскимъ цѣлованіемъ. До завтра.

Понедѣльникъ.

Вчера это письмо уже не застало Муханова. Ввечеру Иноземцевъ сказывалъ, что Карамзину немножко легче, но что слабость чрезмѣрная; однако Чаадаевъ могъ видѣть его и говорилъ съ нимъ, чего я себѣ не дозволяю, да и позволять не должно; справляюсь у Мещерскихъ и сейчасъ опять туда ѣду и послѣ отправлю это письмо.

Здѣсь прошелъ слухъ, что князь П. М. Волконскій умеръ, что Удѣлами заправлять будетъ Киселевъ, а его министерство отдается Василію Перовскому; но это слухи въ нижней сферѣ, а я вчера проводилъ вечеръ съ Ермол[овымъ] и княгинею Волконской (Кикиной) у княгини Софьи Григорьевны, и тамъ ничего и не подозрѣваютъ подобнаго.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Обѣдаю у Свербеевыхъ, гдѣ Поповъ читаетъ славную статью о Шлёцерѣ. Я весь въ своихъ бумагахъ, коимъ (здѣшнимъ) сдѣлалъ реестръ.

Ты совсѣмъ не на то мнѣ отвѣчаешь, за что я досадую на Т[ютчева]. Онъ написалъ статью для государя (объ общей политикѣ)—грезы неосновательныя и противныя прежнимъ его убѣжденіямъ — за полтора года, а эти грезы переводятся (se transforment) въ угрозы Европѣ и Фольмерайеръ („Аугсбургскія Вѣдомости") принимаетъ ихъ, какъ и многіе нѣмцы, за существенныя мнѣнія нашей политики или дипломатики. Европа или Германія, если не страшится, то не любитъ насъ за это, и все это не грезами кончится, а отклоненіемъ отъ насъ Германіи, страхомъ Австріи, а мы держимъ слишкомъ милліонъ войска: sapienti sat! И это точно такъ! И грезы выдавать за дѣло тѣмъ, кому такъ легко собирать съ Россіи войско, не должно, особливо когда эти грезы за полтора года не грезились. Вотъ смыслъ моего замѣчанія и моей искренней досады, совсѣмъ не въ духѣ парижскихъ журналовъ, а въ духѣ простого патріотизма, христіанскаго расположенія къ людямъ индивидуально и къ массамъ. Вы въ чаду, сбились съ дороги и ничего не видите въ туманѣ и привыкли къ нему, какъ и я нѣкогда. Извинительно, но указывать на прямой путь не грѣхъ. Какая же тутъ проповѣдь вольности и пр.? Ты отвѣчаешь на свою идею, а не на мой упрекъ. Въ идеяхъ мы во многомъ сходны, но въ средствахъ достиженія цѣли расходимся.

О религіи также. Я первый осуждалъ громко, даже и въ Парижѣ, религію герцогини Роганъ и даже Свѣчиной, прямо въ глаза, въ сонмѣ поповъ и всего предмѣстья, и именно называлъ это нехристіанствомъ; а укорялъ за то, что забыли, что, сбирая съ русскихъ крестьянъ христіанскія деньги, должно не для французскихъ употреблять ихъ, хотя мы всѣ братья о Христѣ, но св. Павелъ учитъ насъ положительнымъ обязанностямъ къ своимъ. Мнѣнія предмѣстья такъ же мнѣ противны, какъ и радикаловъ или раціоналистовъ, но ваше равнодушіе къ мнѣніямъ, отъ коихъ если не зарождаются, то умножаются рекрутскіе наборы, для меня, русскаго душою, сердцемъ и воспоминаніемъ, еще противнѣе, еще преступнѣе, особливо въ Т[ютчевѣ], который могъ

быть полезенъ Россіи только просвѣщеннымъ умомъ своимъ, а не проектами восточными и, слѣдовательно, противо-европейскими и, слѣдовательно антихристіанскими и античеловѣческими. Скажи ему это, пожавъ потомъ за меня руку. И для него нехорошо, ибо здѣсь ближніе его, между нами, сказали мнѣ самому, что онъ за это получилъ 6000 рублей въ годъ Wartgeld. Каково было мнѣ, его искреннему пріятелю, это слышать, и я не вытерпѣлъ и къ тебѣ написалъ; и всегда, какъ и прежде, такъ чувствовать и писать буду! Еще разъ мысленно, сердечно и всею душою обнимаю тебя.

Свербеева все мила по прежнему и сердцемъ, и душою, и даже помышленіями, хотя послѣднія и прикрываетъ иногда двухсмысленною улыбкой. Она еще не совсѣмъ оправилась, но начинаетъ прогуливаться въ каретѣ и ежедневно посылаетъ справляться о Карамзинѣ. Я расцвѣтаю душой при ней и люблю дѣтей ея, какъ ихъ маменьку. Подарилъ ей портретъ твой, во времена Арзамаса писанный, и онъ стоитъ на ея столикѣ, передъ креслами, въ коихъ она покоится.

Слышалъ ли о диспутѣ Соловьева? Шевыревъ, впрочемъ, безъ всякой нужды, вступился за ауторитетъ Карамзина въ исторіи русской. Право, что-то и какъ-то и у насъ идетъ впередъ: одинъ университетъ теперь и за сорокъ лѣтъ представляетъ тому сильныя доказательства.

Сейчасъ у меня былъ Черняевъ, за 45 лѣтъ вышедшій лучшимъ студентомъ изъ университета, за полгода до Вронченки, ученикъ Шадена, у коего учился или жилъ Карамзинъ. Я послалъ его на лекціи къ Каткову, преемнику Шадена, и къ историкамъ Соловьеву и Кавелину, преемникамъ Чеботарева. Quantum mutatus ab illo нашъ Московскій Елисаветинскій университетъ! О, Россія! „E pur si muove!“

Приписка неизвѣстной руки.

Lisez ce billet ci joint et vous rassurerez sur la santé de Karamzine mon aimable cousin.

976.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го октября. [Москва].

Я видѣлъ вчера Иноземцева. Онъ увѣряетъ, что вся опасность прошла для Карамзина, но что не болѣзнь еще; что слабость большая, и что ему нуженъ покой; для того я вчера и не заѣзжалъ къ нему и вообще больного не вижу, а справляюсь только внизу, у Мещерскихъ.

Вотъ какъ прекрасно выразилъ берлинскій епископъ Эйлертъ, другъ и біографъ покойнаго Прусскаго короля, мысль твою, которой ты самъ противорѣчишь: „Sie nennen es eine „unseelige Idee", wenn man einer endlosen Reformation in Religions- und Kirchensachen Gehör giebt, wir aber sind der Meinung dass, wie jeder Mensch unablässig an seiner Reformation arbeiten muss, so auch die Geschichte in ihren Evolutionen eine immer fortschreitende ist, und dass gerade in dem geistigen Fortschritt der grosse Vorzug der protestantischen Kirche vor der Stagnation der römisch-katholischen bestehet. Oder glauben sie in allem Ernst, dass der lebendige Luther derselbe sein würde im 19-ten Jahrhundert, der er im 16-ten war?"

Сегодня отправляется къ вамъ княгиня Волконская (Кикина) и будетъ тебѣ отъ меня кланяться. Мнѣ она очень понравилась. Здѣшній Валуевъ, издатель „Синбирскаго сборника" и печатающій „Сборникъ славянскій", въ коемъ найдешь много примѣчательно любопытнаго, отправляется на югъ, если прежде не отправится въ иной путь. Иноземцевъ очень опасается за жизнь его. Друзья его окружаютъ, но моленія не спасутъ. Прекрасный юноша, съ пылкою душой, съ убѣжденіями сильными, съ предразсудками, для московско-симбирскаго жителя простительными!

Читалъ ли въ „Отечественныхъ Запискахъ" статью о Державинѣ? Ай, да Бѣлинскій! Ай, да ценсурушка-голубушка петербургская! А здѣсь и въ салонахъ такой правды во услышаніе славянъ не выскажешь. „E pur si muove" наша литература!

Здѣсь получена книга Канкрина и біографія князя Козловскаго, Дорова. Къ вамъ ѣдетъ магистръ Поповъ: прекрасный, умный и начитанный! Написалъ превосходную статью-книгу о Шлёцерѣ: и слогъ хорошъ, и знаній много, и сужденія здравыя, и критика безпристрастная. Полюби его. Онъ къ тебѣ явится. Онъ другъ дома Свербеевыхъ, Языковыхъ, Хомяковыхъ и жилъ съ Валуевымъ. Готовился быть профессоромъ. Его спеціальность — философія. Онъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ, но учился долго и прилежно въ Берлинѣ и заглядывалъ въ Парижъ. Спроси у него книжку Соловьева „Объ отношеніяхъ Москвы къ Новгороду“: замѣчательная диссертація и по предмету, и по свѣдѣніямъ автора.

Я все очень хилъ, и болѣзнь не проходитъ. Нужно будетъ поспѣшить раннею весной въ Берлинъ и въ Карлсбадъ, но, вѣроятно, придется заѣхать по архивскимъ и крестьянскимъ дѣламъ моимъ въ Петербургъ, хотя не на-долго, къ пріѣзду государя. Еще не знаю, какъ это уладить, ибо и здѣсь мое присутствіе нужно.

Славно писанъ манифестъ Блудовымъ! Такъ у насъ не писали прежде и при Сперанскомъ.

Авторъ писемъ изъ Франціи въ „Современникѣ“, о коихъ ты спрашивалъ,—m-me Karlhoff, здѣшняя помощница А. И. Васильчиковой по пріютамъ. Я съ ней познакомился. Она писала что-то и другое. Путешествовала съ Васильчиковой (которую кто то назвалъ „Jeanne d'Arc замужемъ“).

Пожалуйста, перешли баронессѣ Медемъ, дочери Балугьянскаго, которая тебя очень любитъ, письмецо мое. Въ случаѣ, если ея нѣтъ въ Петербургѣ, то гдѣ братъ ея женатый, сопровождавшій отца въ чужіе краи? Въ такомъ случаѣ нельзя ли ему письмецо доставить для распечатанія и для отвѣта. Онъ не довезъ кой-чего въ Парижъ и очень досадно.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. Въ С.-Петербургѣ.

977.

Тургеневъ князю Вяземскому.

13-го октября 1845 г. Москва.

Я сказалъ тебѣ слова два о Александрѣ Николаевичѣ Поповѣ въ письмѣ, съ княгиней Волконской (Кикиной) посланномъ, и повторяю: въ этомъ мое желаніе, чтобы ты съ нимъ покороче познакомился; тогда, конечно, и полюбишь его. Скроменъ, уменъ, ученъ, образованъ и трудолюбивъ—вотъ его качества. Диссертація—книга его о Шлёцерѣ и тебя заинтересуетъ, хотя ты ни Шлёцеровъ, ни историческаго мрака не любишь. Лучшее достоинство Попова—въ его благородномъ характерѣ. Это наша перла, а вы давнишніе грабители Москвы: не одну ее сорвали съ вѣнца Бѣлокаменной. Итакъ, и справедливость требуетъ, чтобы вы же ее и сохранили чистою и свѣтлою, какъ мы вамъ передаемъ ее. Представь его и милой своей княгинѣ, да познакомь съ Тютчевымъ и съ прочими совоспросниками вѣка сего, хотя и не по началамъ московскаго міра мудрствующими. Онъ познакомитъ тебя съ здѣшними вопросами или съ вопросомъ, ибо двухъ нѣтъ, коимъ Хомяковы и Чаадаевы въ салонахъ господствуютъ, но правды не пишутъ. Поповъ, кажется, juste-milieu, любитъ Россію но вмѣстѣ и просвѣщеніе; читалъ Гегеля, но не гнушался и „Русскою Правдой,“ ибо и о ней написалъ дѣльное разсужденіе; словомъ, ревнуетъ по разуму. Въ немъ теплая любовь къ Москвѣ, которая и на вашихъ гранитахъ не остынетъ. Для него Кремль не душенъ, но и онъ не душитъ вѣчными о немъ пѣснопѣніями. Онъ любитъ родину-Москву, какъ мы всѣ любимъ и любили ее, не открывая наготы матушки-Москвы, какъ доносчикъ Вигель, но и не находя въ старухѣ прелестей животрепещущей красавицы. Чтобы гусей не раздразнить, умолкаю.

Булгаковъ женится 2-го ноября, и только въ тѣсномъ родномъ кругу положатъ вѣнецъ на главу его. Князь Долгоруковъ, зять его — отецъ посаженый; матерью—не знаю кто, но не я. Карамзинъ все еще очень слабъ, и я радъ пріѣзду Александра и

потому, что онъ будетъ охранять его отъ насъ, то-есть, отъ сердечныхъ участниковъ его положенія. Много говорятъ, шумятъ и вызываютъ и его къ тому же, а ему нуженъ покой, да и только. Я все по прежнему или и болѣе страдаю, то-есть, задыхаюсь и едва брожу. Сегодня всю ночь проохалъ и глазъ не смыкалъ. Пишу лежа, и ты по слогу, почерку и по слабости умственной догадаешься.

Начну скоро сбираться въ—самъ не знаю куда, и хоть чрезъ Петербургъ. Тошно жить вездѣ, ибо вездѣ одинъ, и сердечный языкъ мой—врагъ мой, а не сердечнаго употреблять не хочу, да и поздно.

Княгиня Волконская продолжаетъ хворать и безпокоиться о мужѣ. Письма къ ней сыновей не утѣшительны, ибо говорятъ d'un espèce de marasme и пр., а отъ него, обыкновенно исправно къ ней и часто писавшаго, давно ни слова, и царство его уже дѣлятъ здѣсь между сатрапами. Прости! Тяжело писать.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

978.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го ноября 1845 г. Москва.

Завтра Александра Васильевна Путятина, моя кузина, что̀ въ Итальянской слободкѣ, везетъ тебѣ это письмо и стихи Языкова на память Карамзина, мнѣ посвященные. Давно онъ такъ не писалъ! Спиши для себя копію, а стихи возврати Путятиной, ибо она списала для себя. Я просилъ ее справиться и у баронессы Медемъ, дочери Балугьянскаго, о посылкѣ въ Парижъ. Увѣдомь ее, если имѣешь отвѣтъ. Я все таковъ же. Двѣ записки твои къ Булгакову читалъ. Смирнову вижу и люблю ежедневно болѣе, ибо она все та же: мила и поучительна.

Карамзинъ все съ новымъ флюсомъ. Екатерина Андреевна горюетъ, но ему лучше было вчера. Поблагодари Владиміра Карамзина за законы. Очень любопытно: „E pur si muove!“

Валуевъ ѣдетъ сегодня на югъ, вѣроятно, въ Hyères. Возвратится ли къ пенатамъ? Хомяковъ провожаетъ его до первой станціи; мы оплакиваемъ; милая, par excellance, Свербеева благословляетъ. Онъ ѣдетъ на Новгородъ, въ Варшаву; а если прямо на Псковъ дорога дурна, то заѣдетъ и въ Петербургъ, но я страшусь и за дорогу...

Пропустятъ ли стихи о Иванѣ Васильевичѣ? Обнимаю тебя сердечно. Даже и къ Жуковскому не писалъ еще, а его письмо къ Булгакову ты, конечно, читалъ?

Что Поповъ? Полюбился ли вамъ? Похвали его, если понравился. Мы здѣсь принимаемъ живое участіе въ немъ. Скажи ему объ этомъ. Прости, обними своихъ. На вѣки твой Тургеневъ.

Путятина пришлетъ къ тебѣ стихи особо, или вытребуй да увѣдомь ее, гдѣ ты живешь.

5 или 6-го ноября.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

979.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го ноября 1845 г. Москва.

Письмецо твое съ приложеніями получилъ. Я просилъ тебя изъ Теплица о покровительствѣ пропуску нѣсколькихъ не важныхъ вещей Крюгера, оттуда посылаемыхъ, коихъ они не хотѣли взять съ собою въ Парижъ, а въ письмахъ вижу совсѣмъ другое. Хотя я бы и желалъ быть имъ полезнымъ, но обременять твоей обязательной дѣятельности въ пользу нашу, во вредъ пользы общей, не хочу. Они не бѣдны и могутъ по закону поплатиться. Не знаю, гдѣ они; вѣроятно, скоро будутъ здѣсь. Сдѣлай, что̀ можешь и что не слишкомъ убыточно для казны. Возвращаю письмо. Жуковскому пишу письмо и завтра отправлю. Стихи Языкова запрещены Снегиревымъ и Строгановымъ. Языковъ послалъ ихъ въ петербургскую ценсуру, менѣе привязчивую. Рѣчь Погодина прочтешь скоро, но онъ не даетъ ея. Она меня и насъ всѣхъ до слезъ тронула: много теплоты искренней и самородной.

Выписки изъ Карамзина прекрасныя, но врядъ ли нынѣшняя цензура пропуститъ стараго Карамзина!

Порученіе къ Свербеевой исполнилъ, къ ручкѣ приложился. Она точно любитъ тебя, и мы ежедневно почти о тебѣ бесѣдуемъ. Строки твои четыре, въ письмѣ къ Булгакову, ее и меня глубоко тронули. Сквозь шутки видны раны пережившаго многое сердца.

Князь Гагаринъ переноситъ свою напасть отъ Бутурлиныхъ—не отъ дочери—благородно и точно христіански. Я, между нами, съ нимъ часто о семъ бесѣдую. Сообщи, что знаешь о результатѣ по тому, что послано туда, „wo die Citronen blühen“, und die nordische Lilie jetzt auflebt. Отъ сына ни они, ни ко мнѣ ни слова. Не знаютъ даже, гдѣ онъ? И онъ, кажется, шлетъ имъ стихи поэта:

Не узнавай, куда я путь склонила.

Но въ обители св. Ахеоланской ни его, ни братіи ужъ нѣтъ—такъ писалъ мой братъ.

Кстати о немъ. Вотъ выписка изъ его письма въ отвѣтъ на твою параллель Гизо съ Карамзинымъ. Я послалъ ему съ попутчикомъ и стишки здѣшнихъ пѣвцовъ: „Къ не нашимъ“, „Къ нашимъ“, Хомякова и пр. и на все это онъ замѣчаетъ: „Я читалъ присланные стихи и артикль Тютчева. Какъ поэты, такъ и политикъ должны быть люди особенно сильнаго характера, дабы подняться и держаться такъ высоко и далеко отъ атмосферы, которая ихъ окружаетъ. Но такъ какъ такая абстракція слишкомъ похожа на безчувственность, на эгоизмъ, на хладнокровіе къ истинѣ, то я лучше хочу видѣть въ ихъ пареніи просто мечтанье, сонъ, un rêve, когда душа при спокойствіи тѣла блуждаетъ и тамъ, и сямъ, безъ всякаго сознанія истиннаго своего положенія. Не о *нашихъ и не нашихъ*, не объ исторіи Византіи и о ея наслѣдіи слѣдуетъ помышлять русскимъ, у коихъ сердце бьется любовью къ ихъ землѣ, а о голодѣ и холодѣ, о палкахъ и кнутѣ, однимъ словомъ, о рабствѣ и его уничтоженіи. Вяземскаго письма весьма интересны, не смотря на то, что и онъ не знаетъ, чего онъ хочетъ“. „L'homme absurde est celui, qui ne change pas“, сказалъ какой-то изъ безчисленныхъ вертуновъ (girouettes). Это такъ, но на все есть мѣра, или во всемъ должна быть совѣсть. Перемѣны

мнѣній неизбѣжны и конечно позволительны, но до нѣкоторой степени. Нельзя допустить, что бѣлое не можетъ быть чернымъ, добро—зломъ, безъ измѣны правдѣ и разсудку."

„Сравненіе Вяземскаго Карамзина съ Гизо—не удачно. И на этотъ разъ я заступлюсь за Карамзина, который былъ выше и лучше Гизо и какъ человѣкъ вообще, и какъ человѣкъ съ здравымъ смысломъ, comme homme et comme homme de bon sens. У Карамзина была душа съ талантомъ, у Гизо только талантъ. Карамзинъ жизнью своею далъ примѣръ полезный другимъ. Гизо, пожертвовавъ всѣмъ честолюбію, далъ примѣръ вредный. Конечно, „Исторія", главное произведеніе Карамзина, не отвѣчаетъ требованіямъ разсудка и надеждамъ сердца, но въ рѣчахъ Карамзина, въ его записвахъ, было несравненно болѣе здраваго смысла и полезнаго для Россіи, нежели въ рѣчахъ Гизо. Я не сравниваю ихъ таланта: не талантъ дѣлаетъ человѣка, а его употребленіе. Гизо свой талантъ промоталъ на мелочи и гнусности въ своей политической карьерѣ; Карамзинъ уронилъ его въ своей „Исторіи". Но вся жизнь его была прекрасное и полезное употребленіе его качествъ душевныхъ."

Не показывай этого сравненія другимъ, по крайней мѣрѣ тѣни, наброшенной на великій и святой образъ Карамзина. Я недавно былъ глубоко тронутъ, когда узналъ, что въ письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, кои Екатерина Андреевна здѣсь читала и читаетъ, безпрестанно рѣчь обо мнѣ и съ эпитетами сердечными для меня. Завтра допишу письмо.

О Аполлоновнѣ хлопочу. Увѣдомь подробнѣе о Поповѣ, будетъ ли онъ при Бенедиктовѣ или при другомъ? Былъ ли онъ у Сербиновича? Доволенъ ли имъ? Ожидаю отъ него письма. Обнимаю. Пишу въ комнатѣ княгини Волконской. Ей лучше, но...

Я бы желалъ въ Петербургъ, но не знаю, когда пріѣхать: мнѣ нужно присутствіе государя, но какъ согласить это съ моимъ отъѣздомъ за границу въ апрѣлѣ? Не хотѣлось бы возвращаться въ Москву, но не хотѣлось бы рано и отсюда уѣзжать. Мнѣ здѣсь пока пріятно и живется. Обдумай это, когда узнаешь о времени пребыванія государя въ Петербургѣ. Не будетъ ли и сюда? У меня много хлопотъ по бумажнымъ моимъ сокровищамъ, а обдѣ-

лать ихъ должно здѣсь, кончить—въ Петербургѣ. Я обѣщалъ остановиться у кузины Путятиной, здѣсь жившей пять недѣль. Трудно сдѣлать иначе.

У Филарета бываю часто и бесѣдую искренно, но жизнь моя—въ салонѣ Свербеевой. Оттуда и другіе для меня и ко мнѣ холодны.

Ѣду сейчасъ на Маросейку отыскивать Аполлоновну, но на Москву плоха надежда: всѣ забыли чувствительнаго путешественника, а я помню стихъ его изъ Гёте:

Меня съ цвѣточкомъ не застанетъ.

980.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го ноября. [Москва].

Заказалъ почтовую карету для Е. А. Карамзиной. Она ѣдетъ къ вамъ завтра и пріѣдетъ въ пятницу, чтобы именинничать въ субботу. Поцѣлуй за меня ручку у обѣихъ именинницъ. Она везетъ письма Карамзина къ Дмитріеву, коими ссудилъ ее племянникъ, въ оригиналѣ. Ему бы очень хотѣлось имѣть ихъ скорѣе обратно. Читайте, но не задерживайте. Онъ очень заботится о семъ, ибо ему нужно переписать ихъ также поскорѣе. Я также желаю прочесть ихъ и боюсь, что не уснѣю. Пожалуйста, поспѣшите возвращеніемъ къ успокоенію Дмитріева и къ моему.

За четыре дня я отыскивалъ Аполлонскую по ея адресу на Маросейкѣ. Нашелъ чиновника, но и онъ не зналъ ея жительства, а обѣщалъ прислать ее ко мнѣ или сообщить, гдѣ живетъ, по свиданіи съ нею на другой день. Еще не была у меня и не сообщала, гдѣ живетъ. Исполню, когда увижу ее, порученіе Жуковскаго, отъ коего она получила письмо. Я увѣдомилъ о семъ Жуковскаго въ первомъ письмѣ моемъ къ нему изъ Россіи.

Вчера Погодинъ читалъ намъ у Карамзиной своего „Петра I“, давно не пропущеннаго Николаемъ I.

Сбираюсь съ 1-го декабря слушать Грановскаго. Отъ Ва-

луева получены извѣстія, но все еще изъ Новгорода, отъ 12-го ноября. Онъ ни съ мѣста, а намѣревался уже ѣхать черезъ Петербургъ. Развѣдай черезъ Попова и Самарина о немъ и напиши ко мнѣ всю правду. Вѣроятно, она будетъ печальная.

Что Поповъ? Правда ли, что не состоится департаментъ Веневитинова? А онъ такъ увѣрялъ меня, а я обнадежилъ Попова. Правда ли, что и въ Москву постомъ будетъ государь? Тогда бы и мнѣ можно было въ Петербургъ только передъ самымъ отъѣздомъ, если вторичнаго паспорта или подорожной для проѣзда черезъ Петербургъ брать не нужно.

Встрѣтился съ Бартеневымъ князя Голицына. Вѣрить ли ему? Кажется, онъ былъ изъ первыхъ неблагодарныхъ. Князь Гагаринъ (Сергѣй Ивановичъ) былъ у меня вчера. Бутурлинъ опять началъ бурлить и мерзничать къ бѣдѣ для жены и ея нѣжности къ родителямъ. Оттуда не было еще отзыва, а отъ сына уже болѣе трехъ мѣсяцевъ ни слова, ни о немъ отъ парижскихъ сродницъ, и не знаютъ, гдѣ онъ? Княгиня Софья Волконская все больна и лихорадкою, и вѣрою слѣпою въ Иноземцева. Пропустятъ ли стихи Языкова? Пишу навзничь. Засидѣлся вчера у Мещерскихъ, а сегодня засижусь у Орловой. Вчера лакомился фруктами, подносными у графини Орловой, съ коей возобновилъ знакомство, не въ самомъ концѣ прошедшаго столѣтія сдѣланное.

Булгаковъ облизывается отъ медоваго мѣсяца и не даетъ уже ни вымаранныхъ, ни обрѣзныхъ листовъ для прочтенія, а изъ нихъ только и можно знать о томъ, что ваши православные накуралесили съ еретиками и еретики съ православными. Да перестанете ли изъ цѣли дѣлать средство, изъ души полицію? Прочтите Vinet „Sur l'indépendance des opinions religieuses“: вотъ вамъ кодексъ, Монтескье духовно-церковнаго общества. Съ Римомъ состязаетесь, но его же оружіемъ! Зачѣмъ же было выгонять іезуитовъ? Оставьте мертвымъ мертвыхъ и живите и жизнь устраивайте духомъ, а не могилою. Sapienti sat. Обнимаю. Правда ли, что новые уголовные законы уже пріостановлены?

На оборотѣ: Князю П. А. Вяземскому.

981.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го ноября. [Москва].

Сейчасъ была у меня Аполлонская и объяснила мнѣ свои желанія и обѣщала прислать завтра записки Измайлова и реестръ всѣмъ его сочиненіямъ и переводамъ. Она думаетъ, что ихъ наберется томовъ на 15. Гдѣ же взять книгопродавца или читателей? Она никого не знаетъ; я переговорю съ Михаиломъ Дмитріевымъ, коего дядя ей благоволилъ, и съ другими дѣятельными литераторами и, просмотрѣвъ записки и оглавленіе предметовъ, скажу имъ, что можно, въ пользу обладателя сихъ рукописей. Но врядъ ли что здѣсь устроится. Кто купитъ такую надежду?

Вчера проводилъ я вечеръ съ Екатериной Андреевной и простился съ нею и предъ тѣмъ у вдовы Орловой смѣялся и смѣшилъ, какъ бы за 30 лѣтъ. Свербеева получила письмо отъ Самарина и о551 Мпредварятельно Поповѣ. Онъ записываетъ его въ сенатскіе секретари. Но это ли часть его? Пожалуйста, дай знать Сербиновичу, что я ожидаю отъ него отвѣта и о Поповѣ, котораго онъ уже знаетъ, и на мой запросъ, чрезъ Черняева посланный.

Писать некогда. Я здѣсь—какъ статсъ-секретарь при принятіи прошеній, а представлять некому. Узнали, что я обѣдалъ и болталъ съ графиней Орловой - и все бросилось къ моей протекціи, а и она уѣзжаетъ въ свой монастырь 24-го.

Пожалуйста, не держите болѣе недѣли писемъ Карамзина къ Дмитріеву. Сынъ Александръ очень сего желаетъ и безпокоится, что продержите долѣе, нежели онъ можетъ позволить. Да и мнѣ скорѣе нужны письма. Пожалуйста, не задержите!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

982.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го ноября. [Москва].

У меня служилъ нѣкогда прекрасный чиновникъ, нынѣ статскій совѣтникъ, Соловьевичъ, послѣ бывшій прокуроромъ уніатской упраздненной Коллегіи, теперь при Синодѣ, безъ опредѣленной и прочной должности; да по чину и не предвидится другой. Онъ желаетъ, чтобы я рекомендовалъ его тебѣ, и я тому радъ для тебя и для него, ибо знавалъ его лучшимъ человѣкомъ-чиновникомъ, какъ и родственника его, моего сотрудника по важнѣйшимъ дѣламъ, незабвеннаго Невѣровскаго. Нельзя ли тебѣ послать за нимъ, разспросить его, приласкать? Онъ этого стоитъ, иначе бы я не просилъ за него, особливо тебя, ибо твое спокойствіе по службѣ мнѣ дорого, какъ мое отставное.

Не имѣю времени писать; дочитываю записки Измайлова, любопытныя, часто умныя и хорошо писанныя, хотя и не безъ грѣха, но ценсура большую часть не пропуститъ: это XVIII-й вѣкъ, соединенный съ первымъ отголоскомъ XIX-го, но отголоскомъ московскимъ. Какая разница съ нынѣшнимъ, славянскимъ! Подробностей біографическихъ много. Желалъ бы помочь къ напечатанію, но еще средствъ не придумалъ. Перепечатывать старое еще труднѣе. Я видѣлся съ наслѣдницей. Кажется, почтенная старая дѣвица, но безъ мѣста и только живетъ уроками. Нѣтъ ли у васъ книгопродавца для рукописи? Здѣсь для нея и надежды нѣтъ, но вы все пропускаете, а здѣсь Строгановъ постыднѣе Красовскаго, потому что онъ—Строгановъ.

Вчера я нашелъ Е. А. Свербееву въ горестномъ изступленіи. Ей прочли письмо о Валуевѣ, все еще изъ Новгорода: онъ умиралъ. Она писала вчера же къ Попову, чтобы онъ къ нему ѣхалъ, но послѣ раздумала, что Поповъ едва опредѣленъ: не писала. Узнай поскорѣе, что̀ Самаринъ и онъ намѣрены дѣлать? Пановъ ѣдетъ отсюда къ Валуеву завтра, но застанетъ ли?

Ѣду сейчасъ къ имениннику Булгакову. Жаль Валуева! Чи-

стый, прямой характеръ, душа ангела, тосковавшаго по отчизнѣ, но съ горестію покидавшаго и здѣшнюю ссылку. Прости!

На оборотъ: Князю П. А. Вяземскому.

983.

Князь Вяземскій Тургеневу.

23-го ноября 1845 г. [Петербургъ].

Сдѣлай милость, надоумь меня, что за Газе, и къ какому роду причислить должно: къ женскому или мужескому? Понятія не имѣю и не знаю ни что, ни какъ отвѣчать. Письмо возврати. Что касается до Крюгера, буду ожидать ихъ возвращенія и увѣдомленія; впрочемъ, не надѣюсь много помочь имъ, то-есть, избавить ихъ отъ пошлинъ, если пошлины будутъ слѣдовать.

Ничего новаго по дѣлу Гагарина не знаю, но общее мнѣніе здѣсь за нихъ и противъ алчности доносителя. По газетамъ видно, что одиннадцать іезуитовъ отправились изъ Гавра въ южную Америку. Можетъ быть, и Ксаверій въ этомъ числѣ.

Не помню того, что я писалъ тебѣ о Карамзинѣ и Гизо. Но, вѣроятно, я ихъ не сравнивалъ или худо выразился, то-есть, не сравнивалъ ихъ характеровъ, а развѣ противопоставлялъ одного другому. Я взялъ эти два имени, какъ имена почти современныя, чтобы доказать, что по различію обстоятельствъ и порядка вещей можно быть представителемъ совершенно разнородныхъ мнѣній политическихъ и, не смотря на то, быть полезнымъ, нужнымъ и благотворнымъ въ кругѣ дѣйствія своего; что теорія одно, а практика другое; что Карамзинъ легко могъ бы быть во Франціи ходатаемъ и проповѣдникомъ такъ-называемыхъ конституціонныхъ понятій, а Гизо на мѣстѣ Карамзина—ходатаемъ и заступникомъ такъ-называемаго самодержавія. Дѣло въ томъ, что вы, сколько васъ ни есть, все и всѣхъ подчиняете одной политической формѣ и далѣе этого ничего не видите, а главное, существенное—именно *далѣе*, именно внѣ этой формы, которая сама по себѣ безплодна. Вы вѣруете неограниченно въ осуществительную силу, въ воплощеніе слова и

вѣчно гоняетесь за словами. Конечно, крѣпостное состояніе есть во многихъ отношеніяхъ зло, а освобожденіе—прекрасная цѣль; но почеркомъ пера вымарать первое слово изъ гражданскаго словаря и золотомъ вырѣзать на мѣсто его другое—ничего не значитъ, то-есть, совершенно недостаточно. Посмотри на Лифляндію: тамъ ваша любимая мечта осуществилась; но спроси у крестьянъ, легче ли имъ, особенно при неурожаѣ? Посмотри на Ирландію, гдѣ нѣсколько милліоновъ умираютъ съ голода. У насъ, когда неурожай, помѣщики, худо или хорошо, но кормятъ крестьянъ. Правительство выдаетъ деньги, открываетъ порты для безпошлиннаго привоза хлѣба; а англійское правительство, которое во многихъ отношеніяхъ высшее и образованнѣйшее, на вопли голодныхъ ирландцевъ отвѣчаетъ, что вышлетъ имъ химиковъ и другихъ ученыхъ, чтобы изучить болѣзнь картофеля. И что всего важнѣе, у насъ кормятъ голодныхъ и помогаютъ имъ не случайно, не изъ чувствъ человѣколюбія, а по необходимости, въ силу вещей, въ неминуемое слѣдствіе существующаго порядка. Спроси у ирландцевъ, спроси у совѣсти своей, у здраваго разсудка своего, а не у духа системы и теорій, чѣмъ лучше быть: ирландскими крестьянами или русскими? Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ, что рабство есть лучшее состояніе; но слѣдуетъ, что и свобода не есть универсальное лѣкарство. И когда, въ какое время стремитесь вы прибѣгнуть къ этому, по вашему мнѣнію, единственному средству? Когда вся Европа болѣе или менѣе страждетъ отъ язвы пролетерства, и всѣ добросовѣстные и глубокомысленные умы озабочены опасеніемъ бѣдствій, которыя она неминуемо навлечетъ на все общественное устройство. А вы при этихъ явленіяхъ чего хотите, чего просите? Напустить на Россію десять милліоновъ пролетеровъ. Съ тѣмъ, что сказано о Карамзинѣ, я также совершенно не согласенъ, да и нѣтъ въ томъ логики. Если у Карамзина была *душа*, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ писалъ „Исторію" по убѣжденію этой души и ума своего; иначе онъ былъ бы не только не Гизо, но былъ бы Булгаринъ. Карамзинъ могъ *уронить себя въ исторіи* только въ глазахъ тѣхъ, которые одностороннимъ образомъ мыслей прилѣпились къ одной идеѣ, и то политической, одностороннѣйшей идеѣ изъ всѣхъ одностороннихъ идей. Все это,

то-есть, всѣ эти заблужденія происходятъ все отъ того же идолопоклонства словамъ. Богъ не передалъ людскимъ словамъ силу своего слова. Человѣкъ, какъ ни кричи: „Да будетъ!“ но свѣта отъ этого не прибудетъ даже на сальный огарокъ.

Екатерина Андреевна вчера пріѣхала, но я ея еще не видалъ. Сербиновичу передалъ я твое нетерпѣніе. Государя ожидаютъ сюда къ Рождеству.

Не сердись на меня и дай себя обнять не *словомъ*, а дѣломъ.

Цѣна 3 рубля.

Цѣна 3 рубля.

3 2044 009 827 700

